

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

«Потерянный» Титулярник

Русско-турецкая война 1686—1700 гг.

Россия и Европа в царствование Елизаветы Петровны

*Русские представители при германском рейхстаге
в 1760—1790-е гг.*

*Антарктида в планах русских путешественников
в 1819—1821 гг.*

Структуры и руководители

Министерства иностранных дел Российской империи

*Военные агенты России в Лондоне
в 1875—1885 гг.*

Внешняя политика Советского государства в 1917—1939 гг.

Н.С. Киняпина — исследователь и педагог

Саммит в Рейкьявике: прорыв в провал?

Как студентов отдавали в солдаты

Обсуждаем книгу

Г.М. Иванова

Советская школа в 1950—1960-е годы

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА
ГАУН-ПРЕСС

6
ноябрь
декабрь
2020

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков,
Е.А. Тюрина, У. Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина,
С.В. Журавлёв, В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: П.Н. Филонов. Запад и Восток (1912—1913)

© Российская академия наук, 2020

© ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2020

© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2020

Из истории внешней политики Советского Союза

Формирование внешней политики Советского государства в 1917—1939 гг.

Ирина Хормач

Development of the foreign policy of the Soviet state 1917—1939

Irina Khormach

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012927-0

В 1917—1939 гг. определялись, уточнялись и даже в корне изменялись цели, задачи, основные направления, стратегия и тактика внешней политики Советского государства. Этот период по своей напряжённости стал особым в мировой истории и в истории нашей страны. Множество потрясений и изменений за 20 лет — революции, локальные войны, приход к власти нацифашистских и милитаристских режимов, экономические и политические кризисы — повлияли на всю систему международных отношений.

Особенно тяжёлым оказалось положение Советской России. На её долю выпали не только последовавшая за Первой мировой войной разруха, но и проблемы, связанные с революциями, международной изоляцией, созданием своей внешней политики, начиная от планов организации мировой революции, отрицания возможности контактов с буржуазными странами и заканчивая поиском баланса между идеологией и прагматизмом, установлением всесторонних отношений с крупнейшими державами и всем мировым сообществом. Опыт тех десятилетий применим и сегодня как в отношении потенциальных союзников, так и противостоящего лагеря: те же санкции, та же блокада, изоляция, пиратство, несовместимость целей и задач, хотя и на новом уровне.

Комплекс проблем, связанных с внешней политикой Советского государства в межвоенный период, весьма обширен. Цель статьи — показать основные этапы её формирования, переоценку характера задач в 1917—1939 гг., не затрагивая отношений Москвы с Коминтерном.

При системном анализе внешней политики Советского государства, отражающей и черты преемственности, и появление новых тенденций в дипломатии Кремля, использованы труды исследователей данной проблематики, а также обширная источниковая база. Это многотомные издания дипломатических документов СССР и других стран¹, содержащие официальную переписку с иностранными государствами, важнейшие документы по подготовке конференций, отчёты дипломатов, материалы самих конференций и др. Ценными для исследователей являются документы, хранящиеся в РГАЭ, ГА РФ, РГАСПИ и

© 2020 г. И.А. Хормач

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 2—22. М., 1958—1992; Documents on British Foreign Policy. 1919—1939; United States Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States; Documents diplomatiques français; Версальский мирный договор. НКВД. М., 1925; Генуэзская конференция 1922. Материалы и документы. М., 1922 (далее — Материалы Генуэзской конференции); Гагская конференция, июнь—июль 1922. Собрание документов. М., 1922; и др.

АВП РФ (фонды Политбюро, Г.В. Чичерина, М.М. Литвинова, Договорно-правового отдела, конференций, Лиги наций, референтур европейских стран). Благодаря этим источникам можно проследить формирование основных направлений международной политики, проанализировать отношение советского руководства к изменениям в мире, политике других держав и к заключавшимся договорам и конвенциям. Существенный интерес представляют мемуары и труды крупнейших политических деятелей, имевших непосредственное отношение к событиям тех лет².

В обобщающих трудах прослеживаются основные направления деятельности советской дипломатии, тенденции развития международной обстановки³. Различные аспекты названной темы рассмотрены отечественными и зарубежными учёными. Следует особо отметить достижения исследователей в изучении внешней политики СССР после открытия архивов в начале 1990-х гг.⁴ Были также подготовлены серии сборников документов по международным отношениям, вводящие в научный оборот уникальные материалы⁵. Некоторые вопросы (например, заключение Брестского мира, создание системы коллективной безопасности, поиски союзников в канун Второй мировой войны) рассматривались многократно, причём исследователи приходили к неоднозначным вы-

² *Bullitt W.C. The Bullitt Mission to Russia. N.Y., 1919; What Really Happened at Paris: the Story of the Peace Conference by American Delegates. 1918—1919. N.Y., 1921; Берти [Ф.] За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919 / Пер. и примеч. Е.С. Берловича. М.; Л., 1927; Tardieu A. La paix. P., 1921; Черчилль У. Мировой кризис. М., 1932; Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. V, VI. М., 1938; Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1—2. М., 1957; Архив полковника Хауза. Т. IV. М., 1944; Марескотти Альдрованди Л. Дипломатическая война. М., 1944; Никольсон Г. Как делался мир в 1919 году. М., 1945; The Papers of Woodrow Wilson / Ed. A.S. Link. Vol. 45. Princeton, 1984; Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961; Додд У.Э. Дневник посла Додда. 1933—1938. М., 2005; и др.*

³ *История дипломатии. Т. 3. М., 1965; История войны на Тихом океане. В 5 т. Т. 2. М., 1957; История внешней политики СССР 1917—1980. В 2 т. Изд. 4. М., 1981; История международных отношений и внешней политики СССР. В 3 т. М., 1986—1987; Всемирная история. Т. 9. М., 1962; Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1939 гг. М., 2011; Первая мировая война, Версальская система и современность / Отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. СПб., 2012; Сиполс В.Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974; Европа между миром и войной 1918—1939. М., 1992; Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. М., 1961; и др.*

⁴ *Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917—1933 гг. М., 2004; Россия и Черноморские проливы (XVIII—XX столетия). М., 1999; Российская геополитика XX в. Преемственность и противоречия. М., 2013; Карлей М.Дж. 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. М., 2005; Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939—1941 гг. (Документы. Факты. Суждения). Изд. 3. М., 2008; Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917—1930) и капиталистический мир. СПб., 2002; Хормач И.А. СССР в Лиге наций 1934—1939 гг. М.; СПб., 2017; и др.*

⁵ *Документы внешней политики. Т. 22—24. М., 1992—2000; Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990; Москва — Рим. Политика и дипломатия Кремля, 1920—1939. Сборник документов / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2002; Москва — Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921—1931. Сборник документов. В 2 кн. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2007; Москва — Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля, 1921—1941. Сборник документов. В 3 т. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2009; Москва — Берлин. Политика и дипломатия Кремля, 1920—1941. Сборник документов. В 3 т. М., 2011; Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис, 1939—1940 гг. Сборник документов / Сост. Н.Н. Кабанов, А.Р. Дюков, В.В. Симиндей. М., 2019; Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия, 1932—1941. Сборник документов / Отв. ред. С.В. Кудряшов. М., 2019; и др.*

водам, о чём свидетельствуют их острополемические статьи и выступления на конференциях⁶.

Многие историки ставили задачу «отойти от сложившихся за десятилетия в советской историографии стереотипов в исследовании и изложении прошлого опыта международной политики Советского государства», показать связи его внешней политики с внутренней⁷.

В 1920—1930-х гг. цели, стоявшие перед советской дипломатией, менялись в зависимости от внутреннего положения страны и международной обстановки. Уже во время Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. (которая подвела итоги войны в соответствии с новой расстановкой сил на мировой арене), несмотря на отказ советского правительства признавать международные договоры буржуазных стран, были сделаны попытки заявить об особой внешнеполитической программе РСФСР. Инициативы Кремля показали его заинтересованность в сотрудничестве со странами Антанты при создании Версальско-Вашингтонской системы, определении в ней места Советской России и повлияли на отношение к ней союзников⁸.

На первом этапе становления государства — в годы Гражданской войны и интервенции — РСФСР вела борьбу против вторжения иностранных войск на её территорию не только военными, но и дипломатическими средствами, затрудняя объединение империалистических держав в антисоветской борьбе, искала возможности мирного урегулирования отношений с отдельными странами.

Важнейшей задачей в тот период стал прорыв дипломатической и экономической блокады. Для этого использовались обращения советского правительства к народам мира и деловым кругам других стран с предложениями прекратить войну, установить отношения с РСФСР, выражалась готовность пойти на некоторые уступки в спорных вопросах⁹.

Указанные послания в определённой степени содействовали ослаблению единого антисоветского фронта и в результате стали одним из факторов постепенного перехода ряда европейских стран на позицию установления деловых контактов с Советской республикой. Немалую роль в прекращении интервенции сыграло мощное протестное движение трудящихся под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» и подъём весной 1919 г. рабочего движения в ряде стран Европы, особенно во Франции, Великобритании и Италии.

Но самым результативным шагом советской дипломатии в ослаблении антисоветского курса большинства европейских стран стало использование их заинтересованности в возвращении России на мировой рынок и в возрождении нарушенных войной экономических связей. В этом испытывала необходимость и РСФСР, для которой внешняя торговля имела большое значение: требова-

⁶ См.: «Завтра может быть уже поздно...». Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009; История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5—7 декабря 2008 г. М., 2011; и др.

⁷ Шишкин В.А. Цена признания и страны Запада в поисках компромисса (1924—1929 гг.). СПб., 1991. С. 3.

⁸ Хормач И.А. Россия и Парижская мирная конференция // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 84—113.

⁹ История дипломатии. Т. 3. С. 169.

лось восстановить народное хозяйство, снабдить страну необходимыми промышленными товарами и продовольствием¹⁰.

Уже 4 июля 1918 г. на V съезде Советов нарком иностранных дел Г.В. Чичерин заявил, что одной из важнейших задач Советского государства является возобновление его торговых отношений с Центральными державами и странами Антанты¹¹.

Однако попытки начать переговоры об экономическом сотрудничестве со странами Запада были безуспешны до конца 1919 г., пока победы Красной армии на фронтах Гражданской войны, консолидация советской власти, провал интервенции и экономический кризис не привели к изменениям в политике этих государств. Только после принятия VII съездом Советов 5 декабря 1919 г. резолюции, в которой в очередной раз Англии, Франции, Италии, Японии и США предлагалось приступить к переговорам о мире¹², английское правительство решилось пересмотреть политику в отношении России, и в Копенгагене начались англо-советские переговоры об обмене военнопленными. Затем парламент Италии обязал своё правительство потребовать в Совете Антанты окончания блокады и возобновления дипломатических и торговых отношений со всеми правительствами, возникшими в результате распада Российской империи¹³.

16 января 1920 г. Верховный Совет Антанты снял блокаду и разрешил обмен товарами «между русским народом и союзными и нейтральными странами» через кооперативные организации¹⁴. Председатель СНК РСФСР В.И. Ленин оценил этот шаг как возможность для России перейти от войны, которую ей навязали капиталистические правительства Антанты, к мирному строительству¹⁵.

Уже 2 февраля 1920 г. с Эстонией был подписан мирный, а 31 марта торговый договор; 12 июля — мирный договор с Чехословакией; 11 августа — с Латвией; 14 октября — с Финляндией. Страны Антанты поддерживали действия белополяков против РСФСР (апрель 1920 г.), но кольцо «санитарного кордона» уже было разорвано, а западные политики и финансово-промышленные круги признали, что без ресурсов Советской России будет трудно восстановить пострадавшую во время войны экономику Европы. Во время советско-польской войны в торговые переговоры с Москвой вступило английское правительство, а затем и другие страны.

Это были первые, но очень важные шаги — для восстановления промышленности, сельского хозяйства, транспорта, а затем для осуществления плана ГОЭЛРО стране требовались промышленные товары, кредиты, техническая помощь из-за рубежа.

¹⁰ Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Л., 1969; Шишкин В.А. «Полоса признаний» и внешнеэкономическая политика СССР. 1924—1928 гг. Л., 1983; Шишкин В.А. Цена признания...; Шишкин В.А. Власть, политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917—1928 гг.). СПб., 1997.

¹¹ Чичерин Г.В. Указ. соч. С. 48.

¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 197.

¹³ СССР — Италия. Страницы истории. Документы и материалы. М., 1985. С. 12.

¹⁴ Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 3. Вып. 2. М., 1929. С. 1.

¹⁵ Ответы на вопросы корреспондента английской газеты «Daily Express». 18 февраля 1920 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 40. М., 1974. С. 148.

25 марта 1920 г. СНК РСФСР назначил члена Коллегии НКВД М.М. Литвинова уполномоченным Советской России для предварительного обсуждения условий мира с представителями правительств Англии, США, Бельгии, Италии, Франции и Японии. Литвинов вошёл в состав делегации Центросоюза под руководством Л.Б. Красина, направленной в Копенгаген для переговоров с уполномоченными Верховного Совета Антанты и заграничными кооперативными организациями о заключении торговых соглашений и нормализации политических отношений с капиталистическими странами. За полгода удалось обсудить некоторые экономические вопросы с английскими и французскими представителями¹⁶, а с итальянской делегацией были подписаны соглашения о торговле через кооперативы и об обмене военнопленными¹⁷. Затем в Лондон была направлена торговая делегация во главе с Красиным, а торговым представителем в Риме был назначен В.В. Воровский. Переговоры шли с трудом, и ситуация изменилась только после окончательной победы РСФСР над внешними врагами¹⁸. Капиталистические страны, потеряв надежду на реставрацию капитализма в Советской России военными средствами, вынуждены были устанавливать с ней отношения на основе взаимного невмешательства во внутренние дела и экономического сотрудничества. В Москве также взяли курс на мирное — пока временное — сосуществование с капиталистическими странами.

Это стало новой фазой внешней политики Кремля, причём сначала речь шла только о получении некоторого количества самых необходимых товаров, и ещё не была разработана система торгового взаимодействия с другими странами. Положение изменилось 14 марта 1921 г., когда на X съезде РКП(б) советское руководство приняло решение о переходе к новой экономической политике, предполагавшей возрождение частного предпринимательства и рыночных отношений, а также заявило о необходимости использования иностранного оборудования и капитала. В докладе 15 марта Каменев отметил, что надежды на социалистическую революцию в Западной Европе и связанную с ней помощь пока не оправдываются, и придётся существовать в условиях изоляции. По его предложению была принята резолюция «Советская Россия в капиталистическом окружении», в которой констатировались провал иностранной интервенции и наметившееся со стороны капиталистических стран стремление к возобновлению торговли с РСФСР. В этой связи съезд одобрил курс на установление экономических отношений с другими государствами на основе торговых договоров, на организацию концессий для поднятия производительных сил страны и на импорт техники и средств производства. В качестве объектов концессий предлагались те отрасли народного хозяйства, которые должны были поднять уровень развития производительных сил Советской России: горное и нефтяное дело, электрификация и т.п.¹⁹

В тот же период руководство РСФСР подписало равноправные политические договоры с правительствами восточных стран (Иран, Афганистан,

¹⁶ Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада... С. 160.

¹⁷ Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией. 1917—1924 гг. М., 1993. С. 41—43.

¹⁸ 18 марта 1921 г. был подписан мирный договор между РСФСР и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой; на Дальнем Востоке продолжалась японская оккупация до октября 1922 г., на Сахалине — до 1925 г.

¹⁹ Десятый съезд Российской Коммунистической партии. Стенографический отчёт. М., 1921. С. 328—329.

Турция, Монгольская Народная Республика). Одновременно Советское государство заключило временные торговые соглашения с западными странами (Великобританией, Германией, Норвегией, Италией, Австрией, Швецией, Чехословакией). Заключённые акты содействовали развитию международной торговли и нормализации двусторонних отношений. Однако со странами Запада это были временные или предварительные соглашения, не подкреплённые признанием де-юре. Перед НКИД была поставлена задача: установить в полном объёме экономические связи с капиталистическими государствами и добиться юридического признания советского правительства. Одним из самых серьёзных препятствий стал отказ Москвы погасить внешние долги царского и Временного правительств, а также компенсировать частным собственникам-иностранцам утрату их имущества, национализированного или погибшего в результате войны и интервенции.

Для решения данной проблемы в свою пользу империалистические державы на конференции в Брюсселе (6—8 октября 1921 г.), созванной для обсуждения положения России в связи с голодом, попытались воспользоваться ситуацией. В качестве условия предоставления помощи они потребовали признания советским правительством всех государственных долгов царской России и возвращения национализированной собственности иностранным подданным²⁰.

28 октября руководство РСФСР вынуждено было заявить о готовности признать обязательства по довоенным государственным займам в случае предоставления условий, обеспечивающих практическую возможность их выполнения, а также предложило рассмотреть взаимные претензии на конференции²¹.

Ответ Москвы заинтересовал ряд государственных деятелей европейских стран, которые считали, что участие Советской России необходимо для решения экономических проблем, связанных с послевоенным кризисом. Кроме того, они были уверены, что этот шаг в рамках новой экономической политики приведёт к реставрации буржуазного строя в России.

6 января 1922 г. Верховный Совет Антанты принял резолюцию о созыве в Генуе Международной экономической и финансовой конференции с участием Советской России и побеждённых стран для обсуждения экономического восстановления Центральной и Восточной Европы. Среди условий сотрудничества были названы возврат иностранной собственности и признание долгов прежних российских правительств в качестве предпосылок предоставления РСФСР кредитов, но одновременно провозглашалось равноправие систем собственности и управления²².

Советское правительство согласилось участвовать в Генуэзской конференции, а подготовка к ней под личным контролем Ленина стала очередным этапом в формировании позиций государства в соответствии с изменившимися внутренними условиями — введением нэпа и переходом от противостояния капиталистическому миру к мирному с ним сосуществованию. Был выявлен ущерб страны от Первой мировой войны и интервенции, определена сумма долгов России государствам Европы, разрабатывались планы восстановления народного хозяйства с учётом привлечения иностранного капитала. В программе делегации предусматривалось также заключение отдельных торговых со-

²⁰ Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Ser. 1. Vol. 20. L., 1976. P. IX.

²¹ Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. С. 445—448.

²² Материалы Генуэзской конференции. С. 3—10.

глашений с западными странами²³. В новой обстановке готовилась правовая основа регулирования внешней торговли, объявленной государственной монополией ещё в апреле 1918 г., а в декабре 1919 г. был создан Наркомат внешней торговли²⁴, но его функции ВЦИК определил только 13 марта 1922 г.²⁵

По замыслу СНК и его председателя Ленина, новая форма товарообмена должна была предохранить экономику страны от крупных убытков; опираясь на концессии как средство привлечения иностранных капиталов и научно-технический опыт, имелась возможность ускорить восстановление народного хозяйства²⁶.

В советском руководстве не все разделяли эту линию: «против» выступили Н.И. Бухарин, Г.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, В.Г. Громан и некоторые другие²⁷. Однако монополию внешней торговли удалось отстоять. Под её лозунгом провели Генуэзскую и Гаагскую конференции, а в декабре 1922 г. пленум ЦК и XII съезд партии подтвердили неизбежность избранного курса. Это был смелый шаг, но плохо предсказуемый в плане экономического эффекта для народного хозяйства РСФСР из-за установления жёсткого диктата административных органов над советской внешней торговлей.

В последующие годы против монополии внешней торговли выступила троцкистско-зиновьевская оппозиция, ряд специалистов Наркомата внешней торговли. После высылки Л.Д. Троцкого и разгрома «новой оппозиции» дискуссия прекратилась²⁸, но монополия внешней торговли как особое явление деятельности Советского государства до сих пор привлекает внимание историков и экономистов. По мнению В.Ю. Катасонова, монополия внешней торговли не имела прецедентов в мировой истории: государство стало единым и единственным участником торгово-экономических отношений, выступая в качестве посредника и буфера между субъектами внутренней экономики и зарубежными компаниями и подчиняя внешнюю торговлю решению задач социалистического строительства²⁹.

В 1929—1940-х гг. в СССР построили около 9 тыс. предприятий, большая часть которых, действительно, благодаря проведению курса монополии внешней торговли была оснащена импортными машинами и оборудованием. Однако её организацию критикуют некоторые современные экономисты за отсутствие либерализма как нерациональный способ регулирования экономики, при котором процветали коррупция и патернализм в сочетании с неэффективностью системы регулирования³⁰. Это отчасти справедливо, но большинство исследователей сходятся во мнении, что в тот период монополия внешней торговли была оправданна.

Западные страны, негативно относившиеся к лишавшей их значительных преимуществ советской форме торговли, со временем признали её. В восстановительный период Советское государство, подписав более 40 экономических

²³ Галин В.В. Тенденции. Интервенция и гражданская война. М., 2004. С. 192, 111.

²⁴ История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1981. С. 41—42.

²⁵ Собрание законов и распоряжений Советского правительства. М., 1922. 18 апреля 1922 г. С. 399—400.

²⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 338—339.

²⁷ Там же. С. 186.

²⁸ Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. М., 2014. С. 189—191.

²⁹ Там же. С. 180—181.

³⁰ Буглай В.Б., Ливенцев Н.Н. Международные экономические отношения. Учебное пособие. М., 1998.

договоров с более чем 20 странами, создало систему государственных равноправных торговых соглашений³¹.

Перед Генуэзской конференцией были уточнены позиции Москвы и в отношении мировой революции. Поскольку она наступит позднее, заявил Чичерин 23 февраля при обсуждении проекта декларации советской делегации, то ближайшей задачей становится экономическое восстановление страны, причём с помощью западных государств³².

Чтобы не оттолкнуть представителей делового мира, 24 февраля Ленин в проекте постановления «О задачах советской делегации в Генуе» предложил ограничиться «самым общим указанием» на коммунистические взгляды руководства страны и подчеркнуть, что цель делегации — заключить торговое (по возможности и политическое) соглашение с пацифистской частью буржуазного лагеря, чтобы «расколоть враждебные силы»³³.

В советской обобщённой программе-максимум говорилось о возможности сосуществования разных социально-политических систем, необходимости сокращения вооружений и всеобщего разоружения, принятия мер по укреплению мира в Европе. Тем не менее в подготовленной Политбюро ЦК инструкции делегации предписывалось сосредоточиться на решении вопроса о кредитах и долгах³⁴. Реализовать это оказалось непросто, так как Россия ставилась в положение побеждённой страны, а вопрос о средствах её восстановления не затрагивался³⁵. Вместе с тем англо-итальянская группировка была готова на определённые компромиссы ради установления деловых связей с РСФСР.

Генуэзская конференция (10 апреля — 19 мая 1922 г.) стала ареной первых широких контактов Советского государства с представителями 28 стран, а также их банковских, финансовых и промышленных кругов. В декларациях и союзники, и советские делегаты делали акцент на пунктах, способствовавших сближению их позиций³⁶. Однако, когда программы были противопоставлены (западные страны пытались навязать РСФСР режим капитуляций, уплату 18 млрд золотых руб., реституцию национализированных предприятий, а советская делегация выставила контрпретензии за ущерб от интервенции и блокады в сумме 39 млрд золотых руб.), даже предложение Чичерина возместить убытки путём предоставления концессий не позволило выработать согласительную формулу. Вместе с тем для Советской России событием огромной политической важности стало заключение во время конференции (16 апреля) политического договора с Германией³⁷, подрывавшего единый фронт капиталистических государств.

Ситуацией воспользовалась Италия. Чтобы получить выгодный рынок сбыта и сырья, она заявила о желании немедленно подписать с РСФСР новый торговый договор. Между тем США требовали обязать всех участников конференции не заключать с Советами никаких сепаратных соглашений до окончания работы Комиссии экспертов в Гааге — по рассмотрению разногласий о долгах, частной собственности и кредитах³⁸.

³¹ Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. С. 183.

³² Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961. С. 95—100.

³³ Ленин В.И. ПСС. Т. 44. М., 1970. С. 404—408.

³⁴ Там же. С. 406.

³⁵ Материалы Генуэзской конференции. С. 92—96, 113—114.

³⁶ Там же. С. 67—71.

³⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 223—224.

³⁸ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 4, л. 68—69; Материалы Генуэзской конференции. С. 256—257.

Учитывая новые возможности, советское правительство дало распоряжение Чичерину добиваться заключения с Италией двустороннего соглашения³⁹, а 14 мая Политбюро направило наркомму телеграмму с директивой «всячески стремиться к сепаратным соглашениям с отдельными странами»⁴⁰.

Хотя компромисс с РСФСР так и не был найден, 19 мая Генуэзская конференция закрылась. Можно согласиться с оценкой Чичерина первой попытки совместного обсуждения мировых проблем: проведение форума без различия систем собственности представленных на нём государств имело большое значение, но отсутствие решимости обеих сторон обратиться к новым подходам не позволило на намеченном уровне справиться с проблемой экономического восстановления Европы с участием России⁴¹.

В результате финансово-экономические проблемы стали обсуждаться по частям с отдельными странами, но для Советского государства Генуэзская конференция явилась одним из важных этапов в нормализации взаимоотношений с отдельными государствами и с капиталистическим миром в целом.

Генуэзская конференция стала объектом изучения многих исследователей, которые рассматривали как инициативы РСФСР и союзников⁴², так и проблемы, связанные с заключением Рапалльского договора⁴³. Значительно меньше внимания уделялось вопросам разработки советской программы и деятельности объединённой делегации, а также Гагской конференции экспертов (15 июня — 20 июля 1922 г.). Её очень кратко затрагивали авторы фундаментальных трудов по истории внешней политики СССР и международных отношений, несколько подробнее освещали свидетели и участники происходивших событий⁴⁴. Между тем конференция в Гааге стала самостоятельным этапом в отношениях Советского государства с капиталистическим миром, существенно повлияв на позиции частных предпринимателей, банкиров, крупных промышленных и транспортных компаний. Камнем преткновения на ней стал вопрос о компенсации частной собственности, от решения которого зависела работа

³⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М., 1970. С. 183, 185. 24 мая 1922 г. Италия подписала с РСФСР новое торговое соглашение с соблюдением дипломатического этикета, но ВЦИК не счёл возможным его ратифицировать, учитывая, что почти все привилегии, предоставленные Италии, распространялись бы и на другие государства (См.: Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 383, 386, 458).

⁴⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 187.

⁴¹ Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 410—411.

⁴² Штейн Б.Е. Генуэзская конференция. М., 1922; Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг. М., 1953; Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция. Воспоминания участников. М., 1963; Лопатин В.Ф. Провал антисоветских планов США. Генуя — Гаага. 1922. М., 1963; Сонкин М.Е. Ключи от бронированных комнат. М., 1970; La conferenza di Genova ed il trattato di Rapallo 1922. Roma, 1974; Шишкин В.А. Ленин и внешняя политика Советского государства (1917—1925). Л., 1977; Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana: Le relazioni italo-sovietiche 1917—1925. Roma; Bari, 1982; Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией...; Нежинский Л.Н. В интересах народа...; и др.

⁴³ Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М., 1990; Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва — Берлин, 1920—1933 гг. (Военно-политические отношения СССР — Германия). М., 2001; Павлов Н.В. Внешняя политика Веймарской республики (1919—1932) (URL: // MGIMO.ru. 2011. Октябрь; <http://www.mgimo.ru/files/210929/Weimar.pdf>); и др.

⁴⁴ История дипломатии. Т. 3; История внешней политики СССР 1917—1980. Т. 1; Штейн Б.Е. Гагская конференция. М., 1922; Майский И.М. Советская Россия и капиталистический мир (Гагская конференция). М., 1922; Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика Советского государства...; Лопатин В.Ф. Провал антисоветских планов США...; Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования. М., 1963; и др.

подкомиссии кредитов и долгов. Гагская конференция поставленных проблем не решила, но единый фронт империалистических держав существовать перестал.

Провал попыток достижения общего договора с Советской Россией подтолкнул правительства некоторых государств заключить с ней сепаратные соглашения. Несмотря на принятую Гагской конференцией 20 июля 1922 г. резолюцию (которая обязала все участвовавшие в форуме правительства не поддерживать своих подданных в их попытках приобретения в России ранее принадлежавшего иностранным подданным имущества без согласия их бывших владельцев, концессионеров и соответствующих правительств⁴⁵), осенью—зимой того же года СНК получил 200 заявок на концессии, а к 1924 г. их число превысило 1 тыс., причём лишь небольшая часть принадлежала бывшим владельцам предприятий⁴⁶. В тот период расширились двусторонние экономические связи РСФСР, стал всё чаще подниматься вопрос о её окончательном признании. Именно 1922 г. нарком внешней торговли Л.Б. Красин назвал годом начала собственно торговли Советской России. По сравнению с 1920 г. её внешнеторговый оборот возрос почти в 12 раз и достиг 3 514 млн руб.⁴⁷

В течение 1923—1929 гг. СССР заключил более 30 различных межгосударственных соглашений и договоров. Вопросам развития его двусторонних отношений в межвоенный период (в частности, различным аспектам политических, экономических, военных и культурных связей Советского Союза со странами разных континентов) посвящено значительное количество исследований⁴⁸. Однако в них очень редко упоминается другая, не менее важная сторона работы советской дипломатии.

Чтобы обеспечить достойное положение СССР, задолго до его формального возвращения в ряды великих держав НКВД использовал возможность ознакомиться на конференциях делегации всего мира с советскими предложениями. А именно: о советской внешнеполитической программе, решении различных

⁴⁵ Гагская конференция, июнь—июль 1922. С. 200.

⁴⁶ Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией... С. 113.

⁴⁷ Внешняя торговля Союза Советских Социалистических Республик за период 1918—1927/28 гг. Статистический обзор. М.; Л., 1931. С. XVII.

⁴⁸ Ullman R.H. Anglo-soviet relations, 1917—1921. Intervention and the war. New Jersey, 1961; Борисов Ю.В. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М., 1964; Волков Ф.Д. СССР — Англия. 1929—1945. М., 1964; Фураев В.К. Советско-американские отношения. 1917—1939. М., 1964; Попов В.И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.). М., 1965; Balawyder A. Canadian-Soviet Relations Between the World Wars. Toronto, 1972; Ахтамзян А.А. Рапальская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922—1932 гг. М., 1974; Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия 1918—1920. М., 1975; Михутина И.В. Советско-польские отношения, 1931—1935. М., 1977; Шеевяков А.А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. 1932—1939 гг. М., 1977; Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988; Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931—1945 гг. М., 1989; Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией...; Хормач И.А. СССР — Италия. Дипломатические и экономические отношения. 1924—1939. М., 1995; Чельшев И.А. СССР — Франция: трудные годы 1938—1941. М., 1999; Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931—1945 гг. М., 2001; Рупасов А.И. Советско-финляндские отношения. Середина 1920 — начало 1930-х гг. СПб., 2001; Севостьянов А.Г. Москва — Вашингтон. Дипломатические отношения. 1922—1936 гг. М., 2002; Кен О.Н., Рупасов А.И., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. 1930—1950-е годы. М., 2005; Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918—1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019; Смолин А.В. «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. СПб., 2020; и др.

международных проблем, а также о возможных контактах с государственными и политическими деятелями, представителями деловых кругов, общественных организаций и прессы. Таким образом, практические задачи реализовывались на «полях дипломатических сражений» не менее продуктивно, чем при двусторонних контактах. Это было особенно важно в период, когда всего несколько государств готовились вести переговоры с советскими представителями о заключении отдельных торговых сделок, не допуская даже мысли о перспективах развития политических отношений.

НКВД успешно дополнил свои стратегию и тактику комплексами мероприятий. Они были связаны с проведением регулярно созываемых в 1920—1930-х гг. различных международных конференций (официальные и неформальные встречи и переговоры во время форумов, подготовка и пропаганда различных политических, военных и экономических программ) для привлечения к установлению разносторонних связей государственных деятелей, банкиров и глав крупнейших производственных объединений. Так, экономические конференции 1927 и 1933 гг., содействовавшие развитию интеграционных процессов, открывали возможность СССР развивать многоплановое финансово-экономическое сотрудничество с государствами другой социально-политической системы, создавая прочную основу для политических связей и вступления в Лигу наций. Советская дипломатия достигла успеха и на форумах, посвящённых решению проблем защиты здоровья, борьбы с распространением наркотиков, развития транспорта, связи и др. Здесь работа делегаций Советского Союза была более конкретной⁴⁹.

Конференции по разоружению⁵⁰, несмотря на неоднозначность самой проблемы ограничения вооружений и разоружения, имели особое военное и стратегическое значение для Советского государства, поэтому стали отдельной статьёй в его внешней политике⁵¹. Благодаря участию в международных форумах страна не только получила возможность для поиска путей обеспечения безопасности и сокращения расходов на вооружение в течение многих лет, но и использовала одну из самых представительных трибун для пропаганды принципов советской государственности и политики. В то же время конференции побуждали руководство СССР примириться с существованием Лиги наций и включиться в совместную работу в области ограничения вооружений и разору-

⁴⁹ См.: *Хормач И.А.* Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919—1934 гг. М., 2011.

⁵⁰ Римская конференция по сокращению морских вооружений 1924 г.; Подготовительная комиссия Международной конференции по разоружению (1925—1930) и Конференция по разоружению и ограничению вооружений (1932—1934).

⁵¹ *Fisher L.* The Soviets in World Affairs: A History of Relations Between the Soviet Union and the Rest of the World, 1917—1929. Princeton (NJ), 1951; *Хайцман В.М.* СССР и проблема разоружения (Между первой и второй мировыми войнами). М., 1959; *Борисов Ю.В.* Советско-французские отношения и безопасность Европы. М., 1960; *Shannon D.A.* Between the Wars: America, 1919—1941. Boston, 1965; *Taylor A.J.P.* The Origins of the Second World War. L., 1970; *Синолс В.Я.* Советский Союз в борьбе за мир...; *Белоусова З.С.* Франция и европейская безопасность. М., 1976; *Varièty J.* Les relations franco-allemandes après la première guerre mondiale. P., 1977; *The Origins of the Second World War Reconsidered: A.J.P. Taylor and the Historians / Ed. by G. Martel.* L., 1986; Европа между миром и войной 1918—1939. М., 1992; *Чубарьян А.О.* «Бриановская» Европа // *Метаморфозы Европы.* М., 1993; *France's Foreign and Defense Policy, 1918—1940. The decline and fall of a Great Power / Ed. by R. Boyce.* L., 1998; *Хормач И.А.* Римская конференция 1924 г. // *Труды Института российской истории.* Вып. 10. М., 2012. С. 445—465; и др.

жения⁵². Затем страна вступила в Лигу, поскольку советское правительство рассматривало межгосударственное многостороннее сотрудничество прежде всего как кардинальное направление политики мирного сосуществования⁵³.

Первая половина 1930-х гг. была чрезвычайно сложным периодом. С одной стороны, обсуждался вопрос о возможности сокращения вооружений, с другой — шло перевооружение армий, создавались военно-политические блоки, делившие Европу и весь мир на вооружённые лагеря. Фактически заявление Германии 20 октября 1933 г. о выходе из Лиги наций, прекращение деятельности Международной конференции по разоружению в 1934 г. и начало открытой ремилитаризации Германии 16 марта 1935 г. означали конец послевоенного мира. Началась подготовка ко Второй мировой войне. В связи с этим Конференция по разоружению завершилась, не приняв соответствующей конвенции. Ни один из участников форума в тот тревожный период не был заинтересован в разоружении, а Советский Союз принял приглашение вступить в Лигу наций на правах великой державы, положив начало новой фазе своей внешней политики. Вместе с тем оживление реваншистских тенденций в ряде государств усилили его стремление не только полноценно сотрудничать с международным сообществом, но и обеспечить свою безопасность путём создания двусторонних и региональных пактов о взаимопомощи.

29 июня 1934 г. в интервью французскому журналисту Ж. Зауэрвейну Литвинов заявил, что любая конвенция о разоружении рассчитана только на мирное время. Воюющие государства будут свободны от всяких обязательств и смогут увеличивать свои вооружения без ограничений. Разоружение, как оно мыслилось в Женеве, по мнению Литвинова, не могло считаться гарантией безопасности, а двусторонние пакты о ненападении не всегда служили целям мира. Только региональные пакты о взаимопомощи могли оказать сдерживающее действие на развитие агрессии⁵⁴.

На этом этапе Советский Союз значительно укрепил свои позиции на международной арене. Так, переговоры о заключении Восточного пакта (весна—лето 1934 г.), вступление в Лигу наций (сентябрь 1934 г.), активная, направленная на борьбу с агрессией деятельность советских представителей в Лиге наций вывели страну на уровень великих держав — без её голоса не мог быть решён ни один важный вопрос.

Эти изменения проявились и в период обсуждения локальных международных конфликтов в Лиге наций (Итало-эфиопская война, гражданская война в Испании и др.), когда стали сильнее проявляться не только лидерские тенденции в предложениях советских представителей, но и признаки изменения отношения СССР к исполнению интернационального долга и поддержке революционных движений. Советское правительство выступало с тщательно проработанными инициативами, направленными на обуздание агрессора (в первом случае Италии, во втором — Италии и Германии, организовавшими интервенцию в поддержку режима генерала Ф. Франко). СССР стремился в первых рядах выполнять требования Устава, но соглашался на применение санкций исключительно наравне со всеми, не принося в жертву интересы го-

⁵² Интервью народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина корреспонденту английской газеты «Манчестер Гардиан». 19 февраля 1926 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 9. С. 113.

⁵³ Ключников Ю.В. Лига наций и разоружение // Международная жизнь. 1925. № 1. С. 85—86.

⁵⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 17. М., 1971. С. 429—430.

сударства. Москва, действия которой были, прежде всего, направлены на обеспечение интересов СССР, рассматривала репрессалии в отношении напавшей на Эфиопию Италии как урок несравненно более сильному и опасному будущему агрессору — Германии⁵⁵.

На конференции в Монтрё (1936), созванной в связи с обострением международной обстановки, благодаря активности советских дипломатов при определении статуса проливов Босфор и Дарданеллы был установлен режим, максимально благоприятный для Советского Союза⁵⁶.

Советское руководство в период внешнеполитического кризиса, связанного с гражданской войной в Испании, пыталось балансировать между стремлением поддержать её революционные силы и выполнением своих международных обязательств. Хотя учёные по-разному оценивают действия Советского Союза и западных держав в данном конфликте⁵⁷, следует отметить, что именно СССР настоял на созыве в 1938 г. Нионской конференции. Она была посвящена борьбе с международным пиратством и принятию мер, которые положили бы конец хищническим налётам итальянских и немецких военных кораблей и подводных лодок на торговые суда многих стран, в том числе СССР.

В преддверии Второй мировой войны, когда сформировалась международная политика СССР как одной из великих держав, советское руководство (как и правительства других государств) уделяло особое внимание поиску возможностей укрепить собственные границы, оттянуть начало войны для своей страны и найти союзников. Этот самый сложный этап, связанный с укреплением и оптимизацией геополитического положения Советского государства, привлекает внимание наибольшего числа исследователей. В течение многих лет не прекращаются дебаты о возможных вариантах развития международной ситуации в случае проведения советским руководством той или иной линии⁵⁸.

⁵⁵ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989. С. 94.

⁵⁶ См.: Хормач И.А. От Лозанны до Монтрё (Советский Союз и проблема Черноморских проливов в 1924—1936 гг.) // Россия и Черноморские проливы...

⁵⁷ Пожарская С.П. Война в Испании и державы «Оси» // Накануне, 1931—1939. М., 1991; Мещеряков М.П. СССР и гражданская война в Испании // Отечественная история. 1993. № 3; Пожарская С.П., Шубин А.В. Гражданская война в Испании и франкизм // Тоталитаризм в Европе XX в. М., 1996; Данилов С.Ю. Гражданская война в Испании (1936—1939). М., 2004; Платошкин Н.П. Гражданская война в Испании 1936—1939. М., 2005; Шубин А.В. Великая испанская революция. М., 2011; Малай В.А. Гражданская война в Испании 1936—1939 годов и Европа. Международные аспекты конфликта. М., 2011; и др.

⁵⁸ Schuman F.L. Night over Europe; the diplomacy of nemesis, 1939—1940. N.Y., 1986; Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер — Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939. М., 1990; Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939—1941. М., 1997; Восточная Европа между Сталиным и Гитлером. 1939—1941. М., 1999; Мельтохов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. М., 2000; Наджафов Д.Г. СССР в послевоенной Европе: октябрь 1938 — март 1939 г. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 80; Орлов А.С. Сталин в преддверии войны. М., 2003; Исаев А. Антисуворов. М., 2004; Карлей М.Дж. 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. М., 2005; Мельтохов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу...; Капитонова Н.К. Политика Великобритании от Мюнхена до пакта Риббентропа — Молотова: от умиротворения к политике гарантий? // Вестник МГИМО-Университета. 2009. С. 81—96; Обичкина Е.О. Французская дипломатия 1938—1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий // «Завтра может быть уже поздно...»... С. 107—108; Случ С.З. Советская внешняя политика (1939 г.) на пути из изоляции в тупик // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5—7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 347—348; Случ С.З. Германия и

Эта тенденция сохраняется, так как, во-первых, рассекречены и изучены далеко не все материалы по данной проблеме; во-вторых, многие учёные России и других стран имеют уже сформировавшееся представление о кануне и начале Второй мировой войны, предлагая всё новые подтверждения своим концепциям и выбирая из огромного количества сведений определённые факты. Как справедливо отмечают составители сборника статей «Мир между войнами», политическая конъюнктура и патриотические соображения стимулируют историков каждой страны переложить ответственность за начало войны на «соседей»⁵⁹. Процесс этот будет продолжаться, содействуя дальнейшему изучению документов и развитию исторической науки.

СССР. 1933—1939. От программной установки до тактической уловки // Славяноведение. 2019. № 5. С. 37—57; и др.

⁵⁹ Мир между войнами. Парадоксы интербеллума. М., 2019. С. 6.

Саммит в Рейкьявике 1986 г.: прорыв или провал?

Александр Пученков

The Reykjavík summit: success or failure?

Aleksandr Puchenkov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870012928-1

11—12 октября 1986 г. в столице Исландии Рейкьявике прошла встреча советского и американского лидеров — М.С. Горбачёва и Р. Рейгана. Прошло уже более 30 лет, но до сих пор её итоги порождают самые противоречивые оценки как в научной и публицистической литературе¹, так и в мемуаристике. Не случайно Горбачёв назвал одну из глав своей недавней книги «Саммит в Рейкьявике. Провал или прорыв?»². Примечательно, что в первом издании воспоминаний он писал о «драме» Рейкьявика, сравнивая её с Чернобылем: «Разного рода драмы... Но по потрясению основ, на которых строился послевоенный мир, они сопоставимы. После Чернобыля мы поняли, в каком мире живём — в каком соотношении с природой, с наукой, чего стоим, о чём должны думать. А после Рейкьявика всем стало ясно, что мир, может быть, на последнем перевале — к спасению рода человеческого или к гибели»³.

Ближайшие сотрудники генерального секретаря отмечали те сложности, с которыми столкнулся Горбачёв, приступая к реализации своего внешнеполитического курса. Г.Х. Шахназаров указывал, что смелые шаги в области разоружения оказались восприняты на Западе даже не в качестве «очередной утопии», а лишь как «пропагандистский трюк» Кремля. Однако «напористая личная дипломатия» Горбачёва «позволила растопить ледяные наносы, образовавшиеся за четыре десятилетия “холодной войны”». Он сумел убедить западных коллег, что Советский Союз не блефует, и с их помощью «расколол самый крепкий орешек — Рейгана»⁴. Шахназаров безусловно положительно оценил итоги советско-американских встреч на высшем уровне. А.С. Черняев, занимавший должность помощника генсека по международным делам и принимавший участие во встрече в Рейкьявике, относился к результатам деятельности патрона более осторожно. Но и он утверждал, что, хотя «формально Рейкьявик вроде сорвался, ничего не получилось», по сути «это был прорыв к новым отношениям»⁵. Л.М. Замятин, занимавший в те годы должность посла в Великобритании, также оценил итоги переговоров положительно. По его словам, хотя «соглашение подписано не было, но взаимопонимание по многим вопросам существовало», и это не могло не внушать определённый оптимизм⁶.

© 2020 г. А.С. Пученков

¹ Так, некоторые авторы пишут даже о «тайне» Рейкьявика, где, дескать, была подготовлена «капитуляция» СССР и его союзников в Восточной Европе (См.: *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 88—101).

² *Горбачёв М.С.* В меняющемся мире. М., 2018. С. 55.

³ *Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы. В двух книгах. Кн. 2. М., 1995. С. 27—28.

⁴ *Шахназаров Г.Х.* С вождями и без них. М., 2001. С. 296.

⁵ «Мы называли его Графом». Памяти Анатолия Сергеевича Черняева. Воспоминания современников, документы, публикации / Сост. Д. Белановский. М., 2019. С. 400, 423.

⁶ *Замятин Л.М.* Горби и Мэгги. М., 1995. С. 37.

Американская сторона также отмечает, что на переговорах удалось добиться больших достижений, чем за «какую-либо предыдущую советско-американскую встречу», и их следует рассматривать как самые «замечательные» в истории двусторонних отношений⁷. Вместе с тем встречается и утверждение, что саммит оказался самым противоречивым по своему характеру за всю вторую половину холодной войны, а Горбачёв предложил Рейгану чрезвычайно рискованную и авантюрную сделку, целью которой было уничтожение СОВИИ⁸. О «загадном» и «крайне спорном саммите в Рейкьявике» пишет видный дипломат и политик К. Адельман, убеждённый в том, что октябрьская встреча 1986 г. открыла дорогу к окончанию противостояния, исход которого не вызывал у него сомнения: «Мы победили. Они проиграли»⁹. О том, что американская делегация достигла «успеха в Исландии», Рейган объявил в обращении к нации уже 13 октября¹⁰. Так чем же всё-таки стал Рейкьявик — провалом или прорывом?

К весне 1985 г. советско-американские отношения находились в глубоком кризисе. Сверхдержавы придерживались противоположных точек зрения по ключевым вопросам мировой политики, при этом отчётливо сознавая всю степень потенциальной опасности для судеб мира, которую таила подобная конфронтация. Приход к власти относительно молодого и динамичного Горбачёва обозначил решительный поворот во внешней политике: новый лидер считал своей главной задачей снижение напряжённости. «Мы выстроили приоритеты: остановить гонку вооружений, особенно ядерных, нормализовать отношения с Западом, в разумные сроки вывести наши войска из Афганистана, добиваться урегулирования региональных конфликтов, положить конец конфронтации с Китаем. И сходились на том, что начинать надо с Соединённых Штатов. Это и супердержава, и признанный лидер западного мира, без согласия которого любые попытки добиться перелома в отношениях Востока и Запада ничего не дадут. Две главные черты характеризовали советско-американские отношения в начале 1980-х годов: практически полное отсутствие доверия и доминирование в повестке дня милитаристского компонента». Горбачёв поставил перед своей командой амбициозную задачу: «Вывести отношения из штопора, в который они попали на рубеже 70—80-х гг.»¹¹.

В ноябре 1985 г., спустя шесть лет после предыдущей встречи глав Советского Союза и США, состоялся саммит в Женеве, на котором удалось «растопить лёд»¹². В то же время дискуссия проходила чрезвычайно остро: «Мы оба, споря, с жаром возлагали друг на друга ответственность за гонку вооружений, поставившую мир на грань ядерного конфликта»¹³. Разгорячённый дискуссией, Горбачёв высказался в кругу подчинённых о Рейгане как о «пещерном политике»¹⁴ и был даже близок к тому, чтобы прервать переговоры¹⁵. Он явно недооценил партнёра, считая его слишком ограниченной лично-

⁷ Shultz G.P. Turmoil and triumph. My years as Secretary of State. N.Y., 1993. P. 776.

⁸ Gates R.M. From the shadows. N.Y., 1996. P. 407—408.

⁹ Adelman K. Reagan at Reykjavik. N.Y., 2014. P. 295, 297.

¹⁰ Рейган Р. Откровенно говоря: избранные речи / Пер. с англ. С. Музалевского. М., 1990. С. 288.

¹¹ Горбачёв М.С. В меняющемся мире. С. 37—38.

¹² Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 635.

¹³ Горбачёв М.С. Наедине с собой. М., 2012. С. 460.

¹⁴ Корниенко Г.М. «Холодная война». Свидетельство её участника. М., 2001. С. 363.

¹⁵ Белый Лис (Беседа А. Ванденко с Э. Шеварднадзе) // Итоги. 2011. № 6. С. 33.

стью¹⁶. «Впоследствии, — вспоминал дипломат А.Ф. Добрынин, — он говорил о Рейгане куда более взвешенно»¹⁷.

В результате стороны пришли к важнейшему выводу: «Ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей»¹⁸. В ходе встречи выявилось стремление к безъядерному миру, возродился «дух Женевы»¹⁹, в среде советских дипломатов появилось убеждение, что, «оказывается, с Рейганом можно работать»²⁰. Горбачёв, достойно проведший переговоры, «уверенно занял место среди ведущих государственных лидеров мира»²¹. По словам Добрынина, «в известном смысле эта встреча... подвела черту под определённым историческим отрезком времени, когда в Вашингтоне фактически отвергали серьёзный диалог с нами, предпочитая диалогу попытки грубого нажима на СССР. Несмотря на то что... не было достигнуто согласия по главным вопросам — о запрете на ударные космические средства и сокращении ядерных испытаний, — результаты встречи создавали предпосылки для перехода от состояния опасной напряжённости к конструктивным поискам путей нормализации взаимоотношений двух стран и оздоровления международной обстановки в целом»²². Закрепляя сложившееся в мире позитивное впечатление, 15 января 1986 г. Горбачёв огласил программу поэтапной ликвидации ядерного оружия к концу XX в.²³, авторами которой выступили Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев и первый заместитель министра иностранных дел СССР Г.М. Корниенко²⁴. Это заявление можно рассматривать как зарю того «нового мышления», о котором вскоре заговорил весь мир.

Следующей вехой советско-американских отношений и стал саммит в Рейкьявике. К тому моменту положительная составляющая, достигнутая на первой встрече, стала сходить на нет. По словам Горбачёва, переговоры по ядерным вооружениям оказались «практически в тупике», превратившись в «ширму, за которой ничего не происходит». Исходя из этого, советская сторона срочно подготовила и отправила Рейгану письмо, в котором содержалось предложение о встрече, которая должна дать новые импульсы переговорному процессу. Для того чтобы не возникло ощущение, что СССР или США идут друг другу на уступки, в качестве места встречи выбрали Рейкьявик, поскольку Исландия находилась на равном удалении от обеих стран. Неожиданно быстро удалось достичь соглашения о встрече, а вскоре последовало официальное сообщение о новом советско-американском саммите. Встрече предшествовала напряжённая подготовка: Горбачёв поставил подчинённым задачу подготовить предложения, которые могли открыть «путь к прорыву»²⁵.

¹⁶ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачёва. М., 1994. С. 289.

¹⁷ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 гг.). М., 1996. С. 655.

¹⁸ В интересах грядущих поколений. Ответы президента США Р. Рейгана на вопросы журнала «Огонёк» // Огонёк. 1988. № 22. С. 5.

¹⁹ Горбачёв М.С. Наедине с собой. С. 466.

²⁰ Дипломат (Беседа О. Пересина с А. Бессмертных) // Итоги. 2011. № 22. С. 49.

²¹ Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 139.

²² Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно... С. 595.

²³ Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1986. С. 242—243.

²⁴ Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999. С. 427.

²⁵ Горбачёв М.С. В меняющемся мире. С. 53.

Ещё перед встречей в Женеве академик Г.А. Арбатов в докладной записке на имя Горбачёва советовал пересмотреть позицию по вопросам разоружения. Он предлагал не стремиться перехитрить американцев, а уделить «больше внимания тому, чтобы своей позицией, своими предложениями, сделав их максимально привлекательными, безукоризненно честными и реалистическими, способствовать усилению и обострению этой внутренней борьбы в США и в НАТО, укреплению позиций противников гонки вооружений и “холодной войны”. Для этого в Женеву, как мне кажется, надо будет взять помимо доброй воли ещё и новые позиции». В качестве «домашней заготовки» Арбатов обратил внимание на особенности характера Рейгана, в котором воинствующий антикоммунизм уживался со стремлением доказать, что он — «большой государственный деятель и политик, даже миротворец». Поскольку президент «очень популярен в США, он ощущает зависимость от общественного мнения и мнения политических кругов — в Америке и в мире. У нас цели, естественно, совершенно иные... попытаться сделать реальный шаг к разрядке и разоружению, не упустить даже малейшую к тому возможность. Возможно ли это? По-моему, возможно, но только если подойти к встрече очень серьёзно, ответственно и смело. Это, как мне кажется, сделало бы нашу позицию бесприкрышной. Мы либо добились бы заметного сдвига к лучшему (как минимум в смысле значительного укрепления своих позиций для дальнейшей борьбы за разрядку и ограничение вооружений). Либо... убедительно разоблачили бы политику Рейгана, сорвали с неё маску, а тем самым нанесли бы по ней очень чувствительный удар... Ключ, мне кажется, в том... чтобы эти усилия были должным образом подкреплены очень сильной и в чём-то неожиданной позицией по главному вопросу — ограничению вооружений»²⁶.

Встрече в верхах предшествовала серия совещаний. В итоге, как вспоминал Г.М. Корниенко, «все согласились выдвинуть... предложения о сокращении каждого вида СНВ²⁷ (МБР, БРПЛ, ТБ²⁸) обеими сторонами на 50% от существовавшего тогда у каждой из них уровня, а в качестве запасного варианта — о сокращении СНВ до уровня 1 600 стратегических носителей и 6 000 боезарядов. После жарких дискуссий договорились о возможности сокращения на 50% и наших тяжёлых МБР СС-18 (с 308 до 154), в чём были особенно заинтересованы США, а также о зачёте каждого ТБ с ракетами СРЭМ и ядерными бомбами на борту как одного стратегического носителя в число 1 600 и одного боезаряда в число 6 000. Эти решения были очень непростыми для нас. Мы шли на серьёзные уступки американцам, уменьшая на 50% количество советских тяжёлых ракет МБР СС-18. Подобных ракет у США не было. Порядок зачёта ТБ с ракетами СРЭМ также был выгоден США. Одновременно было договорено твёрдо держаться позиции, что договор по ПРО должен строго соблюдаться сторонами в том виде, как он был подписан в 1972 г., и добиваться полного прекращения ядерных испытаний. По ракетам средней дальности наша позиция... предусматривала полную ликвидацию таких ракет СССР и США в Европе при сохранении в Азии определённого их количества (около 100). Всё было сформулировано в виде проектов совместных советско-американ-

²⁶ РГАНИ, ф. 84, оп. 1, д. 227, л. 36—40.

²⁷ Стратегические наступательные вооружения.

²⁸ Межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты подводных лодок, тяжёлые бомбардировщики.

ских документов, которые имелось в виду вручить Р. Рейгану (разъяснив при этом, разумеется, их суть соответствующим образом) в ходе первой же беседы. Разработку нами таких документов можно называть не без основания настоящим прорывом. Такой широкий набор важных предложений одновременно ни разу не вносился советской стороной за всю историю советско-американских переговоров по сокращению ядерных вооружений. Коллективно были определены и глубоко разработаны вопросы, по которым было нужно добиваться уступок от американской стороны. Словом, как сам М.С. Горбачёв, так и все члены советской делегации к переговорам были подготовлены всесторонне»²⁹. Как «очень сильную и продуманную» расценил позицию советской делегации и переводчик П.Р. Палажченко³⁰. Горбачёв подчёркивал, что, «прекращая гонку наступательных вооружений, мы исходили из того, что не должна начаться гонка вооружений в космосе, в области противоракетной обороны»³¹, тем самым фактически признавая, что наибольшие опасения у Советского Союза вызывала знаменитая СОИ, о которой речь пойдёт ниже. По поводу этих целей царил единодушие. 8 октября Политбюро утвердило директивы делегации. При этом Горбачёв прекрасно осознавал всю сложность задачи. Накануне вылета в Рейкьявик он заявил: «Встреча будет очень сложная. Не исключён и провальный вариант»³².

Саммит, во время которого разыгрались поистине шекспировские страсти³³, во многом отличался от предыдущего. Е.М. Примаков вспоминал: «В Женеве нас не услышали. Так мы подошли к октябрю 1986 г., когда состоялась встреча на высшем уровне в столице Исландии Рейкьявике. Могу засвидетельствовать, что там была уже иная атмосфера: широкий диапазон обсуждаемых вопросов, интенсивные переговоры, во время которых не исключались компромиссы»³⁴. Переговоры проходили 11—12 октября «в одиноко стоявшем у берега Атлантического океана деревянном доме, носившем название Ходфри Хауз», который, по утверждению мистически настроенных исландцев, был пристанищем привидений³⁵. Маленькая страна, к которой в те дни оказались прикованы взоры всего мира, испытывала понятную гордость и радость и с нетерпением ожидала представителей СССР и США³⁶. Гостиницы были перепол-

²⁹ *Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М.* Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. М., 1992. С. 110—111. Серьёзно отнёсся к предстоящему саммиту в Рейкьявике и Рейган, искавший подход к Горбачёву (См.: *Массу С.* «Доверяй, но проверяй!» Уроки русского для Рейгана. Мои воспоминания / Пер. с англ. О.А. Зимарин, М.Ю. Булыгина. М., 2018. С. 164—245). Вряд ли можно не согласиться с оценкой Дж. Мэтлока (посол США в СССР в 1986—1991 гг.), по словам которого, «оба лидера подготовили свои позиции тщательно, хотя спешно и в глубокой тайне» (См.: *Мэтлок Д.Ф.* Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой и В. Мисюченко. М., 2003. С. 75).

³⁰ Интервью переводчика М.С. Горбачёва П.Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля (архив автора).

³¹ *Горбачёв М.С.* В меняющемся мире. С. 54.

³² В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985—1991) / Сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. Изд. 2, испр. и доп. М., 2008. С. 82.

³³ *Горбачёв М.С.* Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 90.

³⁴ *Примаков Е.М.* Минное поле политики. М., 2006. С. 45—46.

³⁵ *Дубинин Ю.В.* Время перемен. Записки посла в США. М., 2003. С. 125.

³⁶ *Можайский Н.* Рейкьявик готовится к встрече // Неделя. 1986. № 41. С. 9.

нены: встреча лидеров сверхдержав вызвала невиданный интерес³⁷, в ожидании приезда высоких гостей город судорожно «прихорашивался» и украшался³⁸.

Советская делегация прилетела 10 октября и разместились на теплоходе «Георг Отс». В её состав, помимо Горбачёва и его супруги, вошли Э.А. Шеварднадзе, А.Ф. Добрынин, Ю.В. Дубинин, А.Н. Яковлев, А.С. Черняев, С.Ф. Ахромеев, Г.А. Арбатов, Е.М. Примаков, П.Р. Палажченко³⁹. Уже тогда проявилась особенность советского лидера: он «невероятно много, интенсивно работал»⁴⁰, требуя того же от подчинённых. По прибытии Горбачёв выступил с небольшим заявлением для прессы, в котором подчеркнул, что «пришло время действий, действий серьёзных и решительных». От лица СССР он призвал мировое сообщество «ликвидировать ядерное оружие к концу нынешнего века»⁴¹. Газета «Правда» отмечала, что «сегодня Рейкьявик стал символом надежды на то, что люди во всём мире смогут избавиться от страха перед ядерным всеожжением. И эти надежды не должны быть обмануты»⁴².

В действительности же переговоры проходили непросто: и Рейган, и Горбачёв, и их «команды» относились друг к другу с опаской и недоверием. Советская сторона руководствовалась здравой логикой: «Опустить ядерное противостояние на другой, намного более низкий уровень. На наши далеко идущие предложения у президента Рейгана сначала проявилась реакция, близкая к растерянности, хотя он и услышал то, чего США всегда добивались от нас, — радикального сокращения МБР. Но поскольку это подавалось в увязке с другими компонентами, у президента, видимо, возникло подозрение, что его хотят загнать в ловушку»⁴³. «Американцы были ошарашены», — утверждал принимавший участие в переговорах генерал Н.Ф. Червов⁴⁴, им приходилось на ходу придумывать новую «пьесу». Вместе с тем инициатива отвечала их желанию. По словам руководителя американской команды военных экспертов П. Нитце (советские переговорщики дали ему прозвище «дед»)⁴⁵, она оказалась «самым лучшим и выгодным для США советским предложением за 25 лет»⁴⁶. На какое-то время у присутствующих возникло ощущение, что соглашение может быть достигнуто, осталось только доработать детали⁴⁷.

Советская и американская команды, руководимые Ахромеевым и Нитце, занимались выработкой максимально приемлемой формулы соглашения с учётом новой инициативы Москвы. В последний день переговоров, 12 октября, лидеры добились радикальной договорённости по ядерному оружию — полному его уничтожению в течение десяти лет⁴⁸. Американские эксперты были в недоумении: им казалось, что Рейган зашёл слишком далеко, а заявленная цель недостижима на практике⁴⁹. Вместе с тем переговоры плавно подходили

³⁷ Иванов Н. Чем живёт Рейкьявик // Известия. 1986. 7 октября.

³⁸ Бовин А., Иванов Н., Палладин А. Рейкьявик ждёт // Известия. 1986. 10 октября.

³⁹ Черняев А.С. Избранное — 2. М., 2013. С. 74—75.

⁴⁰ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачёва. С. 288.

⁴¹ Известия. 1986. 12 октября.

⁴² Колесниченко Т., Масленников А. Что видится из Рейкьявика // Правда. 1986. 10 октября.

⁴³ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 29.

⁴⁴ Червов Н.Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет. М., 2001. С. 115.

⁴⁵ Квицинский Ю.А. Время и случай. Заметки профессионала. М., 1999. С. 351, 377.

⁴⁶ Shultz G.P. Op. cit. P. 760.

⁴⁷ Велихов Е.П. Мой путь. Я на валенках поеду в 35-й год. М., 2017. С. 186.

⁴⁸ Польшов М.Ф. Внешняя политика Горбачёва. 1985—1991 гг. СПб., 2014. С. 165.

⁴⁹ Palazchenko P. My years with Gorbachev and Shevardnadze. The memoir of a Soviet interpreter. Pennsylvania, 1997. P. 57.

к кульминации, которая могла стать небывалым триумфом обоих лидеров и огромным шагом человечества на пути к крепкому и прочному миру. Однако в шаге от успеха всё внезапно застыло, эпохальные соглашения подписать не удалось⁵⁰.

В решающий момент переговоров камнем преткновения оказалась знаменитая СОИ (SDI — Strategic Defense Initiative), или, как её называла советская пропаганда, «Звёздные войны», предусматривавшая размещение элементов ПРО в космосе. Она, по словам Палажченко, была «болевым точкой» для Советского Союза⁵¹. «Звёздные войны напугали Москву. Мы клюнули на американскую пропаганду, внушившую Кремлю определённое чувство интеллектуальной неполноценности»⁵². Позднее в обывательских кругах стало модно говорить о «доверчивости» Горбачёва и его сотрудников, поверивших блефу американцев, но в 1986 г. всё казалось иначе. Е.П. Велихов писал: «Наши переговорщики и военные были уверены, что к 1990 году американцы развернут космический эшелон»⁵³. В свою очередь Р.З. Сагдеев, занимавший в то время пост директора Института космических исследований АН СССР, вспоминал, что учёные, работавшие над этой проблемой, «уделяли слишком много внимания СОИ», но делали это с самыми лучшими намерениями. «По крайней мере это сэкономило для страны несколько миллиардов рублей»⁵⁴.

Палажченко, осведомлённый о перипетиях тех переговоров, отмечал, что «СОИ никем не воспринимался как блеф, это была реальная программа, основанная на огромном бюджете. Как идеал, СОИ был миф, но это была программа, на которую Советскому Союзу пришлось бы отвечать. СОИ могла спровоцировать серьёзную гонку, которая никому бы ничего не дала». По его словам, позиция делегации сводилась к тому, что Советский Союз в ответ на замедление СОИ готов пойти на ликвидацию 154 ракет СС-18⁵⁵. Однако этот расчёт себя не оправдал. Отказ от СОИ и перенос исследований исключительно в рамки «лабораторий» американского лидера не устраивал, будучи, по его мнению, равносителен превращению их в «грудку мусора»⁵⁶. По словам Рейгана, в последние часы саммита Горбачёв наконец-то раскрыл карты, стремясь добиться такого соглашения, которое позволит «убить СОИ»⁵⁷. В свою очередь президент США полагал, что «это страховый полис, гарантирующий, что Советы будут выполнять свои обязательства»⁵⁸. По словам его советника по национальной безопасности генерала К. Пауэлла, Горбачёв «действительно боялся» СОИ⁵⁹, так же, несомненно, думал и Рейган. Как следствие, он считал, что СОИ является главным фактором давления на СССР⁶⁰, отказ от неё был для

⁵⁰ Барсенков А.С. Политика «нового мышления» и окончание холодной войны (1985—1990) // Российская история. 2015. № 6. С. 142.

⁵¹ Palazchenko P. Op. cit. P. 55.

⁵² Интервью А.М. Белоногова (в 1986—1990 гг. — постоянный представитель СССР при СБ ООН, в 1990—1991 гг. — первый заместитель министра иностранных дел СССР). Москва. 2020. 14 января (архив автора).

⁵³ Велихов Е.П. Мой путь... С. 184.

⁵⁴ Sagdeev R.Z. The making of a Soviet scientist: my adventures in nuclear fusion and space from Stalin to Star Wars. N.Y., 1994. P. 273.

⁵⁵ Интервью П.П. Палажченко.

⁵⁶ Nitze P.H. From Hiroshima to Glasnost: at the center of decision. A memoir. N.Y., 1989. P. 435.

⁵⁷ The Reagan diaries. N.Y., 2007. P. 444.

⁵⁸ Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 684.

⁵⁹ Powell C.L. My American journey. N.Y., 2003. P. 360.

⁶⁰ Польнов М.Ф. Внешняя политика Горбачёва. С. 165.

него неприемлем. «Участники переговоров с обеих сторон понимали, что приближается поражение — политическое и моральное, — вспоминал Горбачёв. — Но все попытки ничего не давали, так крепко Рейган связал себя с СОИ»⁶¹. «Я всё больше закипал, не в силах сдерживать раздражение. До меня дошло, что он заманил меня в Исландию с единственной целью — угробить на корню стратегическую оборонную инициативу. С самого начала он, должно быть, замыслил известить нас об этом в самую последнюю минуту. Я был сильно обманут в своих надеждах и очень разозлён», — признавался президент США⁶². Советский лидер также осознал, что «переговоры зашли в тупик и стали приобретать странный характер. Рейган попросту начал торговаться: пойдите мне навстречу, и вы почувствуете, сколько может сделать Америка в сотрудничестве с вашей страной. Я же пытался ему внушить, что всего один шаг отделяет его от того, чтобы войти в историю президентом-миротворцем. Но, повторяя я, когда речь идёт о безопасности, я не могу требовать от вас согласия на то, что означало бы меньшую безопасность для Соединённых Штатов, а вы... не вправе требовать от меня подобного в отношении моей страны. Встреча закончилась. Мы вышли с Рейганом из дома. Уже наступили сумерки. Настроение скверное. Рейган бросил мне упрёк: — Вы с самого начала задумали приехать сюда и поставить меня в такое положение! — Нет, господин президент, я готов сейчас же вернуться в дом и подписать документ по вопросам, которые мы уже согласовали, если вы откажетесь от планов милитаризации космоса. — Весьма сожалею, — ответил Рейган... Мы расстались»⁶³.

Тем временем советская и американская делегации ожидали результатов переговоров. «Оба лидера посветили проблеме разоружения много сил и внимания, — свидетельствовал Яковлев. — Договорились о дополнительной встрече с глазу на глаз. Она продолжалась не менее двух часов. Обе делегации ждали в коридоре. Шутили, рассказывали анекдоты... и волновались. Все понимали, что за закрытыми дверями решается проблема общечеловеческого масштаба. Наконец Горбачёв и Рейган вышли в коридор с натянутыми улыбками. Михаил Сергеевич, проходя мимо меня, шепнул: “Ничего не вышло”»⁶⁴. «А за дверьми, — писал Черняев, — произошло следующее (передаю по рассказам Михаила Сергеевича). Президент добивался от Горбачёва согласия на СОИ. Много и

⁶¹ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 31.

⁶² Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 686. Любопытно, что английский премьер-министр М. Тэтчер утверждала, что отказ Рейгана принять предложения Горбачёва по поводу уничтожения ядерного оружия имел важнейшее значение «в достижении победы над коммунизмом... Русские... проиграли игру, и я не сомневаюсь, что они знали это» (*Thatcher M. The Downing Street years*. N.Y., 1993. P. 471).

⁶³ Горбачёв М.С. Наедине с собой. С. 469. Ср. с записью беседы: «Горбачёв. Мы не можем пойти на то, что Вы предлагаете. Согласитесь на запрещение испытаний в космосе, и мы через две минуты подпишем документ. На что-то другое мы пойти не можем. На что могли — мы уже согласились, нас не в чем упрекнуть. Несмотря на то что наша встреча заканчивается таким образом, у меня чистая совесть перед нашим народом и перед Вами. Я сделал всё, что мог. Рейган. Жаль, что мы расстаёмся таким образом. Ведь мы были так близки к согласию. Я думаю всё-таки, что Вы не хотели достижения договорённости. Мне очень жаль. Горбачёв. Мне тоже очень жаль, что так произошло. Я хотел договорённости и сделал для неё всё, что мог, если не больше. Рейган. Не знаю, когда ещё у нас будет подобный шанс и скоро ли мы сможем встретиться. Горбачёв. Я тоже этого не знаю» (Из архива Горбачёва (Беседы М.С. Горбачёва с Р. Рейганом в Рейкьявике 11—12 октября 1986 г.). Четвёртая беседа (днём 12 октября 1986 г.) // *Мировая экономика и международные отношения*. 1993. № 8. С. 78).

⁶⁴ Яковлев А.Н. Сумерки. Изд. 2, доп. и перераб. М., 2005. С. 586.

увлечённо рассуждал о преимуществах и перспективах этой системы, о том, как она обеспечит всем мир и безопасность. Произнёс также, к ужасу Шульца, что он вообще за ликвидацию ядерного оружия полностью и до конца. Выразил готовность поделиться с нами разработками по СОИ... и т.д. Горбачёв возражал: СОИ позволяет обойти договорённости о сокращении и ликвидации ядерного оружия, она позволяет нанести первый и безнаказанный удар. Он, Горбачёв, не может рисковать, на нём ответственность за безопасность своей страны. Рейган его упрасивал, буквально умолял, но Горбачёв упёрся. И вот финальная сцена в том домике. Открывается двухстворчатая дверь в комнату, где мы, делегация, ждём. По лицам двух лидеров мы понимаем: провал!»⁶⁵.

По словам Н.Ф. Червова, «СОИ заблокировала всё достигнутое в Рейкьявике... Американская сторона не приняла текст. Она не пошла на ограничение СОИ рамками лабораторий. Находясь буквально на пороге решений, которые могли бы стать историческими для всей ядерной эпохи, США остались на старых позициях, не смогли перешагнуть через свои амбициозные планы достижения военного превосходства через космос... Чего же добивался в Рейкьявике Белый дом? Заставить СССР пойти на односторонние уступки. Но для того времени это была нереальная политика. Заявленные в Рейкьявике советской делегацией уступки — это часть “пакета”. Не будет “пакета” — не будет и уступок. Такова была советская позиция... логичная и серьёзная, отвечающая интересам безопасности СССР, США, Западной Европы и всех стран мира»⁶⁶.

В момент прощания из глаз Рейгана потекли слёзы. Актёрство? Вероятно, нет: он находился на грани нервного истощения. «Да, он плакал. Я смотрел и не верил», — вспоминал начальник личной охраны Горбачёва генерал В.Т. Медведев⁶⁷. Не в силах сдержать своих эмоций, в раздражении и досаде Рейган даже махнул рукой, выказывая этим всю степень разочарования от результатов переговоров; вероятно, он предчувствовал шквал критики⁶⁸. В свою очередь Палажченко полагал, что президент «реально мечтал о мире без ядерного оружия, он не хотел перехитрить и обмануть. У него была очень жёсткая позиция по вопросу о Советском Союзе и его роли в мире, но он был искренним человеком, хотя и убеждённым антикоммунистом. В вопросах разоружения Рейган был простодушен, он делал это не для того, чтобы обмануть русских. У Рейгана была мечта, он *просил* (выделено мной. — А.П.) о том, чтобы ему дали зелёный свет для глобальной ПРО»⁶⁹. В известной степени он был в политике романтиком⁷⁰, лелеявшим мечту о безъядерном мире. «Мы были так близки к соглашению. Его расстройство было очевидным», — писал руководитель аппарата Белого дома Д. Риган⁷¹. По свидетельству Палажченко, в те минуты

⁶⁵ Черняев А.С. Избранное — 2. С. 75—76.

⁶⁶ Червов Н.Ф. Ядерный круговорот... С. 117, 118, 121—122.

⁶⁷ Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994. С. 210.

⁶⁸ Интервью В.Т. Медведева. Москва. 2020. 16 сентября (архив автора).

⁶⁹ Интервью П.Р. Палажченко.

⁷⁰ Fitzwater M. Call the briefing! Holbrook (Mass.), 1995. P. 138.

⁷¹ Regan D.T. For the record. From Wall Street to Washington. San Diego; N.Y.; L., 1988. P. 351—352. Добрынин вспоминал, как «начальник штаба» Рейгана Д. Риган рассказывал ему, что американский президент по пути в аэропорт долго молчал, а потом сказал: «Дон, мы с Горбачёвым были так близки к соглашению. Просто стыдно». Он показал при этом двумя пальцами расстояние в полдюйма. «Президент был потрясён таким исходом встречи», — добавил Риган (См.: Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно... С. 654).

«элемент разочарования» в связи с неудачей таких серьёзных и важных переговоров, имелся и у советской делегации⁷², хотя лидеры двух стран распрощались вежливо, Горбачёв, проводивший Рейгана до его машины, вполне владел собой⁷³. По мнению Шеварднадзе, «Рейган выглядел разгневанным. Горбачёв, напротив, — спокойным»⁷⁴. Неудачу соглашения, он объяснил тем, что два лидера «не смогли удержать мяч, который сами же бросили далеко вперёд»⁷⁵.

Выступая по горячим следам после окончания встречи, государственный секретарь США Дж. Шульц поспешил объявить миру о её провале. Теперь появиться перед журналистами предстояло генеральному секретарю ЦК КПСС⁷⁶. Доехав до «Георга Отса», мрачный Горбачёв ушёл в каюту⁷⁷, но вскоре, видимо, сумел справиться с эмоциями. Позвонив заведующему подотделом международной информации ЦК КПСС А.И. Власову, собиравшему журналистов, Горбачёв попросил у него полчаса: «Надо продумать, что сказать»⁷⁸. «Я думал о главном — что я должен донести до прессы, до всего мира. Пресс-конференция собралась в большом ангаре, вмещавшем около тысячи человек. Пока шёл от дома, где велись переговоры, до ангара, где меня ждали журналисты, я лихорадочно всё обдумывал. Меня преследовала мысль: ведь мы договорились по стратегическим и средним ракетам. Это же новая ситуация. Так неужели принести всё в жертву ради сиюминутного пропагандистского выигрыша? Внутреннее чувство подсказывало — горячиться не следует. При моём появлении перед прессой все молча встали. Из зала исходила тревога... Я видел глаза сотни людей и был потрясён: передо мной предстал как бы весь человеческий род. Именно в это мгновение ко мне и пришло понимание того, что произошло и что я должен сказать... Ключевое значение имела... фраза: “При всём драматизме Рейкьявик — это не поражение. Это прорыв. Мы впервые заглянули за горизонт”. Зал как бы вышел из оцепенения. Бурные аплодисменты. Все вскочили с мест... Мы точно уловили господствовавшее в мире настроение и тем спасли процесс перемен»⁷⁹. Черняев с восхищением писал: «Казалось бы, очевидный для всех провал — и именно так сказал Шульц на авиабазе перед отлётом в США — Горбачёв через двадцать минут после рукопожатия с Рейганом превратил в возрождение надежды»⁸⁰.

Решение не устраивать пресс-конференцию в пропагандистском ключе и не обвинять в провале переговоров «американскую военщину» (подобный сценарий, в числе прочих, предусматривался ещё до их начала), Горбачёв принял

⁷² Палажченко П. Монино—Москва через Мадрид и Женеву (Свидетельство переводчика лидера сверхдержавы) // Независимая газета. 1992. 11 февраля.

⁷³ Интервью П.Р. Палажченко.

⁷⁴ Шеварднадзе Э.А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Пер. с нем. Г. Леоновой. М., 2009. С. 89.

⁷⁵ Шеварднадзе Э.А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 158.

⁷⁶ «В самые первые часы после того, как встреча завершилась, все мы не сумели по достоинству оценить тот факт, что Рейган с Горбачёвым разрешили больше спорных вопросов, чем наши лидеры на любом из предыдущих американско-советских саммитов. На первых пресс-брифингах мы дали полную волю своему разочарованию и не сумели дать ясное объяснение того, что в действительности было достигнуто» (Мэтлок Дж.Ф. Смерть империи... С. 77).

⁷⁷ Дубинин Ю.В. Время перемен... С. 143.

⁷⁸ Власов А.И. Записки из рухнувшего дома. М., 1998. С. 72.

⁷⁹ Горбачёв М.С. Наедине с собой. С. 470. По словам Ахромеева, Горбачёв провёл пресс-конференцию «с блеском, как бы на одном дыхании» (Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата... С. 120).

⁸⁰ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачёвым: по дневниковым записям. М., 1993. С. 116.

спонтанно, ни с кем не советуясь⁸¹. Это, несомненно, было сильным политическим решением. Он размышлял: «Не надо впадать в отчаяние. Рейкьявик вывел нас на важнейший этап понимания того, где мы находимся. Все увидели, что договорённость возможна. Из Рейкьявика мы сделали вывод, что ещё больше возросла необходимость диалога. Вот почему после Рейкьявика я — ещё больший оптимист... Я ни в коем случае не назвал бы Рейкьявик провалом. Это ступень в сложном и трудном диалоге, в поиске решений. Решения надо искать по-крупному. Некоторые пытались изобразить драму в Рейкьявике (а ситуация действительно складывалась драматически) так, будто дело было в одном слове, будто всё сорвалось из-за одного слова. Нет, дело в принципе. Мы пошли на известные уступки, но на уступку, которая поставила бы под угрозу безопасность нашего государства, мы пойти не можем»⁸². Одному из соратников, считавшему, что следовало бы всё же пойти на заключение соглашений, он ответил: «Ты что, хочешь, чтобы в Союзе и за рубежом мне приписали сдачу наших национальных интересов?»⁸³. На совещании с членами Политбюро 1 декабря генсек убеждал: «В Рейкьявике — да — наши предложения прозвучали как уступки. А на самом деле никакие это не уступки... Тут оселок. Если мы за мир не будем бороться — народ нас не поймёт. И если мы оборону ослабим — нас народ тоже не поймёт. У него — здоровый шовинизм. Тут лезвие, по которому мы идём. Ошибись, закуси удила — можно наворочать таких дел... Надо очень чётко распределить, что мы должны делать тут и что делать там. И никаких кампаний не нужно по разъяснению того, что мы заботимся об обороне страны»⁸⁴.

В свою очередь Черняев отмечал, что главный итог саммита — «диалог двух людей, которые поверили друг другу, пусть не до конца... Что означал “выход за горизонт” после Рейкьявика и благодаря Рейкьявику? Это выход к нормальному человеческому здравому смыслу, выход за пределы идеологических и иных враждебных установок, которые с обеих сторон диктовали порочную логику холодной войны»⁸⁵. Позднее он подчёркивал, что «красной нитью горбачёвских оценок было: мы спасли процесс перемен, дали перспективу, за Рейкьявиком пойдут, должны пойти другие шаги по преодолению конфронтации»⁸⁶. У Палажченко возникла уверенность, что Рейкьявик «войдёт в историю как честная попытка договориться о мире без ядерного оружия, нереализованная мечта, которая станет нашим обязательством перед миром»⁸⁷. Большинство членов советской делегации воспринимали его скорее в позитивном ключе⁸⁸. Хотя в среде профессиональных дипломатов встречаются и иные оценки. Так, по мнению Белоногова, «в Рейкьявике ничего не получилось, хотя все сделали хорошую мину»⁸⁹.

⁸¹ Интервью П.Р. Палажченко; Белый лист... С. 33.

⁸² Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М. Горбачёва с зарубежными деятелями и другим материалам / Общ. ред. А.С. Черняева, А.Б. Вебера. М., 2010. С. 53.

⁸³ *Власов А.И.* Записки из рухнувшего дома. С. 72.

⁸⁴ Отвечая на вызов времени... С. 55.

⁸⁵ *Черняев А.С.* Избранное — 2. С. 76—77.

⁸⁶ *Черняев А.С.* Рейкьявик — спустя 20 лет // *Черняев А.С.* Избранное. М., 2011. С. 334.

⁸⁷ Интервью П.Р. Палажченко.

⁸⁸ Интервью А.А. Бессмертных (в 1986 г. — заместитель министра иностранных дел СССР). Москва. 2019. 21 марта (архив автора).

⁸⁹ Интервью А.М. Белоногова.

Чем же всё-таки закончился Рейкьявик? Свою версию предложил журналист, а позднее посол СССР в Израиле А.Е. Бовин: «Американцы... были не готовы разоружаться. Формально Горбачёв потерпел поражение: его предложение было отклонено. Но по существу потерпел поражение Рейган, ибо он отказался отодвинуться от края пропасти, за которым — самоубийство человечества». Горбачёв же «заслужил высшую оценку как переговорщик»⁹⁰, хотя его попытки «уламывать» Рейгана (выражение последнего пресс-секретаря Президента СССР и его биографа А.С. Грачёва⁹¹) не привели ни к какому результату. Из-за позиции США по СОИ, констатировала «Нью-Йорк таймс», переговоры зашли в тупик⁹². Отмечу при этом, что неуступчивость Рейгана, да и вообще вся его линия на саммите⁹³, в целом получили поддержку американского общества, которое президент сумел убедить в том, что «сорвал» коварный замысел «Советов».

В Советском Союзе отсутствие договорённостей объяснили неуступчивостью американской стороны: «СОИ оказалась той лакмусовой бумажкой, которая высветила истинные — во всяком случае на сегодняшний день — намерения Вашингтона. Какими они будут завтра, покажет будущее»⁹⁴; «Принято говорить, что на любых переговорах партнёры должны преодолеть свою половину пути. Свою половину Советский Союз преодолел. Честно, ответственно, мужественно. И если не было достигнуто соглашение, то не по нашей вине. На многие серьёзные уступки пошёл СССР ради того, чтобы избавить мир от миллионов “хиросим”, готовых в любую минуту испепелить всё живое. Другая сторона на уступки не отважилась», — писала советская пресса тех дней⁹⁵. Вместе с тем саммит с самого начала изображался как исторический прорыв, хотя бы в силу самой готовности к беспрецедентным соглашениям. «После Рейкьявика народам лучше, чем когда-либо, известно: существует конструктивная альтернатива вооружённому до зубов миру, военному противостоянию держав, политике силы и насилия»⁹⁶.

О том, какое значение придавалось встрече в верхах, свидетельствует то, что Горбачёв счёл необходимым два раза выступить по центральному телевидению для объяснения народу и всему миру, сколь далеко обе стороны продвинулись на пути к ядерному разоружению (не упустив возможность назвать «пресловутую СОИ» «символом обструкции всего мира» и «концентрированным выражением милитаристских замыслов»⁹⁷). Вероятно, что подобная «разговорчивость» объяснялась также желанием отвести обвинения в срыве столь удачно, казалось бы, складывавшихся переговоров.

Рейкьявик вызвал беспрецедентный общественный резонанс. Прежде всего потому, что лидеры двух сверхдержав проявили стремление к ликвидации ядерного оружия⁹⁸, показав, что противоречия между «большевиками» и «капиталистами» не столь непреодолимы, чтобы они никогда не смогли бы договориться. Тем самым они подарили надежду на мирную жизнь и во многом

⁹⁰ Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2003. С. 458.

⁹¹ Грачёв А.С. Горбачёв. М., 2001. С. 199.

⁹² The New York Times. 1986. 13 October.

⁹³ Cheney D. In my time. A personal and political memoir. N.Y., 2011. P. 491.

⁹⁴ Паклин Н. После Рейкьявика // Неделя. 1986. № 42. С. 3.

⁹⁵ Ефимов Н. В Рейкьявике и после // Неделя. 1986. № 43. С. 8.

⁹⁶ Фалин В. Рейкьявик: две недели спустя // Известия. 1986. 26 октября.

⁹⁷ Правда. 1986. 15 октября, 23 октября.

⁹⁸ Польшов М.Ф. Внешняя политика Горбачёва... С. 168.

подготовили почву для последующих реальных шагов в области разоружения. Представить подобные ожидания раньше было нельзя. Рейкьявик изменил атмосферу в разъединённом железным занавесом мире, именно тогда начался подрыв основ, на которых покоилась холодная война⁹⁹. Саммит обозначил поворот к новому мышлению в международной политике, которое позволило быстро добиться впечатляющих результатов в области разоружения и резкого снижения международной напряжённости.

Он также парадоксальным образом привёл к прорыву в советско-американских отношениях. Как писал Мэтлок: «Встреча всё-таки принесла свои плоды — и это было чрезвычайно важно: она убедила Горбачёва, что Рейган искренне желает покончить с гонкой вооружений. Однако к такому выводу Горбачёв пришёл не сразу. Слишком были обострены чувства и слишком сильно было у обоих ощущение предательства, не позволявшее спокойно рассуждать»¹⁰⁰. Горбачёв убедился, что с Рейганом можно успешно взаимодействовать как с искренним политиком, глубоко убеждённым в необходимости отвести от мира ядерную угрозу¹⁰¹. Советский и американский лидеры не просто заужали друг друга, но и приобрели определённую личную симпатию¹⁰². Никто из участников переговоров, вероятно, и не подозревал, что в самое ближайшее время «история так невероятно ускорит свой бег»¹⁰³.

⁹⁹ *Mann J.* The rebellion of Ronald Reagan. N.Y., 2010. P. 49.

¹⁰⁰ *Мэтлок Дж. Ф.* Перестройка, как она виделась из Вашингтона (1985—1991 гг.) // Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М., 2005. С. 158; *Мэтлок Дж. Ф.* Рейган и Горбачёв. М., 2005. С. 248.

¹⁰¹ *Grachev A.* Gorbachev's gamble. Cambridge, 2019. P. 95.

¹⁰² Интервью П.Р. Палаженко.

¹⁰³ *Горбачёв М.С.* Я считаю ядерную войну недопустимой. Только безумец может её начать // Известия. 2019. 18 октября.

Русско-турецкая война 1686—1700 гг.

Андрей Гуськов, Кирилл Кочегаров, Степан Шамин

Russian-Turkish War 1686—1700

Andrey Guskov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow),

Kirill Kochegarov

(Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow),

Stepan Shamin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012929-2

Русско-турецкая война 1686—1700 гг. долгое время не являлась объектом целостного изучения. Исследователи писали о Крымских походах кн. В.В. Голицына, Азовских походах Петра I и множестве других локальных эпизодов военной истории того времени¹. Лишь относительно недавно В.А. Артамонов предложил более продуктивный подход, рассмотрев указанные события в рамках политико-дипломатических взаимоотношений Речи Посполитой, России и Крыма², а затем в качестве составной части более масштабного события — Великой турецкой войны 1683—1699 гг.³ Эта война, затронувшая значительную часть Европы, началась с похода османских войск на Вену. В 1683 г. императору удалось отстоять город лишь благодаря помощи Речи Посполитой. В следующем году под патронатом папы Иннокентия XI возникла Священная лига, состоявшая из Священной Римской империи германской нации, Венеции и Польши.

Цель данной работы — попытаться комплексно рассмотреть участие в войне России, начиная с открытия боевых действий против Крымского ханства и Османской империи и заканчивая подписанием мира.

Для правительства царевны Софьи и руководившего внешней политикой Московского государства кн. В.В. Голицына обязательство вступить в войну было частью условий заключённого в 1686 г. Вечного мира и союза с Польшей. В соответствии с этим соглашением Речь Посполитая отказывалась от прав на территории, перешедшие под контроль Московского государства по Андрусовскому перемирию в 1667 г., дополнительно уступала земли воз-

© 2020 г. А.Г. Гуськов, К.А. Кочегаров, С.М. Шамин

Авторы работали над публикацией совместно в равных долях.

¹ Характерно «разведение» Крымских и Азовских походов по разным томам «Очерков истории СССР» (Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 536—540; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 435—459).

² Артамонов В.А. Россия, Речь Посполитая и Крым 1686—1699 годов // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993. С. 3—31.

³ Артамонов В.А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683—1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. Т. 2. М., 2001. С. 295—323.

ле Киева и сюзеренитет над Запорожской Сечью. Это тяжёлое для Короны Польской решение было принято под давлением союзников по Священной лиге и объяснялось острой необходимостью отвлечь с балканского театра боевых действий крымских и белгородских татар. По договору Москва обещала начать войну в «текущем» 1686 г., послав войска в Сечь и на переправы через Днепр, «где крымския войска обыкли переправливатися», а также велеть начать войну донским казакам. В следующем 1687 г. должен был состояться поход «многими силами на самой Крым». Стороны обязались помогать друг другу при наступлении противника, «ссылаться между» собой и не заключать сепаратного мира. Польский король также «обнадеживал» нового союзника, что «цесарь» и Венеция не заключат мира, пока Россия продолжает войну⁴.

Для Османской империи русско-польский союз означал существенное расширение линии противостояния к востоку от Днестра и Буга. Область боевых действий распространилась до Приазовья и Кавказа. В Поднепровье в войну были вовлечены украинские казаки. Чтобы помешать казачьим судам выходить в Чёрное море, в нижнем течении Днепра на правом берегу реки на месте традиционной переправы татарской конницы располагались османские крепости: на правом берегу — Казыкермен (Дуган), на левом, крымском берегу — Исламкермен (Асламкермен, Шахкермен, Шингирей, Шахинкерман, Исламгородок). Между крепостями лежал Таванский остров, омываемый Днепром и его протокой — Конскими Водами. В 1679 г. турки дополнительно соорудили на Таванском острове вспомогательные укрепления — Мустриткермен (Тавань) напротив Казыкермена и Мубереккермен напротив Исламкермена. Очевидцы строительства сообщали о намерении османов соединить их цепями, перекрыв русло Днепра и Конских Вод⁵. Это позволило бы контролировать движение по реке даже в тёмное время суток.

Другим важным регионом боевых действий стало Подонье. Здесь между центральными районами Московского государства и турецкими владениями лежали земли донских казаков. Их столица, Черкасский городок, находилась ниже впадения в Дон реки Маныч, менее чем в сотне километров от Азовского моря. Здесь путь казакам перекрывала турецкая крепость Азов и связанные с ней укрепления — башни-каланчи, между которыми натягивалась перекрывавшая Дон цепь, и крепость Лютик на одном из протоков Дона, Мёртвом Донце.

В войну оказались втянуты не только казаки и татары, но и кочевые народы — ногайцы, калмыки, джунгары, башкиры и др., а также горцы Кавказа. В 1686 г. донские казаки осадили Лютик, совершили набег на Темрюк, стоявший на азовском побережье у одной из протоков р. Кубань. Кроме того, донцы вместе с запорожцами пытались осадить Казыкермен⁶. Таким образом, боевые действия практически одновременно начались на днепровском и донском театрах военных действий.

В июне 1686 г. московские власти отправили на Днепр отряд численностью более 6 тыс. человек при 13 пушках под командованием генерал-поручика

⁴ ПСЗ-І. Т. 2. № 1186. С. 777—780.

⁵ *Кочегаров К.А.* Запорожская Сечь и государства Восточной Европы в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII в.: политика, дипломатия, культура. Очерки. М., 2019. С. 82—89; *Апанович О.М.* Запорозька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. Київ, 1961. С. 291—292.

⁶ *Тушин Ю.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Чёрном морях (XVII век). М., 1978. С. 150.

Г. Косагова. В подчинении Косагова находились солдатские Старооскольский и Хотмыжский полки, рейтарский полк И.М. Гопта, солдатский «новоприборный» полк, а также казаки сумского, ахтырского и острогожского слободских полков. Они занялись постройкой укрепленного лагеря в Каменном Затоне⁷. Строящаяся земляная крепость находилась на левом берегу Днепра в районе современной Каменки-Днепровской, поблизости от располагавшейся на правом берегу Запорожской Сечи. В январе 1687 г. по согласованию с гетманом И.С. Самойловичем войска Косагова было решено оставить зимовать в новых укреплениях⁸.

Строительство Каменного Затона по сути стало вторжением на татарскую территорию, вызовом Крымскому ханству. Параллельно летом 1686 г. через гетмана хану были переданы предложения выйти из-под верховной власти султана и принять протекторат русских царей⁹. В Москве считали возможным подчинить Крым дипломатическим путём. Об этом свидетельствует переписка с гетманом Самойловичем, который утверждал, что «хан, или салтаны, или мурзы, или беи помышляти учнут о побежищи своем во время утеснения своего за море», а те жители Крыма, которые не имеют возможности бежать, начнут переговоры о переходе под руку московского государя: «О целости своей им, великим государем, челом ударить»¹⁰. Впрочем, официально объявлялись и более радикальные планы. Говорилось о том, что Россия захватит Крым¹¹, а также распространялись слухи, будто бы завоёванным полуостровом будет править изгнанный турками из родной земли имеретинский царь Арчил¹².

Осенью 1686 — зимой 1687 г. в соответствии с русско-польским договором велась подготовка к первому Крымскому походу. При этом вопрос о снабжении войска припасами стоял не менее остро, чем проблема собственно боевых действий. Наиболее сложно обстояли дела с обеспечением движущейся к Перекопу армии водой, фуражом и дровами. Их, в отличие от провизии и боеприпасов, было невозможно везти с собой на дальние расстояния. Хотя в Москве хорошо представляли дорогу до полуострова, по которой постоянно проезжали посольства¹³, посольских сведений оказалось недостаточно, когда речь зашла о снабжении крупных воинских контингентов.

В этой ситуации особенно важным было мнение украинских казаков, имевших практический опыт войны в этих местах. «Путь шествия в Крым», составленный на основе свидетельств полкового полтавского судьи К. Кублицкого и др., «которые давно теми шляхами хаживали», описывал перспективы водоснабжения армии оптимистично, хотя и с оговоркой о «милостивом и несухом» лете¹⁴. Украинский гетман Самойлович смотрел на вопросы обеспечения армии

⁷ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680—1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 395, 401—405.

⁸ РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 162, л. 283, 303, 305.

⁹ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 395—397.

¹⁰ РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 162, л. 276, 297—299, 301, 304, 306, 307.

¹¹ Богданов А.П. Внешняя политика России и европейская печать (1676—1689 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 39.

¹² Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 346.

¹³ См., например: «Список с статейного списка великаго государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова...» // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1850. С. 571—578.

¹⁴ РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1686 г., д. 26, л. 18—21.

более скептически. В начале января 1687 г. он писал в Москву о том, что на протяжении двухсот верст до Перекопа «дров не будет, и воды суть скудны»¹⁵. Вряд ли российское командование недооценивало трудности перехода по безводной степи. Однако, с одной стороны, обязательства перед Речью Посполитой не оставляли пространства для манёвра, с другой — кн. В.В. Голицын рассчитывал завязать с ханом переговоры раньше, нежели войска вступят на наиболее трудные участки пути и начнут нести серьёзные потери от голода и жажды.

В Крыму готовились к вооружённому отпору. Захваченные в плен крымцы в начале марта 1687 г. сообщали, что хан «прибирается на оборону Перекопа и имеет там поставить девять тысяч человек пехоты с мушкеты». Помимо этого, Селим-Гирей велел мобилизовать население Крыма «для поделки вала перекопского», собираясь выступить туда с войском «скоро по весне»¹⁶. Пленные, пойманные позднее, сообщили, что, узнав о подготовке русского наступления, хан велел ещё зимой «переписывать людей всякого чину, которой бы могл лошадию владеть, и велят покупать лошадей, чтоб были у всех лошади». Они не знали, сколько войска Селим-Гирей собрал по переписи, но оценивали общую численность ханской армии в 40 тыс. всадников¹⁷.

Даже если это приуменьшенная цифра, крымская орда в несколько раз уступала в численности русской армии, которая должна была выступить в поход на Крым. В экспедицию к полуострову планировалось отправить более 112 тыс. человек (итоговое количество составило чуть более 90 тыс.)¹⁸. Кроме того, было задействовано 50 тыс. украинских казаков¹⁹. Для кампании 1687 г. планировалось также привлечь донских казаков и калмыков. Письма к ним были направлены 11 апреля²⁰. Поход запланировали на март, но фактически он начался лишь в мае²¹. К концу месяца московское и гетманское войско соединились и переправились через р. Самару²² (левый приток Днепра выше порогов). Территории за Самарой контролировались татарами. Но и к 14 июня, когда войска форсировали р. Карачекрак, ниже днепровских порогов, сколько-нибудь значительных столкновений с татарами не произошло²³.

Пока войска шли к Крыму, Голицын попытался завязать прямые переговоры с ханом Селим-Гиреем. Подготовленная в феврале 1687 г. инструкция для ведения этих переговоров показывает, что глава внешнеполитического ведомства России до последнего надеялся, что татары могут принять предложение о переходе в московское подданство²⁴. Об этом же шла речь в письмах, которые

¹⁵ Там же, ф. 229, оп. 1, д. 162, л. 312—313.

¹⁶ Там же, ф. 124, оп. 1, 1687 г., д. 15, л. 43.

¹⁷ Там же, ф. 123, оп. 1, 1687 г., д. 2, л. 178—179.

¹⁸ Великанов В.С. Детали похода армии В.В. Голицына в 1687 г. // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооружённых конфликтах. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22—25 июня 2016 г.). Ростов н/Д, 2016. С. 32—33.

¹⁹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 197; Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. Киев, 1991. С. 21. Эти оценки восприняли и позднейшие исследователи.

²⁰ РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1687 г., д. 2, л. 38—45, 63—64, 85—87.

²¹ Гордон П. Дневник, 1684—1689. М., 2009. С. 137—139. Ср.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 196—197.

²² РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1687 г., д. 2, л. 163; Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. 3. Киев, 1855. С. 12; Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 197; Літопис Самовидця / Изд. подгот. Я.І. Дзира. Київ, 1971. С. 143; Великанов В.С. Детали похода... С. 34.

²³ Гордон П. Дневник, 1684—1689. С. 139—140.

²⁴ Востоков А. К истории первого Крымского похода // Киевская старина. 1886. № 2. С. 271.

Голицын направил хану Селим-Гирею и разменному бею князю В. Сулешеву²⁵. Следует подчеркнуть, что руководитель русской внешней политики умышленно направил послания не от царского имени, а от своего собственного, стремясь навязать Бахчисараю новый формат дипломатических взаимоотношений. Крымский хан тем самым терял статус равноправного партнёра русского царя. Крымская дипломатия с возмущением отвергла этот подход. Переговоры оказались безуспешными²⁶.

Татары не вступали в битву с сильным противником, а лишь отступали, выжигая за собой степь. Московские войска испытывали нехватку дров, воды и фуража. На военном совете 17 июня было решено отказаться от похода на Крым и направить часть войск к более близкому Казыкермену²⁷. К османской крепости отправились 18 129 человек во главе с воеводой Л.Р. Неплюевым и 20 тыс. казаков с черниговским полковником Г.И. Самойловичем, сыном гетмана. Они должны были соединиться в Запорожье с 5-тысячным отрядом Г.И. Косагова. После соединения сил предполагалось двигаться по правому, не затронутому пожарами берегу Днепра. Татары пытались помешать переправе. 5 июля они ударили в арьергард переправляющейся через Днепр армии, захватили часть обоза, но в итоге были отбиты. Войску удалось преодолеть по правобережью примерно половину пути до Казыкермена, когда 17 июля на р. Каменке состоялся первый бой с татарами. Несмотря на одержанную победу, из-за ропота среди казаков 20 июля было решено начать отступление²⁸.

Отдельные успехи в 1687 г. имели место в стороне от основного театра боевых действий. Донские казаки вместе с «чёрными калмыками» (джунгарами тайши Цаган-Батура) двинулись на соединение с главной армией. 3 июня они разбили тысячный отряд крымских татар под командованием перекопского мурзы Маметжана, посланного для взятия языков в полках Голицына, и отбили 90 пленных²⁹. Донские казаки на стругах нападали также на селения по Азовскому морю, но на обратном пути столкнулись с азовцами и потеряли 400 человек. В августе 1687 г. они (2 тыс. человек) ходили под Азов с 3-тысячным отрядом джунгар Цаган-Батура, однако захватить город им не удалось³⁰.

Несмотря на неудачу первого похода, в текущем году русское правительство добилось отвлечения крымских сил от основного для Священной лиги театра военных действий. Взятые в июне пленные свидетельствовали, что ещё в прошлом году калга-султан направился в Венгрию с 10—15 тыс. белгородской орды. Однако когда в новом году из Стамбула поступило требование султана «дать ему людей в помощь против немец, и хан в том отказал, а сказал, что на

²⁵ РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1687 г., д. 2, л. 161—171.

²⁶ Там же, л. 304—329.

²⁷ Гордон П. Дневник, 1684—1689. С. 140—141.

²⁸ Великанов В.С. Днепровский поход Л.Р. Неплюева в 1687 г. // Крым — связующее звено и неприступный форпост на стыке двух империй. Сборник научных статей. Ростов н/Д, 2015. С. 38—44; Алмазов А.С. Участие гетмана Ивана Самойловича и его сына Григория в Первом Крымском походе (1687) // Гетьман Петро Дорошенко та його доба в Україні. Матеріали всеукраїнської науково-практичної конференції, приуроченої до 350-ї річниці початку гетьманування Петра Дорошенка (16 жовтня 2015 р., м. Київ). Ніжин, 2015. С. 288—290.

²⁹ РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1687 г., д. 2, л. 176—180 (данные почерпнуты из допроса пленных). Несколько иначе обстоятельства сражения и численность противника описывали позднее прибывшие в Москву джунгары: Теткеев В.Т. Джунгары на юге России в конце XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1(23). С. 15.

³⁰ Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Т. 2. Новочеркасск, 1872. С. 496—499.

Крым идут московские войска, и ему де и себя оборонить нечим». С начала кампании никаких подкреплений в Крым не пришло не только от турок, но и от подчинённых хану кабардинских черкесов. Лишь к лету в Кафу прибыло 12 османских «каторг», чтобы оттуда перебросить войска к Азову «для осторожности от донских казаков»³¹.

Неудачные военные действия 1687 г. стали одной из причин смещения гетмана Самойловича. 7 июля представители украинской старшины (В. Борковский, В. Кочубей, И. Мазепа и др.) подали Голицыну донос об измене гетмана, который был недоволен началом войны и якобы специально приказал жечь степи, чтобы сорвать поход. 22 июля Голицын получил из Москвы указ о его аресте. 25 июля на Коломакской раде новым гетманом был избран Иван Мазепа. Сын низложенного гетмана Г.И. Самойлович попытался поднять в свою защиту казачьи полки, но потерпел неудачу. 11 ноября 1687 г. Г.И. Самойловича казнили, а бывший гетман отправился в ссылку³².

Роль И. Самойловича в первом Крымском походе — одна из дискуссионных проблем истории русско-турецкой войны 1686—1700 гг. Насколько гетман препятствовал продвижению войск и препятствовал ли вообще? Отсутствие ответа на эти вопросы отчасти обусловлено тем, что расследование по доносу старшины не проводилось, т.е. материалы доноса путём опроса свидетелей, очных ставок и др. не проверялись. Очевидно, что гетман войну с Турцией и Крымом не одобрял и к идее похода к Перекопу относился настороженно. Однако было ли обвинение в поджоге степей справедливым, и верил ли в это Голицын? Или он, санкционируя отстранение Самойловича, воспользовался ситуацией, чтобы снять с себя вину за провал операции? На наш взгляд, источники не позволяют ответить на эти вопросы однозначно. Отметим, что именно Голицын, поддержав подавшего донос старшину, отказался дать ход расследованию, приводя в письме Шакловитому в пример политику османского султана, который недавно «переменял двух ханов по татарскому челобитью, не розыскивая; только тому рад был, что они были у него в послушании и бунта какого не учинили»³³. Как видим, своей главной задачей в данной ситуации Голицын считал не установление реальной вины Самойловича, а сохранение лояльного отношения к Москве со стороны казачьей старшины, что оказалось крайне важно для последующей борьбы с Крымом.

Ещё одной неудачей России в 1687 г. стала потеря Каменного Затона. Стоявший в нём корпус Г.И. Косагова взбунтовался. Солдаты самовольно покинули место службы. Судя по тому, что «бунтовщики» не понесли серьёзного наказания, а новых войск в каменнозатонские укрепления не отправили, причины для недовольства у гарнизона были серьёзными и выражались в первую очередь в нежелании оставаться на ещё одну тяжёлую зимовку³⁴. В апреле 1688 г. гетману Мазепе и Косагову поручили поставить новую крепость. Место для неё выбрали у впадения в Днепр р. Самары — выше порогов, напротив правобережного Кодака (поблизости от современного города Днепр), примерно на

³¹ РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1687 г., д. 2, л. 179—180.

³² Алмазов А.С. Участие гетмана... С. 290—292.

³³ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 352—353.

³⁴ Кочегаров К.А. Бунт «полка» Григория Косагова на Запорожье: малоизвестный эпизод Первого Крымского похода 1687 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 9—10 ноября 2017 г. М., 2017. С. 218—224.

200 км выше по течению от Каменного Затона. К августу 1688 г. строительство Новобогородицкой крепости, названной по имени главного храма, закончилось. Гарнизон составил около 4 тыс. человек. Управлял им Косагов³⁵.

Что касается наступательных операций, то в феврале 1688 г. правительство обсуждало возможность нового большого похода на ханство³⁶, а с польским союзником в марте 1688 г. даже была согласована атака русских войск на нижнеднепровские крепости и Очаков. Однако уже через месяц планы эти в Москве пересмотрели³⁷ и в итоге ограничились отправкой под Очаков казаков И.С. Мазепы, которые летом 1688 г. разорили окрестности города и освободили 150 пленных³⁸. На Дону условия для активных боевых действий в текущем году отсутствовали: казачество раскололось по религиозному принципу. При поддержке из Москвы началось преследование скопившихся на Дону старообрядцев, которое переросло в настоящую войну. Лишь к апрелю 1689 г. старообрядческое движение на Дону было подавлено³⁹.

В начале 1689 г. в Москве узнали о начавшихся консультациях по возможному заключению мира между Портой и членами Священной лиги и немедленно отправили московскому резиденту в Варшаве соответствующие инструкции. В них предписывалось в случае начала мирных переговоров требовать Крым и Азов, но в качестве минимально возможных уступок разрешалось ограничиться отказом Крыма от «поминков» — выплат со стороны России — и прекращением набегов⁴⁰. Тем не менее российское правительство готовилось к новому походу на Крым. Были учтены прошлые ошибки: ещё с осени 1688 г. готовились запасы сена, а в феврале 1689 г. казаки по указанию Мазепы выжгли в степи сухую траву вплоть до Перекопа⁴¹. Сосредоточение армии для нового похода началось в феврале—марте. 3 апреля войска выступили из Ахтырки. 15 мая начались бои с татарской конницей. Татары непрерывно атаковали движущиеся войска. 20 мая Голицын встал под Перекопом, пройдя по степям от р. Самары 214 вёрст⁴².

Спротивление на подступах к Крыму оказалось ожесточённым⁴³, поскольку к опасности со стороны России противник отнёсся серьёзно. Хотя общее число московских войск составляло чуть более 112 тыс.⁴⁴, очаковский комендант докладывал в Стамбул, что на Крым идут 300 тыс. человек. Весной 1689 г.

³⁵ Яворницкий Д.И. Указ. соч. Т. 3. С. 48—49. См. также: Белов М.Н. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1686—1689 гг.) // Учёные записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. Т. 14. Л., 1949. С. 176—177.

³⁶ Висковатов К.А. Москва в 1687—1688 гг. // Русская старина. 1878. № 9. С. 124—125.

³⁷ Белов М.Н. Указ. соч. С. 171—175; Артамонов В.А. Россия, Речь Посполитая и Крым... С. 13.

³⁸ Листи Ивана Мазепи. Т. 1. 1687—1691. Київ, 2002. С. 254—255.

³⁹ Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 172—201.

⁴⁰ Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. VII. СПб., 1864. С. 464—467, 800—802. См. также: Бабушкина Г.К. Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. Вып. 33. М., 1950. С. 168; Артамонов В.А. Россия, Речь Посполитая и Крым... С. 15—16.

⁴¹ Листи Ивана Мазепи. Т. 1. С. 220, 300—301, 313—314, 320—321.

⁴² Лаврентьев А.В. «Записка государевым мерным верстам и станом того Крымского походу по верстам мерному колесу» 1689 г. // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988; Гордон П. Дневник, 1684—1689. С. 193—195.

⁴³ Де ла Невиль. Записки о Московии. М., 1996. С. 147—148; Лаврентьев А.В. «Записка государевым мерным верстам...»... С. 147; Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или История Крыма. Симферополь, 2008. С. 92—93.

⁴⁴ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 387.

хан Селим-Гирей со своими войсками находился недалеко от устья Дуная. О походе Голицына он узнал 18 мая, после чего двинулся в сторону Крыма. Это вызвало недовольство османов. Турецкие источники сообщают, что комендант Азова Шегбаз-Гирей привёл на помощь хану 50 тыс. кумыков, черкесов и ногайцев⁴⁵.

На подступах к Крыму противники собрали значительные силы, но генерального сражения так и не состоялось. Крымское войско укрылось на полуострове. Первоначально, по-видимому, Голицын рассматривал возможность прорыва за перешеек. В сопровождении Мазепы и других военачальников он даже выехал на рекогносцировку к самому Перекопу, чтобы определить, «где бы пригоже чинить шанцы». Селения перед укреплениями на перешейке были выжжены самими татарами для удобства обороны⁴⁶, вал укрепили ещё в 1687 г. Хан также рассчитывал, что после вторжения в Крым русское войско постигнет катастрофа из-за отсутствия воды⁴⁷.

Голицын прекрасно понимал, что Крымский полуостров может стать для российской армии смертельной ловушкой, и не только не решился на штурм перекопских укреплений, но и вступил в переговоры с татарами. 20 мая в русский лагерь приехал крымский представитель мурза К. Сулешев. Встреча Голицына с ним проходила гласно при участии всех воевод и гетмана Мазепы, о ней было сообщено в официальной отписке в Москву. Голицын объявил русские условия: 1) освобождение всех находившихся в ханстве русских пленных; 2) прекращение набегов на российские и польские территории; 3) отказ Крыма от получения с России ежегодной казны. Крымская сторона выразила согласие только на возобновление условий договора 1681 г.⁴⁸ Это перечёркивало все дипломатические планы Голицына. Ухудшавшееся состояние войск при неудаче переговоров заставили его объявить отступление, не достигнув какого-то результата. Татарские отряды преследовали русское войско, поджигали траву в окрестных полях⁴⁹. Хан Селим-Гирей после отступления московских войск отправился воевать с западными союзниками России⁵⁰. Московские же власти продолжили сооружать укрепления на Самаре. Недалеко от Новобогородицкой крепости в урочище Сорок Байраков выше Вольного Брода с 20 июня по 18 июля 1689 г. была построена Новосергиевская крепость⁵¹.

Зона боевых действий постепенно распространялась на территорию Северного Кавказа. Ещё в 1688 г. сераскир Казы-Гирей совершил поход на Кабарду с целью укрепить там турецкое влияние⁵². Во время Крымского

⁴⁵ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. Т. 1. СПб., 1887. С. 621—623.

⁴⁶ Лаврентьев А.В. «Записка государевым мерным верстам...»... С. 147; Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 371—372. См. также: Савелов Л.М. Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687 и 1689 годов // Известия Таврической учёной архивной комиссии (год двадцать первый). № 40. Симферополь, 1907. С. 18—23; Листи Ивана Мазепи. Т. 1. С. 335.

⁴⁷ Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. 7. История России с древнейших времён. Т. 13—14. М., 1991. С. 396.

⁴⁸ Розыскные дела о Фёдоре Шаковитом и его сообщниках. Т. 3. СПб., 1888. Стб. 945—949, 952—955, 957—970, 1180—1184; Смирнов В.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 440—442; Де ла Невиль. Указ. соч. С. 148—149; Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 372.

⁴⁹ Лаврентьев А.В. «Записка государевым мерным верстам...»... С. 147—150; Гордон П. Дневник, 1684—1689. С. 195—199; Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 372—373, 376—379.

⁵⁰ Смирнов В.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 626—628.

⁵¹ Яворницкий Д.И. Указ. соч. Т. 3. С. 62—63.

⁵² Юдин П. Калмыки в борьбе с Турцией // Русский архив. М., 1915. С. 166.

похода 1689 г. горцы находились в войсках обоих противников. Однако в армии Голицына их присутствие было скорее символическим. Ногайцев, яицких, гребенских и терских казаков насчитывалось 1 514⁵³. Из Терков в русскую армию были привлечены 222 человека, в том числе 100 служилых горцев⁵⁴. Катализатором боевых действий непосредственно на Кавказе стали бежавшие с Дона старообрядцы. С апреля 1688 г. они начали переселяться на р. Куму. В старообрядцах оказались заинтересованы кабардинский князь Месеуст, выделивший им место на р. Карамык в урочище Можары (современный Будённовск), и кумыкский шамхал Тарков Будай, предложивший им поселиться на Аграхани⁵⁵. Особенно активно борьбу против России вели кумыки. Весной 1689 г. астраханские воеводы писали в Москву о тяжёлом положении дел на Тереке (Терки снабжались из Астрахани), опасности со стороны старообрядцев и горских князей, но изменить ситуацию не могли, поскольку из 800 астраханских стрельцов 500 были отправлены в Крымский поход⁵⁶. Правительство царевны Софьи уже к началу августа 1689 г. знало о намерении Будая и старообрядцев идти на Терки⁵⁷, но времени для принятия действенных мер у него уже не оставалось. Ещё до конца 1689 г. Терки оказались в осаде. Мать кн. М.А. Черкасского Таука Салтанбековна 15 декабря писала сыну в Москву о «службах» терского дьяка К.И. Уланова, который «в приход к Терку неприятельских воинских людей в осаде сидел и великим государем служил, в городе над караулы по вся дни и ночи смотрел и от всякие шатости осадных людей берег и государскою милостию обнадеживал»⁵⁸.

Крымские походы 1687 и 1689 гг. и сопутствовавшие им действия на других направлениях стали основным содержанием первого этапа русско-турецкой войны. Историки долгое время трактовали её в духе официальных царских манифестов, предшествовавших обеим крымским экспедициям, сводя цели войны к общим словам о стремлении избавиться от крымской опасности (Н.Г. Устрялов, Н.С. Голицын)⁵⁹ и «от позора дани татарской» (С.М. Соловьёв). Последний в рамках обобщающего труда по истории России пытался нащупать основы политики голицынского правительства в отношении ханства (военный натиск на Крым с целью заставить его согласиться на выгодные условия мира), однако в последующей историографии эта тенденция развития не получила⁶⁰. Советские историки чересчур увлекались международной стороной вопроса, всячески стремясь подчеркнуть важную роль России в антиосманской коалиции (М.Н. Белов, Г.К. Бабушкина, И.Б. Греков)⁶¹; исследователи последней четверти века не ставили задачу выяснения целей Крымских походов, следуя в

⁵³ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 387

⁵⁴ Дзамихов К.Ф. «В службе и обороне...». Нальчик, 2017. С. 137.

⁵⁵ Дружинин В.Г. Указ. соч. С. 184, 194, 195—196.

⁵⁶ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — ДАИ). Т. XII. СПб., 1872. С. 272.

⁵⁷ Там же. С. 337.

⁵⁸ Кашкин Н.Н. Родословные разведки. Т. 1. СПб., 1912. С. 9—10.

⁵⁹ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 191—192; Голицын Н.С. Русская военная история. Ч. 2. От Иоанна III до Петра I. СПб., 1878. С. 660—668.

⁶⁰ Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. 7. С. 379—380, 395—398.

⁶¹ Бабушкина Г.К. Указ. соч. С. 158—172; Белов М.Н. Указ. соч. С. 154—188; Греков И.Б., Мальцев А.Н. Международное положение России в начале 80-х гг. «Вечный мир» 1686 г. и Крымские походы 1687 и 1689 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. С. 536—540; Греков И.Б. Московско-польский договор 1686 г. о союзе и «вечном мире» // Советское славяноведение. 1987. № 3. С. 27—43.

своих работах в той или иной степени тенденциям предыдущей историографии (Л. Хьюз, А.С. Лавров и др.)⁶²; наиболее значительный вклад в исследуемую проблематику внёс В.А. Артамонов, сделавший ряд ценных наблюдений⁶³.

В целом контуры стратегии России в первый («крымский») период войны можно рассматривать следующим образом: прямой натиск армии, превывшавшей силы Селим-Гирея (когда последний не мог получить действенной османской помощи), должен был принудить хана к переговорам и заключению нового договора на условиях, варьиовавшихся от признания верховной власти царя до официального отказа Бахчисарая от ежегодных поминок. Включив в новую ханскую шерть обязательство не совершать набегов на Польшу, договор с которой был единственным обязательством, связывавшим Россию со Священной лигой, кн. В.В. Голицын мог официально объявить, что цель, ради которой царское правительство решилось на войну, достигнута, а обязательства по союзному договору выполнены. Однако все эти замыслы разбились о военные неудачи Крымских походов и твердую позицию Селим-Гирея, занятую в ходе переговоров и 1687, и 1689 гг.

Провал всех этих замыслов и последовавший вскоре государственный переворот, отстранивший в августе 1689 г. от власти правительство царевны Софьи, на некоторое время отвлек внимание московской политической элиты от военных дел. Тяжёлая ситуация сложилась на Кавказе. Шамхал Будай, хотя и не смог захватить Терки, фактически блокировал город, в котором к тому же началась эпидемия. Противник нападал на тех, кто пытался выходить из города. Жители не могли выехать даже в лес за дровами. Связь по морю с Астраханью также была сильно затруднена. Когда осенью 1691 г. новый терский воевода В.С. Нарбеков шёл на стругах со стрельцами из Астрахани вдоль каспийского побережья к месту своего назначения, старообрядцы и люди Будая атаковали его. Воевода прошёл на Терек, потеряв струг с пушкой и знаменем. В феврале 1692 г. Нарбеков сидел в Терках, испытывая нужду во всём, от денежной казны до леса и вина для кабака⁶⁴.

Судя по всему, весной—летом 1692 г. московские власти всерьёз озаботились ситуацией на Кавказе. Дипломатические усилия и обещание «казны» привели к тому, что Будай прекратил блокаду Терков и отказался от дальнейшей поддержки старообрядцев. Когда в сентябре 1692 г. на Терек были отправлены казанские и астраханские стрельцы, «раскольники» уже успели договориться с татарами о переселении в Крым. Однако спастись им не удалось. Выступившие на стороне России чеченцы Амир-хана уничтожили большую часть старообрядцев на р. Сунже⁶⁵. Ситуацию вокруг Терков удалось стабилизировать, но спокойствие оказалось непрочным. В 1693 г. Будай, опираясь уже на помощь Персии (500 человек), пытался перехватить едущего через Терки в Москву грузинского царевича Арчила⁶⁶.

⁶² Хьюз Л. Царевна Софья. СПб., 2001. С. 245—271; Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682—1689 годах. СПб., 2017. С. 138—156.

⁶³ Артамонов В.А. Россия, Речь Посполитая и Крым... С. 12—18; Артамонов В.А. Страны Восточной Европы... С. 302—308.

⁶⁴ Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI—XVII в. Сборник документов / Сост. Е.Н. Кушева, отв. ред. Н.Г. Волкова. М., 1997. С. 251—255.

⁶⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ). Т. V. СПб., 1842. С. 369—371.

⁶⁶ Там же. С. 405.

Положение дел в степи в 1689—1691 гг. также постепенно менялось не в пользу России. Ещё осенью 1688 г. крымские послы приезжали к калмыцкому тайше Аюке с подарками⁶⁷. Этот правитель подчинил своей власти большую часть калмыков, кочевавших поблизости от российских границ. Москва рассматривала его в качестве союзника. Фактически же Аюка держал нейтралитет, выжидая, кто окажется сильнее. Этот нейтралитет был крайне хрупким и сопровождался мелкими столкновениями. К примеру, когда Аюка отправил в Азов лошадей на продажу, казаки захватили их, убив табунщика⁶⁸. В 1694 г. донские казаки сообщали, что один из людей Аюки с сотней всадников ходил в поход вместе с кубанскими ногайцами⁶⁹. Схваченных вместе с азовцами и ногайцами калмыков казаки разорвали лошадьми на глазах послов Аюки⁷⁰. Впрочем, это не мешало московским властям зимой 1693/94 гг. обращаться к Аюке с просьбой выделить людей для сопровождения из Терков в Астрахань царевича Арчила⁷¹.

В 1688 г. Аюка породнился с джунгарским тайшей Цаганом. Сын Аюки взял в жёны дочь последнего. С конца 1688 г. стали появляться сведения о сношении крымцев непосредственно с Цаганом. В итоге бывшие союзники России джунгары откочевали с Дона. Радикально политика джунгарского тайши изменилась уже после свержения царевны Софьи. В августе—сентябре 1690 г. Цаган атаковал городки донских казаков, полностью «вырубив» Высоцкий городок. С 1692 г. против джунгар вместе с казаками стали успешно действовать башкиры⁷².

На донском театре военных действий смена власти в Москве привела к установлению временного затишья. Сразу после второго Крымского похода донские казаки сообщали в Москву, что мирные жители уезжают из Азова, опасаясь скорого нападения на город⁷³. Однако уже в декабре 1689 г. боевые действия были приостановлены для размена пленных⁷⁴. Войну казаки возобновили весной 1691 г., когда их отряд в 800 человек ходил на Азовское море, а 200 конных «заезжали» под Перекоп. В 1692 г. на стругах в Прикубанье ходили уже 1 200 человек. Казаки также совершили нападение на предместья Азова. В 1694 г. отряд в 900 донских казаков неожиданно атаковал азовцев и их союзников, пришедших под города Рыбный, Ольшанский и Усерд. На море отправилась 1 тыс. человек. В этом же году донцы вместе с запорожцами разгромили Чингарский городок (поблизости от Перекопа)⁷⁵.

На днепровском театре военных действий осенью 1689 г. интенсивность боёв также снизилась. Во время Второго Крымского похода П. Гордон отмечал, что укрепления Казыкермена «так стеснили запорожских казаков, что те с каждым днём значат всё меньше и придут в упадок, если дела пребудут в настоящем положении»⁷⁶. Это, по-видимому, понимали и в Москве. Ещё в июне 1688 г. польский резидент при русских войсках на юге С. Глосковский

⁶⁷ ДАИ. Т. XII. С. 266.

⁶⁸ Там же. С. 278.

⁶⁹ АИ. Т. V. С. 424.

⁷⁰ Сухоруков В.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 510—511.

⁷¹ АИ. Т. V. С. 402—403.

⁷² Тепкеев В.Т. Джунгары... С. 16—17.

⁷³ ДАИ. Т. XII. С. 280.

⁷⁴ Там же. С. 352.

⁷⁵ Сухоруков В.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 514—519.

⁷⁶ Гордон П. Дневник, 1684—1689. С. 196.

сообщал, что, по некоторым данным, они в этом году двинутся на Казыкермен и Исламкермен⁷⁷, но этого не случилось. В свете дальнейшей бесперспективности походов на Крым османские крепости на Днестре могли стать очевидной целью для русского войска, однако свержение правительства царевны Софьи привело к общему снижению военной активности Москвы и отказу от крупных наступательных операций в последующие годы.

В 1690 г. под Казыкермен ходил Мазепа, разорил его посад, взял пленных, однако захват крепости изначально не входил в его планы. На протяжении следующих четырёх лет война в Днепро-Донском регионе выглядела как серия чередующихся походов украинских казаков в турецкие и татарские владения, а также набегов татарских чамбулов (мобильных отрядов) на украинские земли. Отряды, высланные гетманом Мазепой, совместно с правобережными казаками С. Палея (формально подчинялся Речи Посполитой) в 1692 г. совершили рейд на Очаков, а в следующем году — в окрестности Тягина, разорив поселения Белгородской орды⁷⁸.

Идея взятия Казыкермена, тем не менее, продолжала обсуждаться московскими политическими кругами и Мазепой⁷⁹, однако совместный поход на крепость царских ратных людей и украинских казаков откладывался из года в год. В 1693 г. гетман заявил приехавшему к нему А.А. Винуису: «Что вы, великие государи, изволили сего лета поход под турецкие на Днестре стоящие городки отложить, и в том он, гетман, вашему, великих государей, изволению повинуется. Однако ж не мог настоящую того дела нужду оставить необъявленну, то есть какую к тому походу весь народ малороссийский, паче ж запорожцы имеют охоту, и того походу непрестанно у него, гетмана, усердно просят для великих корысти, которая им в том належит. А паче ж он, гетман, о том походе старается, что принадлежит к великой славе вашего, великих государей, пресветлейшаго имени, и прибыли и крепости обоих, как великороссийского, так и малороссийского народов. И взятъем тех городков неприятели скорейше б были принуждены мира сами в вас, великих государей, просити»⁸⁰.

Положение дел на Украине осложнилось из-за так называемого восстания Петрика (П. Иваненко). Бывший служащий канцелярии Мазепы ушёл в Запорожскую Сечь, стал там войсковым писарем, а в 1692 г. направился в Казыкермен, где от имени запорожцев заключил вечный мир и военный союз с Крымским ханством⁸¹. Иваненко переоценил степень недовольства казаков действиями московских властей и Мазепы. Собрать под свои знамена сколько-нибудь значительное число украинских казаков ему не удалось. Однако сама возможность подобного развития событий оказывала существенное влияние на политическую ситуацию в регионе. Московскому правительству приходилось постоянно держать большую армию на юге, поскольку противник регулярно нападал на порубежные города Белгородского разряда. К примеру, в июне 1690 г. отряд, состоявший из 1 тыс. татар, азовцев и казаков-старообрядцев, атаковал соляные промыслы у города Тор (современный Славянск в Донецкой области).

⁷⁷ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Publiczne Potockich. Rps. 163a. T. 15. S. 1609—1610.

⁷⁸ Заруба В.Н. Украинское казачье войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993. С. 112—118; Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 415.

⁷⁹ Заруба В.Н. Указ.соч. С. 114.

⁸⁰ РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1693 г., д. 6, л. 2.

⁸¹ Оглоблин А. Договір Петра Іваненка (Петрика) з Кримом 1692 року // Ювілейний Збірник на пошану акадєміка Д. Багалія. Київ, 1927. С. 720—744.

Их успеху способствовало то, что старообрядцы выдали себя за донских казаков. Это позволило совершить неожиданное нападение⁸². Набеги продолжались и в последующие годы. Однако собственно русские войска на всех направлениях ограничивались оборонительными действиями, давая возможность наступать на противника украинским и донским казакам, башкирам и др.

Причина такой пассивности заключалась в том, что правительство Н.К. Нарышкиной стремилось выйти из войны. В 1691 г. начался обмен гонцами между Россией и Крымом. В 1692 г. к хану был отправлен подьячий В. Айтемирев, с тем чтобы предложить мир на условиях, выдвигаемых кн. В.В. Голицыным под Перекопом три года назад (отказ от поминок, освобождение пленных без выкупа и др.). Однако договориться не удалось, крымский хан требовал возврата к кондициям *ante bellum*, т.е. возобновления Бахчисарайского договора 1681 г. Ситуацию усугубило восстание Петрика, открывшее крымским властям перспективы усиления позиций в Запорожье и Гетманской Украине. В этих условиях в Москве в 1693 — начале 1694 г. размышляли о том, чтобы согласиться на заключение мира на старых условиях⁸³.

Коренные изменения в ходе войны произошли после того, как в январе 1694 г. умерла царица Наталья Кирилловна, а власть полностью перешла в руки Петра I. Завершился второй (1690—1694), «оборонительный» период войны, сводившийся главным образом к не слишком удачной для русской стороны пограничной войне и поискам возможностей выйти из противоборства с османами и татарами с наименьшими потерями. В настоящий момент историки почти ничего не знают о том, как в российских политических кругах вызревало решение по поводу дальнейшего ведения военных действий. На фоне отсутствия конкретных данных, в том числе в донесениях иностранных резидентов⁸⁴, а также в свете позднейших заявлений Петра об организации похода на Азов в отместку за «обиды татарские», высказываются даже суждения, что петровские планы взятия Азова вовсе не были связаны с идеями царя о строительстве флота и развитии черноморской торговли; в конце 1694 — начале 1695 г. им главным образом двигало стремление оживить «тлеющую войну» с османами⁸⁵.

Не со всеми доводами в пользу указанного суждения можно согласиться, однако, говоря о генезисе петровских военных планов в указанное время, следует отметить, что неудача Крымских походов и переговоров с ханом обусловила осознание ещё правительством Нарышкиных необходимости смены военно-стратегического курса с сосредоточением основных усилий не на полевой борьбе с подвижными крымскими войсками, а на захвате стационарных укреплений османов в регионе. Решительные шаги на этом направлении предпринял юный Пётр, мечтавший снискать лавры полководца и победителя турок, направив основной натиск не на Крым, а на османские крепости.

⁸² Сухоруков В.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 512.

⁸³ Маркевич А.И. Пребывание в Крыму Московского гонца подьячего Василия Айтемирева в 1692—1695 гг. // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1890. № 9. С. 48—60; Маркевич А.И. Список со статейного списка подьячего Василия Айтемирева, посланного в Крым с предложением мирных договоров // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 19. Одесса, 1896. С. 57—58; Артамонов В.А. Россия, Речь Посполитая и Крым... С. 19—25.

⁸⁴ Бушкович П. Пётр Великий. Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008. С. 187.

⁸⁵ Аваков П.А. Зачем Пётр I предпринял поход на Азов? // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21—22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 659—663.

Так начался третий период войны (1694—1700), который условно можно назвать «османским». Прелюдией к нему стала активизация боевых действий со стороны России осенью 1694 г. В сентябре соединения командующего Белгородским разрядом Б.П. Шереметева совершили «вылазку» за пределы Засечной черты, в то время как полки Мазепы выступили к Днепру, а отдельный отряд полковника Я. Лизогуба перешёл реку и разорил ряд поселений белгородских татар⁸⁶.

Мазепа посчитал последнюю акцию весьма удачной и предложил прибывшему к нему в декабре 1694 г. стольнику А.А. Виниусу повторить поход на Буджак будущей весной силами 30 тыс. гетманских казаков и 10 тыс. царской пехоты. Важно подчеркнуть, что за несколько месяцев до начала новой военной кампании Мазепа недвусмысленно выступил против того, чтобы штурмовать Казыкермен и «отворить» Днепр «своевольным» запорожцам, которые без позволения царя и гетмана ведут переговоры о мире с ханом. Гетман также настаивал на необходимости активизации военных действий, критикуя порочность попыток добиться мира на фоне полной пассивности Москвы в предыдущие годы и считая, что хан пойдёт на приемлемое для России соглашение только под влиянием силы. При этом он выступал сторонником и усиления натиска на османов, и более тесной координации военно-политических шагов с Речью Посполитой⁸⁷. В целом, как оказывается, решение о «двойном ударе» на устья Днепра и Дона было принято в Москве независимо от советов Мазепы⁸⁸ не позднее января 1695 г.⁸⁹

В 1695 г. мощный удар был нанесен по Казыкермену. Его гарнизон насчитывал 4 тыс. человек⁹⁰. Под стенами города собрались 25 273 ратника из войск Белгородского разряда под командованием Шереметева, 35 тыс. казаков Мазепы, два полка находившихся в Батуристине стрельцов, а также 2 тыс. запорожцев. На сосредоточение войск ушло больше месяца, а сама осада заняла всего неделю. Запорожские казаки перерезали коммуникации города по Днепру. Вровень с городскими стенами был насыпан земляной вал. Под руководством сопровождавшего войска немецкого инженера под стену Казыкермена подвели подкоп. 30 июля осаждающие разрушили взрывом угловую башню и начали штурм. К вечеру того же дня в руках турок осталась лишь цитадель, и они капитулировали. После этого Мустриткермен сдался запорожцам. Гарнизоны Мубереккермена и Исламкермена спешно покинули укрепления⁹¹. Находившиеся за Днепром татары не могли помочь осаждённому городу, поскольку для этого им пришлось бы переправляться через реку на глазах противника и с ходу вступать в сражение.

В Донском регионе целью российской армии стал Азов. Гарнизон крепости составлял 3 тыс. человек, в том числе около 500 «ахреян» (живших в Азове

⁸⁶ Артамонов В.А. Страны Восточной Европы... С. 314.

⁸⁷ РГАДА, ф. 229, оп. 2, кн. 114, л. 77—96, 129—138.

⁸⁸ Спустя годы А.А. Виниус вспоминал, что из одной из своих поездок к Мазепе он «согласие гетманское привез Азовской победы» (Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус. М., 2007. С. 200), однако воспоминание это, как видно, не совсем согласуется со статейным списком его миссии.

⁸⁹ Богословский М.М. Пётр Великий: материалы для биографии. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672 — 9 марта 1697. М., 2005. С. 201—203.

⁹⁰ Шмурло Е.Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. 1. Юрьев, 1903. С. 37—38.

⁹¹ Багров А.В. Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 78—133.

украинцев и русских). Весной—летом 1695 г. туркам удалось довести его до 6 тыс., от трети до половины которых погибли затем в ходе боевых действий. Кроме того, когда город осадили российские войска, к нему на помощь пришёл отряд, состоявший из 3 или 4 тыс. турок, татар и калмыков⁹². В татарском лагере находились также черкесы⁹³. Направлявшееся под Азов войско Петра I составляло немногим более 30 тыс. человек⁹⁴. На месте его пополнили 6 тыс. донских казаков, 2 300 человек астраханской и яицкой конницы, а также отряды башкир и калмыков⁹⁵. Любопытно, что сам Аюка, которого одаривали и считали своим союзником обе воюющие стороны, от участия в сражениях уклонился⁹⁶.

Осада Азова началась в конце июня. Она подробно описана в дневнике П. Гордона⁹⁷. Из этого текста становится очевидным, что русская армия страдала из-за отсутствия единоначалия: царские любимцы Гордон и Лефорт мешали друг другу, соревнуясь за влияние на Петра, а казаки вообще стремились действовать самостоятельно. Кроме того, было допущено несколько серьёзных ошибок. Город оказался заблокирован не полностью, что позволило туркам снабжать его подкреплением и припасами. Основная же причина неудачи состояла в неудовлетворительном ведении инженерных работ. Достаточно сказать, что подведённая к городским укреплениям мина уничтожила собственные траншеи осаждавших. Попытки штурмовать город, не разрушив его укрепления, привели к большим потерям. К концу сентября стало очевидным, что из-за надвигающихся холодов взять Азов не удастся. Единственной удачей первого Азовского похода стал захват перекрывавших Дон каланчей. Вокруг одной из них была построена крепость Ново-Сергиев (Сергиев), в которой оставили гарнизон в 3 тыс. человек.

Уже зимой 1695/96 гг. обе стороны начали готовиться к возобновлению осады. Турки восстанавливали укрепления и подвозили новые войска. Гарнизон Ново-Сергиева также пополнялся⁹⁸. В подмосковном Преображенском и на Дону под Воронежем удалось построить флот из галер и стругов, адмиралом был назначен Лефорт. Весной флотилия спустилась по Дону, пройдя мимо Ново-Сергиева 19 мая 1696 г. Крупные корабли, на одном из которых находился сам царь, непосредственно в боях участия не принимали. На стоявший в донском устье турецкий флот напали казаки, уничтожив значительную часть кораблей противника. Позднее блокада была усилена поставленными в устье Дона батареями. В результате Азов оказался блокирован с моря⁹⁹.

⁹² Гордон П. Дневник, 1690—1695. М., 2014. С. 360—361, 385, 396; Сень Д.В. Из истории борьбы России за Азов в 1695—1696 годах: участие ахреян в защите османской крепости // Меншиковские чтения — 2014: Научный альманах. Вып. 5(13). СПб., 2014. С. 160—167.

⁹³ Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 163.

⁹⁴ Письма и бумаги Петра Великого (далее — ПиБ). Т. 1. СПб., 1887. С. 28; Гордон П. Дневник, 1690—1695. С. 328, 347—348; Лефорт Ф. Сборник материалов... С. 164.

⁹⁵ Гордон П. Дневник, 1690—1695. С. 371, 375, 378, 393, 405.

⁹⁶ Тепкеев В.Т. Калмыцко-донские отношения в период Азовских походов 1695—1696 гг. // Magna adsurgit: historia studiorum. 2017. № 2. С. 7—13.

⁹⁷ Гордон П. Дневник, 1690—1695. С. 319—408.

⁹⁸ Аваков П.А. Две твердыни: Азов и Сергиев между первым и вторым Азовскими походами 1695—1696 гг. // Война и воинские традиции в культурах народов России (V Токаревские чтения). Материалы всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 6—7 мая 2016 г.). Ростов н/Д, 2016. С. 65—70.

⁹⁹ Богословский М.М. Указ. соч. Т. 1. С. 274—275, 282—287, 300, 310—311.

К концу мая 1696 г. под Азов стали прибывать сухопутные войска, находившиеся под общим командованием А.С. Шеина. Их общая численность достигала 70 тыс. человек. Сразу же начались масштабные инженерные работы. Среди прочего к городу стали подсыпать вал наподобие возведённого в предыдущем году при осаде Казыкермена. К 18 июля вал в нескольких местах оказался подведён к укреплениям Азова, которые были в значительной степени разрушены орудийным огнем. Понимая бесперспективность дальнейшего сопротивления, защитники Азова сдались. Вслед за Азовом капитулировал и гарнизон Лютика¹⁰⁰. Продолжались бои и на днепровском театре военных действий. Украинские казаки атаковали Очаков¹⁰¹. После взятия Азова к ногайцам на Кубань было отправлено письмо с призывом принять российское подданство. Начались переговоры с ногайскими мурзами, которые, впрочем, не привели к значимым результатам¹⁰².

После взятия Азова Пётр окончательно решил перенести войну с Османской империей на море. 20 октября 1696 г. было принято решение о строительстве большого флота¹⁰³. В связи с петровскими планами использовать итальянских корабелов открылась школа итальянского языка братьев Лихудов¹⁰⁴. Сам царь отправился с Великим посольством в Европу. Ещё при подготовке к этой поездке царь составил для себя «мемориал» — записи о том, что нужно привезти из путешествия. В этом документе упоминаются умеющие строить корабли мастера, капитаны и моряки, паруса и другие корабельные припасы¹⁰⁵. Поставленные задачи были выполнены. Причём в документах посольства прямо указывается, что тысяча нанятых российскими дипломатами специалистов назначалась «в его великого государя службу... на черноморской воинской флот»¹⁰⁶.

Военные цели Великого посольства тесно сплетались с дипломатическими. Вступив с непосредственное военное столкновение с Османской империей, захватив Азов и Казыкермен, Пётр изменил и отношение к антиосманскому союзу европейских держав. Его уже не удовлетворяло избранное Голицыным опосредованное (через соглашение с Речью Посполитой) и ни к чему по большому счёту не обязывающее союзничество с антиосманской коалицией. Поэтому в 1697 г. в результате переговоров в Вене посольства К. Нефимонова Россия присоединилась к коалиции уже непосредственно, через договоры с Венецией и Веной, с обязательством не заключать сепаратный мир с Портой¹⁰⁷.

Между тем отсутствие Петра крайне негативно сказалось на ходе военной кампании. После взятия Азова ожидалось, что турки предпримут попытку вернуть город. Для противодействия подобному нападению летом 1697 г. здесь была сосредоточена основная часть русской армии во главе с А.С. Шейным. В реальности боевые действия на Нижнем Дону ограничились лишь военной

¹⁰⁰ Там же. С. 278—279, 315—332.

¹⁰¹ Багро А.В. Указ. соч. С. 150.

¹⁰² Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII—XVIII вв.) // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. № 2. С. 114—116.

¹⁰³ Кротов П.А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017. С. 85—86.

¹⁰⁴ Рамзанова Д.Н. Первая Итальянская школа в России (1697—1700) по документам Российского государственного архива древних актов // *Проблемы италянистики*. Вып. 5. М., 2013. С. 196—212.

¹⁰⁵ РГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 60, л. 1—4 (опубликовано: ПиБ. Т. 1. № 140).

¹⁰⁶ ПДС. Т. VIII. Стб. 1180—1181.

¹⁰⁷ О самих переговорах см.: *Burdowicz-Nowicki J. Piotr I, August II i Rzecz pospolita 1697—1706*. Krakow, 2010. S. 43—48.

демонстрацией 5-тысячного отряда татарской конницы. После того как татары отошли от Азова, хан Аюка, окончательно определившийся к этому времени, на чьей стороне он участвует в войне, с отрядом в 8—10 тыс. всадников отправился на Кубань разорять турецкое Приазовье¹⁰⁸.

На днепровском театре военных действий в 1697 г. планировался рейд кн. Я.Ф. Долгорукова и И.С. Мазепы к Очакову. Однако этот поход не состоялся, поскольку противник сосредоточил здесь значительные силы для нанесения удара по Казыкермену с целью вернуть город под свой контроль. Именно здесь, а не на Дону, как ожидало московское правительство, развернулись основные события военной кампании 1697 г. 14 июля татары овладели Исламкерменом, сюда прибыл крымский хан Селим-Гирей. К Казыкермену подошла Белгородская орда в сопровождении конных турок — сипахов. По Днепру поднялись турецкие галеры. Осада Казыкермена и Тавани продолжалась до 9 октября, когда турки неожиданно отступили¹⁰⁹. Русско-украинские гарнизоны крепостей смогли мужественным сопротивлением компенсировать ошибки российского командования.

Отсутствие царя пагубным образом сказалось на координации действий российских войск, помешав вовремя оказать поддержку Казыкермену. Возможно, это стало причиной и резкого ухудшения снабжения армии. Так, направленные на польскую границу стрелецкие войска, пройдя туда из Азова без отдыха около 2 тыс. км, столкнулись с отсутствием подготовленных зимних квартир, а потом и с голодом — московские власти уменьшили стрельцам хлебное жалованье, а сам хлеб подорожал из-за плохого урожая¹¹⁰. Допущенные управленческие ошибки стали одной из причин стрелецкого восстания.

Сезон 1698 г. стал временем затишья на всех театрах боевых действий. Турки и татары оказались истощены неудачами прошедшего года. Получив невосполнимый урон в битве при Зенте 11 сентября 1697 г. от войск австрийского полководца Е. Савойского, они всерьёз задумались о прекращении войны. В Москве же были заняты подавлением стрелецкого бунта и следствием над стрельцами. О перемирии между воюющими сторонами было официально объявлено 7(17) октября 1698 г. Переговоры начались вблизи Карловиц (современное название — Сремски-Карловци) и продолжались до января 1699 г. Для России их итогом стало заключённое 14(24) января 1699 г. двухлетнее перемирие¹¹¹.

Судя по всему, фактическое прекращение боевых действий против турок и татар не означало для Петра окончания войны. Хотя в это время активно велась подготовка к вступлению в антишведский союз, на турецком направлении также продолжали готовиться к новым сражениям. По поручению царя в 1698 г. Мазепа отправлял лазутчика, который должен был выяснить, где на черноморском побережье между Днепром и Дунаем есть удобные места для стоянки судов¹¹². Огромные средства вкладывались в строительство боевых кораблей

¹⁰⁸ Гордон П. Дневник, 1696—1698. М., 2018. С. 96, 125.

¹⁰⁹ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 251, л. 760 об.—774; Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. М., 1830. С. 350—353; Гордон П. Дневник, 1696—1698. С. 93—117; Заруба В.Н. Указ. соч. С. 132—138.

¹¹⁰ Буганов В.И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 362—367.

¹¹¹ Гуськов А.Г. Участие России в Карловицком конгрессе (1698—1699 годы): русская дипломатия в раннее Новое время // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 119—141.

¹¹² Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 3. СПб., 1858. С. 478.

на воронежских верфях и порта-крепости в Таганрогском заливе¹¹³. Серьёзное внимание правительство уделило укреплениям Казыккермена. После штурма 1697 г. его полностью перестроили. Даже в 1700 г. туда для поддержки гарнизона высылались войска под командованием кн. Кольцова-Мосальского¹¹⁴.

Точка в войне была поставлена в Константинополе 3(14) июля 1700 г. В этот день воюющие стороны заключили 30-летнее перемирие. Турки согласились с потерей Азова и части побережья Азовского моря с новыми крепостями, признали владением России Запорожскую Сечь. Однако Казыккермен и соседние городки возвращались туркам. Их укрепления полагалось срыть. Фактически город из крепости превращался в таможенный пункт. Крымское ханство «навечно» лишалось права требовать с России какие-либо выплаты за сохранение мира¹¹⁵.

Рассмотрение событий 1686—1700 гг. как целостного процесса даже в рамках журнальной статьи позволяет представить русско-турецкую войну как сложное и многоплановое явление, отразившее последовательное чередование военных стратегий в зависимости от расстановки политических сил при русском дворе. Её можно разделить на три основных этапа, обусловленных в том числе и внутренними конфликтами — борьбой за власть между Милославскими и Нарышкиными, движением старообрядцев и др.

На первом, «крымском» этапе кн. В.В. Голицын, выполняя зафиксированные в договоре 1686 г. обязательства перед Речью Посполитой, одновременно пытался добиться дипломатического соглашения с ханством, предусматривавшего в зависимости от ситуации окончательную отмену «поминок» и даже переход хана под верховную власть русских царей. Однако походов на Крым 1687 и 1689 гг. оказалось недостаточно для того, чтобы склонить Селим-Гирея к уступкам. В.А. Артамонов справедливо отметил, что походы стали серьёзной демонстрацией возможностей российской военной логистики, обеспечившей переброску значительных масс войска на дальние расстояния в условиях безлюдных и степных районов¹¹⁶, однако в военном плане голицынские экспедиции оказались ударом кулака в пустоту: «скифская» тактика крымской армии и географические особенности театра боевых действий позволяли Крыму не только избежать угрозы военного поражения, но и (после второго похода, в 1689 г.) перебрасывать свою конницу для действий против других участников антиосманской коалиции.

Важной частью голицынских планов, о которых не следует забывать, стало строительство крепостей на нижнем Днепре, с опорой на которые можно было постепенно продвигаться в глубь территории противника. В полной мере реализовать эту стратегию Голицын не успел, поскольку оказался в ссылке после свержения царевны Софьи. Борьба за власть в Кремле привела к

¹¹³ *Аваков П.А.* Основание Таганрогской гавани: от идеи к воплощению // Вопросы истории естествознания и техники. Т. 37. 2016. № 2. С. 298—311.

¹¹⁴ *Великанов В.С.* Днепровский поход войск кн. Кольцова-Мосальского в 1700 году // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского учёного). Материалы всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 22—23 марта 2019 г.). Ростов н/Д, 2019. С. 571—577.

¹¹⁵ ПиБ. Т. 1. С. 368—378. На основе русских источников константинопольские переговоры Е.И. Украинцева подробно описаны М.М. Богословским (*Богословский М.М.* Указ. соч. Т. 5. Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь. 1699—1700. М., 1948).

¹¹⁶ *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы... С. 307.

возникновению паузы в боевых действиях на многих направлениях. Период правления Нарышкиных характеризуется переходом к оборонительной тактике вкуче с робкими наступательными попытками в отношении Казыкермена. Одновременно на втором этапе противостояния московские власти стремились выйти из войны на приемлемых для себя условиях.

Приход к власти Петра I привёл не только к значительной активизации боевых действий, но и к окончательному смещению их основного фокуса с Крыма на турецкие форпосты в регионе. Российские войска продвигались вдоль Дона и Днепра, захватывая турецкие крепости и строя вблизи них новые укрепления. В вопросе же продвижения на юг московских крепостей политика Петра оказалась прямым продолжением курса правительства Голицына.

Принципиальным новшеством в стратегии Петра стали его планы перенести боевые действия на Чёрное море, создав для внутренних районов Османской империи угрозу, несопоставимую по масштабу с морскими походами казаков. Это могло бы стать следующим, четвёртым этапом войны. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, расчёты царя не оправдались. Усилия и ресурсы, потребовавшиеся для создания морского флота, затормозили ход наземных операций. Сезоны боевых действий 1697 и 1698 гг. по сути оказались потеряны. Эти задержки можно было бы компенсировать позднее, но к тому времени, когда российский флот стал значимой военной силой, западные союзники России склонились к заключению мира.

Проведённый анализ истории русско-турецкой войны 1686—1700 гг., не сводимой лишь к отдельным, пусть и масштабным «походам», позволяет представить военно-политические процессы в районах различных театров военных действий комплексно, в том числе в «буферных» областях, не имевших чётких границ. Это стало возможным благодаря наработкам отечественной историографии последних лет, которые позволили проследить вовлечённость в боевые действия малых народов и автономных политических образований (кумыков, черкесов, чеченцев, калмыков, ногайцев, башкир, донских и запорожских казаков и др.) на протяжённой территории от Буджака до Северного Кавказа.

Стало очевидно, что российские и крымско-турецкие власти старались при помощи различных средств переманить их на свою сторону. Зачастую представители одного народа оказывались в составе войск обоих противников. Если в мирное время крупные державы играли стабилизирующую роль на контролируемой ими периферии, то теперь активность центров влияния, таких как Москва, Бахчисарай и Стамбул, обостряла тлевшие в различных регионах межэтнические конфликты и внутреннюю борьбу в среде местных элит.

В целом итоги войны 1686—1700 гг. для России оказались положительными. Страна покончила с пережитками даннических отношений с татарами, прекратив выплаты «поминок», усилила своё влияние на соседние народы, получила выход к Азовскому морю. Опыт по созданию морского флота привёл к существенному развитию технологического потенциала, оказавшегося востребованным в начавшейся в 1700 г. Северной войне. Постепенное упрочение позиций России в антиосманской коалиции в определённой степени способствовало и росту её международного авторитета, несмотря на то что её вклад в победу над турками и эффективность военных операций (гиперболизированная в советское время) был скромным. В 1681 г. русские послы вынуждены были принять навязанные им условия мира в Бахчисарае, в 1687 г. Селим-Гирей с возмущением отверг адресованное лично ему послание В.В. Голицына, а в

1698—1700 гг. русская дипломатия уже на прямых переговорах с османами решала вопросы, касающиеся в том числе и отношений с Крымским ханством, чего совсем недавно в Москве не могли себе и представить.

На данный момент в отечественной историографии важные события в истории русско-турецкой войны всё ещё остаются малоисследованными или дискуссионными. К их числу можно отнести генезис военно-стратегических планов московского правительства, проблемы обеспечения и снабжения армии, взаимодействие с польским союзником, детали «малой войны» на черте и Гетманской Украине, последствия татарских набегов, боевые потери русских войск в крупнейших операциях и др. Большинство этих вопросов может быть решено только в рамках комплексного монографического исследования указанной проблематики с привлечением значительного количества новых архивных источников.

Роль России в европейской системе международных отношений при Елизавете Петровне

Максим Анисимов

Role of Russia in the European system of the international relations during Elizabeth Petrovna's reign

Maxim Anisimov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012930-4

Внешняя политика России в период правления Елизаветы Петровны длительное время не привлекала внимания отечественных историков. В XVIII в. «выигрышными» стали эпохи Петра I и Екатерины II. О годах царствования Елизаветы даже в России судили в основном по работам зарубежных авторов и иностранным источникам, согласно которым «ленивая» государыня передоверила внешнюю политику «подкупленным» министрам. Противоречие между никчёмными руководителями и хорошими результатами этой внешней политики зачастую объяснялось в духе Н.М. Карамзина: «Счастье, благоприятствуя милосердной Елизавете в её правление, спасло Россию от тех чрезвычайных зол, коих не может отвратить никакая мудрость человеческая»¹. Исключением из общего правила стала лишь масштабная работа С.М. Соловьёва, в которой автор, основываясь на обширных российских архивных метариалах, высоко оценил и личные качества Елизаветы, и её эпоху².

Ситуация начала меняться только во второй половине XX в., когда западные историки высоко оценили внешнюю политику Елизаветы Петровны, называя её царствование временем вхождения Российской империи в число великих европейских держав³. При этом они, как правило, не имели доступа к российским архивам. Цель статьи — рассмотреть взаимодействие России с европейскими державами в годы правления Елизаветы Петровны, а также изменение роли страны в системе международных отношений.

Взойдя на престол 25 ноября 1741 г., 31-летняя Елизавета Петровна испытывала симпатии к Франции и неприязнь к традиционным союзникам России — Англии (нация, казнившая своего короля⁴) и Австрии (австрийцы при Анне Иоанновне отказались от обязательств помощи голштинским родственникам Елизаветы, кроме того, не обеспечили восшествие её на престол после смерти Петра II⁵).

© 2020 г. М.Ю. Анисимов

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 39.

² Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. XII. М.; Харьков, 2003. С. 842—846.

³ См., например: *Mediger W.* Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Rußlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Großen. Braunschweig, 1952; *McKay D., Scott H.M.* The rise of the Great Powers. 1648—1815. L.; N.Y., 1983. P. 159; *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. М., 2000.

⁴ Донесения французского посла маркиза де Ла Шетарди... // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 100. СПб., 1897. С. 142.

⁵ Там же. С. 233—234. При этом в тексте русско-австрийского союзного договора 1726 г., о котором говорила Елизавета, таких обязательств нет, кроме того, сама цесаревна тогда не проявила желания занять престол.

Однако обязанная своим царствованием русскому дворянству, Елизавета Петровна должна была ради сохранения престола реализовывать интересы высших кругов дворянства и во внешней политике. Отстранив иностранцев прежних царствований от управления российской дипломатией, императрица поручила её русским — преждему канцлеру А.М. Черкасскому и только что назначенному вице-канцлером А.П. Бестужеву-Рюмину. Эти дипломаты, как и все предыдущие, сохранившие свои посты в европейских столицах, прекрасно понимали, что союз с Францией не соответствует интересам России. Например, российский резидент в Варшаве, поляк по происхождению, П. Голембиовский написал в Петербург 24 апреля 1742 г.: «В том всякий сомневаться не имеет, что Франция на благословение, которое всемогущий Бог на ваше императорское величество и на Россию изливает, ненавистным оком взирает и, следовательно, оное министерство при всех дружеских обнадеживаниях токмо к такому средству и дороге, чрез которое б вашего императорского величества интересам вред и предосуждение причинить, думает»⁶.

Версаль поддерживал тесные связи с противниками России в Швеции, Польше, Турции и не собирался отказываться от них ради сближения с двором Елизаветы. 28 июня 1742 г. английский посланник в России С. Вейч записал в донесении в Лондон об отношении Елизаветы Петровны к Англии: «В добром расположении русских министров и русской нации я вполне уверен. Не смею так же положительно относиться к намерениям её царского величества, но я неоднократно видел, как она, даже в делах меньшей важности, милостиво снисходит к советам своих министров и прислушивается к мнению своего народа, хотя бы противным её личным чувствам»⁷.

В итоге императрица отказалась от планов сближения с Францией и 11 декабря 1742 г. заключила свой первый международный договор с Лондоном — противником Версаля. Российская дипломатия вернулась к прежней доелизаветинской политике.

В 1743 г. успешно для России завершилась русско-шведская война. Мир со Швецией позволил русскому двору уделять большее внимание делам в Европе, в которой с 1740 г. шла война за Австрийское наследство. Тогда ряд европейских государств (Франция, Пруссия, Бавария, Саксония), надеясь сокрушить могущество австрийских Габсбургов, не признал и Марию Терезию, дочь австрийского монарха и императора Священной Римской империи Карла VI, наследницей его родовых земель. Россия с 1726 г. находилась в союзе с Австрией, самым опасным врагом которой стал прусский король Фридрих II — тоже союзник России.

Война между Австрией и Пруссией в восточной части Германии завершилась 11 июня 1742 г. Бреславльским миром, по которому Фридрих II, разгромив австрийцев в Силезии, присоединил к своей стране эту богатую провинцию в обмен на выход из войны. После этого войска Марии Терезии в западной части Германии стали успешно теснить французов и баварцев.

Мир в восточной части Германии позволил русской дипломатии продолжить и прежнюю, остермановскую практику заключения союзов с географически близкими европейскими государствами. 16(27) марта 1743 г. Россия подписала новый союзный договор с Пруссией, 24 января (4 февраля) 1744 г. — обо-

⁶ АВПРИ, ф. 79, оп. 1, 1742 г., д. 9, л. 168.

⁷ Донесения и другие бумаги английских послов... // Сборник ИРИО. Т. 91. СПб., 1894. С. 510.

ронительный договор с Саксонией (вышедшей из войны против Австрии вслед за Пруссией). В войне за Польское наследство 1733—1735 гг. русские войска способствовали тому, чтобы трон Речи Посполитой (уже политически слабой) занял лояльный России саксонский курфюрст, поэтому дрезденский двор стал главным «клиентом» Петербурга в Европе. Готовился к переподписанию и договор с Австрией.

Восстановлению прежней линии российской внешней политики помешала Вторая Силезская война (1744—1745). Фридрих II, узнав об успехах австрийцев, потеснивших его оставленных союзников, французов и баварцев, уже потерявших Мюнхен, стал опасаться того, что, покончив с ними, войска Марии Терезии решат вернуть Силезию. Кроме того, отсутствие австрийских войск в Богемии сулило Пруссии лёгкий успех и надежду прибрать к рукам и эту провинцию Австрии. 5(16) августа 1744 г. прусские войска через Саксонию, так и не успевшую что-либо предпринять, вторглись в австрийские владения. Фридрих II заявил, что эти действия не являются нарушением мира с Австрией, так как он просто помогает новому императору Карлу VII (баварский курфюрст Карл Альбрехт был избран императором в 1742 г.) в продолжавшейся на территории Германии войне.

«Мироломность» Фридриха II, его цинизм, сокрушительная военная мощь Пруссии, её вторжение в зону российского влияния, в которую входила союзная России Саксония (необходимая Петербургу для контроля над Речью Посполитой); близкое сокрушение пруссаками Австрии, главного российского союзника по борьбе с Османской империей — всё это в августе 1744 г. вызвало к жизни новую российскую внешнеполитическую программу. Её автором стал назначенный летом 1744 г. канцлером А.П. Бестужев-Рюмин. В историографии она получила название «Система Петра Великого» — по характеристике, данной ей самим автором.

Бестужев-Рюмин писал императрице, что ей следует вмешаться в продолжавшуюся австро-прусскую войну, чтобы принести в Европу мир, положить конец «несправедливым проектам и возмутительным видам» прусского короля Фридриха II. Требовалось оказать помощь своим союзникам, чтобы и они, при необходимости, помогли Российской империи в случае её войны. «Нужными» империи союзниками канцлер назвал «морские державы» — Англию и Голландию, не имевших с Россией столкновений интересов в Европе; Австрию, которая уже почти 20 лет являлась главным российским союзником в противостоянии с Турцией и контроле над Польшей; саксонский двор как королевский двор Речи Посполитой.

Как отмечал канцлер, следует опасаться поведения Фридриха II, и любой договор, подписанный с ним, ничего не будет значить для него. Стремление короля установить прусское влияние в Швеции, Польше, Турции может вызвать для Петербурга новые войны на всём протяжении русских границ в Европе. Поддержка терпящих бедствие союзников (Австрии и Саксонии, нужных России для противостояния Турции и контроля над Польшей) приведёт как к укреплению роли России в Европе, так и к обеспечению её безопасности («ее императорское величество всей Европе... законы предпишет. Сие ее империи в такой кредит приведет, что никто впредь не осмелится оную задрать; сверх того же мы сим других держав дружбу себе приобретем»⁸). Канцлер ука-

⁸ Письма графа А.П. Бестужева-Рюмина к графу М.Л. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн. 2. М., 1870. С. 21.

зал весьма заманчивую цель — превратить Российскую империю в ведущую державу Европы, тем самым обеспечив безопасность страны.

Несмотря на настояния своего канцлера, Елизавета Петровна в 1744 г. так и не приняла решения относительно войны в Германии. Причины этого неизвестны. Возможно, это были обычная осторожность императрицы, желание подождать, как повернётся дело, или её стремление руками пруссаков проучить Марию Терезию за отказ от наказания бывшего австрийского посланника в России маркиза Ботта д'Адорно. Последнего в Петербурге обвиняли в участии в заговоре недовольных сановников прежних правлений, известного как «заговор Лопухиных».

Между тем война в Германии затягивалась. Австрийские войска сумели вытеснить пруссаков из Богемии. В январе 1745 г. был заключён союз Австрии, Саксонии, Великобритании и Соединённых Провинций Нидерландов, и в это же время скончался германский император Карл VII, в поддержку которого Фридрих II и начал Вторую Силезскую войну. Саксонцы как союзники австрийцев оказали им помощь и отправили к ним свой корпус. В Петербурге предполагали, что теперь Мария Терезия, свободная от условий Бреславльского мира, попытается отбить у пруссаков Силезию. Русский двор фактически официально отказался поддержать Фридриха II в Силезии, рассматривая её как территорию, на которую обязательства помощи не распространялись⁹.

В мае 1745 г. австрийские и саксонские войска вторглись именно в прусскую Силезию, но были разбиты Фридрихом II, который в августе 1745 г. объявил войну Саксонии. Вновь два союзника России воевали друг с другом. Влиятельный русский посланник в Саксонии обер-гофмаршал гр. М.П. Бестужев-Рюмин, старший брат канцлера, призывал своё правительство оказать Саксонии помощь, ибо российско-императорский «интерес всемерно требует, дабы всячески не допускать его (Фридриха II. — *М.А.*) приходиться в наибольшую силу, и дабы он, не имея в Польше в предосуждение России никакой инфлюенции (влияния. — *М.А.*), в состоянии деда своего приведен был, который всегда в депенденции (зависимости. — *М.А.*) российской находился»¹⁰.

Получив известия о войне Фридриха II с Саксонией, Елизавета Петровна призвала к себе канцлера для обсуждения дальнейших действий России. Сама императрица желала примирить своих союзников, опасаясь как войны с Пруссией, так и сокрушения Саксонии и превращения польского короля и саксонского курфюрста Августа III в прусскую марионетку. 16 сентября Бестужев-Рюмин подал письменное мнение, что остаться в стороне от прусско-саксонской войны нельзя, — это будет означать потерю уважения в Европе, значит, необходимо поддержать кого-то из двух враждующих союзников. Сам канцлер высказался о том, что «интерес вашего величества, честь и безопасность империи требуют» поддержать восстановление старой европейской системы и выступить против Пруссии. Лучшим примером, отмечал Бестужев-Рюмин, служила Голландия, которая, открыто не участвуя в войне за Австрийское наследство, помогала Англии и австрийской государыне Марии Терезии деньгами и военной силой¹¹.

⁹ АВПРИ, ф. 79, оп. 1, 1745 г., д. 5, л. 132 об.—133. Об этом же писал и Е.Н. Щепкин (*Щепкин Е.Н.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746—1758 гг. СПб., 1902. С. 24).

¹⁰ АВПРИ, ф. 79, оп. 1, 1745 г., д. 7, л. 211—215.

¹¹ Там же, ф. 2, оп. 1, 1745 г., д. 26, л. 201—226 об.

Последняя фраза достаточно интересна — она показывает дальнейшую логику Бестужева-Рюмина; воевать из-за ширмы, добиваться военных целей не российскими войсками, а союзными, надеясь, что они сами сделают всё необходимое для русских интересов, или же оказывать военную помощь за счёт союзников, держа вспомогательные войска России на деньги заинтересованных в её помощи держав.

19 сентября и 3 октября 1745 г. в присутствии императрицы состоялись заседания высших сановников империи, обсуждавших поставленный Елизаветой Петровной вопрос: «Надлежит ли ныне королю прусскому, яко ближайшему и наисильнейшему соседу, далее в усиление приходить допускать, или не сходственнее ли будет королю польскому, яко курфюрсту саксонскому, по действительному настоящему с ним случаю союза помощь подать и каким образом?»¹². Решение об оказании помощи Саксонии, несмотря на новые военные успехи пруссаков, было принято единогласно. Корпус под началом лучшего из российских полководцев фельдмаршала П.П. Ласси стал готовиться к походу для оказания помощи Августу III. Но уже узнавший о решении Петербурга Фридрих II окончательно разгромил Саксонию и занял её столицу — Дрезден.

21—25 декабря Елизавета Петровна снова созывала совещания своих сановников, которые и в условиях краха Саксонии подтвердили прежние решения о походе против Пруссии, на этот раз приказав привести в боеготовность всю российскую армию. Впрочем, эти меры не понадобились. (14)25 декабря 1745 г. Фридрих II подписал Дрезденский мир с Саксонией и Австрией, согласно которому в обмен на подтверждение прежних соглашений и выплату саксонцами контрибуции он выводил свои войска из Саксонии и признавал мужа Марии Терезии Франца Стефана Лотарингского новым австрийским императором (такovým его избрало большинство курфюрстов 13 сентября 1745 г.).

Россия лишилась повода для войны с Пруссией. После безуспешных попыток уговорить австрийцев снова под любым предлогом начать войну против пруссаков, обещая им помощь в 100 тыс. солдат¹³, русскому двору пришлось отказаться от своих планов и ждать нового случая. С этого времени в Петербурге уже рассматривали Фридриха II как главного врага. В российской Лифляндии на случай нового внезапного нападения его войск на территории союзников России постоянно находился русский корпус. Особенностью российской антипрусской позиции были её секретность и нежелание выступать зачинщиком войны с Пруссией, основные тяготы которой должны были взять на себя союзники. Эта «голландская модель» участия в войне, придуманная Бестужевым-Рюминым, создала превратное впечатление о роли России в историографии европейской международной политики середины XVIII в., основанной на иностранных источниках.

Однако Россия не стала «случайной» жертвой Семилетней войны 1756—1763 гг. и не была втянута в неё своими союзниками — она шла к этому с первых лет правления Елизаветы Петровны. Российская империя и Пруссия фактически одновременно решили выйти на европейскую арену в лице великих держав (для империи — скорее «возвращение» в качестве не региональной, а европейской державы), а общий восточноевропейский регион, где они планировали действовать, должен был оказаться в центре столкновения их интере-

¹² Цит. по: Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Соловьёв С.М. Сочинения в 18 кн. Т. 22. Кн. 11. М., 1993. С. 356.

¹³ Щепкин Е.Н. Указ. соч. С. 43—45.

сов. Решающей для российского стремления сокрушить Пруссию и вернуть её в разряд второстепенных государств стала агрессия Фридриха II в отношении Саксонии, имевшей союзный договор с Россией. У последней были и другие причины ликвидации прусской военной мощи. Стремящийся расширить владения во всех возможных направлениях Фридрих II изначально рассматривал своего восточного «соседа» — Речь Посполитую — как источник новых прусских территорий. В Петербурге, давно контролировавшем Польшу, не желали уступать свои позиции в угоду новой европейской силе, не говоря уже о потере влияния на Варшаву. Увидев такую предельную озабоченность относительно Польши, Фридрих II предпочёл отвернуться от неё, чтобы не раздражать русских. В Петербурге опасались того, что прусский король в дальнейшем может воспользоваться любыми проблемами России для вытеснения её влияния из Польши, Швеции, Турции и Прибалтики¹⁴.

После тщетной попытки ликвидировать прусское могущество в 1745 г. Россия согласилась подписать в 1746 г. субсидную конвенцию с англичанами, имевшую целью содержание 30-тысячного русского корпуса в Лифляндии для удара по Восточной Пруссии в случае, если Фридрих II снова нарушит мир и нападёт на принадлежавший английскому королю Ганновер или на владения австрийцев, союзников англичан в неудачной войне против Франции в Австрийских Нидерландах. Русский двор получал деньги на содержание корпуса, который оставили там для быстрой помощи австрийцам и саксонцам. Субсидный договор был продлён и на 1747 г. Зная о его условиях, Фридрих II больше не делал никаких попыток атаковать кого-либо из «соседей».

В то же время англичане и голландцы предложили новый субсидный договор — об отправке 37-тысячного русского корпуса на Рейн в качестве помощи отступающим перед французами австро-англо-голландским войскам, и в Петербурге сразу согласились. Участие русского корпуса в европейской войне позволяло не только укрепить отношения с союзниками, но и давало право на подписание общего для Европы мирного договора, что повысило бы престиж России, превратив её в одного из ключевых игроков в регионе.

Русский корпус выступил к Рейну, но до цели не дошёл, так как воюющие стороны уже заключили Ахенский мир (1748). В связи с этим британский историк Д.Б. Хорн отмечал: «Хотя эти войска прибыли слишком поздно, чтобы сражаться, возможно, что их марш имел некоторое влияние на французское решение заключить мир на очень умеренных условиях»¹⁵. По словам американского исследователя Р. Браунинга, именно «грохот мобилизации с востока» заставил Версаль торопиться с заключением мира, так как «его континентальное преимущество могло бы быть сокрушено прибытием русских войск», «угроза их вторжения в Западную Европу была сильным побуждением для Франции, чтобы стремиться к соглашению», а сам русский корпус оказался «единственным оружием союзников у головы Людовика XV»¹⁶. Мнения о том, что французы пошли на подписание мира из-за опасения столкновения с русскими,

¹⁴ В «Первом политическом завещании» Фридриха II от 1752 г. прусский король действительно рассуждал о возможной войне в союзе со шведами против русских для захвата Лифляндии и Эстляндии (*Die Politischen Testamenten Friedrich's des Grossen / Red. G.B. Volz. Berlin, 1920. S. 64—65*).

¹⁵ *Horn D.B. Great Britain and Europe in the eighteenth century. Oxford, 1967. P. 211.*

¹⁶ *Browning R. The War of the Austrian Succession. N.Y., 1993. P. 329, 353—354.*

придерживается и современный чешский историк Ф. Штеллнер¹⁷. Можно согласиться, что Россия всё же склонила чашу весов в пользу своих союзников, и её новое качество вершителя судеб Европы было подтверждено.

Бестужев-Рюмин хотел, чтобы русский представитель также присутствовал при подписании Ахенского мира, но к этому процессу по настоянию французов не допустили те страны, которые не имели прямого отношения к их войне (как Россия и Пруссия)¹⁸.

Ахенский мир, так и не конституировав новую международную систему с Пруссией и Россией в новых ролях, оказался временным. Он не разрешил противоречий между державами Европы, осложнившихся активным вмешательством Пруссии и России в европейские дела, которые привыкли решать «старые» великие державы (Франция, Англия и Австрия). Вопросы их взаимоотношений с «новыми» фигурами континента — Россией и Пруссией, в позиции которых не было явной определённости, и составили в тот период основную ось европейской дипломатической борьбы.

Австрия, по-прежнему мечтавшая вернуть Силезию, после неудачной Второй Силезской войны ещё больше сблизилась с Россией. В 1746 г. был заключён новый русско-австрийский оборонительный союз, секретные статьи которого касались не только давнего общего противника Вены и Петербурга Османской империи, но и нового — Пруссии. Австрийский двор не мог самостоятельно решить задачу её сокрушения и вернуть утраченные земли, а петербургский считал, что Австрия должна стать главной силой в борьбе с Пруссией, Россия же под видом помощи союзникам могла решить задачу разгрома могущественного государства Фридриха II.

Французы, осознав, что с отправкой против них русского корпуса надежды на сближение с Россией рухнули, в 1748 г. отзывали из Петербурга своих дипломатов. Русский двор ответил зеркально, а в 1750 г. по его инициативе были разорваны дипломатические отношения с Пруссией.

В связи с постоянным нежеланием Лондона обращать внимание на интересы своих союзников (по замечанию М.Н. Алексеевой, «все войны, в которых Великобритания и Австрия сражались на одной стороне, заканчивались односторонним решением Лондона и навязыванием им Вене условий перемирия — Рисвикский мир (1697), Утрехтский (1713), Ахенский (1748)»¹⁹) взаимоотношения России и Великобритании осложнились и во время войны за Австрийское наследство. Целью Лондона была изоляция главного врага — Франции, поэтому англичане постоянно маневрировали: от стремления развязать войну России против Пруссии (союзной Франции) до желания сделать последнюю своей союзницей. В итоге, когда в Петербурге наконец решили воевать против Пруссии, Лондон в августе 1745 г. уже заключил Ганноверскую конвенцию с Фридрихом II. Согласно документу прусский король обязался выйти из войны с Австрией на условиях прежнего мира, а Георг II гарантировал помощь в убеждении австрийцев этот новый мир подписать. Субсидные конвенции последующих двух лет тоже имели сложную историю переговоров,

¹⁷ *Stellner F.* Rusko a Střední Evropa v 18. století. I. díl. Praha, 2009. S. 117.

¹⁸ Подробнее см.: *Анисимов М.Ю.* Елизаветинская Россия и международные конгрессы в середине XVIII в. // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 121—143.

¹⁹ *Алексеева М.Н.* Англо-австрийские отношения и Россия во время войны за Австрийское наследство // Священная Римская империя, Германия и Россия в европейских конфликтах Нового времени. М., 2012. С. 87.

но богатая Британия была нужна Бестужеву-Рюмину как «кассир» возможных военных акций России в Европе. Лондон это вполне устраивало. Англичане считали, что Петербург вообще не может иметь каких-то целей в европейской борьбе держав, и русским всё равно, с какой целью «продавать» свои войска. Однако, указал американский историк Л.Дж. Олива, это было не так: «Россия знала о своих подлинных интересах. Если иностранные субсидии и взятки и казались успешными в определении российских действий, то это обычно бывало тогда, когда желания взяточдателя и взяточника совпадали. Иными словами, русских было легко подкупить, чтобы русские сделали так, как они сами того хотели»²⁰.

В 1753 г. вновь обострились англо-прусские отношения, и Лондон запросил у Петербурга приготовить к отправке русский корпус за определённую сумму денег. Императрица снова повелела собрать своих сановников для обсуждения английского предложения. Конференция состоялась в мае 1753 г., но её протоколов в архиве обнаружить не удалось, о них нет упоминаний и в «Истории России с древнейших времён». Как разворачивались дальнейшие события, можно узнать из донесений австрийского посланника в Петербурге Й.Ф. фон Претлака. По его словам, сановники собрались во дворце 14(25) мая, выступила императрица, повторив основные аргументы Бестужева-Рюмина о территориальных захватах Фридриха II, его стремлении дальше расширять свои владения и постоянных конфликтах с «соседями». Елизавета Петровна поставила вопрос, «совместимо ли с интересами русского государства допускать дальнейшее усиление Пруссии», и высказалась за войну с ней²¹. Сановники, естественно, поддержали государыню. 15 мая конференция собралась снова, чтобы обсудить детали подготовки русского корпуса к войне с Пруссией за английские субсидии²².

Политические враги канцлера предложили отправить оригинал решения в Сенат, чтобы потом ориентироваться по нему всем задействованным ведомствам. Однако императрица велела оставить у Бестужева-Рюмина документ, а тем, кому нужно, снять с него копии. Переводы с копии решения получили австриец Претлак²³ и английский посланник М. Гюи-Диккенс²⁴. Вероятно, из-за подобной секретности протокола в архиве и не оказалось.

По поводу вышеназванных конференций Е.Н. Щепкин писал: «Все чрезвычайные вооружения, предшествовавшие Семилетней войне, и самое участие России в первой же коалиции, которая поставила себе главной целью возвращение Пруссии к её старым границам, в сущности, были решены Елисаветой и её советниками уже теперь»²⁵. Действительно, в мае 1753 г. было заявлено о непосредственной подготовке к войне, но ещё в конце 1745 г. Россия решила значительно понизить статус Пруссии в Европе, а в 1753 г. появился способ реализации этого плана.

²⁰ *Oliva L.J.* Misalliance. A Study of French Policy in Russia during the Seven Years War. N.Y., 1964. P. 179.

²¹ *Щепкин Е.Н.* Указ. соч. С. 169; см. также: Дипломатическая переписка английских представителей... // Сборник ИРИО. Т. 148. Пг., 1916. С. 426.

²² Дипломатическая переписка английских представителей... С. 459—462; *Щепкин Е.Н.* Указ. соч. С. 172—173.

²³ *Щепкин Е.Н.* Указ. соч. С. 168—170.

²⁴ Она опубликована в его корреспонденции: Дипломатическая переписка английских представителей... // Сборник ИРИО. Т. 148. С. 458—462.

²⁵ *Щепкин Е.Н.* Указ. соч. С. 170.

«Толико желаемое для пользы нашей империи сокращение сил короля прусского под именем простой помощи и большею частью на чужом иждивении в действо производиться может, — как рассуждал Бестужев-Рюмин о событиях мая 1753 г. — Таким образом, почти желательным было, чтоб война в Европе прямо началась, и король прусский в оную вмешался»²⁶.

Однако хитрый план не сработал — опасность англо-прусской войны в 1753 г. быстро ослабевала. В 1754 г. ситуацию изменила начавшаяся англо-французская война в Северной Америке, грозившая перекинуться в Европу. В тех условиях англичанам срочно понадобились защитники Ганновера, и 19 сентября 1755 г. новая англо-русская субсидная конвенция была подписана. В ней гарантировалось оказание русской военной помощи в обмен на английскую субсидию в случае нападения на Ганновер третьей стороны. По уверениям Лондона, в связи с британской практикой утверждения договоров парламентом, конвенцию не удалось бы сохранить в секрете, потому из неё удалили все предлагавшиеся русской стороной упоминания о союзной Франции Пруссии, которая и предусматривалась в качестве агрессора. Но у английского двора имелись и иные причины. Англичане, зондировавшие отношение Фридриха II к англо-французской войне, получили заверения, что он не желает принимать в ней участия²⁷.

Ратификация российской императрицей уже подписанной канцлером Бестужевым-Рюминым и вице-канцлером гр. М.И. Воронцовым конвенции неожиданно застопорилась. Русский двор стал опасаться того, что войскам придётся воевать уже против французской армии, Пруссия же останется в стороне. В итоге императрица ратифицировала конвенцию только 1 февраля 1756 г. Однако она, согласно приложенной к ней декларации, была действительна только в случае нападения на Ганновер Пруссии. Через два дня английский посол сообщил о том, что Лондон заключил схожую конвенцию с Пруссией. Фридрих II, понимая, что война в Европе — лишь вопрос времени, стремился выйти из-под возможного удара австрийских и русских армий. Он с радостью принял предложение англичан, по-прежнему стремившихся «оторвать» его от Франции, защитить Ганновер, решив, что Вестминстерской конвенцией избавится от угрозы русских, которых он считал зависимыми только от английских денег. Фридрих II заявил, что этим он не нарушил уже истекавший союзный договор с Францией, готов был переподписать его, просто уверяя французов, что им следует воевать с англичанами в других местах, а не в Ганновере²⁸. В Версале, естественно, пришли в ярость от нового кульбита прежнего союзника и приняли решение ради войны с англичанами и наказания Пруссии примириться со своим вековым врагом — австрийскими Габсбургами. 1 мая 1756 г. между Францией и Австрией был заключён Версальский оборонительный договор.

Русский двор, ещё не зная о таких масштабных переменах в Европе, был вынужден обсудить уход союзных англичан к главному врагу — пруссакам. По инициативе Бестужева-Рюмина, прежде яркого сторонника подписания англо-русской субсидной конвенции, которая в новых условиях превратилась в бесполезную бумагу, императрица созвала Конференцию при высочайшем дворе,

²⁶ Из бумаг елизаветинской конференции // Архив князя Воронцова. Кн. 3. М., 1871. С. 361—362.

²⁷ *Kaplan H.H.* Russia and the Outbreak of the Seven Years' War. Los-Angeles, 1968. P. 7.

²⁸ *Черкасов П.П.* Елизавета Петровна и Людовик XV. М., 2010. С. 147.

ставшую постоянным органом, руководившим всей последующей борьбой с Пруссией. 14 марта 1756 г. на первом заседании конференции императрица предложила обсудить проблему, связанную с подписанием англо-прусского Вестминстерского договора, который разрушал прежние надежды на русско-английскую конвенцию: «По силе сей последней думано здесь получить удобный случай к атакованию короля прусского общими силами, и потому с меньшею трудностью привести его в желаемое сокращение сил»²⁹. Елизавета Петровна даже не рассматривала вопрос об отмене антипрусских планов или откладывании войны до лучших времён. Русский двор решил сам предложить Австрии совместными силами разгромить Пруссию. 15 марта императрица одобрила общее решение: «Чтобы короля прусского до приобретения новой знатности не допустить, но паче силы его в умеренные пределы привести и, одним словом, неопасным уже его для здешней империи сделать»³⁰.

В протоколах конференции указывались цели России в Семилетней войне (в том числе территориальные). Документы были опубликованы в России только в 1912 г., но долгое время оставались не замеченными наукой. Открытие их в иностранной историографии принадлежит английскому историку Г. Баттерфилду, который в 1951 г. опубликовал отдельное эссе о причинах войны. Он намеренно провокативно возложил вину за её начало на Россию, опираясь на публикацию протоколов конференции за 1756 г.³¹ Однако Петербург не мог развязать без участия других держав столь масштабную войну, и её конкретного «поджигателя» в Европе не было. Немецкий историк М. Мюллер отмечал, что не следует переходить от недооценки к переоценке роли Российской империи в развязывании войны³². Она, помимо столкновения российско-прусских интересов в Восточной Европе, стала логическим исходом войны за Австрийское наследство (1740—1748) и итогом как продолжения противоборства Австрии и Пруссии, так и переноса на континент колониальной борьбы Франции и Англии. Эссе Баттерфилда доказывает только то, что накануне войны Россия уже была не марионеткой других держав, а осознававшим свои цели и задачи активным участником европейских международных отношений. Работа английского исследователя стала рубежной в иностранной историографии, признавшей самостоятельную роль России в подготовке общеевропейской Семилетней войны (это отметил и Мюллер)³³.

Если иностранные историки уже достаточно давно указывали на наличие собственных интересов правительства Елизаветы Петровны для участия России в войне (например, стремление снять прусскую угрозу гегемонии России в её сфере влияния в Восточной Европе)³⁴, то в российском историческом созна-

²⁹ Протоколы Конференции при Высочайшем дворе // Сборник ИРИО. Т. 136. СПб., 1912. С. 4.

³⁰ Там же. С. 31; Из бумаг елизаветинской конференции // Архив князя Воронцова. Кн. 3. С. 379.

³¹ *Butterfield H.* Reconstruction of an Historical Episode: The History of the Enquiry into the Origins of the Seven Years' War. Glasgow, 1951.

³² *Müller M.G.* Rußland und der Siebenjährige Krieg: Beitrag zu einer Kontroverse // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Neue Folge. Bd. 28. 1980. H. 2. S. 200.

³³ *Ibid.* S. 199; *Baumgart W.* Der Ausbruch des Siebenjährigen Krieges: Zum gegenwärtigen Forschungsstand // *Militärgeschichtliche Mitteilungen.* Bd. 11. 1972. S. 157—158.

³⁴ *Kunisch J.* Das Mirakel des Hauses Brandenburg: Studien zum Verhältnis von Kabinettpolitik und Kriegführung im Zeitalter des Siebenjährigen Krieges. München; Wein, 1978. S. 32; *Müller M.G.* Rußland und der Siebenjährige Krieg... S. 205—206.

нии до последнего времени господствовал прежний подход. Так, заявлялось о бессмысленности и ненужности «чужой» войны³⁵ против Пруссии в угоду Австрии, хотя в некоторых исследованиях отмечалось, что решение императрицы о войне с Пруссией точно не было навязано ей извне³⁶.

Во время этих заседаний Елизавета Петровна, со своей стороны, зная о слухах об австро-французском сближении, решила восстановить отношения с Версалем. Сам процесс начался намного ранее «дипломатической революции», в которой прежние блоки союзников в Европе распались и образовались новые, — ещё в 1755 г. французы отправили в Россию своего тайного эmissара с целью налаживания разорванных несколько лет назад контактов. В мае 1756 г. императрица согласилась восстановить отношения, и 10 июля того же года французский эmissар в Петербурге вручил верительные грамоты, в которых Людовик XV признавал его своим поверенным в делах в России.

Союз с Австрией был по-прежнему крепок. Вене даже пришлось удерживать Петербург от скорейшего нападения на Пруссию. Австрия предпочла недвусмысленным сосредоточением своих армий у границ вызвать нападение Фридриха II на себя, чтобы запустить действие союзных договоров с Россией и Францией и освободиться от обязательств прежних соглашений с Пруссией об отказе от прав на Силезию. Фридрих II не любил ждать, зная, что его враги со всех сторон собирают силы, и действительно атаковал первым. 17(28) августа 1756 г. прусская армия вторглась в расположенную на пути в австрийские владения Саксонию, начав войну между Англией и Пруссией, с одной стороны, и Австрией, Россией, Францией, Швецией, Саксонией — с другой.

К этой войне Россия шла 10 лет, надеясь сокрушить своего геополитического конкурента в любом следующем европейском конфликте, в который могла быть втянута Пруссия. В Петербурге собирались использовать всё тот же «голландский опыт», о котором говорил Бестужев-Рюмин в конце войны за Австрийское наследство: Россия прямо не объявляет войны Пруссии, не декларирует открыто своих целей, официально лишь выполняет союзнический долг перед подвергшимися прусской атаке союзниками; отправляет на войну в виде «диверсии» лишь часть своих сил, всё остальное делают союзники. Затем на мирных переговорах по итогам войны Россия получает разгромленного чужими руками и на чужие деньги (сначала англичане, а затем австрийцы выплачивали ежегодную субсидию, чтобы русские сделали то, что Петербург сам уже давно хотел осуществить) опасного конкурента и может рассчитывать на какие-нибудь выгоды по итогам мира.

Из-за секретности своих планов (о них не знали ни современники, ни историки вплоть до публикации русских документов) Петербург сам в какой-то степени оказался виноват в том, что причины его участия в войне объяснялись превратно и в самой России, исключительно как выполнение обязательств по союзу с Австрией. Более того, «голландскую модель» «отбросили» после 1758 г.,

³⁵ Впрочем, эта точка зрения встречается до сих пор: «С современных позиций... российская геополитика елизаветинского царствования, увенчавшаяся бессмысленной бойней Семилетней войны, выглядит совершенно неадекватной национальным интересам» (Панченко К.А. Геополитика Алексея Вешнякова: мысли российского резидента в Стамбуле 1740-х гг. // Исторический вестник. 2019. Т. 30. С. 205).

³⁶ «Несомненно одно: заявления, делавшиеся впоследствии, во время царствования Петра III и Екатерины II, относительно того, что Россия воевала в Семилетней войне за чуждые ей австрийские интересы, лишены серьёзных оснований» (Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 81—82).

когда её идеолог Бестужев-Рюмин был снят с поста канцлера и сослан. Новой целью Петербурга стало достижение равноправия с воюющими державами.

Семилетняя война показала ошибочность расчёта Вены, Петербурга и Версаля на то, что Фридрих II не устоит против сил трёх великих держав и их союзников. Несмотря на отдельные победы австрийцев и героическую стойкость русских армий в сражениях с лучшей в Европе прусской армией (пусть и разгромленной при Кунерсдорфе в 1759 г.), все долгие годы войны Фридрих II успешно сопротивлялся. Однако он понимал неизбежность своего поражения³⁷. Правительство Елизаветы Петровны было готово к тому, чтобы играть ведущую роль на планировавшемся на 1761 г. мирном конгрессе в Аугсбурге. Россия рассчитывала использовать поддержку Австрии (знавшей, что только усилиями Петербурга можно добиться победы над Пруссией), лояльность Великобритании (всю войну поддерживавшей торговые отношения с русскими), слабость разгромленной в колониях Франции, а также обескровленной и готовившейся признать поражение Пруссии³⁸.

Но 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.) скончалась Елизавета Петровна, и дальнейшие действия Петра III в отношении Семилетней войны широко известны. Выход Российской империи из войны спас Пруссию, позволил ей сохраниться как великой державе и впоследствии объединить под властью Берлина всю Германию. России не удалось добиться главной цели войны — сокрушения военного могущества Пруссии, из-за чего с ней ещё не раз в истории сходились в схватке Российское государство. Так, Й. Куниш считал вступление советских войск в Берлин в 1945 г. «драматическим апогеем» развития логики того европейского лейтмотива сокрушения могущества прусского милитаризованного государства, который лишь отсрочило «чудо Бранденбургского дома», хотя и на две сотни лет³⁹. Западногерманский исследователь В. Баумгарт тоже отмечал удивительную схожесть русских планов 1756 г., включавших аннексию Восточной Пруссии, и советских стремлений конца Второй мировой войны⁴⁰.

Из-за окончательного выхода России из Семилетней войны при Екатерине II общий для всей Европы мирный конгресс в Аугсбурге так и не состоялся. России не удалось утвердить своё особое положение международными соглашениями. Но всё же к концу правления Елизаветы Петровны страна окончательно вошла в европейскую систему международных отношений как одна из пяти великих держав, решавших судьбы континента. С завершением Семилетней войны, отметил британский историк М.С. Андерсон, центр тяжести европейской дипломатии переместился на восток Европы⁴¹, в треугольник Вена—Берлин—Петербург. Как справедливо отметил шотландский историк Х. Скотт, именно к концу правления Елизаветы Петровны на континенте сложилась система пяти великих держав (Великобритания, Франция, Австрия, Россия и Пруссия) —

³⁷ 6 января 1762 г. Фридрих II сообщил в письме своему министру о том, что тому следует ждать середины февраля, и если в войну не вмешается Турция, следует начать переговоры о том, какие из владений Пруссии можно будет сохранить за его наследником (*Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen*. В. 21. Berlin, 1894. S. 165—166).

³⁸ Подробнее см.: *Анисимов М.Ю.* Семилетняя война и российская дипломатия в 1756—1763 гг. М., 2014. С. 232—243.

³⁹ *Kunisch J.* Das Mirakel des Hauses Brandenburg... S. 23.

⁴⁰ *Baumgart W.* Der Ausbruch des Siebenjährigen Krieges... S. 159.

⁴¹ *Anderson M.S.* Europe in the Eighteenth Century 1713—1789. Ed. 3. L., 1987. P. 247.

«пентархия». Она определяла судьбы Европы до Первой мировой войны⁴².

В результате Семилетней войны статус великих держав получили Россия и Пруссия, был поддержан авторитет Австрии, ослаблена прежде доминировавшая в Европе Франция, а Великобритания стала мощной колониальной империей. Россия, хотя и не добилась в войне своих целей, доказала своё «право на великодержавие». Теперь она стала решать не только региональные дела Балтики и соседних стран, но и общеевропейские вопросы.

⁴² *Scott H.M.* The Birth of a Great Powers System 1740—1815. L., 2006. P. 139.

Дипломатическая миссия России при Постоянном рейхстаге в Регенсбурге в царствование Екатерины II

Мария Петрова

The Russian diplomatic mission at the Perpetual Diet in Regensburg
during the reign of Catherine II

Maria Petrova

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012931-5

Постоянный, или Долгий, рейхстаг (*Immerwährender Reichstag*)¹, заседавший с 1663 по 1806 г. на регулярной основе в вольном имперском городе Регенсбурге, был одним из системообразующих институтов Священной Римской империи германской нации. Первоначально он являлся собранием всех имперских штатов (*Reichsstände*)² — лиц и корпораций, к которым относились курфюрсты, избиравшие императора, князья, графы, прелаты и другие духовные и светские правители, рыцарские ордена, вольные и имперские города. Им предоставлялось право обсуждать вопросы войны и мира, общеимперские законы, утверждать налоги и субсидии, выставлять по просьбе императора воинские контингенты, разрешать территориальные споры. К середине XVIII в. имперские штаты практически перестали посещать заседания рейхстага, направляя вместо себя посланников (*Komitialgesandte*) или депутатов (*Deputierte*). Доверенности этих представителей передавались в Директорию рейхстага (*Reichstagsdirektorium*), или Имперскую директорию (*Reichsdirektorium*), находившуюся в ведении эрцканцлера (этот пост занимал один из курфюрстов — архиепископ Майнца)³. Дипломаты иностранных держав, действовавшие в Регенсбурге на постоянной основе с конца XVII в., аккредитовались не только при Директории, но и при представителе императора на рейхстаге, именовавшемся главным комиссаром (*Prinzipalkommissar*)⁴.

В настоящее время рейхстаг изучается как важный институт поддержания мира в Европе и значимый общегерманский форум, где переплетались политические, конфессиональные, территориальные, экономические и прочие интересы имперских штатов, обсуждались новости и слухи, в том числе о междуна-

© 2020 г. М.А. Петрова

¹ В русских источниках XVIII в. использовались термины «имперское собрание» или «имперский сейм», которые до сих пор иногда встречаются литературе.

² В российской историографии с XIX в. употребляются также термины «имперские чины» и «имперские сословия».

³ Härter K. Das Kurmainzer Reichstagsdirektorium — Eine zentrale reichspolitische Schaltstelle des Reichserzkanzlers im Reichssystem // Der Mainzer Kurfürst als Reichskanzler: Funktionen, Aktivitäten, Ansprüche und Bedeutung des zweiten Mannes des Alten Reichs / Hg. von P.C. Hartmann. Stuttgart, 1996. S. 171—204; Ивонин Ю.Е. Архиепископы Майнцские — эрцканцлеры и курфюрсты Старой империи // Проблемы истории международных отношений в Новое время. Сборник статей. Смоленск, 2002. С. 70—101.

⁴ Rohrschneider M. Österreich und der Immerwährender Reichstag: Studien zur Klientelpolitik und Parteibildung (1745—1763). Göttingen, 2014.

родных делах⁵. Исследуется также деятельность в Регенсбурге дипломатических представителей отдельных держав (особенно Франции и Великобритании)⁶. О российской миссии при рейхстаге, учреждённой в 1756 г., до недавнего времени упоминалось лишь в работах, посвящённых истории отношений Петербурга с отдельными германскими государствами⁷. Первой попыткой осмыслить её значение для внешней политики России в годы Семилетней войны стала статья Ю.Е. Ивонина⁸. Между тем деятельность миссии в Регенсбурге в последующие десятилетия в отечественной историографии пока ещё не анализировалась⁹.

К началу Семилетней войны Россия имела в Германии четыре постоянных дипломатических представительства: в Вене — при дворе императора Священной Римской империи, являвшегося одновременно главой Австрийского дома Габсбургов, в Берлине — при дворе короля Пруссии и курфюрста Бранденбурга, в Дрездене — при дворе курфюрста Саксонии, а также в вольном имперском городе Гамбурге. Решение о создании постоянной миссии в Регенсбурге императрица Елизавета Петровна приняла на заседании Конференции при высочайшем дворе 12 ноября 1756 г.¹⁰ в ответ на просьбу саксонского курфюрста Фридриха Августа II (польского короля Августа III) направить на рейхстаг аккредитованного представителя России, чтобы он «тамо интересы союзников подкреплял и прочих сочленов империи твердым противу короля прусского резолюциям побуждал». Несколько ранее подобное предложение поступило в Петербург и от другого союзника — Австрии. По мнению

⁵ См.: *Ивонин Ю.Е.* Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495—1806. Т. 2. Ч. 2. М., 2009; *Friedrich S.* Drehscheibe Regensburg: Das Informations- und Kommunikationssystem des Immerwährenden Reichstags um 1700. Berlin, 2007. Подробнее см.: *Härter K.* Der Immerwährende Reichstag (1663—1806) in historischen Forschung // *Zeitenblicke*. Onlinejournal für Geschichtswissenschaften. 2012. № 11(2): Der Immerwährende Reichstag im 18. Jahrhundert. Bilanz, Neuansätze und Perspektiven der Forschung / Hg. M. Rohrschneider (URL: http://www.zeitenblicke.de/2012/2/Haerter/index_html).

⁶ См., например: *Auerbach B.* La France et le Saint Empire Romain Germanique depuis la Paix de Westphalie jusqu'à la Révolution française. P., 1912; *Bély L.* Les diplomates français dans le Saint-Empire au XVIII^e siècle // *Deutsche in Frankreich und Franzosen in Deutschland 1715—1789: Institutionelle Verbindungen, soziale Gruppen, Stätten des Austausches* / Hgg. J. Mondot, J.-M. Valentin, J. Voss. Sigmaringen, 1992. S. 15—26; *Externbrink S.* Nach der «diplomatischen Revolution»: Funktion und Aufgaben der französischen Reichstagesgesandtschaft // *Zeitenblicke*. 2012. № 11(2) (URL: http://www.zeitenblicke.de/2012/2/Externbrink/index_html); *Schütz E.* Die Gesandtschaft Großbritanniens am Immerwährenden Reichstag zu Regensburg und am kur(pfalz-)bayerischen Hof zu München. 1683—1806. München, 2007.

⁷ См., например: *Трачевский А.С.* Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II. 1780—1790. СПб., 1877; *Stribny W.* Die Rußlandpolitik Friedrichs des Großen. 1764—1786. Würzburg, 1966; *Aretin K.O., von.* Heiliges Römisches Reich 1776—1806: Reichsverfassung und Staatssouveränität. 2 Bde. Wiesbaden, 1967; *Нерсесов Г.А.* Политика России на Тешенском конгрессе (1778—1779). М., 1979; *Шафр К.* Екатерина II, Германия и немцы. М., 2015.

⁸ *Ivonin J.* Die Russische Gesandtschaft auf dem Immerwährenden Reichstag in Regensburg während des Siebenjährigen Krieges 1756—1763 // Friedrich II. und das östliche Europa. Deutsch-polnisch-russische Reflexionen / Hg. O. Kurilo. Berlin, 2013. S. 86—99.

⁹ См. также: *Petrova M.* Auf verlorenem Posten? Die diplomatischen Vertreter Russlands in Regensburg im 18. Jahrhundert (bis zur Französischen Revolution) // *Reichsstadt, Reich, Europa: Neue Perspektiven auf den Immerwährenden Reichstag zu Regensburg (1663—1806)* / Hgg. H. Rudolph, A. von Schlachta. Regensburg, 2015. S. 217—237. Текст данной статьи был существенно переработан и дополнен, в том числе и документами АВПРИ.

¹⁰ События датированы по старому стилю, документы — в соответствии с оригиналом (в делопроизводстве Коллегии иностранных дел использовался старый стиль, иногда указывались двойные даты; европейские дипломаты пользовались новым стилем).

членов Конференции, создание новой миссии позволило бы России и после войны сохранить за собой право «вступаться в дела» союзников и укрепило бы позиции вел. кн. Петра Фёдоровича как герцога Гольштейн-Готторпского¹¹.

Резидентом в Регенсбург был назначен секретарь посольства в Вене прусский подданный Г.Г. Бютнер, получивший чин надворного советника и жалованье в 3 тыс. руб.¹² За 20 лет службы при различных германских дворах он приобрёл необходимые знания в имперских делах и имел недолгий опыт взаимодействия с рейхстагом, поскольку в 1745—1746 гг. сопровождал российско-го дипломата курляндского происхождения гр. Г.К. фон Кейзерлинга сначала во Франкфурт на собрание курфюрстов, избравших императора (2 сентября 1745 г. им стал великий герцог Тосканский Франц Стефан, супруг австрийской эрцгерцогини Марии Терезии), а затем в Регенсбург, где утверждались итоги выборов. Тогда же Кейзерлингу удалось добиться от имперских штатов признания за Елизаветой Петровной императорского титула и подтверждения прав вел. кн. Петра Фёдоровича, достигшего совершеннолетия, на герцогство Гольштейн-Готторп¹³.

Согласно инструкции, составленной в Коллегии иностранных дел 31 декабря 1756 г., Бютнеру поручалось наблюдать за посланниками имперских штатов (особенно тех, которые воевали против России и её союзников), сотрудничать с представителями Австрии, Саксонии и Франции, собирать сведения о передвижении воинских контингентов противника и своевременно информировать российское командование о ходе военных действий¹⁴. Этой инструкции в годы Семилетней войны придерживались и преемники Бютнера. После его скоропостижной смерти 16 февраля 1758 г. российский посол в Вене гр. Кейзерлинг спешно отправил в Регенсбург находившегося при нём дворянина посольства капитана П.А. Левашёва¹⁵. Однако на пост резидента граф рекомендовал секретаря посольства в Вене И.М. Симолина¹⁶. Елизавета Петровна согласилась и, произведя 15 марта Симолина в надворные советники с жалованьем в 4 тыс. руб., направила его в Регенсбург, куда он прибыл в конце мая 1758 г.¹⁷

23 апреля 1761 г. гр. Кейзерлинг и Симолин были назначены уполномоченными России на мирный конгресс в Аугсбурге, намеченный на конец года (пост резидента в Регенсбурге получил Левашёв)¹⁸. Но из-за многочисленных

¹¹ Записка в доклад, составленная по итогам обсуждения 9 ноября 1756 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 136. СПб., 1912. С. 390.

¹² АВПРИ, ф. 2, оп. 1, д. 85, л. 364—364 об.; ф. 83, оп. 1, 1757, д. 1, л. 3—5.

¹³ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2. М., 1896. С. 1—4.

¹⁴ АВПРИ, ф. 2, оп. 1, д. 85, л. 350—356 об.

¹⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 5. Левашёв был назначен в помощь Бютнеру ещё 31 марта 1757 г., однако оставался в Вене (АВПРИ, ф. 83, оп. 1, 1756, д. 2, л. 46; ф. 2, оп. 1, д. 1945, л. 3—3 об.).

¹⁶ АВПРИ, ф. 32, оп. 1, 1758, д. 6, л. 74—74 об. Уроженец Ревеля Иван Матвеевич (Иоганн Матиас) Симолин (1720/21—1799) был сыном приходского священника шведского города Або (Турку) и подданным Российской империи. О нём и его брате Карле Матвеевиче см.: Nordisk familjebok: Konversationslexikon och Realencyklopedi / Red. Th. Westrin. Stockholm, 1917. Bd. 25: Sekt — Slöjskifling. S. 577—578; «Скаска» елизаветинской России / Публ. К.А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т. XV. М., 2007. С. 134—135.

¹⁷ АВПРИ, ф. 83, оп. 1, 1758, д. 4, л. 1—1 об.

¹⁸ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 5.

разногласий воюющие державы так и не смогли согласовать дату начала переговоров, и уже к октябрю 1761 г. стало ясно, что попытка заключить мир провалилась¹⁹. А после того как Пётр III вернул Фридриху II Восточную Пруссию и начал готовиться к войне с Данией за Шлезвиг, проведение мирного конгресса в прежнем составе утратило всякий смысл. В январе 1762 г. уполномоченных отозвали в Петербург, 15 марта Симолин, пожалованный 9 марта в канцелярии советники, вновь отправился в Регенсбург, на этот раз в ранге министра²⁰.

Екатерина II, вступив на престол, сразу же проявила заинтересованность в интенсивной работе миссии при рейхстаге и уже 21 июля поддержала предложение Симолина о расширении её штата, состоявшего из одного человека и дополненного теперь должностью секретаря посольства, что объяснялось как требованиями этикета, так и необходимостью поддерживать равенство с представителями других держав²¹. Этот пост занял уроженец Киля А.С. Струве, который с 1755 г. служил в той же должности в голштейн-готторпской миссии на рейхстаге, также активизировавшей свою деятельность. Через голштинские представительства в Вене и Регенсбурге было улажено дело о признании Францем I и империей опекуна Екатерины II над герцогством Гольштейн-Готторп, принадлежавшим несовершеннолетнему вел. кн. Павлу Петровичу. Российские дипломаты в Вене и Регенсбурге, естественно, содействовали своим коллегам²².

Придя к власти, Екатерина II не ратифицировала договор о союзе с Пруссией, заключённый Петром III 8 июня 1762 г., и попыталась взять на себя роль посредницы в деле примирения держав, участвовавших в Семилетней войне. 26 декабря она поручила Симолину известить имперских князей о её твёрдом намерении «совершенно защищать вольности, преимущества и правости всех членов Римской империи и, заступая за них повсюду, не допускать ни до малейшаго их утеснения, разсуждая притом далее, сколь для всех их полезно было бы, когда бы мы гарантом были в ненарушимом соблюдении всех их конституций». Заверения эти следовало делать, не ссылаясь на соответствующие указания²³. Императрице хотелось создать впечатление, будто инициатива обращения к российскому посредничеству исходила от самих штатов.

15 января 1763 г. российских дипломатов в Париже, Вене, Берлине и Регенсбурге уведомили о том, что английский двор предложил Екатерине II совместными усилиями склонить имперские штаты к «полезному для них нейтралитету» в войне между Австрией и Пруссией, дабы предотвратить разорение их территорий. Представители германских государств на рейхстаге обращались к Симолину с жалобами на действия прусских войск, рассчитывая на вмешательство России²⁴. Однако уже 4 февраля 1763 г. Австрия, Пруссия и Саксония заключили Губертусбургский мирный договор на основе *status quo ante bellum*, поставив Петербург перед свершившимся фактом. Впрочем, это не помешало посланникам Майнца и Зальцбурга на рейхстаге от имени Коллегии курфюрстов и Коллегии князей выразить Екатерине II благодарность за «попечение о

¹⁹ Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756—1763 гг. М., 2014. С. 267—314.

²⁰ АВПРИ, ф. 75, оп. 1, д. 13.

²¹ Сборник ИРИО. Т. 48. СПб., 1885. С. 73.

²² Там же. С. 112, 481—485.

²³ Там же. С. 241—242.

²⁴ Там же. С. 268—270.

тишине и благополучии Германии» и предложить ей взять на себя «теснейшие обязательства о предохранении и ручательстве имперской системы»²⁵. Своими идеями они поделились с австрийским посланником М.П.А. фон Бухенбергом, который, по словам российского посла в Вене кн. Д.М. Голицына, ответил, что Марии Терезии «толь приятнее будет видеть возстановление теснейшаго согласия между нами и Германскою империею, ибо и сама она всегда стараться станет древния натуральныя обязательства свои с нашею империею не токмо сохранить, но и вящще утвердить»²⁶. Однако, как отмечал кн. Голицын, Бухенберг счёл эти заявления «партикулярными разговорами», а не официальной позицией Майнца и Зальцбурга. Поэтому в Вене дело оставили «без примечания»²⁷.

Екатерина II на какое-то время также потеряла интерес к этой идее. Наибольшее значение для неё в первые годы правления имели польские дела. Сначала она задумала восстановить Э.И. Бирона, возвращённого из ссылки Петром III, в Курляндии и Семигалии — вассальном герцогстве Речи Посполитой. Правившего там принца Карла Саксонского, сына Августа III, тщетно пытались при помощи переговоров и угроз вынудить покинуть Митаву. В январе 1763 г. Бирон въехал в столицу Курляндии при поддержке русских войск, прибывших в Ригу в конце 1762 г. Принц Карл до апреля 1763 г. просидел в осаде в своём дворце, надеясь на изменение ситуации, а затем бежал в Варшаву²⁸.

Стремительно ухудшавшееся с начала 1762 г. здоровье Августа III заставляло Екатерину II задуматься о будущем польского престола. На протяжении XVIII в. Россия поддерживала избрание на него саксонских курфюрстов, но уже Пётр III предпочитал видеть королём «природного» поляка. А его супруга предложила магнатам и шляхте кандидатуру своего прежнего возлюбленного — Станислава Августа Понятовского, происходившего по матери из рода князей Чарторыйских.

Между тем отказ от политики Елизаветы Петровны серьёзно осложнил отношения России с Австрией, её главным союзником с 1746 г. Венский двор по-прежнему действовал в Варшаве в интересах саксонского курфюрста, тогда как Фридрих II был не прочь лишить его наследника польской короны и заключить союз с Екатериной II. 24 сентября 1763 г. Август III скончался, год спустя сейм провозгласил королём Станислава Августа Понятовского. Российско-австрийский союз, сохранявшийся на бумаге до 1771 г., фактически распался. А заключённый 31 марта 1764 г. договор с Пруссией положил начало «северной системе» Н.И. Панина, предусматривавшей альянс России с Пруссией, Великобританией, Данией, Швецией и Польшей²⁹.

Несмотря на ухудшение отношений с Саксонией, Екатерина II решила возобновить работу российского представительства в Дрездене. В 1756 г. после нападения Фридриха II на Саксонию оно переехало вместе с двором курфюрста в Варшаву. Но когда по окончании Семилетней войны Август III вернулся

²⁵ Там же. С. 466—467.

²⁶ Там же. С. 466.

²⁷ АВПРИ, ф. 32, оп. 6. д. 413, л. 98—99 об.

²⁸ Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756—1768 гг. М., 2004. С. 73—79.

²⁹ Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. С. 158—165; Герасимова Г.И. «Северный аккорд» графа Панина. Проект и реальность // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 65—78.

в Дрезден, назначенный ещё Петром III послом при польско-саксонском дворе гр. Кейзерлинг по высочайшему распоряжению остался в Варшаве. В Дрезден в конце июля 1763 г. предполагалось направить Симолина, место которого при рейхстаге должен был занять Левашёв, но в конце августа его перевели поверенным в делах в Константинополь, заменив в Регенсбурге С.В. Салтыковым, ранее служившим посланником в Париже³⁰.

Новое назначение не обрадовало Симолина. Его родной брат Карл Матвеевич, будучи министром в Митаве, приложил немало усилий для смещения с курляндского престола принца Карла и тем самым скомпрометировал себя перед саксонским двором. Чтобы не ставить Ивана Матвеевича в сложное положение, по-прежнему покровительствовавший ему гр. Кейзерлинг в декабре 1763 г. предложил послать в Дрезден Салтыкова. Поскольку после смерти Августа III для императрицы уже не имело большого значения, кто куда поедет («кто умнее, тому книги в руки»), она легко согласилась с подобным решением, и Симолин остался почти на девять лет в Регенсбурге³¹. Человек деятельный и честолюбивый, он не довольствовался ролью наблюдателя за конфликтами между имперскими штатами (хотя регулярно составлял донесения об их внутренней и внешней политике) и сумел проявить себя на самых разных поприщах.

После издания манифестов 4 декабря 1762 г. и 22 июля 1763 г., позволявших иностранным колонистам осваивать малозаселённые области России и гарантировавших им права и покровительство властей³², дипломаты Екатерины II должны были распространять в местной прессе информацию о новых законах, разыскивать потенциальных переселенцев и организовывать их отправку в империю, обеспечивая паспортами, транспортом, деньгами на проезд и питание³³. При этом циркулярный рескрипт императрицы, разосланный 28 ноября 1763 г., уточнял, что действовать подобным образом следовало только в тех государствах, которые это не запрещали, «ибо иначе непристойно аккредитованному министру явным образом сделаться вербовщиком людей той земли подданных, где он пребывает, и под своею протекциею партиями и фамилиями высылать»³⁴. Понимая сложность задачи, требовавшей определённых навыков, гибкости, расторопности и особенно умения разбираться в людях, Екатерина II разрешала своим представителям поступать «по вашему благоизобретению» или «по вашему усмотрению, но без излишеств».

Во Франконском, Швабском, Верхнерейнском и Нижнесаксонском округах Священной Римской империи, в отличие от многих других германских территорий и некоторых европейских стран, вербовка колонистов не запрещалась, поэтому Симолин и российский министр в Гамбурге А.С. Мусин-Пушкин действовали открыто. Но вскоре выяснилось, что справиться своими силами им не удаётся, и уже в 1763 г. Симолин предложил учредить пост комиссара в Любеке. Его, по рекомендации гр. Мусина-Пушкина, занял купец

³⁰ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, д. 7222, л. 73—74, 190—191 об.; ф. 83, оп. 3, д. 3, л. 5—6 об.; Сборник ИРИО. Т. 48. С. 585—587; *Кессельбреннер Г.Л.* От Посольской избы до Министерства иностранных дел. Т. 1. М., 2007. С. 398—400.

³¹ Сборник ИРИО. Т. 51. СПб., 1886. С. 493. Однако и Салтыков до Дрездена так и не доехал — след его потерялся в Париже. Посланник же при саксонском дворе появился лишь в мае 1766 г., когда впечатление от избрания Станислава Августа королём Польши несколько соладилось.

³² ПСЗ-I. Т. 16. № 11720, № 11880.

³³ Сборник ИРИО. Т. 48. С. 251—252, 571—572.

³⁴ Там же. Т. 51. С. 127.

Г. Шмит. В 1765 г. Симолин подобрал ещё двух комиссаров — К.Ф. Мейкснера из Аугсбурга и уроженца графства Ганау И. Фациуса³⁵. Местом пребывания первого стал Ульм, второго — Франкфурт-на-Майне, затем Бюдингген. Симолин привёл обоих к присяге и составил для них подробную инструкцию³⁶.

Помимо официальных комиссаров в дело активно включились «вызыватели» — частные предприниматели, организовывавшие что-то вроде товариществ и заключавшие контракты с Канцелярией опекунства иностранных, созданной в Петербурге для приёма колонистов. Посредником между «вызывателями» и Канцелярией выступал гр. Мусин-Пушкин. По мнению многих исследователей, именно эти люди, движимые желанием любой ценой получить прибыль, сыграли свою роль в том, что в Россию устремились не только те, в ком она действительно нуждалась, но и искатели приключений, не нашедшие применения своим способностям на родине³⁷.

Симолин отлично разбирался в происходившем и просил Канцелярию опекунства и Коллегию иностранных дел не посылать частных агентов в те округа и города, где уже действовали назначенные им комиссары, в чьей честности он не сомневался³⁸. Однако имперские штаты часто не видели различий между ними, и Симолину, внимательно относившемуся к нуждам своих подчинённых, приходилось отстаивать их интересы, снабжать деньгами, вступать в прямые переговоры с германскими князьями.

Деятельность российских комиссаров и «вызывателей» подверглась жёсткой критике со стороны местных дворов, не желавших лишаться квалифицированной рабочей силы и налогоплательщиков. В результате к концу 1766 г. вербовку пришлось свернуть. За три года в Россию переселились более 30 тыс. человек, из них около 3 тыс. семей переправили комиссары (главным образом Фациус), которыми руководил Симолин³⁹. Екатерина II оценила вклад дипломата, повысив в ноябре 1766 г. его годовое жалованье до 6 тыс. руб.⁴⁰

Пользуясь связями с представителями имперских штатов, имевшими агентов в Риме, Симолин получал от них сведения о деятельности иезуитов и политике папской курии в Польше. Иван Матвеевич также следил за появлением антироссийских публикаций, давая отпор особо ретивым, по его мнению, журналистам⁴¹. Кроме того, он приглашал в Россию талантливых мастеров, приобретал произведения искусства для императорских и частных собраний.

Наиболее плодотворным оказалось сотрудничество Симолина с вице-канцлером кн. А.М. Голицыным. В апреле 1770 г. князь просил помочь ему в приобретении «нескольких хороших картин по хорошей цене, среднего размера на

³⁵ В 1744—1756 гг. он служил секретарём голштейн-готторпской миссии на рейхстаге, после чего состоял секретарём четырёх британских министров в Регенсбурге и Мюнхене.

³⁶ Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. М., 1909. Приложение. С. 8—14.

³⁷ Там же; Bartlett R. Foreign Settlement in Russia under Catherine II // *New Zealand Slavonic Journal*. 1974. № 1. P. 1—22; Goggi G., Dulac G. Diderot et l'abbé Baudeau: les colonies de Saratov et la civilisation de la Russie // *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 1993. № 14. P. 23—83; Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008; Decker K.-P. Bidingen als Sammelplatz der Auswanderung an die Wolga 1766. Bidingen, 2009.

³⁸ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 3205, л. 57—57 об.

³⁹ Писаревский Г. Указ. соч. С. 169; Плева И.Р. Немецкие колонии... С. 64.

⁴⁰ АВПРИ, ф. 75, оп. 75/1, д. 16, л. 31.

⁴¹ Петрова М.А. Стандартизация европейской дипломатической практики во второй половине XVIII века: опыт российских дипломатов // *Феномен унификации в истории* / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М., 2019. С. 192—194.

приятный и интересный сюжет»⁴². За два года при участии Симолина на аукционах и у частных лиц в Германии, Франции и Италии было приобретено около 40 работ голландских, фламандских и немецких мастеров XVII—XVIII вв. Это примерно восьмая часть живописного собрания князя, насчитывавшего, согласно сохранившемуся каталогу, 311 картин⁴³. Параллельно приобретались и произведения скульптуры⁴⁴.

Выполняя поручение вице-канцлера, Симолин создал двухуровневую сеть агентов. Непосредственно от него получали инструкции Фазиус (к этому времени — российский комиссар в Бонне) и проживавший в Аугсбурге итальянский художник Г. Гульельми, который в 1750-х — начале 1760-х гг. расписывал фресками дворцы в Вене, Берлине и Аугсбурге, а в 1772 г. был приглашён в Россию⁴⁵. Они, в свою очередь, привлекали к отбору произведений разного рода помощников, в основном художников. Среди них служивший при дворе кёльнского курфюрста И.М. Шильдт, К.Г. Шютц-старший, а также один из представителей династии Тишбейнов. В их задачу входили осмотр картин, определение их ценности, характеристика состояния холста и красочного слоя, иногда переговоры с владельцами. Напрямую с Симолиным они не общались, но Гульельми и Фазиус регулярно предоставляли ему детальный отчёт об их хлопотах. Судя по сохранившимся письмам, кн. Голицын был вполне доволен тем, как функционировала эта система.

Успешное выполнение подобных поручений не могло удовлетворить амбиции Симолина, не без оснований рассматривавшего пост в Регенсбурге как временный и даже «неблагодарный» (*ingrat*). С 1765 г. дипломат не раз просил кн. Голицына и Панина подыскать ему другое место, напоминая, что никто из его иностранных коллег не находился при рейхстаге так долго⁴⁶.

Сложным было и финансовое положение сотрудников российской миссии в Регенсбурге. Таможенные пошлины, установленные баварским курфюрстом для этого имперского города с 1 мая 1765 г., вызвали существенный рост цен на продукты питания⁴⁷. Жалованье же приходило из Петербурга с задержкой и постепенно обесценивалось из-за повышения вексельного курса; приходилось брать деньги в долг под проценты. Симолин постоянно просил дополнительных средств и для себя, и для своих сотрудников, но, несмотря на содействие кн. Голицына ему в этом вопросе и отсутствие возражений у Екатерины II, исполнение решений Коллегии иностранных дел Штатс-конторой или Сенатом, распоряжавшимися деньгами, растягивалось на месяцы, а иногда и годы. Так, лишь в 1766 г. Симолин добился компенсации средств, потраченных в 1761 г. на поездку в Аугсбург на несостоявшийся конгресс.

В конце 1771 г. Симолина неожиданно вызвали в Петербург и отправили с поручением к гр. П.А. Румянцеву, командовавшему армией на Дунае. С начала

⁴² РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 5350, л. 19 об.—20.

⁴³ Государственный Эрмитаж, ф. 1, оп. ба, д. 122, ч. 1, л. 3—161. В каталоге фигурировали П. Вауверман, Д. Тенирс, Г. Дау, Л. Джордано, Г. Рени, Х. де Рибера (Спаньолетто), П.П. Рубенс, Рембрандт и Тинторетто. Но атрибуция указанных в нём картин требует проверки.

⁴⁴ Петрова М.А. Дипломаты как художественные агенты: И.М. Симолин и формирование коллекции скульптуры князя А.М. Голицына в начале 1770-х годов // Век Просвещения. Вып. VI. М., 2018. С. 261—289.

⁴⁵ Петрова М.А. Дипломатия и искусство: итальянский художник Грегорио Гульельми и Россия // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 110—123.

⁴⁶ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 3203, л. 38 об.; д. 3204, л. 60.

⁴⁷ Там же, д. 3203, л. 26 об.

марта 1772 г. Иван Матвеевич почти два месяца вёл в Журжево переговоры о перемирии между Россией и Турцией. Его подписание 19 мая предшествовало мирному конгрессу, собравшемуся в июле в Фокшанах. 22 июня гр. Румянцев в особом «свидетельстве» отметил «искуство и наибольшее рвение к службе» Симолина, который ещё в конце мая, когда в благоприятном исходе переговоров в Петербурге уже не сомневались, узнал о скором переводе в Копенгаген⁴⁸. 31 июля 1772 г. Екатерина II пожаловала его в действительные статские советники, назначив чрезвычайным посланником и полномочным министром при датском дворе с жалованьем в 8 тыс. руб. Кроме того, ему выплатили 6 тыс. руб. на проезд к новому месту службы и 2 тыс. руб. за издержки по пути из Регенсбурга в Петербург и Журжево в 1771 г. Ещё 4 тыс. руб. он получил в качестве награды за подписание перемирия⁴⁹. Впоследствии Иван Матвеевич представлял интересы России в Стокгольме, Лондоне и Париже.

Два года пост министра в Регенсбурге оставался вакантным. В 1774 г. его занял барон А.Ф. Ассебург, происходивший из Мейсдорфа в Бранденбурге. В 1744 г. он поступил на службу к ландграфу Гессен-Кассельскому Фридриху I (шведскому королю Фредерику I) и представлял его в 1745 г. на выборах императора во Франкфурте. В 1753 г. Ассебург перешёл к королю Дании Кристиану VII, став чрезвычайным посланником в Швеции (1759—1760), Пруссии (1762—1763), Вюртемберге (1764—1765; 1769—1771) и России (с ноября 1765 по январь 1768 г., с сентября 1767 г. — в ранге посла)⁵⁰. В 1767 г. барон принимал участие в заключении договора между Россией и Данией, предварительно зафиксировавшего отказ вел. кн. Павла Петровича от претензий на Шлезвиг и согласие обменять герцогство Гольштейн-Готторп на графства Ольденбург и Дельменхорст, принадлежавшие Дании. Обмен состоялся в 1773 г., когда великий князь достиг совершеннолетия и подарил по Царскосельскому трактату графства Ольденбург и Дельменхорст представителю младшей ветви Гольштейн-Готторпского дома — князю-епископу Любека Фридриху Августу (дяде Екатерины II). В 1774 г. в Эйтине, резиденции епископа, открылась российская дипломатическая миссия.

Императрица ценила мнения Ассебурга. В 1771 г. по его совету она выступила гарантом Раштаттского договора 1765 г., урегулировавшего территориальные споры между маркграфами Баден-Баденским и Баден-Дурлахским⁵¹, но отказалась стать четвёртым (вместе с Пруссией, Данией и Ганновером) гарантом договора о сохранении протестантской веры между герцогом Карлом Евгением и сословиями Вюртемберга⁵². 10 мая 1771 г. гр. Панин передал барону предложение Екатерины II поступить на российскую службу: «Вы дорожите интересами и славой её императорского величества, она, со своей стороны, имеет полное представление о Ваших достоинствах и заслугах. Доказательство тому — важная комиссия и предпочтение, которое было оказано Вам перед всеми другими, невзирая на Ваши связи с иностранной державой»⁵³. Панин имел в виду выполнение Ассебургом деликатного поручения императрицы — выбора неве-

⁴⁸ Там же, ф. 205, оп. 1, д. 2, л. 68 об.—69.

⁴⁹ Сборник ИРИО. Т. 118. СПб., 1904. С. 172.

⁵⁰ *Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648)*. Bd. 3: 1764—1815 / Hg. O.F. Winter. Graz; Köln, 1965. S. 52, 58, 59.

⁵¹ *Denkwürdigkeiten des Freiherrn von der Asseburg, Erbherrn auf Falkenstein und Meisdorf etc.* Berlin, 1842. S. 228—235.

⁵² *Шарф К.* Указ. соч. С. 289—293.

⁵³ Сборник ИРИО. Т. 13. СПб., 1874. С. 86—87.

сты для наследника российского престола⁵⁴. 7 декабря 1771 г. барон поступил в Коллегию иностранных дел в чине действительного тайного советника⁵⁵.

Назначение Ассебурга российским представителем при рейхстаге состоялось 28 августа 1773 г.⁵⁶ По праву считаясь знатоком истории Священной Римской империи, он, ещё будучи посланником в Петербурге, обсуждал с Паниным идею «ручательства», или гарантии, Россией имперской конституции, т.е. существовавшего устройства Германии, основанного на обширном, складывавшемся веками законодательстве. Ассебург осторожно, но последовательно проводил мысль о том, что Швеция и Франция, гаранты Вестфальского мира 1648 г. и, соответственно, установленного им *status quo*, больше не в состоянии выполнять эти функции и их место должна занять Россия⁵⁷.

В данной дипломату 30 сентября 1774 г. инструкции, составленной гр. Паниным, идея «ручательства» имперской конституции высказана не была: лишь упоминалось об упадке Швеции и амбициях Франции, стремившейся раздвинуть свои границы (с 1756 г. — в союзе с Австрией), а Священная Римская империя признавалась рыхлым образованием, члены которого заботятся исключительно о собственных интересах и неспособны к координации действий при решении внутренних и внешних проблем. Поэтому пребывание министра в Регенсбурге считалось необходимым не столько для усиления политического влияния на дела Германии, сколько для «представительства и величия Российской империи». Ассебургу вменялось в обязанность поддерживать добрые отношения с представителями всех имперских штатов, особенно тех, которые были связаны семейными узами с российским императорским домом или находились с ним в союзе, а также зорко следить за их политической ориентацией и отношениями с Австрией и Пруссией. При этом дипломат должен был при случае напоминать, что Россия, не имея после урегулирования голштинского вопроса территориальных претензий к Германскому корпусу (*le corps Germanique*), готова стать для него «другом и незаинтересованным и беспристрастным посредником» в делах⁵⁸.

К месту службы Ассебург прибыл 26 апреля 1775 г., но в июле уехал в своё имение Мейсдорф, так и не вручив верительные грамоты⁵⁹ из-за возникших церемониальных трудностей.

В Священной Римской империи с её сложной иерархической структурой, где каждый имперский штат имел свой правовой статус и соответствовавшее ему положение, церемониалу уделялось особое внимание. Рейхстаг постоянно становился ареной жарких споров о старшинстве (*Präzedenz*). После Вестфальского мира 1648 г., когда имперские штаты фактически стали суверенными государствами, курфюрсты, избиравшие императора, начали добиваться для себя королевских привилегий и повышения статуса своих представителей:

⁵⁴ Ассебург рекомендовал отдать предпочтение или принцессе Гессен-Дармштадтской Вильгельмине Луизе, или принцессе Вюртембергской Софии Доротее, которая, однако, была ещё слишком юной. Выбор пал на дочь гессенского ландграфа. А летом 1776 г., вскоре после кончины вел. кн. Натальи Алексеевны, Ассебург сопровождал вел. кн. Павла Петровича в Вюртемберг на смотрины новой невесты — Софии Доротеи, будущей императрицы Марии Фёдоровны.

⁵⁵ Сборник ИРИО. Т. 13. С. 140. Копии выданного ему 12 марта 1772 г. патента на французском и русском языке см.: РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 3955, л. 6, 7.

⁵⁶ *Denkwürdigkeiten des Freiherrn von der Asseburg...* S. 284.

⁵⁷ Подробнее см.: *Шарф К.* Указ. соч. С. 265—266, 291—293.

⁵⁸ Сборник ИРИО. Т. 135. СПб., 1911. С. 241—244.

⁵⁹ Их копию см.: АВПРИ, ф. 83, оп. 83/2, д. 128, л. 81—83.

обращения «превосходительство» (*Exzellenztitel*), права занимать традиционно более почётное место справа от монарха и ожидать первый визит от иностранных дипломатов по приезду к новому месту службы. Во второй половине XVII в. такими преимуществами пользовались полномочные депутаты (*députés plénipotentiaires*) или уполномоченные (*plénipotentiaires*) Франции⁶⁰.

В начале Войны за испанское наследство, 1(12) августа 1702 г., курфюрсты впервые предоставили своим посланникам право требовать от иностранных министров первого визита и титула *Exzellenz*, тем самым они фактически были объявлены министрами первого ранга (*Ministri primi ordinis*), к которым относились только чрезвычайные и полномочные послы. Представители имперских князей и городов признавались министрами второго ранга (*Ministri secundi ordinis*).

Баденский мирный договор 1714 г. между Францией и империей подтвердил королевские привилегии курфюрстов, что позволило им на заседании коллегии 1(12) июля 1715 г. принять решение, в котором к министрам второго ранга приравнивались и посланники иностранных держав при рейхстаге⁶¹. При этом представители курфюрстов, претендовавшие на посольские привилегии, продолжали называться посланниками. Когда в 1716 г. французский двор направил уполномоченным на рейхстаг Ж.В. Ланге, графа де Жержи, его соглашались принять как равного только в том случае, если он будет аккредитован как посол. Но в Париже считали ниже своего достоинства назначать на рейхстаг послов, которых по обычаю направляли к монаршим дворам⁶². Поэтому де Жержи в течение почти пяти лет пребывания в Регенсбурге приходилось избегать не только официальных контактов, но даже неформального общения с дипломатами курфюрстов. В 1720 г. французский двор решил его отозвать, направив на рейхстаг агента, не имевшего ранга⁶³.

7(18) ноября 1726 г. Коллегия курфюрстов установила, что иностранные дипломаты второго ранга (чрезвычайные посланники, полномочные министры), прибыв в Регенсбург, должны вручать верительные грамоты при первом визите к посланнику курфюрста Майнца — главы Канцелярии рейхстага. Он встречал их у входа в переднюю, но во время ответного визита его следовало встречать у подножия лестницы, что явно нарушало паритет⁶⁴. С тех пор представители Франции, Республики Соединённых провинций и Великобритании аккредитовались при рейхстаге как «министры без характера» (*ministres sans caractère*)⁶⁵, реже как резиденты, поскольку ни те, ни другие, будучи дипломатами третьего ранга, не участвовали в указанных церемониях.

В Петербурге об этих конфликтах знали, поэтому в Регенсбург в 1757 г. направили резидента, а в 1762 г. — «министра без характера». Гр. Кейзерлинг

⁶⁰ Точнее было бы назвать их «полномочными», но в русском языке это слово не используется как существительное.

⁶¹ *Schütz E.* Op. cit. S. 172—173.

⁶² *Haug T.* «D'égale à égale?» — Statuskommunikation französischer Gesandter auf dem Immerwährenden Reichstag zwischen europäischen und reichsständischen Repräsentationsformen // *Reichsstadt, Reich, Europa...* S. 242.

⁶³ *Braun G.* Der Immerwährende Reichstag aus französischer Sicht in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts // *Zeitenblicke*. 2012. № 11(2) (URL: http://www.zeitenblicke.de/2012/2/Braun/index_html).

⁶⁴ *Denkwürdigkeiten des Freiherrn von der Asseburg...* S. 289—290.

⁶⁵ «Характер» — трудно поддающийся определению термин, обозначающий особый статус, которым обладали только дипломаты первого и второго ранга. Подробнее о рангах см.: *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2013. С. 25—30, 39—49.

в 1746 г. избежал церемониальных проблем, так как на выборном собрании во Франкфурте-на-Майне в 1745 г. он уже был принят как полномочный министр. Рейхстаг рассматривал его миссию как продолжение предыдущей и «обращался с ним с большим вниманием, не следуя неукоснительно обычному церемониалу»⁶⁶. Кроме того, признание императорского достоинства Елизаветы Петровны в рекредитивной (отпускной) грамоте, подготовленной для графа во Франкфурте, увязывалось с признанием Россией королевского статуса курфюрстов, которые хотели, чтобы российский министр высказался на рейхстаге в их пользу. Гр. Кейзерлинг заявил, что считает королевские привилегии курфюрстов «неоспоримыми» (*incontestables*)⁶⁷.

В июле 1763 г. новый полномочный министр Великобритании в Регенсбурге Ф. Стэнхоуп попытался добиться от Коллегии курфюрстов соблюдения церемониального равенства с их посланниками и предложил Симолину и французскому министру Л.Г. дю Бюа-Нансе выступить совместно и прекратить практику, унижительную для иностранцев. Со своей стороны, Симолин 19 июля направил Екатерине II реляцию, рекомендуя повысить ранг дипломатических представителей России при рейхстаге, уравнив их с дипломатами Англии и Франции. В Петербурге одобрили его соображения, и Салтыков должен был ехать в Регенсбург в ранге полномочного министра⁶⁸. Вместе с тем Коллегия иностранных дел рекомендовала Симолину действовать осторожно и не подписывать никаких документов совместно с французским и британским министрами, дабы избежать спора о первенстве между дворами и не уронить «достоинство императорского титула» Екатерины II. Более предпочтительным казалось, чтобы каждый из них подал в Имперскую канцелярию свой экземпляр заранее согласованного с другими заявления⁶⁹. Однако до подписания совместных документов дело так и не дошло: уже 1 августа 1763 г. Стэнхоуп получил от Коллегии курфюрстов и Коллегии имперских князей отрицательный ответ на свои представления. На этом миссия его завершилась, и дипломаты Георга III продолжили аккредитоваться при рейхстаге как «министры без характера»⁷⁰.

Размышляя в реляции 30 сентября (11 октября) о деле Стэнхоупа, Симолин выражал уверенность, что только «совокупное старание всех в том участвующих корон» позволит добиться урегулирования церемониальных споров⁷¹. Соответственно назначение полномочного министра признавалось нецелесообразным. Коллегии иностранных дел даже пришлось подготовить Салтыкову новую верительную грамоту — как «министру без характера»⁷². В этом же статусе остался в Регенсбурге и Симолин. «Никому в мире не приходило в голову отменять посольское право коронованных особ, — жаловался он в письме кн. Голицину 12(23) сентября 1765 г., — тем временем Коллегия курфюрстов нашла возможным до такой степени принизить характер иностранных послов при рейхстагах империи, что ни одна держава не может, не подвергая себя уни-

⁶⁶ АВПРИ, ф. 83, оп. 2, д. 126, л. 7 об.

⁶⁷ Archives diplomatiques du Ministère des Affaires Etrangères, Correspondance politique, Allemagne, vol. 543, fol. 68—68v.

⁶⁸ Сборник ИРИО. Т. 48. С. 574—575.

⁶⁹ Там же. С. 581, 583—587.

⁷⁰ Подробнее о деле Стэнхоупа см.: АВПРИ, ф. 83, оп. 83/2, д. 126, л. 7—7 об. См. также: Schütz E. Op. cit. S. 174—176.

⁷¹ Сборник ИРИО. Т. 51. С. 68—69.

⁷² Там же. С. 74—75.

жению, отправить туда министров, облечённых тем или иным характером»⁷³.

В инструкции 1774 г. Ассебургу предписывалось в вопросах церемониала и аккредитации следовать примеру представителей Франции и Англии и строго придерживаться правила, принятого Екатериной II: «Соблюдать равенство с коронованными особами, а значит — никому его не уступать и не требовать ни от кого таких же уступок»⁷⁴. Ассебург выполнил данное предписание. После короткого пребывания в Регенсбурге в 1775 г. он приезжал туда ненадолго в 1778 и 1779 гг., но начать процедуру аккредитации не решился, заведомо зная, что получит отказ.

Между тем после смерти в 1777 г. баварского курфюрста Максимилиана III Иосифа император Иосиф II попытался приобрести часть Баварии и Пфальца, обменяв их на одно из своих наследственных владений — Австрийские Нидерланды. В 1778 г. против него выступили многие имперские штаты во главе с Фридрихом II. Россия, будучи с 1764 г. союзницей Пруссии, вмешалась в это противостояние и выступила, наряду с Францией, в роли посредника, а затем стала гарантом Тешенского трактата, завершившего 2(13) мая 1779 г. Войну за баварское наследство. 12-я статья этого документа подтверждала ряд более ранних договоров, подписанных Австрией и Пруссией (Вестфальский 1648 г., Бреславский и Берлинский 1742 г., Дрезденский 1745 г. и Губертусбургский 1763 г.), что давало России определённые основания считать себя гарантом имперской конституции⁷⁵.

Мирные соглашения и акты гарантии по традиции ратифицировались рейхстагом. Поэтому в январе 1780 г. Ассебург вновь отправился в Регенсбург, чтобы не допустить при ратификации ущемления прав Екатерины II. Он даже был готов пойти на уступки в вопросах церемониала, но, когда понял, что позиция рейхстага в отношении России не слишком благожелательна, решил не добиваться публичного статуса. 17 февраля 1780 г. Тешенский договор был ратифицирован с оговоркой, что он «ни в коем случае не должен нарушать права империи, противоречить Вестфальскому миру и другим имперским законам или нарушать чьи-либо права, которые должны надлежащим образом соблюдаться в надлежащем месте в данный момент и в будущем»⁷⁶.

В январе 1782 г. Ассебург попытался без аккредитации при рейхстаге добиться признания за собой титула *Exzellenz* на том основании, что имел чин действительного тайного советника. Однако государственный канцлер кн. В.А. Кауниц-Ритберг выступил против, заявив имперскому вице-канцлеру кн. Р.И. Коллоредо, что это не тот случай, когда следует уступать⁷⁷. Российский дипломат официально оставался на своём посту вплоть до смерти 2 марта 1797 г., но попыток аккредитоваться больше не предпринимал.

⁷³ АВПРИ, ф. 83, оп. 83/2, д. 43, л. 32 об.

⁷⁴ Сборник ИРИО. Т. 135. С. 230—231.

⁷⁵ Подробнее см.: *Нерсесов Г.А.* Политика России на Тешенском конгрессе (1778—1779). М., 1988. Однако, как заметил К.О. фон Аретин, вопрос о том, насколько такая гарантия соответствовала имперскому законодательству, остался открытым (*Aretin K.O.*, von. Rußland und die Reichspolitik Kaiser Josephs II // *Katharina II., Rußland und Europa: Beiträge zur internationalen Forschung.* Mainz, 2001. S. 125).

⁷⁶ *Denkwürdigkeiten des Freiherrn von der Asseburg...* S. 293; *Härter K.* Möglichkeiten und Grenzen der Reichspolitik Rußlands als Garantiemacht der Teschener Friedens (1778—1803) // *Katharina II., Rußland und Europa...* S. 133—183.

⁷⁷ *Österreichisches Staatsarchiv, Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Reichskanzlei.* Zeremonialakten, Karton 20—22, Fasz. Excellenz Titel für den Russisch-Kays. geheimen Rath v. Asseburg zu Regensburg.

Текущую работу регенсбургской миссии более 20 лет вёл советник посольства А.С. Струве, также не признанный поверенным в делах. В марте 1780 г. в Вене стало известно, что посланники имперских штатов на рейхстаге выразили недовольство тем, что главный императорский комиссар кн. К.А. Турн-унд-Таксис принимает Струве у себя. Иосиф II по совету кн. Кауница рекомендовал своему представителю воздержаться от подобной практики, поскольку она могла привести к нежелательным последствиям для церемониала на рейхстаге. Однако в конце октября 1782 г. позиция канцлера смягчилась: он предложил принимать Струве в обществе как советника посольства «иностранный державы первого ранга» и «выдающегося иностранца» (*eines distinguierten Fremden*), не признавая его поверенным в делах. В докладе императору 11 ноября кн. Коллоредо уточнял, что для рейхстага и представителей дипломатического корпуса Струве будет не «посольской персоной», но «иностранным частным лицом, которое облечено уважаемым двором характером советника» («*nicht als eine gesandtschaftliche Person... jedoch als ein Fremder mit einem Raths Character von einem ansehnlichen Hof gekleideter Privatus*»). Иосиф II отметил на докладе: «Угодно» («*Placet*»)⁷⁸. Эта любезность стала, вероятно, следствием сближения России и Австрии и заключения между ними союза в июне 1781 г.

Почему Екатерина II направила Ассбургга на рейхстаг в ранге полномочного министра, если была осведомлена о трудностях, с которыми ему придётся столкнуться? Почему не заменила его «министром без характера» или резидентом (как это было сделано в 1763 г.), фактически парализовав работу миссии? В церемониальных спорах, в вопросах престижа императрица никогда не делала уступок, а неопределённое положение Ассбургга, по-видимому, не воспринималось ею как потеря для внешней политики. К тому же в 1781 г. у России появилось ещё одно — седьмое (после Вены, Берлина, Гамбурга, Регенсбурга, Дрездена и Эйтена) представительство в Священной Римской империи — во Франкфурте-на-Майне. Через него были установлены прямые контакты с государствами Верхне- и Нижнерейнского, Вестфальского, Швабского и Франконского округов империи: с духовными курфюршествами — Триром, Майнцем, Кёльном и многими другими имперскими штатами, включая такие крупные, как Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт и Гессен-Кассель. Франкфуртская миссия вскоре стала новым центром российского влияния в Германии, усиление которого было напрямую связано со статусом Екатерины II как гаранта Тешенского мира. В 1785 г. последовало решение об учреждении самостоятельного представительства в Мюнхене, которое открылось в 1787 г. Регенсбург же, хотя и оставался политическим центром империи, очевидно, терял свою привлекательность для Петербурга.

В апреле 1797 г. Павел I восстановил официальный статус своего представителя при рейхстаге и во избежание церемониальных конфликтов назначил Струве резидентом⁷⁹. Миссия, созданная в начале Семилетней войны для наблюдения за передвижениями войск союзников и противников России и настроениями имперских штатов, выполняла эти функции и на рубеже XVIII—XIX вв., в период борьбы с революционной, а затем наполеоновской Францией, и лишь с распадом Священной Римской империи в 1806 г. прекратила своё существование.

⁷⁸ Ibid. Fasz. Ceremoniel gegen den Russischen Legations-Rath von Struve. 1782.

⁷⁹ АВПРИ, ф. 83, оп. 83/2, д. 279, л. 3—6 об.

Проекты организации первой русской антарктической экспедиции 1819—1821 гг.

Дмитрий Копелев

Projects of the first Russian Antarctic expedition of 1819—1821

Dmitriy Kopelev

(Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

DOI: 10.31857/S086956870012932-6

Первая русская антарктическая экспедиция под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева — одно из крупнейших заморских научных предприятий, осуществлённых подданными Российской империи в первой четверти XIX в. Литература, посвящённая этому плаванию, обширна, однако многие аспекты его истории ещё нуждаются в осмыслении. «Никогда путешествия для открытий не были снаряжаемы забавнейшим образом», — удивлялся молодой мичман Ф.П. Литке, возвращавшийся из кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» и видевший в августе 1819 г. корабли, направлявшиеся в южные широты Тихого океана, на Портсмутском рейде. «Во-первых, главнейшая вещь — суда, — писал он. — Шлюпы, на которых сидят начальники экспедиций, построены на Охте по образцу “Камчатки”, положим, что они хороши, хотя и тут можно бы сделать замечание, что между плаванием по чистой воде и плаванием между льдами маленькая разница. Другия же два судна построены в Лодейное поле на тот предмет, чтобы возить муку из Кронштадта в Ревель и Свеаборг, и теперь уже подтекают. И эти суда посланы делать открытия во льдах!»¹. По словам Литке, «их приготовляли по примеру “Камчатки”, и если им что-нибудь не нравилось, то их уверяли, что это так на “Камчатке”, и они молчали. Если бы мы были уже возвратившись, и капитан объявил бы, что “Камчатка” была снабжена, снаряжена и исправлена наилучшим образом, то и тогда не могла бы она им служить образцом, ибо их экспедиция рознится от нашей, как ночь ото дня: и тогда бы смешно было снаряжать их по примеру “Камчатки”. Как же было это сделать тогда, когда ещё не знали, как отзовётся капитан о своём снабжении, если бы он по возвращении на всё совершенно протестовал»².

© 2020 г. Д.Н. Копелев

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00103/19.

¹ РГА ВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, кн. 2, 1819, л. 149—149 об. В состав Южной «дивизии» входили однотипный «Камчатке» военный шлюп «Восток» под командованием капитана 2-го ранга Ф.Ф. Беллинсгаузена и построенный по проекту судов нидерландской Вест-Индской компании «Мирный» (первое название — «Ладога») лейтенанта М.П. Лазарева. Литке отмечал несоответствие выбранных для одной экспедиции разнотипных судов: быстроходного, но недостаточно вместительного «Востока», построенного на верфи Охтенского адмиралтейства под руководством В.Ф. Стоке и И.П. Амосова, и тихоходного транспорта «Мирный», созданного на Олонецкой верфи в Лодейном Поле Я.А. Колодкиным и И.В. Курепановым. В состав Северной «дивизии» включили военные шлюпы «Открытие» (идентичный «Востоку» и также строившийся Стоке) капитан-лейтенанта М.Н. Васильева и «Благонамеренный» (до 22 апреля 1819 г. — «Свирь»), судостроитель Курепанов) капитан-лейтенанта Г.С. Шишмарёва. Все эти корабли, кроме «Открытия», о котором нет данных, были спущены на воду летом 1818 г.

² Там же, л. 149 об.

Смушали молодого моряка (а вместе с ним, по-видимому, и всю кают-кампанию: «Капитан Биллингсгаузен был выписан из Чёрного моря³, должен был набрать офицеров, приготовить экспедицию и чрез 2 недели идти в море. Явно, что хотели только скорее с рук сбывать, от этого и произошло, что он должен был многое уже здесь переправлять; и всё-таки невозможно ему будет всего, как должно, исправить. Кап[итан]-лейт[енант] Васильев никогда или весьма мало ходил в море»⁴. Как казалось Литке, «все эти странности тем более заметны, что они сделаны в такое время, когда, как будто нарочно для контраста, посылали и англичане четыре судна для открытий к северу. Сличив приуготовления Россовых⁵ судов с нашими, невозможно поверить, чтобы и те, и другие предназначались для одной цели. Все благомыслящие англичане нисколько и не сомневаются, чтобы под завесою открытий не скрывалось тут какое-нибудь другое намерение. Портсмутский адмирал sir George Crampe⁶ говорил об этом с капитаном нашим и весьма откровенно. Кап[итан] стал было его уверять, что экспедиции сии суть точно учёные, но адмирал сделал⁷ ему в доказательство противного такие доводы, противу которых капитан поневоле должен был замолчать, адмирал прибавил: “Вы человек морской, я уверен, что Вы сами этому не верите, но какое нам дело мешаться в дела правительства. В этом деле Вы точно так же посторонний человек, как и я, пусть эти экспедиции учёные, им дают пашпорты и с концом дело”⁸».

Комплексное плавание Беллинсгаузена и Васильева задумывалось как уникальное и секретное предприятие, но и по сей день не удаётся установить, кто являлся его инициатором и почему на подготовку экспедиции было отпущено так мало времени⁹. Особого внимания заслуживает и то, как определялись цели путешествия. Судить об этом позволяют лишь несколько недатированных текстов, сохранившихся в разных архивных делах. Поскольку, как правило, это

³ Участник первой русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг., Беллинсгаузен с 1810 г. служил на Чёрном море и накануне своего срочного вызова в Петербург в 1819 г. командовал фрегатом «Флора», выполняя по поручению командующего флотом гидрографические работы вдоль побережья (Соколов А. Гидрографические труды капитана (впоследствии адмирала) Ф.Ф. Беллинсгаузена на Чёрном море // Морской сборник. 1855. № 6. С. 70—75).

⁴ РГА ВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, кн. 2, 1819, л. 149 об. Литке несколько преувеличил: боевой офицер М.Н. Васильев в 1798—1801 гг. принимал участие в Средиземноморском походе Ф.Ф. Ушакова, а в 1812—1813 гг. командовал дивизионом канонерских лодок, отличившись в боях за Ригу, Митаву и Данциг.

⁵ Находившихся под командованием Джона Росса.

⁶ Так в тексте. Имеется в виду британский адмирал Дж. Кэмпбелл (George Campbell).

⁷ Слово «сделал» вписано над строкой вместо зачёркнутого «привёл».

⁸ РГА ВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, кн. 2, 1819, л. 150, 150 об.

⁹ Подробнее см.: *Mill H.R.* The siege of the South Pole. The story of Antarctic exploration. L., 1905; *Григорьев А.А., Лебедев Д.М.* Открытие Антарктического материка русской экспедицией Беллинсгаузена—Лазарева 1819—1821 гг. // Известия Академии наук СССР. Серия географическая и геофизическая. 1949. Т. 13. № 3. С. 118—193; Два плавания вокруг Антарктиды. Русская экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена, М.П. Лазарева 1819—1821 гг. и советская экспедиция 1982—1983 гг. Сборник / Сост. В.В. Аристов. Казань, 1990; *Tammiksaar E., Kiik T.* Origins of the Russian Antarctic Expedition: 1819—1821 // *Polar Record*. 2013. № 49(249). P. 180—192; *Балкли Р.* Первые наблюдения материковой части Антарктиды: попытка критического анализа // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. Т. 34. № 4. С. 41—56; *Овлащенко А.* Антарктический рубикон. Тема открытия Антарктиды в советских источниках начала 50-х годов. Саарбрюкен, 2014; *Bulkeley R.* Bellingshausen and the Russian Antarctic expedition, 1819—21. L., 2014; *Tammiksaar E.* The Russian Antarctic Expedition under the command of Fabian Gottlieb von Bellingshausen and its reception in Russia and the world // *Polar Record*. 2016. Vol. 52. № 5. P. 578—600.

писарские копии, установить их авторство не всегда возможно. Ситуацию осложняет также пропажа подлинных бортовых журналов Беллинсгаузена.

Приоритеты в исследованиях Мирового океана в начале XIX в. чётко постулировал капитан-командор И.Ф. Крузенштерн. В ноябре 1818 г., готовя «Введение» к книге О.Е. фон Коцебу «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания Северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах», он писал: «В продолжении нескольких уже столетий две важные задачи занимали географов, особенно мореплавателей. Задачи сии суть: открытие матерой Земли в странах Южного полюса, и открытие в севере морского прохода из Атлантического моря в Южный (Тихий. — Д.К.) океан, или же обратно из Южного океана в Атлантическое море»¹⁰.

Поиск таинственного Южного материка в южных широтах Тихого океана, так называемой *Terra Australis*, относился к числу наиболее фантазмагорических задач в мировой науке. В XVIII в. её решение получило новый импульс благодаря трудам французского математика и астронома П.Л. Моро де Мопертюи, сформулировавшего теорию равновесия материков, согласно которой лежащие к югу от экватора части Африки и Южной Америки гораздо меньше тех, что расположены в Северном полушарии. Следовательно, рассуждал де Мопертюи, должен существовать равновеликий «Южный материк». Эту идею поддержали гр. де Бюффон, географы Ш. де Бросс и А. Дальримпл. На поиски новой земли отправились французские экспедиции Ж.-Б.Ш. Буве де Лозье (1738—1739) и И.-Ж. де Кергелена (1771—1772), а также британский исследователь Дж. Кук, который во время своего второго кругосветного плавания трижды пересёк Южный полярный круг и констатировал, что вблизи полюса расположен большой массив суши, однако исследовать его вряд ли удастся¹¹.

Ещё настойчивее искали Северо-западный проход из Атлантики в Тихий океан. Загадочный пролив привлекал внимание Ж. Картье, Х. Гилберта, Ф. Дрейка, М. Фробишера, Д. Дэвиса, С. де Шамплейна, У. Баффина и Г. Гудзона. Под названием «пролива Аниан» он появился на картах Дж. Гастальди (1562), П. Форлани (1565) и Залтиери (1566). В конце XVI — первой половине XVII в. о нём знали благодаря легендарным «сообщениям» греческого навигатора Апостолоса Валерианоса с Кефалонии, служившего испанской короне под именем Хуана де Фуки, а также испанского навигатора Лоренсо Феррера Мальдонадо и «адмирала Новой Испании и Перу, а ныне принца Чили» Бартоломео де Фонте¹². На пути из Атлантики в Тихий океан якобы находилось скрывавшееся в недрах Северо-Американского континента протяжённое «Mer de l'Ouest» («Западное море»). Окружённое со всех сторон горными хребтами, оно располагалось примерно на широте пустыни Невада и, по мнению европейских учёных, повторяло очертания Средиземного моря. В Великобритании защитником идеи «Mer de l'Ouest» выступал ирландец А. Доббс, будущий гу-

¹⁰ Крузенштерн И.Ф. Введение // Коцебу О.Е. Путешествие в Южный океан. Ч. I. СПб., 1821. С. III.

¹¹ Подробнее см.: Jones A.G.E. Antarctica Observed: Who Discovered the Antarctic Continent? Whitby, 1982.

¹² The Strange Tale of Apostolos Valerianos (a.k.a. Juan de Fuca) // Purchas S. Hakluyt Posthums, or Purchas His Pilgrimes. Vol. 14. N.Y., 1906. P. 415—418; Nunn G.M. Origin of the Strait of Anian Concept. Philadelphia, 1929; Wagner H.R. Apocryphal voyages to the northwest coast of America // Proceedings of the American Antiquarian Society. 1931. Vol. XLI. P. 179—234; Williams G. An Eighteenth-Century Spanish Investigation into the Apocryphal Voyage of Admiral Fonte // Pacific Historical Review. 1961. Vol. 30. № 4. P. 319—327; Рамсей П. Открытия, которых никогда не было. М., 1982.

бернатор Северной Каролины. Споры вокруг его местоположения отразились на картах Т. Джеффриса, Ж.-Н. Делиля и Ш. Боаша.

В 1815—1818 гг. по инициативе и на средства канцлера и мецената гр. Н.П. Румянцева, проявлявшего немалый интерес к географическим открытиям, лейтенант О.Е. фон Коцебу совершил кругосветное плавание на бриге «Рюрик», рассчитывая открыть Северо-западный проход¹³. Крузенштерн, будучи идейным вдохновителем этого плавания и контролируя его финансирование и организацию¹⁴, являлся «ангелом-хранителем» молодого остзейского офицера, участвовавшего вместе с ним в кругосветном плавании 1803—1806 гг.¹⁵

Между тем в переписке Александра I с Ф.-С. Лагарпом не единожды высказывалось беспокойство по поводу «англичан, ныне полновластно царящих в Тихом океане». Так, 8 марта 1818 г. Лагарп предупреждал своего бывшего воспитанника, что, укрепляя позиции в южных морях, британцы «вскоре заложат... первую береговую факторию в Нотка-Зунде, дабы за русскими и соединёнными американцами наблюдать, а вторую напротив Перу на острове Хуан-Фернандес, и обе они связаны будут с факториями уже существующими на Сандвичевых островах, а равно и с теми, что уже устроены в Новой Голландии, Бассовом проливе, на Земле Ван-Димена и в Новой Зеландии»¹⁶.

В 1818 г. британское правительство направило комплексную экспедицию для открытия Северо-западного прохода и покорения американской Арктики. Одним из её организаторов являлся сэр Дж. Барроу — колониальный чиновник, начинавший карьеру под началом посланника в Китае лорда Маккартни, а затем перебравшийся со своим патроном в захваченную у голландцев Капскую колонию в Южной Африке. Пользуясь поддержкой влиятельного клана Дандасов, Барроу в 1804 г. занял пост второго секретаря Британского адмиралтейства, на котором практически без перерыва пробыл до 1845 г. Автор многочисленных сочинений (в том числе «Хронологической истории путешествий в Арктику» 1818 г.), он был убеждённым сторонником теории открытого полярного моря¹⁷.

¹³ Корабль водоизмещением в 180 т был построен в 1815 г. по заказу Крузенштерна на средства гр. Румянцева на частной верфи Э. Мальма в Або. Судя по публикациям, появившимся в «Русском инвалиде» в феврале—апреле 1818 г. (№ 61, 62, 64, 65, 68, 71), плавание «Рюрика» вызвало немалый резонанс в Великобритании, увидевшей в планах Петербурга прямую угрозу своим владениям в Северной Америке.

¹⁴ Его переписку с Румянцевым см.: Eesti Ajalooarhiiv (далее — ЕАА), f. 1414, № 3. Так, 19 августа 1818 г. канцлер просил Крузенштерна подготовить к своему приезду в Петербург всю отчётность по плаванию (S. 42). Подробнее о его роли см.: *Крузенштерн Э. Иван Крузенштерн. Мореплаватель, обогнувший Землю*. М., 2020. С. 200—211.

¹⁵ Так его называл отец путешественника — драматург А.Ф. фон Коцебу, женившийся вторым (в 1794 г.), а затем и третьим (в 1804 г.) браком на двоюродных сёстрах Ивана Фёдоровича. Именно по его просьбе подросток Отто фон Коцебу вместе с братом Морисом (дети от первой жены — урождённой фон Эссен) попали на «Надежду». О родственных связях Коцебу и Крузенштернов см.: ЕАА, f. 1414, № 2, s. 144, l. 28—35; *Kotzebue P., von. History and genealogy of the Kotzebue family: Completed from General Paul von Kotzebue's memories followed by historical data about note-worthy persons*. P., 1984. *Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Estland. Bd. 3. Görlitz, 1930. S. 147—154; Конелев Д.Н.* Битва португальцев: забытые и малоизвестные страницы военно-морской истории XVI—XIX столетий. СПб., 2019. С. 560—563.

¹⁶ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы / Сост. А.Ю. Андреев и Д. Тозато-Риго. Т. 3. М., 2017. С. 208. Гр. Румянцев также получал данные о британских плаваниях от русского посла в Лондоне кн. Х.А. Ливена (ЕАА, f. 1414, № 3, s. 23, l. 68 об.).

¹⁷ Наиболее известным приверженцем этой идеи выступал бернский географ С. Энгель, заявлявший о судоходности арктических вод и упрекавший русских учёных за то, что на своих картах

Замысел арктической экспедиции поражал своими масштабами. Первый отряд под командованием Д. Бьюкена и Дж. Франклина на кораблях «Доротея» и «Трент» должен был пройти вдоль восточного побережья Гренландии к Шпицбергену и пересечь полюс, после чего направиться на юг — навстречу второй группе во главе с Дж. Россом и У.Э. Парри, которой на кораблях «Александр» и «Изабелла» предстояло обогнуть западное побережье Гренландии и, выяснив, какой из проливов, открытых У. Баффином — Смит, Джонс или Ланкастер, — представляет собой устье Северо-западного прохода, пройти им к Камчатке¹⁸. Впрочем, обе экспедиции натолкнулись на непроходимые льды и повернули назад. В 1819—1820 гг. два других британских корабля, «Хекла» и «Грайпер», под командованием Парри сумели продвинуться далеко на запад, обследовать полуостров Мелвилл и подойти к острову Банкс, после чего им также пришлось вернуться¹⁹.

Крузенштерн весьма скептически относился к гипотезе о существовании свободного от льда пролива в Северном Ледовитом океане, делая ставку на отыскание прохода вдоль побережья Северной Америки со стороны Берингова пролива. И напрасно Барроу пытался посеять у него сомнения. «Я не уверен, — писал он Ивану Фёдоровичу 3 ноября 1817 г., — знакомы ли Вы с капитаном Берни, плававшим с Куком, который вбил себе в голову, что Берингова пролива не существует, а на его месте находится некий залив, на севере которого расположена суша, соединяющая два континента, Азию и Америку. По его утверждению, [Г.Ф.] Миллер неправильно понял Дежнёва, и офицер этот через пролив не проходил. Не знаю, откуда Берни всё это взял»²⁰.

Барроу ошибался — Крузенштерн ещё в 1814—1815 гг., находясь в командировке в Великобритании, встречался в Лондоне с Дж. Берни, участвовавшим

они изображают слишком большую протяжённость азиатского берега, пытаются скрыть подлинные размеры своего государства. Плавающие льды, по его мнению, встречались только у берегов, куда поступали пресные воды из рек, на большом же удалении от них находится свободное пространство, так как солёная морская вода препятствует замерзанию. Дополнительный довод давала и теория равновесия, согласно которой при наличии больших массивов суши на севере земное равновесие могло сохраняться только при обилии открытой воды вокруг Северного полюса. Кроме того, Энгель считал, что в летний период солнце постоянно освещает полярную область, и это приводит к подтоплению льда. Схожие выводы делали член Лондонского королевского общества юрист Д. Баррингтон и М.В. Ломоносов, в 1763 г. представивший Екатерине II проект экспедиции для изыскания Северного морского пути через приполярные области, в которых простирается огромная полярная пустыня. О деятельности Барроу см.: *Fleming F. Barrow's Boys: A Stirring Story of Daring, Fortitude, and Outright Lunacy*. L., 2001. Интересуясь сведениями о плавании Коцебу, Барроу 3 ноября 1817 г. сообщил Крузенштерну «факт чрезвычайной важности — огромные ледяные поля, которые последние четыре века закрывали подходы к восточным берегам “старушки” Гренландии, были отнесены ветром в Атлантику и растаяли, берега очистились до 80 градуса с[еверной] ш[ироты], море же на запад совершенно чисто от льда, и материкового, и морского» (РГА ВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 199, л. 85).

¹⁸ Не зная о том, как проходило плавание Коцебу, которому в апреле 1817 г. пришлось превратить поиски Северо-западного пролива из-за последствий страшного шторма, Барроу допускал, что, двигаясь на запад вдоль побережья Северной Америки, британские корабли могут столкнуться с «Рюриком», пробивающимся через льды на восток (РГА ВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 199, л. 85).

¹⁹ О поисках Северо-западного прохода см.: *The Quest for the Northwest passage: knowledge, nation, and empire, 1576—1806*. Pickering and Chattr, 2012; *Arctic exploration in the Nineteenth century: discovering the northwest passage* / Ed. by F. Regard. L.; N.Y., 2013.

²⁰ РГА ВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 199, л. 86. О Берни и его теории см.: *Burney J. A memoir on the geography of the north-eastern part of Asia, and on the question whether Asia and America are contiguous, or are separated by the sea* // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. № 108. L., 1817. Part I. P. 9—23.

во втором и третьем плаваниях Кука и ставшим свидетелем смерти своего командира в феврале 1774 г. на Гавайских островах²¹. После выхода в отставку он занялся литературным творчеством, изучал историю пиратства, географических открытий в Тихом океане и русских плаваний в северных морях, а также стал автором трактата об игре в вист²². При этом Крузенштерн был неприятно поражён тем, «что спутник Кука, следовательно, человек, известный своими путешествиями, а позже и своими научными трудами, не смог добиться чина адмирала»²³.

Тем не менее предположения Берни о «средиземном море» к северу от Берингова пролива представлялись Крузенштерну весьма спорными. Гораздо надёжнее были «отписки» Дежнёва, извлечённые из «портфелей» Миллера и, по-видимому, полученные мореплавателем от управляющего Московским архивом Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновского. Зная о содержании переписки Крузенштерна с Барроу, гр. Румянцев 31 декабря 1817 г. посоветовал Ивану Фёдоровичу передать второму секретарю Британского адмиралтейства бумаги о плавании Дежнёва, и сам написал об этом Малиновскому²⁴.

Осенью 1818 г., после возвращения Коцебу²⁵, в распоряжении Крузенштерна оказались все материалы завершившейся экспедиции, позволившие сделать вывод, что суши севернее Берингова пролива не существует. В сентябре—октябре работа над этими документами отнимала у Крузенштерна всё время. Результатами плавания «Рюрика» интересовался император. А 20 сентября гр. Румянцев сообщил Ивану Фёдоровичу о визите министра морских сил маркиза И.И. де Траверсе, который «вчера у меня обедал». Речь зашла о «путеводителе Рюриковом и его подчинённых», и выяснилось, что «маркиз де Траверсе собирается воздать у монаршего престола всю справедливость г-ну лейтенанту Коцебу»²⁶. 10 октября канцлер уведомил Крузенштерна, что Александр I повелел «обратить особое внимание на Коцебу и его спутников», уволив их в отпуск на год с сохранением жалованья.

Вместе с тем гр. Румянцева беспокоила подготовка развёрнутого доклада о плавании на «Рюрике». 16 октября во время обеда с де Траверсе он получил отчёт, составленный Коцебу. «Я признаюсь Вам, — писал граф Крузенштерну, — что сам сужу, что записка г-на Коцебу краткостью и особливо сухостью своей не может произвести в пользу сей экспедиции того впечатления и внимания, которого она открытиями и важными замечаниями заслуживает». По просьбе канцлера Крузенштерну пришлось незамедлительно переработать текст Коцебу

²¹ С февраля 1816 г. между ними шла дружеская переписка. О роли участников экспедиций Кука в русских географических открытиях см.: *Копелев Д.Н.* «Ветераны» Джемса Кука и российская геополитика на Тихом океане // *Петербургский исторический журнал.* 2020. № 2(26). С. 220—235.

²² *Burney J.* A Chronological History of the Voyages and Discoveries in the South Sea or Pacific Ocean. Vol. I—VI. L., 1803—1817; *Burney J.* A Chronological History of North-eastern Voyages of Discovery and of the Early Eastern Navigations of the Russians. L., 1819; *Burney J.* An Essay, by way of Lecture, on the Game of Whist. L., 1821. Некоторые из книг Берни находились в личной библиотеке Крузенштерна и хранятся теперь в Центральной военно-морской библиотеке в Петербурге.

²³ Цит. по: *Крузенштерн Э.* Иван Крузенштерн... С. 206. Лишь в июле 1821 г., после вмешательства лорда-адмирала герцога Кларенса (будущего Вильгельма IV), Берни получил чин контр-адмирала.

²⁴ ЕАА, ф. 1414, № 3, с. 23, л. 28.

²⁵ «Рюрик» вернулся в Петербург 3 августа 1818 г.

²⁶ ЕАА, ф. 1414, № 3, с. 46.

для главы морского ведомства. 11 ноября гр. Румянцев с удовлетворением констатировал, что «министр, кажется, расположен хорошо»²⁷.

В этой сложной и насыщенной событиями атмосфере и зародилась идея комплексной русской экспедиции для изучения арктических и антарктических вод Тихого океана. Решение о её подготовке было принято в конце 1818 г., а финансирование осуществилось за счёт средств, вырученных от продажи Испании в 1817—1818 гг. пяти кораблей и трёх фрегатов²⁸.

План экспедиции разрабатывался крупнейшими отечественными знатоками гидрографии. Автором первого проекта, сохранившегося в двух редакциях, являлся выдающийся полярный исследователь, участник экспедиции под командованием Д. Биллингса, изучавшей Тихоокеанское побережье Российской империи, член Адмиралтейств-коллегии вице-адмирал Г.А. Сарычев²⁹. Одна из редакций его проекта хранится среди бумаг маркиза де Траверсе «О морских плаваниях в Южном, Восточном и Северном океанах и кругом света». Она состоит из двух частей: «Начертание плаванию шлюпу, отправляющемуся в Южный и Восточный океаны» (далее — *С1*) и «Расположение плавания второго шлюпа по Западному, Южному и Восточному океанам» (далее — *С2*)³⁰. Документ не датирован и не подписан, однако представляет собой единый текст, идентичный по формальным и структурным признакам другой редакции, также не датированной, того же проекта, в заголовке которой Сарычев назван автором. Во второй редакции также две части: «Проект Гав[риила] Анд[реевича] Сарычева о экспедиции к Южному полюсу и к Востоку» (далее — *С3*) и «Расположение плавания экспедиции по Западному, Южному и Восточному океанам вице-адмирала Сарычева» (далее — *С4*)³¹. Данный текст написан практически без исправлений и помарок на плотной по фактуре бумаге серого цвета без водяных знаков и размещён на листе в левом столбце. Почерк представляет собой чёткую скоропись и явно принадлежит одному человеку, скорее всего писарю.

Рядом с ним, в правом столбце, приводится также недатированный текст проекта Крузенштерна, структурно разделённый на «Мнение кап[итан-]команд[ора] Крузенштерна о экспедиции к Южному полюсу» (далее — *К1*) и «Мнение кап[итан-]команд[ора] Крузенштерна о экспедиции в Берингов пролив» (далее — *К2*)³². Очевидно, составители обоих проектов исходили из того, что в готовящейся экспедиции будут участвовать два отряда.

²⁷ Ibid., s. 58 об.

²⁸ Сычёв В.И. «Маркизова лужа». Легенды и правда о российском морском министре маркизе де Траверсе. СПб., 2014. С. 93. Судя по материалам финансовой отчётности, на экспедицию в общей сложности было израсходовано 591 570 руб. 42¼ коп. серебром (РГА ВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1416, л. 13).

²⁹ О Сарычеве подробнее см.: Алексеев А.И. Гавриил Андреевич Сарычев (1763—1831). М., 1966; Пасецкий В.М. Арктические путешествия россиян. М., 1974.

³⁰ РГА ВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 114, л. 27—32 (*С1*), 33—35 (*С2*).

³¹ Эта редакция находится в Коллекции «Материалы по истории Русского флота» в подборке «Проекты экспедиции к Южному полюсу» (РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 476, л. 11—14). Вариант *С3* (Там же, л. 11, 11 об., 14) с сокращениями опубликован под названием «Проект экспедиции к Южному полюсу вице-адмирала Г.А. Сарычева»: М.П. Лазарев. Документы. Т. 1 / Под ред. А.А. Самарова. М., 1952. С. 81, 82 (№ 19).

³² Записка *К1* (РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 476, л. 11, 11 об., 14) опубликована под названием «Из замечаний капитан-командора И.Ф. Крузенштерна об организации экспедиции к Южному полюсу» с сокращениями: М.П. Лазарев. Документы. Т. 1. С. 81, 82. Готовя тексты *С3* и *К1*, писарь нарушил порядок их размещения, ошибочно поместив их конечные листы после записок *С4* и *К2*,

Крузенштерну принадлежат и более развёрнутые собственноручно написанные им «Примечания относительно имеющего последовать путешествия для открытий» (далее — *КЗ*)³³. Они датированы 31 марта 1819 г. и были созданы в родовом поместье Крузенштерна Асс в Эстляндии для маркиза де Траверсе, пожелавшего узнать мнение Ивана Фёдоровича³⁴.

К комплексу документов, появившихся в ходе подготовки к плаванию 1819 г., относится также копия с анонимного «Краткого обозрения плана предполагаемой экспедиции» (*А1*)³⁵. По мнению Е.Е. Шведе, его написал Коцебу³⁶. Действительно, автор «Краткого обозрения» опирался прежде всего на личные впечатления и знания. Так, он рекомендовал в качестве «удобного места для запасаения всех нужных жизненных запасов» остров Святой Екатерины, а не Рио-де-Жанейро, «где климат вредным образом действует на чужестранцев и всякого рода провизия дороже покупается». Размышляя о том, как лучше организовать питание на кораблях, он часто ссылался на опыт, полученный им во время плавания на «Рюрик»: хвалил достоинства белых сухарей, советовал для сохранения здоровья матросов почаще поить их чаем и английским пивом шпрус-бир, а при варке супа добавлять в него специальные бульонные кубики³⁷. Однако эстонские исследователи Э. Таммиксаар и Т. Киик, оспорив гипотезу Шведе, предположили, что «Краткое обозрение» принадлежит старшему офицеру «Рюрика» Г.С. Шишмарёву, принявшему вскоре командование над шлюпом «Благонамеренный» в составе «дивизии» Васильева³⁸. При этом текст *А1* представляет собой стандартную писарскую копию, и лишь оставленная кем-то в верхней части первой страницы помета «Коцебу» может служить косвенным и крайне шатким подтверждением его авторства.

Что же предлагалось Сарычевым, Крузенштерном и Коцебу? За исключением отдельных стилистических поправок редакции *С1/С2* отличаются от *С3/С4* количеством кораблей, отправляемых в экспедицию. В первом случае речь идёт о самостоятельном плавании отдельных шлюпов по назначенному маршруту; во втором — о двух кораблях в каждом из отрядов. По-видимому,

которые также были расположены в двух параллельных столбцах (РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 476, л. 12—13).

³³ РГА ВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 114, л. 6—21 об. «Примечания» дважды публиковались в советское время (М.П. Лазарев. Документы. Т. 1. С. 94—103; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1815—1841 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1989. С. 57—59), однако купюры, сделанные в них из политических соображений или в силу концептуальных особенностей документального сборника, существенно исказили взгляды автора на цели экспедиции.

³⁴ Пасецкий В.М. Арктические путешествия... С. 225. О переписке Крузенштерна с де Траверсе см.: Сычёв В.И. Малоизвестные страницы переписки И.Ф. Крузенштерна с морским министром маркизом И.И. де Траверсе // I Крузенштернские чтения. Сборник материалов научной конференции, 22—23 октября 2014 года. СПб., 2015. С. 57—64.

³⁵ РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 476, л. 6—10. Опубликовано: М.П. Лазарев. Документы. Т. 1. С. 82—87.

³⁶ См.: Шведе Е.Е. Первая русская Антарктическая экспедиция 1819—1821 гг. // Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершённые на шлюпах «Восток» и «Мирный» / Под ред. Е.Е. Шведе. М., 1949. С. 9. С атрибуцией, предложенной Шведе, согласились составители сборника документов о деятельности Лазарева, в котором данный текст представлен как «План предполагаемых экспедиций к Южному полюсу и в Северный Ледовитый океан, составленный капитан-лейтенантом О.Е. Коцебу» (М.П. Лазарев. Документы. Т. 1. С. 82), а также В.М. Пасецкий (*Пасецкий В.М.* Иван Фёдорович Крузенштерн. М., 1974. С. 131).

³⁷ М.П. Лазарев. Документы. Т. 1. С. 83, 85.

³⁸ *Tammiksaar E., Kiik T. Origins of the Russian Antarctic Expedition... P. 185.*

редакции *C1/C2* возникли раньше. Намеченный же в них путь принципиально не отличался, причём во всём, что касалось поисков Южного континента, программа Сарычева была предельно лаконична. И основная цель её лежала вовсе не в водах Антарктиды. Достигнув Бразилии, каждый из отрядов выходил на свой «маршрут».

Первый отряд (*C1* и *C3*) направлялся к открытому Куком острову Георгия (ныне Южная Георгия) и к «Сандвичевой земле» (Южным Сандвичевым островам), южное и восточное побережье которой надлежало обследовать. Затем предписывалось двигаться к Южному полюсу, «сколько позволяют к тому плавающие льды, особливо в тех местах, которые капитан Кук оставил неосмотренными», после чего идти на восток. К середине февраля корабли должны были «удалиться от холодных сих стран», держа курс к «Ван-Дименской земле» (острову Тасмания). Сделав остановку в Порт-Джеконе, они через Каледонию, Соломоновы острова и остров Румянцева (ныне — атолл Вотье, Маршалловы острова) достигали Камчатки. Основная цель Сарычева — Берингов пролив, хотя по пути к нему предусматривалось «курсы располагать так, чтоб осмотрена была та часть моря, которая другими мореплавателями не была ещё обозрена». Взяв «чукоткого толмача», отряд «сколько можно далее» устремлялся бы на северо-восток вдоль побережья Аляски, по ходу описывая на байдарах открытый на «Рюрике» залив Коцебу, скорее всего, в надежде обнаружить проход из Тихого океана в Атлантический. В сентябре, с наступлением морозов, исследование переносилось на юг, в район Алеутских, Гавайских и Марианских островов, «располагая плавание по тем местам, где прежде мореплаватели ещё не проходили»³⁹. Выполнив поставленную перед ними задачу, корабли, минуя мыс Горн, возвращались бы в Россию.

Перед вторым отрядом (два шлюпа) Сарычев ставил совершенно иные задачи. Держась восточнее Фолклендских островов, им также следовало «плыть к югу, столь далеко, как позволят льды, потом поворотить на запад и обозревать те части Южнаго Ледовитаго океана, которые не осмотрены были капитаном Куком, приближаясь сколько возможно к Южному полюсу». Затем на 195° долготы от Гринвича корабли меняли бы курс и, повернув на север, заходили в Порт-Джексон, откуда, пополнив запасы, через Гавайские острова направлялись прямо к побережью Русской Америки, в Новоархангельск. «По прибытии туда, — писал Сарычев, — узнать от правления того селения, были ли им учинены поиски по предписанию Главнаго правления Российско-Американской компании около пролива Фука российских людей, оставленных, как полагать должно, капитаном Чириковым и открытых гишпанцами и ежели по сему не учинено, то постараться отыскать сих людей чрез разведывание в проливе Де Фука у живущих там американцев»⁴⁰. В районе острова Ванкувера (между 47° и 48°), двигаясь на юг к истокам реки Колумбия, предполагалось искать удобную якорную стоянку, откуда можно было бы начать «штурм» легендарного пролива Аниан. Дальнейшие действия отряда связывались с исследованием Соломоновых островов и Тасмании. Обогнув её, путешественники возвратились бы в Россию, минуя мыс Доброй Надежды⁴¹.

³⁹ РГА ВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 114, л. 25, 27 об., 32 об.

⁴⁰ Там же, л. 33—34.

⁴¹ Помимо собственно гидрографических исследований программа Сарычева предусматривала широкий комплекс культурно-этнографических описаний и содержала целый перечень вопросов, которые, как полагал её составитель, представляют чрезвычайную важность: «Узнать число сего

При этом во всём, что касалось Южного материка, Сарычев был предельно лаконичен и большого значения навигации в районе Антарктиды не придавал, как, впрочем, и Крузенштерн, которому поиск «матёрой земли» в южных широтах представлялся занятием совершенно излишним и бесполезным. Не случайно в *K1* он наметил в качестве главной цели «тропические страны» Океании: «архипелаг Опасных островов» (Туамоту), Маркизские острова, архипелаг Новые Гебриды и острова Фиджи. В отношении же антарктических вод Крузенштерн ограничился указанием, чтобы в первый год плавания командир двух судов продвигался «к югу далее, нежели что было возможно для Кука, достигшего 71°10', в западной долготе от Гринвича 106°54'»⁴², а на второй год (декабрь—февраль) совершил ещё одну попытку идти на юг «сколько возможно в дальнейшей широте к западу»⁴³. Тем не менее, заканчивая записку, прославленный мореплавателю всё же размышлял о том, «лучше ли, чтобы корабли... отправились опять к югу, дабы пройти неизследованные ещё пространства полярных стран, осмотреть острова Ауроры (ныне Маэво, архипелаг Новые Гибриды, Вануату. — *Д.К.*), Новую Георгию (Нью-Джорджия — западная провинция Соломоновых островов. — *Д.К.*) и Сандвичеву землю, а оттуда по новой параллели достигнуть мыса Доброй Надежды», или продолжать плавания севернее и описывать Соломоновы острова, острова Луизиада, Новую Британию, Новую Гвинею и Молуккские острова. «Последний план» казался Крузенштерну «обещающим более приобретения для географии». Однако он понимал, что «решение сего вопроса зависит от вышней власти»⁴⁴.

Антарктида в редакции *K2* не упоминалась вовсе. Цель, которую капитан-командор ставил перед экспедицией — поиск прохода из Тихого океана в Атлантику. По мнению Крузенштерна, два судна экспедиции должны «идти прямо в открытый Котцебу залив» и продолжить начатое на «Рюрике» исследование побережья Аляски, чтобы «узнать, как далеко простирается Америка к северу и под каким градусом широты начинается направление ея к востоку», «преследовать ход до устья реки Макензи, которое находится почти под равною широтою с Куковым Ледяным мысом и с устьем Медной реки, открытой Горном, которыя реки, как известно, вливаются обе в Гиперборейское море»⁴⁵. Он допускал, что где-то там удастся, наконец, обнаружить залив, соединяющийся с Баффиновым, или истоки «больших рек, из коих удобнее было бы дойти до залива Баффина или Репулса, нежели Беринговым проливом около Ледяного мыса»⁴⁶. В зимние же месяцы экспедиция перемещалась к югу для изучения Маршалловых, Гилбертовых и Каролингских островов.

Готовя проект, Крузенштерн параллельно работал над «Введением» к труду Коцебу о плавании на «Рюрике», и в нём ещё категоричнее заявил, что задача открыть Южный материк «решена бессмертным Куком», поскольку «во время втораго путешествия своего уничтожил он мысль о существовании матёрой земли в странах Южнаго полюса... пред Куком исчезла она в бездне Океана и,

народа, богослужение, обряды, обычаи, нравы, образ жизни, одежду и собрать словарь их наречия» (Там же, л. 30 об.).

⁴² Там же, ф. 315, оп. 1, д. 476, л. 11.

⁴³ Там же, ф. 25, оп. 1, д. 114, л. 11 об.

⁴⁴ Там же, д. 476, л. 11 об., 14.

⁴⁵ Гиперборейское море — старинное, идущее от античности, определение морей, стран и народов, расположенных в полярных морях. В данном случае — море Бофорта.

⁴⁶ РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 476, л. 12, 12 об., 13.

подобно сплетению какой-либо мечты, не оставила по себе и следов: “and like the baseless fabric of a vision left not a wreck behind”⁴⁷.

В проекте *КЗ*, более обстоятельном и подробном, Крузенштерн разъяснил свою позицию. К моменту его составления (31 марта 1819 г.) подготовка плавания шла уже полным ходом. 26 ноября 1818 г. де Траверсе намекнул в письме Крузенштерну о предстоящей посылке русских кораблей к Южному и Северному полюсам⁴⁸. Отвечая министру 7 декабря, Крузенштерн просил дозволения представить свои соображения⁴⁹. Решение о снаряжении секретной экспедиции было, по-видимому, окончательно принято в конце 1818 г., а 3 февраля 1819 г. в Адмиралтейств-коллегии получили предписание, извещавшее, что Александр I «повелеть изволил в будущую коммуникацию отправить в дальний вояж находящиеся в Кронштадте и на Охте на стапеле 2 шлюпа и построить в Лодейном Поле два транспорта и чтоб с настоящего июня месяца суда сии могли вступить под паруса»⁵⁰. 31 марта на нужды двух «дивизий» была отпущена первая тысяча рублей, один за другим поступали приказы о назначении офицеров, собирались сведения об алеутах, которых хотели взять на борт, подыскивались натуралисты и художники, в срочном порядке готовились суда. Инструкции между тем ещё отсутствовали.

Скорее всего, прежде чем взяться за их подготовку, Крузенштерн побывал в Петербурге и встретился с гр. Румянцевым⁵¹, дабы прозондировать позицию своего покровителя, продолжавшего искать Северо-западный проход. В итоге же предстояло найти решение, которое, удовлетворив императора, министра и канцлера, могло бы «возвеличить славное правление великаго нашего монарха». При этом автор примечаний не упустил случая заявить, что «в истории мало таких монархов, которые бы при военных своих знаниях, вознесших их на высочайшую степень славы, оказали истинное чувство и любовь к наукам»⁵². Оговорив в начале, что «обе экспедиции равномерно важны, но я постараюсь приготовить инструкцию для первой (к Южному полюсу. — *Д.К.*) с большею подробностью», Крузенштерн сразу же сосредотачивался на задачах плавания к Берингову проливу и необходимости поиска Северо-западного прохода, «который по многим физическим признакам верно существует»⁵³. Из залива Коцебу и на байдарах, и «по берегу» следовало двигаться вдоль северного побережья Америки к Баффинову заливу, проведя съёмку побережья в районе мыса Ледяного и устья реки Маккензи. Одновременно предполагалось проникнуть внутрь материка, а также из Берингова пролива выйти к мысу Шелагскому, пройденному Дежнёвым, «положение коего слишком для нас мрачно». «Неужели, — иронизировал Крузенштерн, — мореходцы нынеш-

⁴⁷ Крузенштерн *И.Ф.* Введение. С. III. Крузенштерн цитирует реплику Просперо из «Бури» У. Шекспира.

⁴⁸ Сычёв *В.И.* Малоизвестные страницы переписки И.Ф. Крузенштерна... С. 58.

⁴⁹ РГА ВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 114, л. 3, 3 об.

⁵⁰ Там же, ф. 166, оп. 1, д. 660, ч. А, л. 2.

⁵¹ «Я жду г. Крузенштерна в начале будущего месяца», — писал канцлер В.Н. Берху 17 декабря 1818 г. (*Румянцева Н.П.* Письма к В.Н. Берху. СПб., 1876. С. 16).

⁵² РГА ВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 114, л. 8 об. В этот момент вопрос о руководителях плавания ещё не был решён окончательно, и Крузенштерн, жалуясь на болезнь глаз и домашнюю рутину, подчёркивал в письме к де Траверсе, что не в состоянии возглавить подготавливаемую экспедицию, но готов составить «план вояжа» (Там же, л. 6 об., 7).

⁵³ Там же, л. 11.

него времени устроятся обойти мыс, мимо коего проплыл за 170 лет казак на малой ладье»⁵⁴.

О том, что касалось «стран Южного полюса», Крузенштерн писал предельно осторожно. Он полагал, что «не следует объявлять моего мнения о вероятности в рассуждении удачи даже и тогда, когда таковая вероятность была бы весьма слаба; могут часто исполняться наши ожидания приятным образом и отважнейшие покушения сопровождаться славным и счастливым успехом»⁵⁵. Нельзя было исключить возможность того, что «благоприятный случай допустит корабли наши проникнуть к югу далее, нежели было возможно то для Кука, достигшаго 71°10' 30-го января 1774 года». Более того, оставался шанс «открыть новые острова в местах, не испытанных Куком». Однако «холод, снег, бури и вечный туман предполагают почти непреодолимые препоны к плаванью в тех местах; *даже и самому Куку, неустрашимейшему и искуснейшему мореходцу всех времён, представилась непреодолимая преграда к открытию земли сей*». Свой вывод Крузенштерн сформулировал достаточно категорично: «Хотя и Кук полагает существование земли у Южного полюса, однако он притом думает, что она никогда открыта не будет». Новая же «экспедиция к сим странам может иметь ту цель, чтобы *подтвердить мнение Кука* и сделать последней конец исканию земли у Южного полюса»⁵⁶.

Трудно сказать, с какими чувствами маркиз де Траверсе прочёл представленные ему проекты, однако идеи Сарычева, Крузенштерна и Коцебу отразились затем в черновых записках министра⁵⁷, положенных в основу правительственных инструкций. В них предусматривалось комплексное плавание четырёх кораблей, названия которых, в соответствии с традициями эпохи Просвещения, указывали на научный характер экспедиции⁵⁸. Северному отряду (военные шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный» под командованием М.Н. Васильева и Г.С. Шишмарёва) предписывалось кратчайшим путём идти к Южному полюсу в поисках нового континента, а затем «обследовать берега и море к северу от Берингова пролива в целях обнаружения неизвестных земель», в том числе и легендарной земли Санникова. Войдя в акваторию современного Чукотского моря, его корабли должны были продвигаться на восток вдоль американского побережья по направлению к Атлантическому океану и установить, соединяются ли между собой Америка и Азия. В результате отряд Васильева—Шишмарёва вместе с «Южной дивизией» дошёл до Рио-де-Жанейро, откуда сразу направился к Австралии и далее — на исследование акватории Берингова пролива, сумев пройти на десять миль севернее побывавшего в тех широтах Кука.

Второй же «дивизии» под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева на военных шлюпах «Восток» и «Мирный» поручалось идти к побережью Южного континента и, превосходя достижения Кука, искать новые земли и бухты для российских кораблей. Шлюпам этого отряда удалось 16(28) января

⁵⁴ Там же, л. 11, 12 об. Крузенштерн помнил, что «проход козака Дежнёва чрез Берингов пролив 1648 г. подведён под сомнение; почему желательно отыскать обойдённый Дежнёвым мыс Шалатской» (Там же, ф. 315, оп. 1, д. 476, л. 13 об., 14).

⁵⁵ Там же, ф. 25, оп. 1, д. 114, л. 13 об.

⁵⁶ Там же, л. 13 об., 14. Выделенные курсивом слова были вычеркнуты при первой публикации письма: М.П. Лазарев. Документы. Т. 1. С. 98.

⁵⁷ РГА ВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 114, л. 50—51, 53—64 об.

⁵⁸ Подробнее см.: *Копелев Д.Н.* Названия кораблей британских, французских и российских исследовательских экспедиций: символика и трансферы // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 102. Геральдика: исследования и практика. СПб., 2020. С. 20—26.

1820 г. вплотную приблизиться к Антарктиде и, встретив «сплошной лёд», а далее к югу — «льдяные горы», продолжить «покушения» в разных направлениях⁵⁹. Не опознав в «матёрых» льдах «чрезвычайной высоты» нового «Льдяного материка», Беллинсгаузен всё же вернулся с лаврами первооткрывателя — после его плаваний в Антарктиде появилось 28 объектов с русскими названиями, тогда же было открыто 29 островов в высоких южных широтах и тропиках.

⁵⁹ РГА ВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 660, ч. II, л. 242 об. Подробнее см.: *Копелев Д.Н.* Размышления о купюрах в рапорте Ф.Ф. Беллинсгаузена 8 апреля 1820 г.: сравнительный анализ опубликованного текста и архивного документа // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие / Под ред. В.П. Солонина Н.О. Верещагиной, С.В. Ильинского, М.А. Бахира. СПб., 2019. С. 416—423.

Реформирование российского МИД в 1802—1914 гг.: основные этапы, тенденции и результаты

Ирина Рыбачёнок

Reforms of the Russian Ministry of Foreign Affairs (1802—1914): milestones, trends and results

Irina Rybachenok

(*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow*)

DOI: 10.31857/S086956870012933-7

Трансформация дипломатического ведомства Российской империи — специального органа для внешних сношений — происходила в контексте государственного строительства и перемен на международной арене. Два этих фактора определяли модификацию структуры данного учреждения, его функций, делопроизводства, кадровой политики, финансирования, информационного обеспечения деятельности и взаимоотношений с общественностью. Процесс преобразования Министерства иностранных дел (МИД) в самом общем виде исследователи касались как в контексте развития всей системы государственного управления, так и отдельных ведомств¹. Ценные систематические сведения о МИД содержатся в документированном справочнике по истории высших и центральных учреждений России².

К 100-летию МИД был создан обобщающий труд с официальной трактовкой внешней политики империи, осуществляемой дипломатическим ведомством³. Специальные исследования по его истории, основанные на значительном фактическом материале, появились сравнительно недавно⁴. Отдельные аспекты деятельности министерства — становление и развитие консульской службы — освещены в ряде статей⁵.

© 2020 г. И.С. Рыбачёнок

¹ См.: Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1—2. СПб., 1891; Емельянова И.А. Высшие органы государственной власти и управления России в дореформенный период. Казань, 1962; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Шенелев Л.Е. Чиновный мир России. СПб., 1999; и др.

² Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 гг. В 4 т. / Отв. ред. Д.И. Раскин. СПб., 1998. Сведения о МИД, содержащиеся в т. 4, подготовлены сотрудниками АВПРИ и ИДД МИД.

³ Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902. СПб., 1902.

⁴ См.: Лобницева М.А. К вопросу о создании Азиатского департамента Министерства иностранных дел России // Иран. Сборник статей. М., 1971; Турилова С.Л. Структура внешнеполитического ведомства России. 1720—1917 // Дипломатический вестник. 1996. № 12; 1997. № 1; Емец В.А. Министерство иностранных дел Российской империи // Международная жизнь. 2000. № 11; 2001. № 6; Тупицын О.М. Структурная эволюция МИД России в первой половине XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 5; Тупицын О.М. Министерство иностранных дел и зарубежное представительство России в эпоху Николая I. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; и др.

⁵ См.: Первенцев В.В. Консульская служба в России в XIX — начале XX в. Историческая справка. М., 1981. Рукопись (АВПРИ); Яковенко С.И. Институт нештатных консулов в истории

Значительный вклад в изучение проблемы внесли авторы посвящённых 200-летнему юбилею МИД «Очерков...»⁶, базирующихся в основном на впервые вводимом в научный оборот материале из АВПРИ. Авторы выявили трансформацию структуры министерства и его центрального аппарата; подвижки в штатном расписании и усовершенствования в системе подготовки дипломатов; изменения в сети заграничных представительств, а также обрисовали замыслы руководителей МИД и ведущих дипломатов. При этом происходившие перемены рассматривались в связи с международным положением России в тот или иной временной отрезок и выработкой её внешнеполитического курса. Данный критерий лёг в основу периодизации «Очерков...» по главам, в то время как с ней не совпадают этапы реформирования МИД. Поэтому задача автора статьи — осветить весь длительный процесс преобразований МИД в совокупности, чтобы дать их целостную картину и выявить основные тенденции.

Существенные изменения в системе международных отношений конца XVIII в. — когда наряду с дипломатией государей постепенно утверждались принципы национально-политических и экономических интересов, потребовали реорганизации государственного аппарата для создания более гибкой и оперативной администрации. основополагающей идеей реформы стала замена коллегий министерствами с целью закрепления принципов централизации и единоначалия. Возглавлявший ведомство министр назначался императором и был ответственен лично перед ним.

Это кардинальное преобразование зафиксировано в нормативном акте — манифесте Александра I об учреждении восьми министерств, в том числе МИД, от 8 сентября 1802 г.⁷ Однако Коллегия иностранных дел (КИД) не была ликвидирована, а в качестве структурного подразделения, состоявшего из двух департаментов, подчинена министру. Установившийся дуализм в области управления внешней политикой стал следствием половинчатости и незавершённости преобразований, задуманных в более широких рамках, а также результатом борьбы различных группировок в высших эшелонах власти Российской империи⁸.

Возникшие нестыковки — параллелизм в делопроизводстве из-за сохранения ведения дел по языковому принципу (в КИД) и распределению функций по отраслевому (в МИД); уменьшение ответственности чиновников из-за дублирования в распределении функций между ними; отсутствие чётких границ полномочий министра — нуждались в устранении. Попыткой осуществить это стали законы 1810 г. и принятый 25 июня 1811 г. новый типовой нормативный акт — «Общее учреждение министерств». Им регламентировалась структура всех министерств, порядок делопроизводства, права и обязанности чиновников снизу доверху, взаимоотношения министров с другими государственными учреждениями. Вместе с тем на МИД этот нормативный акт тогда не распространялся ввиду сложной международной обстановки.

МИД России // Дипломатический вестник. 1993. № 3—4; *Хохлов А.Н.* Подготовка кадров для российской консульской службы в Китае (студенты-стажёры при российской дипломатической миссии в Пекине) // Российская дипломатия: история и современность. М., 2001; *Сафронова Е.В.* Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII — начале XX в. СПб., 2002.

⁶ Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3 т. Т. 1. М., 2002 (далее — Очерки...).

⁷ Даты даны по старому стилю; ПСЗ-И. Т. 27. № 20406.

⁸ *Тулицын О.М.* Структурная эволюция МИД... С. 19.

Продолжалось и сосуществование МИД и КИД, хотя управление последней было отделено от управления министерством. Но с конца 1815 г. МИД возглавляли два статс-секретаря — К.В. Нессельроде (старший) и И.А. Каподистрия (второй), причём у каждого была своя канцелярия. Первый ведал общим управлением министерства и политическими делами европейских стран, второй — отношениями с Турцией и вопросами балканской политики. Два раза в неделю оба являлись на совместный доклад императору. Отчасти ситуация отражала противоречивость внешней политики России после Венского конгресса.

Такое положение дел вело к снижению оперативности в принятии решений и требовало корректировки структуры руководства МИД. Назначенный статс-секретарём ещё в 1811 г., Нессельроде изъял из ведения КИД в 1814 г. все важнейшие политические дела, передав их в канцелярию МИД, а в 1819 г. в связи с обострением Восточного вопроса инициировал создание Азиатского департамента. В нём были сосредоточены вопросы сношений со странами Ближнего (включая Балканы) и Среднего Востока, прежде находившиеся в ведении департамента азиатских дел КИД. Отныне её деятельность ограничивалась международно-правовыми, административно-хозяйственными, отчасти кадровыми вопросами и составлением справок.

Двойственность структуры МИД ликвидировал указ Николая I «Об образовании Министерства иностранных дел» от 10 апреля 1832 г.⁹ На внешнеполитическое ведомство распространили положения «Общего учреждения министерств» 1811 г., упразднив КИД. Вместо неё в составе МИД были образованы новые департаменты, во главе с директорами. Помимо уже существовавших — Азиатского и Церемониальных дел — создавались департаменты: Внешних сношений, Внутренних сношений, Хозяйственных и счётных дел. Кроме того, учреждался новый совещательный орган — Совет министерства, в который входили директора департаментов и несколько непрременных членов, собиравшихся под председательством министра иностранных дел¹⁰. Полномочия и периодичность заседаний Совета чётко не оговаривались, а принципиальные решения принимались министром с ближайшими сотрудниками.

Департамент внешних сношений делился на пять экспедиций. Первая (под личным контролем вице-канцлера) вела политическую переписку со странами Европы и Америки, вторая (во главе с управляющим) была собственно канцелярией МИД, третья (в которую входило литографическое отделение) и четвёртая — цифирные (под руководством Цифирного комитета) — расшифровывали и зашифровывали секретные донесения и изобретали новые шифры. Наконец, пятая экспедиция — газетная — собирала информацию из иностранной прессы и издавала газету МИД на французском языке.

Азиатский департамент включал три отделения, ведавшие сношениями с Турцией, Персией, Китаем и Средней Азией, с горскими народами Кавказа и кочевыми народами. В его составе находилось Учебное отделение восточных языков. В функции департамента Внутренних сношений (в составе трёх отделений) входили торговые связи со странами Европы и Америки, консульские, юридические и карантинные дела, а также сношения с Римским двором по церковным вопросам. В ведении департамента Хозяйственных и счётных дел находились личный состав, деятельность русских церквей при посольствах и

⁹ ПСЗ-I. Т. 7. № 5286.

¹⁰ См.: Турилова С.Л. История дипломатического ведомства России (1720—1832). М., 2000. С. 57; Елец В.А. Министерство иностранных дел... С. 76.

миссиях; денежные и хозяйственные вопросы; управление всеми зданиями министерства, в том числе восточным крылом нового здания Главного штаба на Дворцовой площади¹¹.

В целом реформа 1832 г. улучшила структуру дипломатического ведомства, которая вместе с тем не была свободна от недостатков. Они корректировались в 1835—1838 гг., когда штаты всех министерств унифицировали, ввели новые должности и повысили оклады чиновникам. В МИД с учреждением должности директора получила самостоятельность Канцелярия; появились старшие советники министерства (позже разделённые на старших и младших), чиновники особых поручений, а вместо столоначальников и помощников — первые, вторые и третьи секретари.

Нормативный акт «Учреждение Министерства иностранных дел» от 10 декабря 1846 г. стал первым законом, определившим статус МИД. В документе так формулировались задачи ведомства: «Министерство иностранных дел имеет предметом политические сношения с иностранными государствами, ходатайство о законной защите русских подданных в чужих краях и содействие к удовлетворению справедливых домогательств иностранцев по их делам в России». В других статьях фиксировалась структура министерства, функции его высшего руководства, определялись сферы деятельности и задачи департаментов, обязанности чиновников и их жалованье¹². В дальнейшем структура ведомства принципиальных изменений не претерпела.

О.М. Тупицын обоснованно выделяет три вехи в истории МИД первой половины XIX в.: 1802, 1832 и 1846 гг. По сути — это этапы создания и реформирования министерства. Первый из них (1802—1832) автор верно называет «переходным» (существование двух параллельных органов). Однако этап после ликвидации КИД вряд ли «тоже можно считать переходным» — его следовало бы назвать временем становления МИД. Наконец, этап после 1846 г. Тупицын характеризует как период «относительной стабильности структуры ведомства»¹³. Думается, что здесь надо говорить о завершении реформы в точном смысле слова, поскольку последующие изменения являлись не принципиальными, а скорее «косметическими».

Крымская война (1853—1856) не только существенно ухудшила финансовое положение России, но сделала очевидной необходимость внутренних преобразований. Для проведения реформ требовались средства, одним из которых могло стать сокращение разбухшего госаппарата. В этом контексте в МИД с начала 1860-х гг. задумали реорганизацию центральных установлений, имея в виду увеличить полномочия среднего управленческого звена, уменьшить объём делопроизводства, сократить штаты.

В новом «Учреждении МИД» 1868 г. впервые были сформулированы обязанности товарища министра и пересмотрены должностные оклады чиновников центральных установлений. К их числу теперь относились: Совет министерства (в обязанности которого входили обсуждение предложенных министром вопросов и приём экзаменов у лиц, желавших поступить на службу в МИД); Канцелярия (при которой состояли газетная и шифровальная экспедиции и литография); департаменты: Азиатский, Внутренних сношений, Личного

¹¹ См.: *Емец В.А.* Министерство иностранных дел... С. 73.

¹² См.: Учреждение Министерства иностранных дел. СПб., 1847; ПСЗ-I. Т. 1. № 20689; Очерк истории Министерства иностранных дел... С. 127—130.

¹³ См.: *Тупицын О.М.* Структурная эволюция МИД... С. 15—16.

состава и хозяйственных дел. Церемониальные дела передавались в ведение Министерства двора, а управление восточными окраинами — МВД и Военного министерства. Эти изменения свелись к упрощению структуры центрального аппарата.

К середине 1890-х гг. стоявшие перед дипломатическим ведомством задачи усложнились, а масштаб деятельности увеличился в связи с изменениями международной обстановки. Объём дел, связанных со странами Ближнего и Дальнего Востока, объективно повышал значение Азиатского департамента. При этом его директора стремились поднять значение данной структуры в административном отношении, что создавало известные трения с Канцелярией. К тому же часть дел его ведения пересекалась с теми, которые входили в компетенцию Департамента внутренних сношений. Нужные в этих условиях изменения попытался осуществить новый министр иностранных дел кн. А.Б. Лобанов-Ростовский. Наметив общие идеи, он поручил их разработку непременно члену Совета министерства профессору юриспруденции Ф.Ф. Мартенсу. В представленной им в ноябре 1895 г. «Записке о преобразовании МИД» предлагалось чётко размежевать сферы ответственности трёх департаментов во избежание дублирования, а главное — ликвидировать «режим, при котором директора департаментов в самом деле могли иметь свою собственную политику и не исполнять приказаний министра»¹⁴.

На основании опыта дипведомств западноевропейских стран Мартенс считал нужным подчинить все политические дела единому руководству; отделить политические дела от торговых и консульских; дела по личному составу отмежевать от финансовых и хозяйственных; наконец, создать специальное подразделение для экспертизы по юридическим и спорным вопросам. По его мнению, следовало ограничить деятельность Канцелярии организационной, инспекторской, счётной и хозяйственной функциями, но повысить роль Совета министерства, превратив его в высшее коллегиальное учреждение с определённым кругом обязанностей и авторитетом. В этой структуре Мартенс видел консультативный орган, внутреннюю устойчивость которому придавало бы наличие двух элементов: «консервативного» — в лице начальников департаментов, постоянно общавшихся с подчинёнными, с одной стороны, и с распорядительной властью — с другой; и «прогрессивного» — в лице двух старших советников и двух постоянных членов Совета, трудящихся вне департаментской рутины.

Кроме того, Мартенс представил Совету записку о восстановлении должности 2-го старшего советника, который сосредоточил бы в своих руках юрисконсультскую часть дел, аналогично практике прочих министерств. Ссылаясь на свой многолетний опыт, профессор права в сопроводительном письме Лобанову убеждал его, что «все (подчёркнуто в документе. — *И.Р.*) заключения Министерства иностранных дел по юридическим вопросам должны исходить от одного лица, а не от отдельных департаментов, как в настоящее время»¹⁵. Хотя Мартенс утверждал, что руководствуется исключительно интересами дела, в тексте явно сквозило желание самому занять проектируемую должность.

Реализовать замысел в целом не удалось, но Лобанов, с учётом некоторых предложений Мартенса, подготовил проект пересмотра штатов, который в августе 1896 г. Министерство финансов отклонило, сославшись на отсутствие средств. Вся «реформа» свелась к частичному пересмотру штатов Азиатского

¹⁴ АВПРИ, ф. 159, оп. 731, д. 30, л. 2—9 об.; Очерки... С. 478—481.

¹⁵ АВПРИ, ф. 159, оп. 731, д. 30, л. 1—1 об.

департамента. Начатые преобразования продолжил сменивший Лобанова гр. М.Н. Муравьёв, который сосредоточился на введении новой формы для чиновников ведомства. «Неудобства, сопряжённые с ношением вицмундирного фрака и круглой шляпы во время торжеств, происходящих на открытом воздухе, — писал он, — побудили озаботиться о присвоении новой, более удобной формы, состоящей из пальто, сюртука и фуражки». 1(13) апреля 1897 г. были узаконены и форма, и правила её ношения¹⁶.

Более основательные перемены сформулировал гр. В.Н. Ламздорф, назначенный товарищем министра. По действовавшему законодательству свои функции товарищ выполнял только в отсутствие министра. Было решено соединить обязанности товарища министра с должностью старшего советника, возложить на него контроль за политической частью дел на постоянной основе, а также дать право присутствовать в Государственном совете, Комитете министров и Правительствующем Сенате. Для упорядочения делопроизводства предполагалось перераспределять дела между Канцелярией и Азиатским департаментом по усмотрению министра, поскольку ввиду тесной связи с интересами европейских держав «восточных дел» строго отграничить их от дел европейской политики было затруднительно. В результате Азиатский департамент стал называться Первый, а Департамент внутренних сношений — Второй. Возможно, переименование Азиатского департамента отчасти вызывалось желанием покончить с известной его автономией и даже претензией быть «мини-министерством иностранных дел». Но в целом структура МИД осталась прежней.

Преобразования не коснулись и заграничных представительств, хотя проблема существенных различий работы в них и центральном аппарате была явной. В циркуляре от 9 сентября 1897 г. Муравьёв решительно высказал намерение впредь при назначениях на заграничные посты руководствоваться «исключительно интересами службы», подчиняя им личные удобства чиновников, привычку к занимаемым местам, нежелание ехать в пункты, отдалённые или с трудным климатом. Намерение проводить более частые перемещения сотрудников заграничной службы по различным регионам, а также ротацию дипломатических и консульских постов осталось втуне¹⁷.

Очередная попытка реорганизации МИД состоялась в контексте перемен в государственном устройстве империи и появления нового института — Государственной думы — выборного законодательного учреждения. Самодержавию пришлось приспособлять деятельность госаппарата к новым реалиям. Замысел нововведений связан с именем сменившего в 1906 г. Ламздорфа на посту министра иностранных дел А.П. Извольского. Он полагал, что в министерстве следует создать единый политический орган, а за Канцелярией оставить функции личной переписки министра (по аналогии с западноевропейским кабинетом министра). Проект переустройства сложился из служебных записок чиновников МИД и предложений дипломатов.

Участники «Комиссии по преобразованию центральных установлений МИД», которая начала работу в мае 1907 г. (А.А. Гирс, П.С. Боткин, И.Я. Коростовец, Ю.Я. Соловьёв, барон М.А. Таубе и др.), не имели ясного представления о характере реорганизации в целом, но предложили различные мнения и варианты. К тому же в самом министерстве имелись противники

¹⁶ Там же, ф. 137, оп. 475, 1897 г., л. 279.

¹⁷ См.: Собрание циркуляров МИД по Департаменту личного состава и хозяйственных дел. 1840—1908. СПб., 1908. № 26.

реформ. В составе Комиссии работали три подкомиссии: по усовершенствованию структуры центрального ведомства; по созданию юрисконсультской службы; по регламенту прохождения службы в министерстве и целесообразности разграничения дипломатической и консульской служб.

Вопрос о взаимном перемещении чинов этих служб стал одним из спорных. Строгое разделение сочли неоправданным, но признали желательность перемещения заграничных чиновников (кроме послов и начальников миссий) каждые три года. Был определён круг высших учебных заведений, окончание которых давало возможность поступать на службу в МИД; уточнены параметры дипломатического экзамена; признано нецелесообразным введение имущественного и возрастного цензов. Разработки Комиссии об условиях приёма на службу и её прохождении не включили в окончательный проект преобразований, который с осени 1909 г. до весны 1910 г. рассматривала межведомственная комиссия, а затем поступил в Думу, где пролежал четыре года.

Закон об изменении учреждения и штатов центральных установлений МИД был принят лишь в июне 1914 г., а месяц спустя вступил в силу. Реформирование свелось к усовершенствованию структуры министерства — образованию особой Политической части на базе Канцелярии и Первого департамента; созданию Юрисконсультского отдела и Отдела печати; расширению компетенции Второго департамента и Департамента личного состава и хозяйственных дел. Существенно увеличивались штаты центральных установлений. В целом радикального обновления не свершилось.

Проследим в динамике те подвижки, которые происходили в 1802—1914 гг. в кадровой политике, изменении сети заграничных представительств (на уровне посольств, миссий и консульств), устройстве и деятельности центрального аппарата МИД.

Потребность в квалифицированных кадрах в период сосуществования КИД и МИД определялась в первую очередь необходимостью перевода с иностранных языков — как европейских, так и восточных. Количество штатных сотрудников (10—12) зависело от конъюнктуры, а юнкеров и студентов без жалованья не превышало 30 человек. Замысел основать при переводческой экспедиции КИД Дипломатическое училище в 1803 г. не осуществился из-за недостаточности финансирования. Тем не менее уже тогда определился круг предметов, познания в которых требовались от желающих поступить на службу. Кроме немецкого и французского, это были история главнейших государств, краткий курс римского гражданского права, нумизматика, хронология, геральдика, всеобщая статистика и политическая экономия, политика управления государством.

В учреждённом в 1806 г. Переводческом отделении число учащихся не превышало десяти человек, которые затем направлялись стажироваться за границу. Порядок приёма на службу в 1809 г. скорректировали: претенденты стали сдавать экзамены не в КИД, как прежде, а в Московском университете и Петербургском педагогическом институте¹⁸. Освоение турецкого и арабского языков велось в училище при миссии в Константинополе, а китайского и маньчжурского — при духовной миссии в Пекине. Необходимость специальной структуры, готовящей кадры для службы на Востоке, вызвала в мае 1823 г. создание при Азиатском департаменте Учебного отделения восточных языков. В ноябре 1835 г. его причислили к высшим учебным заведениям, преподавание

¹⁸ См.: Очерки... С. 249—250, 258.

в нём акцентировалось на изучении восточных языков, а также на каллиграфии и составлении деловых документов.

В дальнейшем программа подготовки совершенствовалась: в разное время читались курсы по истории и географии стран Востока, обычаев и религии, с 1872 г. ввели изучение мусульманского, 1883 г. — международного права, 1888 г. — татарского, а с 1907 г. — английского языков. Поступило даже предложение создать Восточную академию для подготовки знатоков китайского, маньчжурского, монгольского, японского и других языков¹⁹. Немногочисленные выпускники отделения становились профессионалами высокого уровня и занимали затем посты драгоманов, секретарей и советников в российских миссиях и консульствах на Ближнем Востоке²⁰.

Жёстких правил подбора кадров для службы по дипломатическому ведомству не существовало, но, тем не менее, действовали два принципа: по праву происхождения и по праву воспитания (т.е. имеющегося образования). Поначалу костяк кадров составляли родовитые дворяне (потомственные и личные), принимались также дети чиновников, офицеров, священников, а позже — других социальных слоёв (дети купцов первой гильдии, учёных, художников). При поступлении на службу учитывался возраст соискателя — не моложе 16 лет (без указания верхней грани), а вероисповедание и национальность не играли существенной роли.

Таким образом, кадровая политика носила по преимуществу пассивный характер, и в МИД, как и в государственном аппарате в целом, оказалась масса иностранцев, в основном остзейских немцев и выходцев из германских княжеств: «В русскую службу вступали, не имея ни малейшего понятия о России и, разумеется, не давая себе труда хотя бы поверхностно ознакомиться с русским языком»²¹. В правление Николая I служащих нерусского происхождения в дипломатическом корпусе было около 80%²². В первое десятилетие XX в. их количество составляло около одной шестой части.

В декабре 1859 г. МИД сформулировал новые «Правила для определения на службу и к должностям» (незначительно уточнённые в 1876 г.). Согласно им, корректировалась программа экзаменов, которые принимал начальник департамента с несколькими ассистентами. От соискателя на штатную дипломатическую должность требовалось владение русским и французским языками — умение свободно говорить и письменно излагать свои мысли ясно и правильно. Знание других языков давало дополнительные преимущества. Также следовало продемонстрировать познания в области дипломатических наук (прежде всего международного и морского права); истории мирных договоров России со времён Екатерины II; основ политэкономии и всеобщей статистики. Проверка способностей претендента заключалась в написании реферата по предложенному тексту, а также в составлении на его основе собственной редакции по-русски и по-французски²³.

К прошению о приёме на службу в МИД прилагались документы о дворянском происхождении и наличии недвижимого имущества у соискателя

¹⁹ См.: *Хохлов А.Н.* Подготовка кадров... С. 339.

²⁰ См.: История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990. С. 161—163.

²¹ *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 128.

²² См.: *Емец В.А.* Министерство иностранных дел... С. 79.

²³ Справочная книга для должностных лиц центральных и граничных установлений. Министерство иностранных дел. СПб., 1869. С. 204—205.

(или его родителей). Перипетии поступления в МИД и карьерного роста красочно описаны в многочисленных воспоминаниях российских дипломатов²⁴. Свидетельство об окончании Александровского лицея и Училища правоведения давало право на зачисление в МИД: выпускники этих учебных заведений сразу получали небольшое жалование (18 руб. в месяц). Прочие лица, причисленные к внешнеполитическому ведомству, но не получившие штатного места, поначалу трудились безвозмездно.

Вообще доступ в МИД «был открыт лишь сыновьям более или менее состоятельных родителей»²⁵, — писал Ю.Я. Соловьёв. Ему вторил В.Б. Лопухин: «Без денег в те времена по дипломатической службе ни-ни... Будь ты прирождённый Талейран, но если у тебя или у твоих родителей нет нескольких тысяч рублей в год на твоё содержание, то отходи в сторону. Отечество обойдётся без Талейрана»²⁶. Эти цензы формировали кадровый состав служащих МИД, обуславливая его кастовость, — на $\frac{4}{5}$ он состоял из дворян. На представителей других сословий смотрели косо. «Я столкнулся, — писал Д.И. Абрикосов, — с враждебностью, так как все, с кем я встречался, выражали недоумение: что этому купцу из Москвы надо в Министерстве иностранных дел?»²⁷.

Процесс подбора кадров усугублял субъективизм — попасть на службу без нужных знакомств и протекции оказывалось непросто даже дворянину. Эти «особенности» проявлялись не только на экзаменах, но и в ходе продвижения по службе. Так, кто-то из друзей родителей Ю.Я. Соловьёва переговорил о нём с кн. А.Б. Лобановым-Ростовским, когда тот занял министерский пост, и в результате мелкого чиновника сразу назначили вторым секретарём миссии в Пекине. Этот огромный шаг в дипломатической карьере сослуживцы встретили с нескрываемой неприязнью.

Дипломаты делились как бы на чёрную и белую кость — экспортных и домашних. Родовитые и богатые, но далеко не всегда талантливые, получали, как правило, заграничные посты в европейских странах или ответственные должности в Канцелярии. «Канцелярия — питомник будущих послов, гвардейская по родовитости и личным достоинствам служащих часть министерства», — утверждал Лопухин. Именно через неё — «святая святых Министерства иностранных дел... делались все назначения за границу», вспоминал Абрикосов²⁸.

Система поощрений — повышение окладов, награды и чины — способствовала успешному карьерному росту, который вместе с тем зависел не только от профессионализма дипломата, но и от сугубо личностных факторов, поскольку, как и в системе в целом, процветал nepотизм. П.С. Боткин с грустью констатировал: «Одним бабушка воровит, другие в поте лица пробивают себе дорогу и не всегда успевают». Он объяснял это девальвацией принципа

²⁴ См.: *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921; *Боткин П.С.* Картинки из дипломатической жизни. Париж, 1930; *Соловьёв Ю.Я.* Воспоминания дипломата 1893—1922. М., 1959; *The Education of a Russian Statesman. The Memoirs of Nicholas Karlovich Giers.* California, 1962; *Abrikosov D.J.* Revelations of a Russian Diplomat. Seattle, 1964; *Абрикосов Д.И.* Судьба русского дипломата / Пер. с англ. Н.Ю. Абрикосовой, Е.Ю. Дорман. М., 2008; *Basily N.* Diplomat of Imperial Russia, 1903—1917: Memoirs. Stanford, 1973; *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М., 2006; *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008; и др.

²⁵ *Соловьёв Ю.Я.* Воспоминания дипломата... С. 25—26, 177.

²⁶ *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента... С. 73.

²⁷ *Абрикосов Д.И.* Судьба русского дипломата. С. 116.

²⁸ Там же. С. 123; *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента... С. 96.

старшинства, и в итоге на практике «над соображениями делового характера зачастую берёт верх фаворитизм и капризы начальства». Мечтания Боткина — «установить конкурсную систему для продвижения по службе»²⁹ — в тех условиях осуществиться не могли.

Кадровые перестановки требовали учёта многих интересов, зачастую диктовались настроениями и амбициями, а не интересами дела. Так, в 1882 г., подбирая товарища министра, Н.К. Гирс хотел, чтобы этот человек никогда не смог бы затмить его самого, и остановился на кандидатуре Г.М. Влангали. Со временем, тяготясь самостоятельной политикой И.А. Зиновьева в Азиатском департаменте, Гирс мечтал избавиться от него в министерстве, тогда как сам Зиновьев рассчитывал при отставке Влангали получить пост товарища министра. Однако Александр III Зиновьева не любил, к тому же не видел в товарище кандидата на пост министра, а лишь лицо, подходящее для докладов во время отсутствия самого министра.

Назначения как в центральном аппарате министерства, так и на ответственные заграничные посты происходили весьма непросто, провоцируя дух соперничества³⁰. По этому поводу Ламздорф мрачно пошутил: «Дипломат, умирая, никогда не оставляет после себя пустого места, он только открывает нетерпеливо ожидаемую вакансию»³¹. Пристроить на такую вакансию своего протеже в придворных кругах всегда имелось много желающих, и зачастую это удавалось.

Но были и исключения. Так, Ламздорф, уже будучи министром (1904), сумел дать достойную отповедь притязаниям вел. кн. Александра Михайловича назначить консулом своего кандидата. Граф почтительно доложил великому князю, что когда откроется вакансия в каком-либо консульстве, «туда будет назначен тот из членов вверенного мне ведомства, кто на основании всесторонней, тщательной проверки окажется по своим заслугам, старшинству и способностям, имеющим на то всего более прав. Не смею скрыть, что ввиду поддержания дисциплины и искоренения всяких домогательств в протекции мною строго воспрещено служащим по Министерству иностранных дел ходатайствовать о том или ином назначении и заручаться высоким покровительством, которому они по большей части обязаны счастливому случаю, тогда как у самых достойных нет никакой иной поддержки, кроме личного, непрерывного, чуждого всякой рекламы труда»³².

В целом кадровая политика грешила непоследовательностью, в середине XIX в. широко использовался принцип ротации, а традиция перемещения с повышением в должности, когда из Болгарии могли назначить в Бразилию, из Сербии — в Китай, а из Персии — в Швецию, не всегда позволяла находившемуся два-три года в стране аккредитации дипломату за столь короткий срок вжиться в обстановку и приносить пользу делу. С другой стороны, прохождение всей службы в одном и том же заграничном установлении лишало возможности приобретать разносторонний опыт. Давно обсуждавшийся вопрос о регулярном перемещении чинов центральных учреждений на заграничные должности и временное их замещение заграничными чиновниками в 1902 г.

²⁹ Боткин П.С. Картинки из дипломатической жизни. С. 29—30.

³⁰ См.: Очерки... С. 462—464, 475—476, 496—497.

³¹ Ламздорф В.Н. Дневник. 1891—1892. М.; Л., 1934. С. 37.

³² Цит. по: Георгиев А.В. Царизм и российская дипломатия накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 67.

поставил Ю.Я. Соловьёв в записке «О некоторых возможных преобразованиях нашей дипломатической и консульской службы». Большой опыт работы за границей и в центральном аппарате министерства позволил ему изнутри узнать систему с её достоинствами и недостатками. При назначении и перемещении он предлагал строго руководствоваться принципом старшинства по службе, чтобы исключить протекционизм и субъективизм. Но идея была признана начальством «неудобоприемлемой»³³.

Стимулирующие надбавки для повышения эффективности деятельности чиновников всегда были предметом дискуссий МИД и Министерства финансов. Необходимость согласовывать штатное расписание с объёмом бюджетного финансирования, как правило, заставляла сокращать количество чиновников. В 1851 г. это коснулось всех ведомств. Но если в других министерствах наблюдался рост, а не сокращение штатов, то к 1860-м гг. уменьшение личного состава с одновременным увеличением его содержания стало одной из задач готовящегося реформирования центрального аппарата МИД. Министр иностранных дел кн. А.М. Горчаков по этому поводу отмечал, что разбухание штатов всех официальных учреждений вызывалось потребностью служить «единственно с целью получать чины, ордена и прочие привилегии чиновничества», а не интересами дела. Следствием стало появление массы чиновников, «ничего, в сущности, не делающих», но плодящих бесчисленное множество бумаг³⁴.

В итоге к концу 1870-х гг. штат центрального аппарата МИД был сокращён больше чем в два раза. Эта акция не коснулась посольств и миссий. Заботясь о личном составе заграничных установлений, который следовало поддерживать на высоте, требуемой интересами дипломатической и консульской службы, Горчаков ходатайствовал о существенном увеличении окладов и выдаче наградных. Предложение одобрил император, но ассигнованная сумма оказалась ниже запланированной³⁵. В целом наличием денег в казне определялась величина штатов, а не реальной в них надобностью. На протяжении всего рассматриваемого периода перемены в отношении штатного состава МИД происходили в тисках дилеммы: потребности его увеличения в связи с возрастающим объёмом работы и необходимостью экономии средств из-за недостаточного финансирования.

Содержание чиновника на государственной службе состояло из жалованья (оклада), столовых (в зависимости от должности и чина) и квартирных денег (если они полагались по должности). Низшие и высшие оклады в МИД по штатам 1868 г. различались в четыре-пять раз. Министр, имея казённую квартиру в здании самого министерства на Дворцовой площади, получал до 25 тыс. руб. в год (после 1900 г. — 30 тыс. руб.), что впятеро превышало оклад директора департамента или старшего советника. Жалованье товарища министра составляло 10 тыс. руб. в год. Чиновники заграничной службы имели оклад в два-три раза выше, чем в центральном аппарате, в зависимости от страны пребывания. Послы получали по 50 тыс. руб. в год (после 1900 г. — по 75—80 тыс. руб.), посланники — до 30 тыс. руб., министры-резиденты — по 12—15 тыс. руб., а генконсулы — от 6 до 12 тыс. руб. К жалованью консулов в странах Ближнего и Дальнего Востока, Центральной Азии и Южной Америки делались надбавки

³³ АВПРИ, ф. 159, оп. 731, д. 127, л. 13—15, 5.

³⁴ Цит. по: Очерки... С. 391.

³⁵ Там же. С. 422—423.

за отдалённость и тяжёлые климатические условия³⁶. Расходы на представительство не отделялись от жалования, открывая возможность для манипуляций, что вызывало обоснованную критику, но исправлено не было.

Вместе с тем совершенствовались нормы об отпусках и наградах чиновников МИД. Согласно правилам, утверждённым в 1869 г., служащие имели ежегодно 12-дневный отпуск с сохранением $\frac{2}{3}$ жалования и отпуск без сохранения — от 4 до 11 месяцев, что давало значительную экономию бюджетных средств. Относительно наград десятилетием ранее установили двухлетний срок (как минимальный) для получения следующего ордена. В 1874 г. признали целесообразным уменьшить количество наград, поскольку обилие последних девальвировало их достоинство. Награды вне этих правил выдавались за особые заслуги.

К числу почётных и привлекательных в дипломатической среде принадлежала заграничная служба. На Венском конгрессе в 1815 г. был принят регламент, согласно которому устанавливались дипломатические классы, с соответствием дипломатическим рангам: послов, посланников, полномочных министров, министров-резидентов и поверенных в делах. Россия присоединилась к Венскому регламенту. Проведя несколько лет за рутинной бюрократической работой в каком-либо департаменте МИД, наиболее активные и самостоятельные, мечтавшие об успешной карьере, старались получить посты в консульствах, миссиях и посольствах. В результате сформировались различные типы чиновников: одни не знали заграничной службы, другие — специфики работы центрального аппарата.

В 1840-х — начале 1850-х гг. Российская империя имела три посольства с полномочными министрами — в Лондоне, Вене, Париже и около 20 миссий — в Берлине, Штутгарте, Риме, Флоренции, Константинополе, Рио-де-Жанейро и других городах. Уровень представительства в той или иной стране зависел от характера отношений между ними, служебного или придворного положения дипломата и соблюдался лишь после Крымской войны, когда послы назначались на постоянной основе. С этого времени сеть представительств России существенно выросла, особенно на Балканах, Ближнем и Дальнем Востоке, но, тем не менее, была существенно меньшей, чем у ведущих европейских держав. В 60—70-х гг. XIX в. количество миссий оставалось стабильным (20—25), но менялся их статус. Так, учредили миссию в Эдо (Токио), упразднили миссии в некоторых германских и итальянских государствах, а три миссии преобразовали в посольства: в Константинополе, Берлине и Риме, при этом двум последним повысили ранг в связи с созданием новых государств — Германской империи и Итальянского королевства. В XIX в. посольства Российской империи имелись в столицах всех великих европейских держав (в Лондоне, Париже, Берлине, Вене, Риме, Мадриде), после начала Испано-американской войны в мае 1898 г. миссия в Вашингтоне была преобразована в посольство, а после окончания Русско-японской войны посольство появилось и в Токио.

Институт консульской службы возник ввиду потребностей развивавшейся торговли. По нормам международного права в основные задачи консулов входили охрана и защита в стране пребывания экономических и правовых интересов своего государства и соотечественников, а также сбор информации о состоянии экономики и торговли в стране пребывания, что требовало обширных и разносторонних познаний. В 1820 г. был принят консульский устав.

³⁶ См.: *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы... С. 67, 95.

За выполнение своих функций консулы взимали сборы по тарифу, поступавшие в государственный доход, и имели льготы и привилегии. Присвоение ранга — генеральный консул, консул, вице-консул и консульский агент — зависело от назначающей стороны, с учётом объёма и значимости выполняемых задач. Консулы делились на штатных, находившихся на государственной службе и получавших содержание от казны, и нештатных, которые могли быть гражданами страны пребывания. Сборы, взимаемые ими, являлись их доходом. Значительное количество нештатных консульских учреждений являлось существенным изъяном структуры.

Сеть консульских учреждений России складывалась постепенно и поначалу грешила европоцентризмом. В 1825 г. из 34 генеральных консульств 19 находились в Европе, остальные — в Египте, Персии, Смирне, Трапезунде. Кроме того, имелись 21 консульство, 11 вице-консульств и 3 консульских агента. К началу 1880-х гг. Россия располагала: 27 штатными генеральными консульствами, 46 штатными и 28 нештатными консульствами, 19 штатными и 217 нештатными вице-консульствами и 46 нештатными консульскими агентами. Министерство стремилось заменить нештатные консульства штатными, но из-за ограниченности финансовых средств это удавалось далеко не всегда и не во всех пунктах, имевших для России важное политическое или торговое значение³⁷. Недостаточность финансирования вынуждала МИД использовать традиционное «латание дыр» за счёт пересмотра штатов.

Учреждение штатного консульства становилось возможным, когда пошлины, взимаемые нештатными вице-консулами, достигали приблизительно тех же размеров, как и требуемый на уплату содержания штатному консулу расход, поскольку он возмещался бы консульскими сборами, поступавшими (при существовании там штатного консульства) в государственный доход. Но главное — в МИД вполне обоснованно считали, что от нештатных консулов, «сколь бы они не были добросовестны, нельзя ожидать плодотворного служения нашим задачам, в особенности в тех случаях, когда их национальные или личные интересы приходят в столкновение с нашими»³⁸.

Организация новых консульств или их перенос был связан с развитием и изменением торговых, политических или стратегических интересов государства. Проводившаяся Англией, Францией и Германией политика глобальных интересов проявлялась в повсеместном распространении их заграничных учреждений. Россия из-за недостатка средств значительно уступала этим державам в густоте сети консульств. Так, Англия и Франция расходовали на эти нужды в два с половиной — три раза больше, чем Россия. В МИД ощущали слабую густоту сети консульских учреждений и предпринимали усилия для ликвидации пороков в их географическом размещении.

В 40-х — начале 50-х гг. XIX в. Россия имела 18 генконсульств, 20 штатных и 86 нештатных консульств. На Дальнем Востоке их было немного: в открытых портах Китая (Тяньцзине) и ряде других пунктов (Урге, Кульдже); в Японии имелись лишь консульские агенты в открытых портах, вице-консульство в Чемульпо и дипломатический представитель в Сеуле. В 1870-х гг. появились генконсульство в Иокогаме и консульство в Нагасаки. В Новом Свете были учреждены генконсульства в Сан-Франциско (1874) и Перу (1862), нештатное

³⁷ См.: Очерки... С. 466—472, 486—487.

³⁸ АВПРИ. Отчёты по МИД. Отчёт по ДЛС и ХД за 1893 г., л. 218.

консульство в Портленде (1883), диппредставительство в Аргентинской республике (1885), причём обязанности посланника выполнял по совместительству российский посланник в Бразилии; в декабре 1890 г. (в связи с предстоящим появлением канала через Панамский перешеек) учредили миссию в Мехико. Хуже обстояло дело на Африканском континенте: штатное консульство в Алжире открыли только в марте 1884 г., а с 1868 г. делами русских подданных там занимались консулы иностранных держав, не знавшие ни русского законодательства, ни русского языка, ближайшее же отечественное консульство находилось лишь в Марселе. Только в середине 1890-х гг. появились миссии в Эфиопии и Марокко.

В начале 1880-х гг. в МИД озаботились пересмотром консульского устава с целью увеличить доходы казны при меньшей сложности взимания пошлин, для чего попытались сделать консульский тариф единообразным. Проект нового устава до 1890 г. не рассматривался в законодательном порядке, поскольку государственное казначейство не смогло ассигновать необходимых средств. К тому же министр финансов С.Ю. Витте предлагал переводить нештатные консульства в штатные только там, где консульские сборы по старому тарифу составляли значительный доход, и согласиться на участие Министерства финансов в подборе кандидатуры консула. Полемика между двумя ведомствами лишней раз продемонстрировала несогласованность работы государственного аппарата империи. МИД отстаивал своё законное право назначать консулов, но список консульств пришлось несколько сократить и упразднить консульские посты, утратившие значение. С 1 января 1894 г. новый тариф вступил в силу.

В тех стратегических пунктах, в которых в сборе специальной информации были заинтересованы Военное и Морское министерства, дело решалось проще. С марта 1890 г. учредили консульство в Сингапуре — на перепутье между Европой, Китайским и Японским морями; в конце 1890-х гг. — генеральные консульства в Танжере, Бангкоке, Мешхеде, на острове Мальта. В том же году выделили дополнительные средства на консульство в Джедде: место высадки тысяч мусульман из России, направлявшихся в Мекку морем; этот порт был прекрасным пунктом для наблюдения за развитием колоний европейских держав в бассейне Красного моря. Кроме того, в МИД полагали, что отсюда удобно следить «за теми течениями религиозными и политическими, которые, зарождаясь или вырабатываясь в Мекке, расходятся затем иногда по всему мусульманскому миру». Российские представительства располагались главным образом на исторически сложившихся торговых путях, в крупных портовых городах и ключевых пунктах морских коммуникаций.

Обострение соперничества на международной арене побуждало Российскую империю активизировать деятельность на этом поприще. Поэтому сеть дипломатических и консульских учреждений страны росла, но медленно. К концу 1890-х гг. она выглядела так: 8 посольств, 24 миссии, 26 штатных генеральных консульств, 63 штатных и 26 нештатных консульств, 25 штатных и 213 нештатных вице-консульств, 36 нештатных консульских агентств. Наиболее значительным изменением стало создание миссии при Ватикане в марте 1895 г. В начале XX в. представительство России за рубежом существенно увеличилось. В 1912 г. империя имела 9 посольств, 24 миссии, 31 генконсульство, 81 консульство, 28 вице-консульств, 45 нештатных консульств и 228 нештатных вице-консульств.

Весьма ответственные функции в центральном аппарате министерства выполняла шифровальная экспедиция при Канцелярии³⁹. Немногочисленный штат этого «чёрного кабинета» перлюстрировал и дешифровал переписку руководителей внешнеполитических ведомств иностранных держав со своими представителями в Санкт-Петербурге. В результате министр иностранных дел России зачастую узнавал то, что не предназначалось для его сведения, а также получал информацию раньше, чем посол какой-либо державы сообщал ему её на основании инструкций. В канцеляриях всех российских посольств и миссий также были чиновники, ответственные за шифровку и расшифровку корреспонденции, которой они обменивались с центром. В конце XIX в. российским криптографам удалось вскрыть большую часть шифров других стран.

Шифровальная экспедиция (Цифирная часть, Служба шифров или Особая канцелярия) возникла по указу Александра I от 7 ноября 1804 г. Структура её сложилась не сразу: в 1823 г. был учреждён Цифирный комитет для детального изучения создаваемых шифров, используемых в переписке центрального аппарата с заграничными установлениями, чтобы гарантировать секретность корреспонденции; 30 апреля 1838 г. Николай I утвердил новое положение о Цифирной части, в состав которой вошёл уже существовавший Цифирный комитет и две экспедиции. Чтобы сделать службу привлекательной, Нессельроде предложил предоставить каждому служащему особые выгоды: достаточно высокое жалованье, премиальные, награды и получение казённой квартиры. Вознаграждение за раскрытие иностранного шифра, прибавки к пенсии за выслугу лет, повышение в чине и получение знаков отличия могли служить, по его мнению, достаточно действенными рычагами.

Спустя 18 лет, в декабре 1856 г. Горчаков докладывал Александру II, что опыт доказал недостаточность, выражаясь современным языком, «социальных гарантий», чтобы удержать чиновников Цифирной части на их должностях, а также ошибочность разделения её на две экспедиции. По новому положению, структура упрощалась, количество чиновников сокращалось, вводились новые правила о вознаграждении за открытие ключей с дифференциацией за их расшифровку. 4 ноября 1867 г. Государственный совет одобрил «Положение для Цифирной части при МИД», которое действовало до 1886 г.

Докладывая Александру III о чрезвычайном росте объёма шифрованной корреспонденции, особенно телеграмм, при сохранении прежнего штата сотрудников — всего три человека, Н.К. Гирс предлагал ввести ещё две штатные должности; кроме того, увеличить получаемые каждые пять лет службы прибавки к жалованью со 100 руб. до 15% с суммы штатного оклада, получаемого каждые пять лет службы. Эта акция преследовала две цели: удержать сотрудников «как можно долее при их специальных занятиях» и вознаградить «за малую подвижность их служебной карьеры». Тогда же «Положение» о повышенных пенсиях этой категории чиновников дополнили правом выйти на пенсию по болезни.

В конце 1904 г. шеф экспедиции с гордостью сообщал об успехах в работе сотрудников: если в 1901 г. они расшифровали 424 английских телеграммы, 1902 г. — 498, 1903 г. — 651, то к середине октября 1904 г. — 812 телеграмм. Даже если сделать скидку на то, что в связи с усложнением международных

³⁹ См.: Рыбачёнок И.С. «Такие разные ключи». Шифровальная экспедиция МИД // Родина. 2003. № 9.

отношений возрастало и количество отправляемых телеграмм, успехи были очевидны. В 1895 г. расшифровали 26% поступивших документов; 1896 г. — 35; 1897 г. — 29; 1898 г. — 35; 1899 г. — 45; 1900 г. — 27; 1901 г. — 42; 1902 г. — 67; 1903 г. — 56; 1904 г. — 77%.

Самостоятельными структурными подразделениями центрального аппарата дипломатического ведомства наряду с департаментами являлись архивы⁴⁰. МИД унаследовал имевшиеся в обеих столицах империи архивы КИД, а после её упразднения петербургский архив разделили на два. В Первом Главном (в 1834 г. переименован в Санкт-Петербургский Главный архив МИД) сосредоточили дела за 1802—1832 гг., нужные для текущей деятельности ведомства; во Втором (Государственном архиве МИД) хранили секретные документы особой важности. В Московском Главном архиве находились дела с XIII в. по 1801 г. В дальнейшем собрания архивов пополнялись документами по разным каналам: материалами текущего делопроизводства из департаментов МИД, поступавшими в определённые сроки; по высочайшим повелениям; на основе дарения и т.п.

Систематизация, описание и обработка поступлений производились достаточно регулярно, но с разной степенью тщательности. В январе 1899 г. были выработаны общие правила, предусматривавшие различные сроки хранения документов — вечно, 15—20 лет, от трёх до пяти лет — либо их следовало уничтожить. Документы первой категории, имевшие значение для дипломатических отношений и МИД в целом, использовались руководством ведомства в оперативной деятельности, а также для справок и обзоров предыстории той или иной международной проблемы.

Со временем сфера функций архивохранилищ расширялась. Их служащие составляли описи, каталоги, реестры и другие справочные указатели для возможно быстрого получения справок. Кроме того, они участвовали в подготовке научных публикаций документов и специальных исследований. Со второй половины XIX в. деятельность архивов МИД включала распространение исторических сведений, облегчая отечественным и иностранным исследователям разыскания в области российской истории. Доступ в читальные залы архивов существенно расширился. Кроме документальных собраний в архивах МИД имелись постоянно пополнявшиеся библиотеки, в коллекциях которых находились рукописные и печатные книги, атласы, карты, портреты и картины.

Штаты архивов были немногочисленны, работа их сотрудников скудно оплачивалась, но они активно участвовали в подготовке экспозиций для специализированных выставок, в научных конференциях и съездах. В начале XX в. общественная роль архивов МИД существенно возросла: увеличилось количество работавших в них читателей, демократизировался их состав, расширилась проблематика исследований, а сами архивы стали научными и историко-культурными центрами страны.

Одним из существенных аспектов деятельности МИД являлось обеспечение информационной поддержки его акций как на внешнем, так и на внутреннем периметре. Успехи наполеоновской пропаганды в своё время заставили российских дипломатов задуматься о контрмерах. 1 октября 1806 г. МИД учре-

⁴⁰ Голиков А.Г. Архивы российского МИД на службе империи и исторической науки (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 5. С. 4—16.

дил газету на французском языке «Journal du Nord», выходившую еженедельно до 1813 г., затем переименованную в «Conservateur imperial» (до 1824 г.) и получившую с 1825 г. название «Journal de St.-Petersbourg».

Издание финансировало правительство. С целью завуалировать этот факт оно печаталось на правах аренды, а его редакторы-арендаторы (неоднократно менявшиеся) присылали цензору МИД все подготовленные для публикации материалы⁴¹. С июля 1846 г. газета выходила шесть раз в неделю, но из-за небольшого количества подписчиков оказалась убыточной. В 1858 г. издание получило подзаголовок, определивший диапазон содержания: «Politique, litteraire, commercial et industriel». По условиям аренды газета должна была «сообщать русской публике самые свежие известия об иностранных политических происшествиях, а заграничным читателям — главные правительственные меры и официальные акты, равно как любопытные сведения о промышленности и торговле России, о литературе, театрах, библиографии и проч.». Издание получило исключительное право публикации во французском переводе приказов по Министерству иностранных дел одновременно с их выходом на русском языке.

После отмены предварительной цензуры для газеты «Journal de St.-Petersbourg» в 1866 г. в МИД сочли неудобным финансировать её по открытой статье сметы и стали выделять средства (до 1907 г. включительно) по специальной графе: «на известное его императорскому величеству употребление». По условиям договора, до ста экземпляров газеты бесплатно предоставлялось министерству, которое половину направляло в российские миссии за границей, а для генеральных консульств, консульств и вице-консульств закупало дополнительные экземпляры, увеличивая их количество по мере роста консульской сети.

В 1880—1890-х гг. «Journal de St.-Petersbourg» оставался единственным официальным органом российского МИД. Газете предназначалась роль камертона в озвучивании событий, происходивших на международной арене. По словам товарища министра иностранных дел Н.П. Шишкина, главная функция издания состояла в том, чтобы печатать подготовленные в министерстве руководящие статьи «для разъяснения различных вопросов нашей внешней политики». Право надзора за общей позицией издания позволяло, по оценке кн. А.Б. Лобанова-Ростовского, всегда редактировать его «в желательном для правительства направлении»⁴².

Во второй половине XIX в. важным фактором формирования массовых общественных представлений о внешней политике стала периодическая печать. Но в правительственных верхах империи полагали, что «общественного мнения самостоятельного в России не существует», а складывается оно во время чтения газет утром за чашкой кофе⁴³. Это «мнение» долгое время считали возможным игнорировать, а Ламздорф даже утверждал, что положить конец этим газетным толкам легко, отдав приказ по Министерству внутренних дел. Такой подход определил отрицательное отношение к предложению бывшего секретаря посольства в Вене С.С. Татищева, который ещё в ноябре 1886 г. выдвинул идею создать особое бюро для связи с прессой.

⁴¹ Голиков А.Г. «Journal de St.-Petersbourg» — газета российского МИД // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2003. № 2. С. 3—16.

⁴² Цит. по: Очерки... С. 494.

⁴³ См.: Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848—1896). Воспоминания. М., 1991. С. 122.

Как и прежде, актуальной оставалась задача противодействовать «вредному» направлению западной журналистики, формирующей в общественном мнении Европы негативное отношение к России. В 1868 г. посол в Константинополе Н.П. Игнатъев предложил инспирировать в иностранных газетах статьи в «нужном» смысле или опровергавшие наветы на политику России. С одобрения Горчакова посольство ежегодно получало на эти цели сверх сметы дополнительные суммы «на известное его императорскому величеству употребление»⁴⁴. Такая практика имела место и в дальнейшем.

Вместе с тем руководство МИД ощущало необходимость предоставлять публике объективную информацию. В записке Александру II Горчаков называл одним из первых условий успеха внешнеполитической программы России полную поддержку «всех интеллектуальных, нравственных и материальных сил страны»⁴⁵. В этих целях в «Правительственном вестнике» публиковались отдельные важные циркуляры и депеши; с 1861 г. стали издавать «Ежегодник МИД», в котором печатали конвенции, ноты, списки личного состава МИД разных уровней и состав иностранных дипломатических представителей в России. В 1911 г. был учреждён журнал «Известия Министерства иностранных дел», выходявший до 1917 г. раз в три месяца. В его основных рубриках публиковались международные договоры России и других государств, дипломатическая переписка, консульские донесения.

Снижение эффективности «*Journal de St.-Petersbourg*» в новых реалиях побудило МИД в 1907 г. сделать ставку на газету «Россия», которая находилась под контролем Главного управления по делам печати, получая особый кредит. Издание считалось официозом, и передовые статьи по иностранной политике готовились специально командированными в редакцию чиновниками МИД. Однако это не решало главного вопроса — о воздействии на общественное мнение. Затеявая реформирование дипломатического ведомства, его глава Извольский одну из целей видел в том, чтобы «перебросить мост через пропасть, отделяющую правительство от Думы»⁴⁶. Вот почему Газетная экспедиция при Канцелярии МИД была преобразована в Отдел печати, ставший «излюбленным детищем нового министра»⁴⁷.

Опираясь на опыт европейских государств в области отношений с прессой, Отдел печати должен был, с одной стороны, отслеживать всю информацию по вопросам внешней политики как в русской, так и в иностранной печати, с другой — в известных рамках информировать общественное мнение в России и за границей о деятельности министерства. Сотрудники Отдела составляли обзоры печати с вырезками из статей как позитивных, так и критических (подчёркивая в них наиболее важные места), которые министр просматривал, прежде чем предоставлять те или иные из них Николаю II. Извольский надеялся, по словам Соловьёва, таким способом привить монарху «конституционный образ мысли». Затея успехом не увенчалась, но наладить сотрудничество с известными журналистами в целом удалось, привлекая их представлением доверительной информации, оказывая личное внимание, и т.п. В итоге МИД, несмотря на критические выступления в свой адрес, смог удерживать под контролем отечественную прессу. Извольский и сменивший его на посту С.Д. Сазонов исполь-

⁴⁴ Цит. по: Очерки... С. 390.

⁴⁵ Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998. С. 321.

⁴⁶ Извольский А.П. Воспоминания. Пг., 1924. С. 114—115.

⁴⁷ Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата... С. 173.

зовали и другие способы мобилизации общественного мнения для поддержки курса правительства. Поскольку Государственная дума и Государственный совет не имели внешнеполитических функций, но получили право утверждать бюджет, в том числе ассигнования на МИД, в рамках их обсуждения министр с согласия царя мог выступать с думской трибуны с необходимыми разъяснениями.

Проводившаяся в российском МИД кадровая политика, предусматривавшая постепенный вертикальный карьерный рост снизу вверх, и при которой мотивация базировалась на обеспечении основных материальных и моральных потребностей (достаточности жалования, социального признания и т.п.), являлась закрытой. Изучая формирование системы подготовки и воспитания дипломатических кадров в Российской империи, А.И. Кузнецов⁴⁸ выделил четыре основных фактора, влиявших на неё: отбор в соответствии с действующим законодательством и внутренними правилами и традициями МИД; уровень образования и общей культуры; приобретение профессионального опыта в процессе прохождения службы; приобщение к корпоративным ценностям.

Вывод автора о том, что закрытость, достаточно высокая степень социальной однородности в сочетании с тесными родственными горизонтальными связями и семейственностью вели к созданию духа корпоративности в министерстве, отчасти адекватен. Вместе с тем утверждения об объединяющих служащих МИД чувстве преемственности поколений, общности взглядов и единстве целей при опоре на патриотические и религиозные ценности представляются сомнительными и недостаточно обоснованными. Так, П.С. Боткин, поступая в МИД, воображал, что оно представляет собой нечто единое, крепко сплочённое, а министр рисовался ему капельмейстером, управляющим оркестром. Реальность оказалась иной: «Нельзя сказать, что среди музыкантов царица гармония. Во-первых, дирижера, в сущности, нет. Министра мы никогда не видим, он где-то там, за закрытыми дверями... К нему имеют доступ лишь набольшие (так в тексте. — *И.Р.*) нашего ведомства... Во-вторых, общественное положение и интересы наших чиновников настолько разнородны, что трудно было бы заставить их петь в унисон. Каждый департамент живёт более или менее своей жизнью и имеет мало касательства с прочими частями министерства»⁴⁹.

Исследование структуры, кадрового состава и деятельности МИД неразрывно связано с изучением механизма принятия решений. Центральный аспект проблемы — роль самодержавного института власти. По основным законам император являлся верховным руководителем всех внешнеполитических сношений государства и определял направление политики в этой сфере. Ему непосредственно подчинялся министр иностранных дел, имевший право личного доклада, во время которого согласовывались все вопросы — от инструкций дипломатическим представителям до кадровых перемещений. Так, мечтавший стать послом Извольский, узнав из телеграммы о кончине А.И. Нелидова — посла в Париже, тотчас помчался в Царское Село, испросил у Николая II немедленного назначения на эту должность и получил её.

⁴⁸ См.: *Кузнецов А.И.* Подготовка и воспитание дипломата в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 2.

⁴⁹ *Боткин П.С.* Картинки из дипломатической жизни. С. 27.

Тандем монарх—министр не всегда действовал слаженно⁵⁰. Важным фактором при этом являлась личность императора: Александр I и Николай I активно осуществляли собственную политическую линию, Александр II постоянно колебался, Александр III полагал, что он «сам себе министр иностранных дел», хотя прислушивался к мнению Гирса, а Николай II или уклонялся от окончательного суждения, или склонялся к авантюрам, поддаваясь влиянию окружения. Существовавшая практика Особых совещаний, проводившихся нерегулярно и собиравшихся по приглашению монарха, для которого их постановления не являлись обязательными и могли к тому же им пересматриваться, проблемы коллегиальной выработки внешнеполитического курса не ставила.

Дезорганизация МИД в результате «нового курса» дальневосточной политики побудила члена Государственного совета П.А. Сабурова в апреле 1905 г. направить специальную записку на имя Николая II. Опытный дипломат предлагал образовать Высший совет по вопросам внешней политики, члены которого (авторитетные сановники и дипломаты) могли бы оградить осуществление важнейших решений от вмешательства некомпетентных и бесконтрольных наперсников. В этой задумке просматривается известная аналогия с планом Мартенса расширить компетенцию Совета министерства. Хотя по замыслу Сабурова проектируемый орган имел лишь совещательные полномочия, Николай II категорически отверг саму идею как противоречащую традиционной и непосредственной связи монарха с его «личной канцелярией» по иностранным делам.

История подписания осенью 1905 г. русско-германского Бьёркского договора — плода личной инициативы царя (сведённой на нет усилиями Ламздорфа и Витте) показала, что в начале XX в. эпоха династической дипломатии заканчивалась. Специально исследовавший вопрос о роли «групп влияния» в принятии решений при последнем Романове, А.В. Георгиев пришёл к убедительному выводу о её эпизодичности и об увенчавшихся в 1907—1914 гг. успехом действиях профессиональных политиков, не допустивших появления новой «безобразовщины». Извольский и Сазонов старались минимизировать возможность царя проявлять инициативу в сфере внешней политики, ограничив получаемую им информацию, так как некоторые документы или копировались не полностью, или вообще к нему не поступали. Таким образом, утверждает Георгиев, выросло значение бюрократии на всех стадиях принятия внешнеполитических решений⁵¹.

В своё время Лобанов упрекал Гирса, что тот не подготовил себе преемника. Но эта иллюзия оказалась далека от реальности. Хорошо известно, что в назначении Гирса министром не последнюю роль сыграло то, что он был женат на племяннице канцлера Горчакова. Извольский своим министерским креслом во многом обязан придворным связям жены и благорасположению вдовствующей императрицы, а Сазонов являлся свояком П.А. Столыпина. Право смещать и назначать министров Николай II считал собственной прерогативой: «Мы живём в России, а не за границей... и поэтому я не допускаю и мысли о чьей-либо отставке»⁵².

⁵⁰ См.: Рыбачёнок И.С. «Не слыть, но быть». Стиль и методы руководства российского МИД // Родина. 2002. № 9.

⁵¹ Георгиев А.В. Царизм и российская дипломатия... С. 70, 73.

⁵² См.: Красный архив. Т. 5. М., 1924. С. 115.

Главное же заключалось в том, что все чиновники Российской империи служили не родине, но государю, подписывая при поступлении на службу клятвенное обещание: служить «верно и нелицемерно». Нараставшая разбалансированность в системе управления внешней политикой являлась симптомом общего кризиса абсолютизма⁵³. МИД, несмотря на все реорганизации, оставался, по сути, феодальным институтом, как и вся государственная система в целом. Поэтому попытки реформирования одного из её звеньев объективно становились бесплодными.

⁵³ *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 245—247.

Русские военные агенты в Лондоне и методы их работы в 1875—1885 гг.

Александр Томилин

Russian military agents in London and their working methods (1875—1885)

Aleksandr Tomilin
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S086956870012934-8

В 1875—1885 гг. противостояние России и Великобритании на Ближнем Востоке и в Центральной Азии достигло очередного пика и дважды (в 1877—1878 гг. и 1885 г.) угрожало перерасти в войну. Поэтому в Петербурге желали как можно больше и лучше знать о политике и вооружённых силах Британской империи. С 1856 г. необходимые для этого данные добывали и обрабатывали военные агенты. В 1875—1885 гг. в Лондоне этот пост занимали генерал-майор Свиты е.и.в. А.П. Горлов (1873—1882), генерал-майор К.К. Ланц (1882—1884) и Генерального штаба подполковник (с 1885 г. полковник) С.С. Бутурлин. Но как они вели сбор информации? Из каких источников и каким путём она поступала? Исследователи об этом почти ничего не пишут. М.Н. Алексеев пришёл к выводу, что Горлов получал сведения не от агентуры, а из анализа периодики и общения с высокопоставленными лицами и офицерами¹. Н.Н. Лисицына утверждает, что в своих донесениях военные агенты опирались преимущественно на прессу².

В целом, наиболее распространёнными способами ведения военной разведки или «ориентирования», как называл её Б.М. Шапошников, во второй половине XIX — начале XX в. служили командировки офицеров за границу для личного наблюдения за армией той или иной страны и контактов с её командирами и политиками, анализ различных публикаций (и прежде всего — военной периодики), а также данных, поступавших от дипломатов — посла, консулов или от командиров торговых судов, заходивших в те или иные важные порты, представителей союзных держав и т.д., наконец, собственно тайная работа с агентурой. Разумеется, успех этой деятельности во многом зависел от личных качеств, подходов и подготовки военных агентов³. При этом у военных агентов отсутствовали какие-либо инструкции, регламентировавшие поиск информации, им лишь рекомендовалось делать это, не привлекая особого внимания. Методам вербовки контрразведки, добычи и анализа секретных сведений им приходилось обучаться самостоятельно на практике⁴.

© 2020 г. А.Р. Томилин

¹ *Алексеев М.Н.* Военная разведка в Российской империи — от Александра I до Александра II. М., 2010. С. 257, 269.

² *Лисицына Н.Н.* Русские военные агенты в Лондоне в конце XIX — начале XX века: взгляд на Восток // Клио. 2005. № 1(28). С. 161—162.

³ *Шапошников Б.М.* Мозг армии. В 3 т. Т. 3. М., 1929. С. 300—301; *Matthew S. Seligmann.* Spies in Uniform. British Military and Naval Intelligence on the Eve of the First World War. N.Y., 2006. P. 2—6.

⁴ Как вспоминал позднее А.А. Игнатъев, служивший в 1906—1917 гг. военным агентом в Париже: «В академии нас с тайной разведкой даже не знакомили. Это просто не входило в программу преподавания и даже считалось делом “грязным”, которым должны заниматься сыщики,

Александр Павлович Горлов (1830—1905) получил образование в Михайловской артиллерийской академии, а в 1868 г., будучи уже полковником, стал первым русским военным агентом в Вашингтоне⁵. На этом посту, по свидетельству военного министра Д.А. Милютина, он «оказал немаловажную услугу в деле разработки образца нашего нового малокалиберного (бердановского) ружья» и лично контролировал изготовление этих винтовок на заводе Кольта, за что в 1870 г. был зачислен в Свиту⁶. В 1873 г. ему довелось наблюдать боевые действия американской армии против племён сиу и модоков⁷. 11(23) апреля 1873 г. он представил в рапорте № 35 подробный отчёт об этой войне, указав и свои источники: «Официальные сведения об индейцах, сообщённые в рапортах министра внутренних дел за 1872 год, газетные описания корреспондентов, сопутствовавших экспедиционному отряду, описания как официальные, так и частные, помещённые в здешнем военном журнале: “Army and Navy Journal”, официальные приказы о движениях разных частей отряда, официальные сведения насчёт состава и расположения войск на различных постах и, наконец, официальная карта, с показанием на оной расположения всех индейских резерваций на западе Америки»⁸. Получить эти материалы можно было вполне легально.

В 1873 г. Горлов становится военным агентом в Лондоне. В его донесениях сообщалось про оружие и технику, политику, подготовку и организацию войск, шифрование, финансы и собственно разведку. 9(21) января 1879 г. в рапорте № 3 он перечислил те источники сведений, которые использовал за годы пребывания в Англии. Среди них — личное посещение arsenалов, заводов, казарм, артиллерийских и инженерных опытов, чтение газет, журналов и брошюр по специальным вопросам, сношения с частными лицами⁹. Но основные данные, по словам генерала, поступали от агентуры. В фонде Военно-учёного комитета отложилось 57 его рапортов за 1877 г.¹⁰ и больше всего — за июль—август, с известиями о формировании Британией экспедиционного корпуса на случай войны с Россией. В четырёх из них упоминалось об агентуре, ещё в двух — о сведениях, полученных от частных лиц¹¹. В 1878 г. о работе агентуры говорилось в 22 из 56 сохранившихся донесений (в основном — в апреле, июне—июле и октябре—ноябре)¹². В 1879 г. более половины рапортов начиналось с фразы «по сообщениям моих корреспондентов из Англии»¹³. Кто же являлся информатором русского генерала и насколько достоверны были присылаемые ему сведения?

В 1877—1879 гг. Горлов часто ссылался на рассказы и записки агента, обо-

переодетые жандармы и другие подобные тёмные личности. Поэтому, столкнувшись с действительностью, я оказался совершенно беспомощен» (*Игнатьев А.А.* 50 лет в строю. Т. 1. М., 1955. С. 210).

⁵ РГВИА, ф. 453, д. 6, л. 9.

⁶ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2006. С. 227, 319.

⁷ *Utley R.M.* Frontier Regulars. The United States Army and the Indian. 1866—1891. N.Y., 1973. P. 190.

⁸ РГВИА, ф. 453, д. 7, л. 61.

⁹ Там же, ф. 401, оп. 3/927, 1879, д. 1, л. 12 об.

¹⁰ Там же, 1877, д. 4. При этом последний из них — с № 134, т.е. в деле отсутствуют ^{3/5} донесений.

¹¹ Там же.

¹² Там же, 1878, д. 15.

¹³ Там же, 1879, д. 1.

значенного под литерой N. Впервые он упоминался 1(13) июля 1877 г. в рапорте № 45 как член редакции одной из либеральных газет (без уточнения, какой именно)¹⁴, вращавшийся в правящих кругах Англии. Он делился информацией о планах войны против России или в Афганистане, о британском шпионаже в Петербурге и на Балканах, совершал поездки по интересовавшим Горлова территориям, завязывал нужные знакомства, привозил важные новости¹⁵. Так, в 1877—1878 гг. во время поездок в Турции он установил контакт с информаторами, став связующим звеном между ними и Горловым, передававшим их сообщения в Россию¹⁶. Генерал-майор считал N весьма способным и хорошо поставленным человеком и относился к его сведениям с полным доверием¹⁷.

К осени 1878 г. услуги N стоили 120 фунтов стерлингов (3 тыс. франков). Желая продолжить сотрудничество с N, Горлов убедил военного министра немедленно выплатить треть указанной суммы. Вскоре военного агента оповестили о том, что вексель на тысячу франков (414 руб. 94 коп.) выписан в банковской конторе Верн и К^о в Париже. Поездки N на Восток оплачивались отдельно. К примеру, летом 1878 г. он израсходовал там 2 490 франков (при бюджете в 2 594 франка)¹⁸.

При этом денежное содержание самого военного агента составляло 3 тыс. руб. (именно столько было назначено Ланцу, сменившему в 1881 г. Горлова), ещё 1 200 руб. выделялось на «негласные расходы». Если учесть, что к ним добавлялось жалованье, выдававшееся согласно чину (генерал-майору полагалось 1 017 руб.), то этих средств вполне хватало на содержание информаторов¹⁹.

Помимо N, Горлов упоминал в рапортах про «различных моих корреспондентов, принадлежащих к разным кругам английского общества, сведения от которых мне кажутся не лишними»²⁰. В 1878—1879 гг. они слали Александру Павловичу письма со специальной пометой в Париж, на имя его лечащего врача²¹.

Немалую пользу приносили также знакомства и разговоры с государственными деятелями и частными лицами как при личных визитах, так и на официальных приёмах. Так, в апреле 1877 г. Горлов получил приглашение на светский раут к военному министру Англии. Это позволило ему 14(26) апреля изложить в рапорте № 20 мнения своих собеседников о политике России на Кавказе и её конфликте в Турции²². Ранее, в начале года, он сетовал: «Различные газеты постоянно сообщают, что английские офицеры отправляются в довольно большом числе в Турцию или для поступления там на службу, или для временного содействия турецкому правительству. Всё это скрывается от меня, как от офи-

¹⁴ Там же, д. 4, л. 119 об.

¹⁵ Там же, д. 1, л. 13.

¹⁶ Там же, оп. 2/927, 1877, д. 4, л. 119 об.; 1878, д. 15, л. 72, 77.

¹⁷ Там же, оп. 3/297, 1878, д. 15, л. 89. В одной из записок N предупреждал Горлова, что в Военном министерстве Англии заинтересовались объявлением, помещённым в «The Times» 8 ноября 1878 г.: «С. Петербург. А.Г. благодарит лицо, которое обязательно сообщило Кассель Магазин статью о Микрофоне». В Главном штабе догадались, что в нём речь шла о Горлове, который посещал магазин Хамфорда предположительно для конфиденциальных бесед (Там же, л. 13 об.).

¹⁸ Там же, л. 90—92, 95, 100.

¹⁹ Там же, оп. 4/928, 1882, д. 32, л. 2. То же содержание — 3 тыс. руб. жалованья и 1 200 руб. на «негласные расходы» полагалось и капитану Генерального штаба Протопопову, назначенному в 1881 г. военным агентом в Афинах (Там же, 1881, д. 2, л. 71).

²⁰ Там же, оп. 3/927, 1878, д. 15, л. 22.

²¹ Там же, л. 73 об.; 1879, д. 1, л. 13 об.

²² Там же, 1877, д. 4, л. 61.

циального русского лица, не только военными, но также и частными лицами». Однако находились и те, кто был готов делиться подобными сведениями: «Тем не менее в одном дружеском мне доме было мне передано, на время, письмо одного высокого звания сановника, относящегося к вопросу об английских волонтерах, и сверх того сообщены другие интересные сведения, на достоверность которых я имею полное право рассчитывать... В дополнение сему письму мне сообщено, что английское правительство действительно послало в Турцию шесть инженерных офицеров под начальством майора Роберта Хома (*Robert Home*) для изучения местности вокруг Константинополя и составления проекта её укрепления. Передававшее эти сведения лицо стояло в Константинополе в одной гостинице с названными офицерами и даже рассматривало их планы»²³.

В рапорте № 2 в 1877 г. Горлов извещал, что о возможности англичан перебросить экспедиционный корпус против России ему поведал «один офицер, знакомый мне по Военному министерству, где до недавнего ещё времени он занимал высокое место. Он принадлежит по происхождению к аристократии и находится в близких отношениях с принцами королевской фамилии. Я не имею права назвать его фамилию»²⁴. Среди информаторов была также «некая дама, близкая к военным кругам»²⁵.

Таким образом, к 1878 г. генерал-майор располагал целой агентурной сетью. Однако в 1879 г. надзор полиции за лицами, заподозренными в шпионаже, был усилен, а некоторые информаторы из патриотических чувств перестали сотрудничать с Горловым. Тем не менее он не отчаивался. «Ныне установившиеся средства наблюдения, конечно, далеко не совершенны, — признавал Александр Павлович, — но всё же они доставляют сведения, какие не получишь другим путём»²⁶.

Напряжённая работа в 1877 г. серьёзно подорвала здоровье Горлова²⁷, и по ходатайству посла гр. П.А. Шувалова военный министр разрешил генерал-майору выехать на лечение в Париж, где он и находился в 1878—1879 гг.²⁸ Впрочем, и там с санкции графов Шувалова и Милютина Горлов поддерживал связь со своей агентурой. «Те лица, которые доставляли мне, вследствие особых причин, самые важные и точные новости, недостижимые официальным путём и не помещающиеся в газетах, обещали мне поддерживать эти сношения на время моей болезни в Париже», — докладывал он в Петербург. Это внушало ему уверенность в успехе: «Мне казалось бы желательным продолжать ныне установленную систему наблюдения вне Англии, не только не дать ей ослабнуть, но напротив, стараться по возможности сделать её более и более надёжной»²⁹. В одном из его рапортов отмечалось, что в случае войны с Англией там уже будет действовать работающая на Россию резидентура, отсутствовавшая в годы Крымской войны³⁰.

Однако насколько точны и достоверны были сведения, поступающие к Горлову? Показательно, что 19(31) января 1877 г. он сообщал о готовности ан-

²³ Там же, л. 1—3.

²⁴ Там же, л. 7.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, 1879, д. 1, л. 13 об., 14 об.

²⁷ Там же, 1878, д. 15, л. 11—13.

²⁸ Там же, л. 16—17.

²⁹ Там же, л. 14—14 об.

³⁰ Там же.

гличан в случае войны за 5—6 недель отправить в Европу 50—60 тыс. человек³¹. Между тем премьер-министр Б. Дизраэли 13 декабря 1876 г., жалуясь в частном письме на британский Генеральный штаб, восклицал: «Вместо того, чтобы 40 000 человек находилось в лагере под Константинополем, они требуют 65 000 и 10 000 для Галлиполи». Причём 1 декабря лорд Биконсфилд рассчитывал, что переброска войск займёт три недели³². 23 марта 1877 г., излагая в докладной записке свои соображения о плане войны с Турцией, генерал-лейтенант Н.Н. Обручев приводил именно поступившие от Горлова цифры возможного английского десанта под Константинополем (50—60 тыс., правда, лишь через 8—10 недель). С учётом этой угрозы русским войскам рекомендовалось быстро пересечь Дунай и Балканский хребет и выйти к стенам турецкой столицы³³.

10(22) ноября 1878 г. в донесении № 39 Горлов раскрыл состав англо-индийской армии, предназначенной для войны в Афганистане. В долине Кветты под командованием генерал-майора А.С. Биддульфа находилось 5 260 человек (в том числе 850 европейцев), в Мультагской долине у генерал-лейтенанта Д.М. Стюарта — 6 330 (при 2 530 европейцах). В долине Пешавара передовой пост составлял 2 170 (780) человек, подвижная колонна — 5 680 (2 780), резервные части генерал-майора Ф.Ф. Мода — 5 350—5 380 (2 200), резерв в Равал-Пинди — 3 134 (1 784). Курамский отряд генерал-майора Ф. Робертса достигал 5 776 (1 816) человек, включая гарнизоны. К таблицам численности дивизий прилагались данные об оружейном составе батарей, список командующих, цели назначения частей. Подводя итог, Горлов насчитывал в «армии Кветты» от 11 590 до 12 590 (3 380), в «армии Пешаварской долины» — до 16 364 (7 544), а всего, вместе с «армией р. Курума» — до 34 730 солдат³⁴.

Между тем 4 октября по указу вице-короля Литтона были сформированы Курамская колонна (по расчётам генерал-квартирмейстера армии вторжения на 19 ноября — 6 665 человек при 18 орудиях³⁵), Мультагская дивизия (7 304 человека при 60 орудиях) и армия Кветты (5 560 человек при 18 орудиях)³⁶. Всего, вместе с войсками, охранявшими Пешаварскую долину³⁷, и вспомогательными частями удалось собрать 35 708 человек при 144 орудиях³⁸. Таким образом, Горлов более или менее верно представлял как общую численность британских сил, так и размеры отдельных отрядов, знал их командующих и направления движения.

По возможности Горлов делился и личными наблюдениями. Так, посетив арсенал и военную академию в Вуличе, он писал 5(17) мая 1877 г. в рапорте № 31 о готовности англичан оказать помощь султану: «Общий результат из разговоров, справок и осмотра получился следующий. Для приведения войск,

³¹ Там же, 1877, д. 4, л. 6—7.

³² *Buckle G.E. The Life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield. Vol. VI (1876—1881). L., 1920. P. 103, 105—106.*

³³ Сборник материалов по истории русско-турецкой войны на Балканском полуострове. Т. 10а. СПб., 1898. С. 28—29.

³⁴ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927, 1878, д. 15, л. 119—121.

³⁵ Однако сам лорд Робертс оценивал свои силы в 5 335 человек (1 345 англичан и 3 990 индусов) при 13 орудиях (*Sir Robert of Khandagar. Forty one years in India. Vol. 2. L., 1897. P. 127.*)

³⁶ *The Second Afghan War 1878—1880. Abridged Official Account. L., 1908. P. 13.*

³⁷ Согласно дневнику полковника Ч. Мак-Грегора, в 1878 г. там располагалось 4 600 пехоты (2 500 индусов и 2 100 англичан), 1 тыс. туземной конницы при 24 орудиях, т.е. около 5 680 человек (*The Life and Opinions of Major-General Sir Charles Metcalfe Macgregor / Ed. C. Macgregor. Vol. 2. Edinburgh; L., 1888. P. 69.*)

³⁸ *The Second Afghan War 1878—1880. P. 14.*

назначенных в экспедицию, на случай её отправки не требуется ни покупка лошадей, ни набора, ни даже сбора резервов... Для интендантства и госпитального обоза потребуется некоторое формирование наново, но все повозки в полном числе готовы в арсенале и все требующиеся для них упряжи сложены в арсенальном складе в полном порядке бесконечными рядами, так что в этом отношении экспедиционный корпус готов. Общее впечатление офицеров есть то, что отряды в случае надобности, во всей своей полноте, могут быть готовы к амбаркации через 5—6 дней по отдании приказа»³⁹. Скорее всего, именно это и хотели ему показать.

Но по мере ухудшения англо-русских отношений режим секретности на заводах, верфях, арсеналах и полигонах возрастал, и об их посещении уже не могло идти речи. В 1878 г. «английское правительство стало отказывать нам в сообщении каких-либо технических сведений, которые до сих пор передавались совершенно свободно; равно прекратившиеся приглашения на опыты, учения, смотры и т.п. Сверх того посещения каких-либо технических заведений сделалось неудобным (так в тексте. — *А.Т.*) и даже неприличным, так как англичане стали громко называть это шпионством и так как при подобном настроении общего духа можно было наткнуться на личные оскорбления — особенно опасные и нежелательные при теперешних политических затруднениях»⁴⁰.

Работа с прессой и тщательная проверка появлявшихся в ней публикаций явно обременяли Горлова. В основном Александр Павлович следил за статьями «больших ежедневных английских журналов» (крупнейших английских газет, влиявших на общественное мнение) — «The Times», «Daily Telegraph», «Daily News», утренний и вечерний «Standart», «Morning post» и «Globe», отмечая, что «кроме того имеется второстепенная вечерняя газета “Echo” и две важных воскресных газеты “Examiner” и “Observe”». Как докладывал Александр Павлович 15(27) февраля 1878 г. в рапорте № 8, «каждая из этих газет ежедневно имела большое число длинных телеграмм с театров войны европейских и азиатских. Сверх того, почти каждая из этих газет имела множество длинных писем от своих корреспондентов при турецких войсках и, наконец, в собственно лондонских статьях о войне газеты часто содержали различные новости, полученные ими из Турции непосредственно. Ежедневное чтение всей этой массы газетной литературы сделалось для меня вдруг обязательным. Я не мог не ужасаться мысли: пропустить какую-нибудь из важных новостей, помещённых в каком-нибудь углу какого-нибудь из этих журналов и сделаться таким образом виновным в недоставлении в Главную квартиру необходимых для неё данных и в воспроизведении опасности, от которой уже пострадал генерал Черняев. Вследствие этого, с июня месяца у меня не оказалось более времени для необходимого для моего здоровья моциона; дни почти всецело, за исключением времени для завтрака и обеда в клубе, употреблялись на чтение безобразной английской газетной литературы, составлении выписок и т.п.; и эта работа была ещё тяжелее по вечерам и ночам, вследствие необходимости читать при газе и вследствие мелкого шрифта английских газет. К сожалению, я не мог не убедиться, что в этой массе телеграмм и писем было очень мало действительно серьёзного материала и что английское газетное пустословие, в соединении с явной лживостью, достигли в эту войну неслыханных размеров. Из всей этой массы удалось извлечь лишь немного серьёзных депеш. Произошла ли от них

³⁹ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927, 1877, д. 4, л. 86.

⁴⁰ Там же, 1878, д. 15, л. 13.

для нас какая-нибудь польза, мне неизвестно, и даже рассуждать об этом вопросе я не имею права»⁴¹. Горлов сам обрёл себя на этот труд, предложив 23 июня (5 июля) в рапорте № 40 доставлять в Петербург подборку важных известий о боях на Дунае. Гр. Шувалов, разумеется, одобрил эту инициативу⁴², а вскоре из Военного министерства пришёл соответствующий приказ.

При этом чаще всего Горлов обращался к «Daily News». Летом 1881 г. он даже обратился в редакцию с просьбой предоставить ему экземпляры или хотя бы список номеров, в которых публиковались письма корреспондента Э. О'Доннорвана, путешествовавшего в 1879—1881 гг. по Туркмении и сообщавшего весьма подробные и ценные сведения о Мерве. Редактор не смог предоставить ему копии, так как они хранились в редакции в одном экземпляре, но выделил список номеров с публикациями писем. Затем Александру Павловичу пришлось «приступить к изучению всех этих 177 корреспонденций, обозначить в оных, что представляется интересным для нашего военного ведомства; сделать переводы всего этого на русский язык и затем составить из этих отдельных и весьма сложно перепутанных между собой сведений один гладкий рассказ, где бы все эти сведения были бы расположены в порядке, по определённым системам»⁴³. В целом же к началу 1879 г. Горлов считал прессу ненадёжной, а то и вовсе бесполезной, поскольку ей «поставлена обязанность умалчивать всё, что может быть для нас полезно, или даже нарочно искажать факты, чтобы ввести нас в заблуждение»⁴⁴.

В марте 1882 г. Горлова сменил Карл Карлович Ланц (1837—1884). Артиллерист по образованию, он служил больше в строю, чем в штабах, командуя Лейб-гвардии 2-й батареей конной артиллерии, Лейб-гвардии Драгунским полком, и проявил себя как педантичный командир и умелый хозяйственник⁴⁵. Ещё в августе 1871 г. он вместе с полковником Кребелем был командирован в Англию на большие манёвры под Альдершотом⁴⁶, где получил первое знакомство с британской армией.

Возможности агентурной разведки в Англии Ланц, в отличие от своего предшественника, оценивал крайне скептически: «Относительно получения секретных сведений, — докладывал он в 1884 г., — нужно заметить, что так как конфиденциальная переписка между начальствующими лицами ведётся большей частью собственноручно, то секрет соблюдается строго, и старание узнать тайну через агентов обходится дорого и редко ведёт к практическим результатам... В заседаниях кабинета, как говорят, никто кроме министров не присутствует, никакого протокола заседаниям не ведётся, а министры сами записывают для себя, что нужно»⁴⁷.

Поэтому военный агент предпочитал вести разведку через открытые наблюдения за британской армией. Участие в парадах и манёврах позволяло увидеть войска в строю, оценить их амуницию, упряжь и снаряжение у артиллерии и кавалерии, качество строевой подготовки. В 1882 г. Ланц даже лично

⁴¹ Там же, л. 11.

⁴² Там же, 1877, д. 4, л. 116.

⁴³ Там же, оп. 4/928, 1881, д. 4, л. 15.

⁴⁴ Там же, оп. 3/927, 1879, д. 1, л. 12 об.

⁴⁵ Выписки из приказов по Лейб-гвардии Драгунскому полку // Описание военного похода Лейб-гвардии Драгунского полка в Турецкую кампанию 1877—1878 гг. СПб., 1880. Приложение 33. С. 51—60.

⁴⁶ РГВИА, ф. 401, оп. 2, 1871, д. 101, л. 6, 8.

⁴⁷ Там же, оп. 4/928, 1884, д. 36, л. 17.

присутствовал при погрузке на корабли английских войск, отправлявшихся в Египет⁴⁸.

18(30) апреля 1884 г. в рапорте № 65 Ланц отмечал, что «приглашения на смотр и учения исходят прямо из Военного министерства, за подписью начальника штаба (*Adjutant General to the Forces*) или его помощника, они делаются обыкновенно два раза в год: по случаю смотра волонтерам на второй день Пасхи и другой раз для развода с церемонией, в день рождения королевы. За остаточный год особых приглашений не делается, но при желании видеть войска [военный агент] может ехать в Ольдершотский постоянный лагерь или другое место, где существуют войсковые сборы»⁴⁹. Но и для этого требовалось дозволение старшего начальника Двора, в случае личного с ним знакомства, или кого-либо из Военного министерства. Причём явиться следовало на своей лошади, поскольку англичане не выдавали иностранным офицерам казённых коней⁵⁰. Любопытно, что, приглашая в 1882 г. на манёвры под Альдершотом русского и французского атташе, принц Уэльский (будущий Эдуард VII) предложил им остановиться в своём дворце, но предупредил, что обеспечить их лошадьми не сможет. Несмотря на это, Ланц, разумеется, принял приглашение принца и 11(23) июня подробно описал парад в Альдершотском лагере в донесении № 31⁵¹.

В то же время для посещения военно-учебных заведений достаточно было личного знакомства с их начальником, которое облегчалось тем, что в пяти офицерских клубах Лондона иностранные офицеры являлись почётными членами. Правда, присутствовать на экзаменах они могли только по специальному приглашению. Посещение казарм дозволялось с согласия командира части или одного из офицеров полка. Кроме того, военный министр выдавал Ланцу три билета на посещение Вуличского арсенала, Порохового завода в Уолтхэмском аббатстве и Энфильдского оружейного завода⁵². Однако для присутствия на испытаниях оружия или при опытах с артиллерией требовалось особое разрешение начальника соответствующего департамента Военного министерства⁵³.

Ланц также систематически обращался к печати, официальным приказам, парламентским отчётам и т.п. Каждое своё донесение генерал-майор сопровождал несколькими газетными вырезками, переслав в 1882—1884 гг. любопытную подборку статей британской периодики по острым внешнеполитическим вопросам. Следил он и за научными публикациями, в частности, в журнале «China Review», который считал весьма содержательным⁵⁴, а также в отчётах Королевского географического общества. В конце 1883 г. в Петербурге даже

⁴⁸ Из 133 донесений, отправленных Ланцем в 1882 г., в фонде Военно-учёного комитета сохранилось 61, и около трети из них посвящены организации и ходу египетской кампании. Интерес к ней был особенно велик, поскольку, как докладывал Ланц 27 апреля (9 мая) 1882 г. в рапорте № 10, «многие находят, что обеспечение морских путей, связывающих колонию с метрополией, в особенности того пути, который ведёт через Оманский и Персидский заливы, Аден, Суэцкий канал, Кипр, Мальту, Гибралтар и далее в Англию, составляет лучшее средство, чтобы парализовать завоевательные стремления России к стороне Индии» (Там же, 1882, д. 4, л. 30).

⁴⁹ Там же, 1884, д. 39, л. 5.

⁵⁰ Исключение делалось лишь для больших манёвров, но они проводились крайне редко и после 1875 г. состоялись лишь в 1884 г. (Там же, д. 36, л. 5 об.).

⁵¹ Там же, 1882, д. 7, л. 34.

⁵² Там же, 1884, д. 36, л. 7.

⁵³ Там же, л. 8.

⁵⁴ Там же, 1884, д. 4, л. 10.

разрешили Карлу Карловичу, по его просьбе, вступить в это общество⁵⁵. При этом его интересовали не только конкретные сведения, но и то, как поставлено в Англии изучение того или иного предмета. Так, 8(20) февраля 1884 г. в рапорте № 13 Ланц сообщал, что не обнаружил в английских статьях и брошюрах оригинальных сведений о племени дунган, все они опирались на русские источники. Тем не менее он подробно характеризовал их акценты и особенности подачи материала⁵⁶.

31 августа 1884 г. Ланц скончался от болезни, и в ноябре его место занял подполковник Генерального штаба Сергей Сергеевич Бутурлин (1842 — после 1917), в отличие от предшественников не имевший никакого опыта агентурной работы. Он начал свою карьеру в Лейб-гвардии Гусарском полку, в 1873 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба, после чего служил на Кавказе и участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., будучи начальником штаба кавалерийской дивизии⁵⁷. Однако управляющий делами Военно-учёного комитета генерал-майор Ф.А. Фельдман (в 1876—1881 гг. являвшийся военным агентом в Вене) весьма лестно рекомендовал его Обручеву, особо отметив владение английским языком и приобретённое на Кавказе знание Востока⁵⁸.

Бутурлин старался завести агентуру не только в Англии, но и в других местах, где заметно ощущалось английское влияние. Его агенты передавали сведения о действиях англичан в Константинополе и германских интригах против английского посла, посещали Крит и Эрзерум⁵⁹, сообщая о положении турецкого и христианского населения, притеснениях со стороны султанской администрации и курдов, упадке торговли и т.д.⁶⁰ В конце 1880-х гг. среди них был некий ирландец Фицджеральд, бывший в молодости офицером британской армии, участвовавший в Крымской кампании, а в 1877—1878 гг. являвшийся корреспондентом газеты «Standart» и освещавший войну на Балканах с турецкой стороны⁶¹.

Помимо агентуры, Бутурлин пользовался и своими светскими связями. Так, он был частым гостем у посланника Нидерландов в Лондоне, жена которого происходила из дворянского рода Языковых, и в конфиденциальных разговорах узнавал немало интересных новостей, полученных голландцем от британских политиков. В том числе, например, об их отношении к обнародованию в начале 1888 г. австро-германского договора о военном союзе⁶². Обычно в своих донесениях Сергей Сергеевич не приводил разговоров с туристами и младшими членами посольства, обращая внимание лишь на отзывы тех, кто был непосредственно причастен к правительственным и азиатским делам⁶³. При этом имена, как правило, не раскрывались, чтобы не скомпрометировать информаторов.

Не пренебрегал Бутурлин и прессой, пытаясь максимально использовать её информационный потенциал. 30 января (11 февраля) 1885 г. в донесении

⁵⁵ Там же, 1883, д. 2, л. 150, 153—154.

⁵⁶ Там же, 1884, д. 4, л. 9.

⁵⁷ Там же, оп. 1, д. 129672, л. 2.

⁵⁸ Там же, оп. 4/928, 1884, д. 2, л. 209.

⁵⁹ Там же, ф. 431, оп. 1, д. 56, л. 193.

⁶⁰ Там же, ф. 401, оп. 4/928, 1889, д. 7, л. 69.

⁶¹ Там же, л. 22, 28.

⁶² Там же, ф. 431, оп. 1, д. 56, л. 46.

⁶³ Там же, ф. 401, оп. 4/928, 1885, д. 4, л. 85 об.

№ 13 он отметил те сложные чувства, которые вызывала экспедиция генерала Гордона в Судане: «В статьях журналов между строк проглядывает, и даже иногда в разговорах прорывается — надежда соотечественников его на то, что он умер»⁶⁴. Из этого делается вывод о том, что подобный исход развязал бы руки Лондону и упростил его политику в регионе⁶⁵. Схожим образом Бутурлин рассуждал и об англо-китайских противоречиях в Бирме на основании статей «Pioneer Mail»⁶⁶.

Таким образом, роль работы с тайными информаторами и значение агентурной сети в деятельности военных агентов в 1870—1880-е гг. неизменно возрастали, несмотря на сохранявшиеся ещё сомнения в уместности и эффективности подобных методов. При этом они отнюдь не вытесняли, а дополняли традиционные формы личного наблюдения за иностранной армией и общественно-политической жизнью страны. Собственно грань между частными контактами и предоставлением разведывательной информации зачастую оказывалась зыбкой и обнаруживалась лишь тогда, когда эти услуги оплачивались. Так или иначе более половины своих сведений военные агенты добывали из официальных источников и анализа прессы. Однако при умелом использовании всех имевшихся в их распоряжении возможностей им удавалось передавать в Петербург весьма важные и точные данные.

⁶⁴ Там же, л. 2 об.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, 1886, д. 4, л. 6—9.

Н.С. Киняпина — исследователь и педагог (к 100-летию со дня рождения)

Вадим Муханов

N.S. Kinyapina — the researcher and the teacher (to the 100th anniversary of the birth)

Vadim Mukhanov

*(Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO), Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870012937-1

В декабре 2020 г. исполнилось сто лет со дня рождения авторитетного историка и педагога — заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Н.С. Киняпиной. Она основала целую научную школу исследователей внешней политики Российской империи и управления её восточными окраинами.

Нина Степановна родилась 10 декабря 1920 г. в городе Кадом Тамбовского уезда Тамбовской губ. (сейчас это небольшой посёлок городского типа и центр Кадомского района Рязанской обл.). После окончания школы она 23 августа 1938 г. поступила на исторический факультет Института истории, философии и литературы. В конце 1941 г. его эвакуировали в Ашхабад и включили в состав МГУ, объединив соответствующие факультеты. В 1942 г. Нина Степановна с отличием окончила университетский курс. Два года ей довелось работать школьным учителем, но уже в 1944 г. её пригласили преподавать в только что открытом Московском государственном институте международных отношений, который выделили из Московского университета для обучения будущих дипломатов. Это стимулировало и продолжение исследовательской деятельности. Поступив в аспирантуру Института истории АН СССР, Нина Степановна в 1950 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Русско-австрийские отношения в 1830—1833 гг.», в которой проанализировала историю Мюнхенгрецкой и Берлинской конвенций 1833 г. Её научным руководителем являлся Н.М. Дружинин. По словам своей ученицы, преподавая в ИФЛИ, «он прекрасно владел аудиторией, чутко следил за реакцией студентов, иногда, в зависимости от настроения аудитории, менял первоначальные акценты в построении лекции, что не нарушало стройности изложения, доказательности выводов, а лишь придавало ей живой характер. Широкая научная эрудиция, логика рассуждений, высокая культура речи придавали его занятиям большое общественно-научное значение... Глубина души и разума, внимание и уважение к человеку, благожелательность и доброта составляли отличительные черты Николая Михайловича. Интеллигент в самом высоком понимании этого слова, он учил и воспитывал молодёжь не только богатством своих познаний, умением проникать в сущность явлений и находить их место в общем процессе развития, но и корректностью и мягкостью обращения, убедительной и стро-

гой критикой»¹. В 1965 г. Н.С. Киняпина защитила в университете докторскую диссертацию² и в 1966 г. стала профессором.

С 1950 г. Нина Степановна более полувек, вплоть до последних дней жизни, преподавала на историческом факультете Московского университета. Профессор К.Г. Левыкин, учившийся в начале 1950-х гг., вспоминал: «Несколько лекций по истории внешней политики России во второй половине XIX века прочитала нам Нина Степановна Киняпина. Наверное, ей не было тогда ещё и тридцати лет, и мы, фронтовики, не буду греха таить, рассчитывали не только на снисхождение с её стороны к нашим боевым заслугам, но и на собственную неотразимость. А молодой доцент, очень симпатичная наша почти ровесница, встретила нас на своём экзамене строгим взглядом, не оставляя никаких надежд ни на то, ни на другое. Каждый на экзаменах получал от неё по мере своих знаний, но, надо сказать, что двоек она почти не ставила, да и с тройками от неё уходили немногие. Мне повезло, я получил на её экзамене “отлично” за ответ на вопрос о восточной политике правительства во второй четверти XIX века, несмотря на то что перепутал К. Маркса с Ф. Энгельсом... Нина Степановна, поправив меня в том, что слова “как только в Европе затухали революции, так перед Россией снова вставал Восточный вопрос” принадлежат Энгельсу, заметила, что в сути проблемы я разобрался достаточно основательно и с необходимой литературой ознакомился хорошо»³.

В 1940—1950-е гг. Нина Степановна изучала преимущественно события 1830-х гг., уделяя особое внимание сотрудничеству и соперничеству Петербурга и Вены, а также попыткам решения «Восточного вопроса»⁴. Как справедливо отметил М.А. Чепёлкин, «хотя отношения с Австрией были важнейшей составляющей внешней политики Николая I, специальное исследование данной темы было предпринято впервые в отечественной историографии. Анализ Мюнхенских и Берлинских конвенций, проведённый Н.С. Киняпиной, настолько обстоятелен, что за минувшие четыре десятка лет лучшей работы по этому вопросу так и не появилось»⁵. Так, согласно её выводу, «Мюнхенская конвенция хотя и не давала России уверенности в том, что в будущем конфликте на Востоке Австрия будет её верной союзницей, но она сделала невозможным осуществление плана Пальмерстона по созданию англо-австрийской коалиции, направленной против России. Ункяр-Искелесийский договор не мог просуществовать 8 лет без конвенции в Мюнхенце. В этом положительное значение для России состоявшегося соглашения. Вместе с тем русско-австрийский договор 1833 г. явился известным отступлением от традиционного

¹ Киняпина Н.С. Краткий очерк научной, научно-организационной и педагогической деятельности Н.М. Дружинина // Николай Михайлович Дружинин (1886—1986). Биобиблиография. М., 1987. С. 23—24.

² Три года спустя она была опубликована: Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20—50-е гг. XIX в.). М., 1968.

³ Левыкин К.Г. Мой университет: Для всех — он наш, а для каждого — свой. М., 2006. С. 123.

⁴ Киняпина Н.С. Реакционная политика европейских держав в польском вопросе (1830—1831 гг.) // Вестник Московского университета. 1952. № 7; Киняпина Н.С. Русско-австрийские противоречия накануне и во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. // Учёные записки МГУ. 1952. Вып. 156; Киняпина Н.С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 2; Киняпина Н.С. Мюнхенские и Берлинские конвенции 1833 г. // Там же. 1960. № 1.

⁵ Чепёлкин М.А. Мастерство учёного // Россия в XVIII—XX вв. Страницы истории: к 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете заслуженного профессора Н.С. Киняпиной. М., 2000. С. 5.

стремления России решать ближневосточный вопрос только двусторонними переговорами с Турцией. Следующим шагом по этому пути были Лондонские конвенции 1840—1841 гг. ... Соглашения по польскому вопросу, подписанные в Мюнхенгрее и Берлине, были безусловной победой русского царизма. Они подчиняли интересы Австрии и Пруссии в польском вопросе интересам правительства России»⁶.

Анализируя «события, непосредственно связанные с заключением Ункяр-Искелесийского договора», Киняпина учитывала, что «турецко-египетский конфликт потерял характер обычной для Османской империи феодальной распри и превратился в серьёзную международную проблему. Дело шло не только о самом существовании Турции, но прежде всего об изменении соотношения сил европейских держав на Ближнем Востоке». В этих условиях «царская Россия в то время была заинтересована в сохранении Турции и готова была оказать ей действительную помощь». И не случайно «сразу же по получении известия о войне Египта с Портой царское правительство поручило Бутенёву заявить султану, что оно надеется, что усилия Турции, направленные на усмирение мятежа, увенчаются успехом. Николай I уведомил султана о принятом им решении немедленно отозвать из Александрии (резиденции Мухаммеда-Али) русского консула и всех проживающих в Египте русских подданных, что с благодарностью было встречено в турецких правящих кругах». По мнению исследовательницы, «причина такой политики заключалась не столько в приверженности русского царя принципу легитимизма, который царизм неоднократно нарушал, сколько в стремлении использовать создавшуюся обстановку для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке. После Адрианопольского мира 1829 г., укрепившего влияние России на Балканах, царизм не желал падения или расчленения Турции. В дни заключения Адрианопольского трактата, когда возник вопрос о дальнейших судьбах Османской империи, Особый комитет, созданный в Петербурге для обсуждения этого вопроса, пришёл к заключению, что выгоды от сохранения Османской империи в Европе превышают невыгоды, что, следовательно, разрушение её было бы противно интересам России, поэтому необходимо предотвратить её падение. Именно такую политику и проводило царское правительство на Ближнем Востоке в период турецко-египетского конфликта. Ослабленная междоусобными феодальными распрями и национально-освободительным движением народов Балканского полуострова, Османская империя сама по себе не представляла никакой опасности для России. Напротив, победа Мухаммеда-Али привела бы к созданию на берегах Босфора сильного государства с преобладающим влиянием Франции. В этом случае царская Россия потеряла бы значительную часть своих преимуществ от Адрианопольского трактата 1829 г.»⁷.

Киняпина убедительно опровергала распространённые в западной историографии представления, согласно которым «Россия будто бы навязала Турции свою помощь и тем поставила Порту в зависимое положение», и доказывала, что в 1833 г. Турция «не могла не воспользоваться поддержкой России», особенно после того, как «государства Западной Европы отказали ей в помощи»⁸. Она показала, что энергичная дипломатическая игра Петербурга и его

⁶ Киняпина Н.С. Избранные труды по истории России XIX в. М., 2015. С. 68, 69.

⁷ Там же. С. 25—30.

⁸ Там же. С. 31. См. также: Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. М., 1975. С. 61.

представителей вместе с дальнейшим ухудшением ситуации и явным военным поражением заставила султана официально обратиться к России за помощью и выступить с инициативой заключения союзного договора⁹. В итоге, как констатировал Чепёлкин, «весомо прозвучал общий вывод об Ункяр-Искелесийском договоре как высшей точке успехов России на Ближнем Востоке, после чего началось постепенное ослабление её позиций под нажимом остальных великих держав». Причём эта «сравнительно небольшая по объёму, но богатая по содержанию статья послужила отправной точкой многих последующих работ историков, в том числе и учеников Н.С. Киняпиной, о российской политике в восточном вопросе в 30-е гг. XIX в.»¹⁰.

В настоящее время никто не оспаривает, что «Ункяр-Искелесийский договор являлся серьёзным успехом внешней политики русского царизма на Ближнем Востоке», но «не ограничивал суверенитета Порты и был в известном смысле выгоден ей», а годы его действия (1833—1840) «отмечены укреплением политических отношений между Россией и Турцией». Вместе с тем «заключение Ункяр-Искелесийского договора благоприятно сказалось на положении балканских народов, которые, пользуясь укреплением русского влияния в Турции, смелее стали требовать выполнения Портой её обязательств, вытекавших из прежних договоров России с Турцией». По словам исследовательницы, «известное значение» имел этот трактат и для народов Кавказа, поскольку в 1830-х гг. «почти прекратились враждебные действия со стороны Турции на турецко-азиатской границе». Правда, тогда же «активизировалась деятельность английской дипломатии, которая не хотела мириться с ослаблением своих позиций в Турции и попыталась взять реванш на Кавказе». И, конечно же, «Адрианопольский и Ункяр-Искелесийский договоры способствовали усилению товарообмена между Россией и Турцией», в 1833 г. султан декларировал «полную свободу торговли русских подданных по всей территории Османской империи»¹¹.

В 1960—1970-х гг. Н.С. Киняпина разработала и издала фактически полный курс истории внешней политики Российской империи в XIX столетии¹². Благодаря чёткой и понятной систематизации материала, изложенного на высоком научном уровне, он уже более полувека остаётся незаменимой настольной книгой для студентов, аспирантов и университетских преподавателей при подготовке к лекциям и семинарским занятиям. По обоснованной оценке Чепёлкина, этот труд «сохраняет своё значение и как учебное пособие, и как общий исторический очерк ведущих направлений внешней политики России. Во многом это объясняется использованием обширного архивного материала, что придаёт убедительность и оригинальность суждениям автора. Не выпадая из общего замысла, отдельные разделы книги — о борьбе российской дипломатии за отмену ограничительных статей Парижского мира 1856 г., политике России в Средней Азии — по сути представляют собой самостоятельные исследования. Свидетельством широкого научного признания этой работы служит её издание в несколько расширенном и переработанном виде в Софии на бол-

⁹ Киняпина Н.С. Избранные труды... С. 39—40.

¹⁰ Чепёлкин М.А. Мастерство учёного. С. 5—6.

¹¹ Киняпина Н.С. Избранные труды... С. 46—49.

¹² Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963; Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.

гарском языке»¹³. В XXI в. по примеру своего учителя обзорные работы, посвящённые русской внешней политике XIX — начала XX в., выпустили ученики Киняпиной — В.В. Дегоев и О.Р. Айрапетов¹⁴.

В отличие от многих советских историков, строго придерживавшихся марксистско-ленинской парадигмы, Нина Степановна пыталась выявить соответствие внешнеполитической активности России её национальным интересам. Отстаивать эту позицию ей помогало глубокое знание источников. Значительное время Киняпина тратила на архивный поиск. Все её тексты и авторские спецкурсы были основаны на огромном количестве документов, в первую очередь — из хорошо знакомых ей фондов АВПРИ. Неоднократно она консультировала сотрудников архива, часто выступала рецензентом выпускавшихся ими сборников¹⁵. Столь же характерно для неё было глубокое погружение в историографию рассматриваемых сюжетов. Как пишет Н.П. Страхова, «историографические разделы её работ всегда свидетельствовали об отличном знании не только отечественной, но и зарубежной литературы по теме (на немецком, французском, английском и болгарском языках)»¹⁶. Вместе со своим учеником В.А. Георгиевым она педантично проанализировала всю историографию внешней политики России первой половины XIX в., охарактеризовав как советские, так и зарубежные работы¹⁷.

И всё же в центре научного творчества Нины Степановны всегда оставались усилия русской дипломатии на Балканах и Ближнем Востоке. Не случайно она стала ответственным редактором и руководителем яркого авторского коллектива (В.А. Георгиев, М.Т. Панченкова, В.И. Шеремет), создавшего монографию «Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в.)», в которой на широкой источниковой базе были рассмотрены практически все аспекты столь сложной темы со времён Екатерины II до Первой мировой войны¹⁸. Киняпина написала в ней вводную часть и раздел «Восточный вопрос во внешней политике России второй половины XIX в.», где подробно изложила ход многолетней борьбы России «за отмену ограничительных условий Парижского мира», и прежде всего — нейтрализации Чёрного моря, анализировала шаги дипломатического ведомства во главе с кн. А.М. Горчаковым, раскрыва-

¹³ *Чепёлкин М.А.* Мастерство учёного. С. 6. В Болгарии обе книги Киняпиной о внешней политике России объединили в одну: *Външната политика на Русия през XIX в.* София, 1980. Нина Степановна являлась также научным руководителем многих балканских учёных, специализировавшихся по истории России и истории международных отношений.

¹⁴ *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918 гг. Учебное пособие. М., 2004; *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи 1801—1914 гг. М., 2006; *Айрапетов О.Р.* История внешней политики России. 1801—1914 гг. Т. 1—4. М., 2017—2018; *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914—1917). 1914. Начало. М., 2014; 1915 год. Апогей. М., 2014; 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015; 1917 год. Распад. М., 2015.

¹⁵ В частности, она рецензировала монументальную многолетнюю публикацию документов «Внешняя политика России XIX и начала XX в.»: *Киняпина Н.С.* Некоторые вопросы внешней политики России в новой публикации документов российского Министерства иностранных дел // *История СССР.* 1971. № 5. С. 136—141. В этой рецензии она, по выражению Страховой, не только «перечисляла достоинства данной беспрецедентной публикации», но и сама «выделяла и практически вводила в научный оборот многие ранее не известные документы» (*Страхова Н.П.* Слово об учителе: Н.С. Киняпина как учёный и как личность // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Сер. 4. История. 2012. № 2(22). С. 168).

¹⁶ *Страхова Н.П.* Слово об учителе... С. 165.

¹⁷ *Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография.* М., 1981.

¹⁸ *Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в.* / Отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978.

ла причины его успеха. Особое внимание уделялось также взаимоотношениям Петербурга с молодыми балканскими государствами после Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и правительственным планам захвата черноморских проливов в конце XIX в., так и не утверждённым и оставшимся проектами отдельных лиц. Между тем в книге признаётся, что внутренняя слабость Османской империи, частые восстания и беспорядки на её территории, конечно, лишь обостряли борьбу великих держав за её наследство. Изучение роли России в этом противостоянии в судьбоносном 1878 г. продолжил другой ученик Нины Степановны — С.Л. Чернов¹⁹.

Балканскому направлению русской дипломатии посвящена и последняя монография Киняпиной²⁰. В этой книге детально описаны тщетные надежды Петербурга на образование союза балканских государств, объясняются причины разрыва дипломатических отношений с Болгарией в 1886 г., признаётся слабость экономических позиций России в регионе на фоне активной экспансии Германии и Австро-Венгрии²¹.

Вместе с тем в академической манере категорически опровергались всевозможные обвинения Российской империи в перманентной агрессивности на Востоке, часто звучавшие в западной историографии. Как утверждала Киняпина, «в конце XIX в. внешняя политика России на Балканах и в районе проливов не носила наступательного характера. Российское правительство не имело территориальных притязаний на Балканах, не желало распада Османской империи, не выступало инициатором захвата проливов, отстаивая международный принцип их закрытия для военных кораблей всех держав»²².

Заметный вклад Нина Степановна внесла и в изучение присоединения к Российской империи Кавказа и Средней Азии²³. Эта тема интересовала её с молодых лет. Дискуссии о Кавказской войне и фигуре имама Шамиля начались вскоре после XX съезда КПСС. Тогда, как вспоминал профессор Левыкин, «поддержанная редколлегией журнала “Вопросы истории” и личным комментарием [заместителя] его главного редактора Э.Н. Бурджалова статья учителя Пикмана снова дала повод для полемики специалистов и общественности по, казалось бы, решённому наукой вопросу... Poleмика специалистов-кавказоведов, тем не менее, прошла и на историческом факультете. Она велась в контексте историко-партийных установок и программы ВКП(б) по национальной политике. Студенчество не было вовлечено в спор специалистов, в ходе которого не обошлось без постановки острых для того времени вопросов. Прямо был поставлен вопрос о том, что правы ли были основоположники марксизма-ленинизма, критиковавшие российскую завоевательную политику на Кавказе, обсуждая её вне связи с общемировыми колониационными процессами. В ходе дискуссии был поставлен и вопрос о праве науки критиковать ошибки, ошибочные взгляды идеологов пролетарского интернационализма. Мы, сту-

¹⁹ Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса, 1875—1878 гг. М., 1984.

²⁰ Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898). М., 1994.

²¹ Там же. С. 201—205.

²² Там же. С. 201. Подробнее см.: Косик В.И. Рецензия на кн.: Н.С. Киняпина. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 159—160.

²³ Подробнее об освещении этих сюжетов в её трудах см.: Муханов В.М. К столетию заслуженного профессора Московского университета Н.С. Киняпиной // Кавказский сборник. Т. 12(44). М., 2020. С. 393—415.

денты, были тогда наслышаны, что смелее всех на эти вопросы отвечала в кафедральной дискуссии доцент Нина Степановна Киняпина»²⁴.

Свою позицию она не поменяла и в последующие десятилетия, постоянно выступая против «выпячивания колонизаторской политики царизма» и умаления «прогрессивного значения вхождения народов Кавказа в состав России»²⁵. При этом решающую роль, по её мнению, играли политические и военно-стратегические, а не экономические факторы. Кавказ в силу его географического расположения представлялся ей «сферой жизненно важных интересов для Российского государства», которую приходилось защищать от проникновения других держав. Так, в вышедшей под её редакцией коллективной монографии отмечалось, что «Кавказ и Средняя Азия стали последовательными звеньями во внешней политике России в немалой степени потому, что в аналогичном порядке они располагались в экспансионистской программе британского правительства»²⁶.

Киняпина не разделяла господствовавшего в советское время представления о России как колониальной империи. Применительно к таким регионам, как Кавказ и Средняя Азия, она предпочитала использовать термин «окраина», указывавший на то, что они являлись составной частью империи²⁷. В свою очередь, «отсутствие границ, отделявших метрополию от окраин, служило не столько географическим, сколько политическим фактором. Это заставляло самодержавие считаться с местными особенностями регионов: процессы, происходящие в центре и на окраинах, имели непосредственную связь, в отличие, например, от английских владений в Индии»²⁸. Киняпина учитывала и то, что в XIX в. окраины не являлись для России ни источником сырья, ни рынком сбыта, а правительство стремилось к их интеграции в единый государственный организм. Однако в силу специфики различных территорий этот процесс требовал особых методов и не мог протекать синхронно²⁹.

Изучая внешнюю политику России, Нина Степановна проявляла пристальный интерес к сформировавшим её историческим деятелям. Характеристике Николая I, кн. А.М. Горчакова и гр. Д.А. Милютина она посвятила несколько статей. В Милютине Киняпина видела самобытного государственного деятеля с широким кругозором и богатым практическим опытом, приобретённым в том числе и на Кавказе, где он сыграл заметную роль в разгроме имамата Шамиля³⁰. Характерно, что Дмитрий Алексеевич не раз «порицал невнимание Горчакова к азиатским проблемам», решение которых «именно в годы управления Военным министерством Д.А. Милютина... приобрело важное значение»³¹. Особенно это стало заметно, когда «изменившаяся к 1863—1864 годам между-

²⁴ Левыкин К.Г. Указ. соч. С. 114—115.

²⁵ Против фальсификации истории народов Кавказа (семинар на кафедре истории СССР) // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1958. № 3. С. 235.

²⁶ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII в. — 80-е гг. XIX в. М., 1984. С. 208. См. также: Киняпина Н.С. Дипломаты и военные. Генерал Д.А. Милютин и присоединение Средней Азии // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 228.

²⁷ Киняпина Н.С. Административная политика России на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 35—36.

²⁸ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия... С. 317.

²⁹ Киняпина Н.С. Административная политика... С. 38.

³⁰ Киняпина Н.С. Дипломаты и военные... С. 221; Киняпина Н.С. Балканская конфедерация в планах военного министра России Д.А. Милютина // Отечественная история. 1996. № 3.

³¹ Киняпина Н.С. Дипломаты и военные... С. 224.

народная обстановка в Европе и на Кавказе побудила Милютина поддержать ранее отвергаемые им доводы местного руководства и Азиатского департамента МИД о переходе к наступательной политике в Средней Азии»³². И впоследствии именно военный министр курировал все операции на данном направлении, вплоть до Ахалтекинской экспедиции.

С нескрываемой симпатией Киняпина отзывалась о личных качествах, деятельности и взглядах кн. Горчакова, о видении им приоритетов и задач внешней политики страны, о его оценках международной обстановки в тот или иной период. В частности, она выразительно описывала его взаимоотношения с О. фон Бисмарком, начиная с их первого знакомства во Франкфурте-на-Майне в начале 1850-х гг., когда «в этом безвестном деятеле Горчаков увидел большой ум и характер воителя», скрупулёзно разобрала позицию будущего канцлера на Венской конференции 1854 г. и его попытки использовать трения среди противников, начав тайные переговоры с эмиссаром Наполеона III, реконструировала программу князя на посту министра иностранных дел»³³.

Об особенностях личности и политике Николая I Нина Степановна говорила не только в статьях, но и на авторском спецкурсе, который произвёл на меня неизгладимое впечатление. Она возражала против изображения императора ограниченным самодуром и настаивала на том, что это была отнюдь не «самодовольная посредственность с кругозором ротного командира»³⁴.

Символично, что в своих последних статьях профессор Киняпина размышляла именно о Николае I, с изучения эпохи которого когда-то начинала свою научную деятельность. Её лекции о Николае I также завершили целый цикл курсов, с которыми она знакомила своих учеников на протяжении нескольких десятилетий. Как вспоминает В.А. Георгиев, «спецкурсы, прочитанные Ниной Степановной за 50 лет педагогической деятельности, — это целый мир открытый как для неё самой, так и для её слушателей. Не компилятивные, а основанные на глубокой научной разработке читаемой проблемы, содержащие в себе россыпи архивных материалов, именно в студенческой аудитории впервые вводимые в научный оборот, эти спецкурсы фактически охватывают всю историю внешней политики России XIX в. ... Две прекрасные книжки Нины Степановны о внешней политике России XIX в. непосредственно выросли из этих спецкурсов и обобщают лишь небольшую часть прочитанного материала». И хотя Нину Степановну никогда не увлекала «погоня за научной модой», все её спецкурсы были «актуальны и современны». Вместе с тем они представляли собой «лицо кафедры» и привлекали студентов не только тематикой (проливы, славянский мир, Кавказ и Средняя Азия), но и «твёрдой молвой о глубине и содержательности этих лекций»³⁵.

Труды Н.С. Киняпиной получили широкую известность и признание. В 1980 г. за работы по истории внешней политики Московский университет присудил ей свою высшую научную награду — Ломоносовскую премию, а в 1996 г. она получила звание заслуженного профессора. В 2000 г. на историче-

³² Там же. С. 237.

³³ Киняпина Н.С. Александр Михайлович Горчаков // Вопросы истории. 1997. № 12; Киняпина Н.С. А.М. Горчаков: личность и политика // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998.

³⁴ Киняпина Н.С. Николай I: личность и политика // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2000. № 6; Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1—2.

³⁵ Интервью с В.А. Георгиевым. Май 2020 г. (архив автора).

ском факультете праздновали 50-летие её научной и педагогической деятельности в стенах МГУ (и одновременно 80-летие со дня рождения)³⁶. Её достижения были отмечены также несколькими почётными званиями Кембриджского международного биографического центра.

Профессор Н.С. Киняпина основала самостоятельную школу, включающую несколько поколений исследователей истории внешней политики России и управления окраинами империи. Всего она подготовила более 30 кандидатов и докторов наук, а также свыше 150 дипломников³⁷. Среди её учеников — О.Р. Айрапетов, В.М. Безотосный, В.А. Георгиев, В.В. Дегоев, О.В. Маринин, М.А. Чепёлкин, С.Л. Чернов. Они есть в Северной Осетии (Р.С. Бзаров) и в Армении (В.Г. Тунян), в Белоруссии (Н.Е. Аблова) и в Киргизии (Т.К. Кененсариев), а также в Болгарии (Н. Дюлгерова). У многих из них уже имеются собственные ученики, которые продолжают традиции, заложенные Киняпиной. По словам Георгиева, «влияние школы Нины Степановны прослеживается в Тбилиси и Ташкенте, Софии и Белграде, ряде других стран и бывших республик бывшего Советского Союза»³⁸.

Большое число учеников, по мнению Страховой, «объясняется не только разрабатываемыми Ниной Степановной внешнеполитическими проблемами, её бесспорной неординарностью как учёного, но и чисто человеческими качествами: к ней тянулись люди». Многие брали с неё пример, старались ей подражать. «Помню, — писала Страхова, — первую её лекцию, когда эта красивая, элегантно одетая женщина заговорила о марксистско-ленинской методологии. Она сказала, что К. Маркс и Ф. Энгельс были политиками, а не историками, к тому же не любили Россию. Поэтому нельзя принимать их суждения о нашей стране как бесспорные, необходимо учитывать время и цели написания той или иной статьи, эволюцию воззрений классиков марксизма, степень овладения к тому моменту русским языком и т.д. Подчёркиваю: шёл 1972 год. Это было смело, необычно, как, впрочем, и всё остальное, что Нина Степановна говорила на лекциях. Восхищало не только то, что она говорила, но и то, как она это говорила. Она обладала несомненным литературным даром и умела так построить фразу, что её лекции не только давали пищу для ума, но и неизменно доставляли эстетическое наслаждение»³⁹.

В.В. Дегоев вспоминал: «Нина Степановна была не только учёным, но и учителем от Бога. В её школу приходили мы, тогда ещё молодые люди с разным уровнем профессиональной подготовки, с разным стилем мышления, с разными предпочтениями в отношении выбора сюжетов для исследования, наконец, с разной степенью мотивации к работе. Нина Степановна всегда знала, как найти дорогу к каждому из нас, как открыть нам наши сильные стороны и как уберечь от опасности потратить годы на поиски того, что “не твоё”. Результат ли это богатого наставнического опыта или врождённое, если угодно, материнское чутьё? Вероятно, и то, и другое. В школе Киняпиной не было ни диктатуры “академического” стандарта, ни менторского всевластия научного руководителя, зачастую убивающих творческую энергию. Нина Степановна обладала особым

³⁶ К юбилею её ученики подготовили сборник: Россия в XVIII—XX вв. Страницы истории: к 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете заслуженного профессора Н.С. Киняпиной. М., 2000. К 95-летию учёного появилось издание: *Киняпина Н.С. Избранные труды...*

³⁷ Интервью с В.А. Георгиевым.

³⁸ Там же.

³⁹ *Страхова Н.П. Слово об учителе...* С. 164—165.

даром эту энергию раскрепощать, в то же время приучая нас не только к свободе, но и к дисциплине мысли. Принадлежащие её сколь изящному, столь и строгому перу книги — сами по себе прекрасные уроки научной стилистики. Во всяком случае, я, как и многие мои коллеги, писать учился и продолжаю учиться у Нины Степановны. Да и только ли писать... Когда судьба дарует счастье общения с таким человеком, ты становишься её должником на всю жизнь. Но это есть та редкая разновидность чувства долга, с которой душа и память не желают расставаться»⁴⁰.

Со своими учениками Нина Степановна обращалась исключительно чутко, прощала им ошибки и прегрешения, терпеливо ждала их исправления, тщательно объясняла свои требования. По свидетельству Страховой, «суровая критика на полях наших работ перемежалась похвалами, если какое-то высказанное нами суждение ей понравилось. Она умела поддержать ученика, помочь ему поверить в свои творческие возможности, избавиться от комплексов. И делала это очень тактично»⁴¹. Как рассказывает Георгиев, «нетерпимость к авторитетам сочетается в ней с крайне уважительным отношением к своим ученикам. Её терпеливость (отнюдь не терпимость), желание разобраться в порой наивных и, может быть, амбициозных наших построениях — безграничны. В её работе с учениками на первом месте доброжелательность, желание понять чужое мнение, пропустить его через себя. Её замечания всегда корректны и в большинстве своём справедливы. У неё нет желания навязать свою точку зрения». И поэтому «школа Нины Степановны — это не выстроенная по ранжиру рота, в единой форме и стриженная под машинку»⁴².

Никто из учеников не забудет постоянно проявлявшегося ею участия. Она регулярно интересовалась личными делами своих подопечных, не исключая и бытовых обстоятельств, старалась всячески их поддерживать и по возможности помогать. Все помнят её гостеприимство и как в её доме угощали и расспрашивали о новостях, свершениях и бедах. «Доктор исторических наук Владимир Владимирович Дегоев, — вспоминала Страхова, — как-то сказал обо всех нас, учениках Нины Степановны, что “мы — дети одной матери”. Это действительно так: Нина Степановна была второй мамой всем своим ученикам, очень внимательной, очень доброй, очень заботливой и вместе с тем справедливой и требовательной, когда дело касалось наших научных трудов»⁴³.

Киняпина всегда вступалась за своих учеников, выступала их ходатаем перед руководством кафедры и другими сотрудниками факультета, поддерживая молодых учёных, она не делила их на своих и чужих. Так, о её поддержке при обсуждении его докторской диссертации с благодарностью помнит Ф.А. Петров (ученик П.А. Зайончковского): «Забота Ивана Антоновича [Федосова] и Нины Степановны не о своём ученике, а одном из бесчисленной вереницы студентов, аспирантов и докторантов, прошедших через кафедру за полвека их деятельности, была просто поразительна. Они ведь чуть ли не больше меня волновались за мою защиту»⁴⁴.

Нина Степановна Киняпина до последнего дня интересовалась делами университета и кафедры, радовалась успехам учеников. 11 октября 2003 г. её не стало...

⁴⁰ Интервью с В.В. Дегоевым. Июль 2020 г. (архив автора).

⁴¹ *Страхова Н.П.* Слово об учителе... С. 165.

⁴² Интервью с В.А. Георгиевым.

⁴³ *Страхова Н.П.* Слово об учителе... С. 164.

⁴⁴ *Петров Ф.А.* Династии московской интеллигенции XX в. Петровы и Саваренские. Биографии. Письма. Дневники и воспоминания. М., 2007. С. 495—496.

«Потерянный» источник: Титулярник 1577 г.

Андрей Беляков

The «Lost» source: Titular book of 1577

Andrey Belyakov

(*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow*)

DOI: 10.31857/S086956870012939-3

В последнее время вырос интерес исследователей к истории международных контактов Московского государства XVI в. Появляются работы, раскрывающие историю архивации дипломатической документации, вводятся в оборот сведения о лицах, участвовавших в посольских посылках, публикуются источники. Одним из самых неожиданных и во многом сенсационным открытием последних лет стало обнаружение документа, получившего в XVIII в. название «Книга, названная ТИТУЛЯРНИК, содержащая краткую выпись о титулах, писанных как к российским великим князьям государям Иоанну Васильевичу, Василью Иоановичу и царю Иоану Васильевичу в грамотах от разных европейских и азиатских государей и владельцев, и от вселенских греческих патриархов, так равномерно с российской стороны к европейским и азиатским государям и владельцам, а именно при взаимной переписке»¹.

Источник датируется по двум признакам. Последние зафиксированные в книге дипломатические ссылки относятся к 1577 г. — книга не могла быть составлена ранее этой даты. Ю.М. Эскин определил одну из филигранных как встречающуюся с 1610 по 1619 г.² Однако атрибуция филигранны «Кувшинчик» рубежа XVI—XVII вв. сложна, следует учитывать и фактор «завалывшейся» бумаги. Можно высказать две версии происхождения рукописи. Она могла быть составлена в 1577 или в начале 1578 г. В этом случае перед нами след реформы делопроизводства и документооборота в Посольском приказе 1570-х гг., другими проявлениями которой служат создание около того же времени двух описей царского архива³, а также выписки из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547—1572 гг.⁴ Книга может также являться списком с ветхого оригинала 1577 г., сделанным вскоре после освобождения Москвы от поляков в 1612 г. Актуальность подобного справочника для того время безусловна: следовало во многом с нуля возродить деятельность Посольского приказа. В первую очередь это касалось подготовки профессиональных кадров служащих внешнеполитического ведомства. Штат подьячих Посольского приказа всегда отличался стабильностью. Для выпол-

© 2020 г. А.В. Беляков

¹ РГАДА, ф. 166, оп. 1, кн. 14.

² Эскин Ю.М. Титулярник — тексты и иллюстрации // Царский титулярник. Т. 2. М., 2007.

³ Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960; Шмидт С.О., Балакаева И.А. Опись государственного архива конца XVI в. // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 346—348.

⁴ «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547—1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Вып. 2. М.; Варшава, 1997.

нения возложенных на них задач требовались не только грамотность и опыт приказной работы, но и определённые познания в специфике дипломатической деятельности. События Смутного времени стали испытанием для приказа. В первые годы царствования Михаила Романова фиксировалась значительная текучесть кадров. Относительная стабилизация наступила только после 1616 г. При этом значительный стаж дипломатической службы из 16 подьячих имели только двое — Иван Зиновьев и Иван Фёдоров-Каша, служившие в приказе с 1594 г.⁵

Отмечу, что рассматриваемый источник не мог быть впервые составлен после Смуты. На это указывает верхняя хронологическая граница грамот — 1577 г. Если бы в приказе составители решили ограничиться исключительно правлением Ивана IV, то они бы довели справочник до 1584 г. Важно указать, что в конце рукописи помещён текст: «Венчание царя Иоанна Васильевича на царство Московское, вкратце изображенное». Если перед нами список с более раннего источника, то возникает вопрос: имелся ли этот раздел в первоначальной книге? Если нет, и данный текст внёс переписчик, то выпись о венчании наиболее актуальна была до венчания на царство царя Михаила Фёдоровича (11 июля 1613 г.). Против датировки 1610—1619 гг. выступает и тот факт, что в данном источнике отсутствуют чины венчания на царство Фёдора Ивановича, Бориса Годунова, Василия Шуйского. Две версии о дате создания рукописи выглядят равновесными; более аргументированной, однако, представляется датировка 1577 или же 1578 г.

Рассмотрим содержание источника. При составлении в рукописи в хронологическом порядке поместили начала (титулы) и окончания грамот (интитуляции и инскрипции) от московских государей к иностранным правителям и от зарубежных монархов к русским великим князьям и царям. Государи, с которыми велась переписка, приведены в следующем порядке: римские цесари (императоры Священной Римской империи и эрцгерцоги), турецкие султаны, крымские ханы, калги (официальные наследники престола) и отдельные князья, самаркандские, кизылбашские (персидские), сибирские, шамаханские, ургенчские цари, шевкальский (шахмальский) князь, ташкентский царь, ногайские князья (бии) и мирзы, Темрюковы дети (кабардинские князья), тюменский князь, «литовские короли» (затем короли Речи Посполитой), шведские, датские, английские короли, король Ливонии Магнус, вселенские патриархи. В завершении приводится чин венчания 16 января 1547 г. Ивана Васильевича на царство.

Возникает вопрос: является ли подобная компоновка материалов случайной? По моему мнению, в рукописи можно проследить два или три этапа изменения её концепции. Изначально составитель сделал упор на документы, в которых признавался царский титул. Поэтому книга начинается с выписей из дипломатической переписки с римскими цесарями и турецкими султанами. Составителей интересовали исключительно приводимые в грамотах титулы адресатов и отправителей, а точнее — факт признания контрагентом царского титула московских государей. По этой причине контакты с Империей фиксируются с 1488 г., а с турецкими султанами с 1512 г.

Несколько позднее по такому же принципу было решено дополнить получившийся справочник выписками из дипломатической переписки с правителями иных государств. Прослеживается только один критерий отбора — наличие

⁵ *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 131—140, 344—346.

относительно активных контактов на момент составления книги с тем или иным государством. По этой причине здесь отсутствуют выписки из переписки с римскими папами или французскими королями, казанскими и астраханскими ханами и рядом иных дипломатических контрагентов московских государей. Строго разработанных правил для составления справочника не существовало, как не было и единого составителя. В книге встречается несколько почерков. Рука конкретного писца точно соответствует тому или иному разделу сборника, посвящённому контактам с определённой страной (странами). У каждого подьячего, работавшего с документами по тому или иному направлению, прослеживаются свои подходы к выборке документов и цитат из них. Такая организация труда привела к ситуации, когда в ряде случаев помимо официальных начал и завершений грамот мы имеем примеры приведения текстов шертей и даже хода приёма посольств в царском (великокняжеском) дворце. Однако после разделов, посвящённых Империи и Турции, все последующие главы хронологически начинаются не с первых известных дипломатических контактов с тем или иным государством, а ограничиваются исключительно правлением Ивана IV, причём, как правило, только с 1560-х гг. Первоначальное намерение установить все случаи признания царского титула московских государей в сопредельных странах оказалось нарушено. Возможно, этому способствовали два фактора — потеря посольской документации по отдельным странам за некоторые годы и длительные перерывы в дипломатических контактах по ряду направлений. Нельзя не отметить, что проблема архивации посольских документов, а также сохранности посольских книг XVI в. остаётся малоизученной⁶.

Включение в книгу текста чина венчания на царство Ивана Васильевича следует отнести к третьему этапу составления памятника. По-видимому, этот текст оказался здесь случайно, и его добавили в последний момент. Однако его появление ещё больше оттенило первоначальную идею, так хорошо читающуюся в первых двух разделах.

Порядок включения сведений о дипломатических контактах с тем или иным государством, похоже, был случаен и не отображал московских представлений о степени «честности» их правителей. Об этом свидетельствует помещение переписки с патриархами в самый конец. Находит объяснение только компоновка среднеазиатского раздела, в который оказались включены Сибирь, Кавказ и Персия, но осознанно выведены в отдельные разделы Турция и Крым. В краткой описи архива Посольского приказа, датированной публикаторами 1594 г., видна похожая компоновка дел: «С кызылбашским, и с шемахейским, и з бухарским, и с самарханским делом, и с юргенчским, и с тюменскими, с визюрским, и с сибирским, и с казацким, и с туркосанским, и с ташкенским, и с крымшевкаловым, и з барколским делом ящики 1, 43»⁷. В описи Посольского приказа 1614 г. ситуация несколько изменилась: «В свяске тетрати Шемахейские, и Сибирские, и Казацкие Орды, старые, розных

⁶ *Мошкова Л.В.* Русские посольские книги: начало формирования // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга, 2017. С. 232—250; *Моисеев М.В.* Переписка России с Ногайской Ордой в правление Ивана Грозного: документооборот и архивация последней // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. № 10. С. 75—83; *Бачинский А.А., Ерусалимский К.Ю., Коченовская Н.А., Моисеев М.В.* Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования // Российская история. 2018. № 2. С. 111—129.

⁷ *Шмидт С.О., Балакаева И.А.* Опись государственного архива... С. 346—348.

годов; а положены с нагайскими, да с казанскими, да с астраханскими книгами вместе»⁸. Отмечено и отдельное несистематизированное собрание столбцов преимущественно более позднего происхождения⁹. Однако упомянут и ящик № 3 из числа тех, что «из задние полаты пересматриваны дела в ящиках», всё с теми же среднеазиатскими документами середины — второй половины XVI в. (правда, разбавленные более поздними литовскими и шведскими делами)¹⁰. Получается, что в 1577 и 1594 гг. система хранения «среднеазиатских» дел была идентична. В эпоху Смуты она нарушилась, что, возможно, произошло как чисто механически, так и по причине того, что такие различные дипломатические направления могли достаться в ведение одному подьячему (подобные явления в приказе отмечаются во второй половине XVII в.)¹¹.

Говоря о сибирских известиях, следует отметить, что составитель посчитал «неинтересными» сведения о более ранних русско-сибирских контактах. Речь идёт о посольствах Тайбугида князя Едигера бин Касима¹² и Шебанида царя Муртазы¹³. Составитель этого раздела постарался облегчить свою задачу путём объединения посланий со схожим оформлением: «А к бухарским царем писано в грамотех от царя и великого князя в начале и в свершенье все государския титла потому ж, слово в слово, писано к самарханскому царю»¹⁴. По счастливой случайности списки бухарских грамот XVI в., единственные из всех многочисленных документов по связям со Средней Азией, сохранились¹⁵. Русско-ногайская дипломатическая переписка также имеет хорошую сохранность. Протокол грамот здесь был неустоявшимся и содержал большое количество вариаций. Составитель этого раздела ограничился приведением двух форм начала посланий к ногайским биям. О второй сказано: «А иногда писано к Тинехмату»¹⁶ и приводится нечасто встречаемая форма обращения, выбранная, видимо, благодаря своей исключительности.

В ряде случаев Титулярник содержит уникальные свидетельства. В нём имеются данные о русско-крымских дипломатических контактах с 1549 по 1562 г. Крымские посольские книги за данный период утрачены. Ранее о контактах с Бахчисараем за те годы можно было судить исключительно по сообщениям Никоновской летописи¹⁷. Имеются в Титулярнике неизвестные ранее памятники переписки с польским королём Генрихом Валуа, Филиппом английским, патриархами. Наиболее значимой следует признать информацию о диплома-

⁸ Описи Царского архива XVI века... С. 107.

⁹ Там же. С. 131—136.

¹⁰ Там же. С. 96—97.

¹¹ *Гуськов А.Г.* Новые данные о структуре Посольского приказа во второй половине XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X международной научной конференции (9—13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 66—68.

¹² ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 248, 276, 285, 313, 370.

¹³ Описи Царского архива XVI века... С. 97.

¹⁴ РГАДА, ф. 166, оп. 1, кн. 14, л. 76 об.

¹⁵ *Моисеев М.В., Бачинский А.А.* Незамеченное послание бухарского хана Абдул-Азица царю Ивану Васильевичу (к ранней истории русско-бухарских отношений) // *Stratum plus.* Археология и культурная антропология. 2017. № 6. С. 63—71.

¹⁶ РГАДА, ф. 166, оп. 1, кн. 14, л. 92 об.

¹⁷ *Виноградов А.В.* Сведения о дипломатических связях Русского государства и Крымского ханства в титулярнике 1488—1577 г. // Комплексный подход в изучении Древней Руси... С. 49—51.

тических связях с Сибирью¹⁸, Средней Азией и Кавказом¹⁹, о которых прежде почти ничего не было известно.

Остаётся много вопросов о том, как осуществлялась выборка документов для их размещения в Титулярнике. Использовались ли для этого по преимуществу подлинные грамоты или посольские книги? Сравнение сведений Титулярника с данными посольских книг позволяет поставить вопрос о том, по каким причинам сведения последних оказались неполными. Здесь содержатся послания Александрийского патриарха Селиверста²⁰ и монахов Зографского монастыря св. Георгия на Афоне²¹, отсутствующие в греческих посольских книгах²². В греческих же грамотах помещена запись рассказа синайских старцев Иосафа и Малахии об испытании Александрийского патриарха Иоакима смертоносным зельем²³. Для нас этот документ интересен в двух аспектах. Во-первых, он указывает на то, что отдельные составители Титулярника могли по собственной инициативе отходить от первоначального плана и включать не только интитуляции и инскрипции грамот, но и просто показавшиеся им замечательными по тем или иным причинам тексты. Во-вторых, следует указать на то, что данный текст несколько отличается от записи в греческой посольской книге²⁴, что ставит логичный вопрос об источнике информации посольского подьячего. Несколько иная ситуация с посланием от царгородского патриарха Иосафа²⁵. Здесь переписчик приводит большую часть текста грамоты, произвольно обрывает его, пропускает несколько строк и вновь воспроизводит текст послания, не доведя его, однако, до конца²⁶. Является ли это технической ошибкой или же преднамеренным шагом, неизвестно. Присутствует значительное количество ошибок при пересчёте года по летоисчислению от Рождества Христова. Подобные наблюдения позволяют сделать вывод о разной степени подготовленности лиц, задействованных в создании справочника.

В ряде случаев важны и «умолчания» Титулярника. В нём отсутствуют какие-либо свидетельства о дипломатических контактах между Россией и Казахской Ордой. Это ставит под вопрос утверждение о том, что захваченный в 1573 г. в Сибири племянником хана Кучума царевичем Мухаммед-Кулом русский посланник Третьяк Чабуков возвращался из Казахской Орды²⁷. Показательно отсутствие образцов переписки с многочисленными татарскими царями и царевичами на русской службе. Этому не удостоился даже Симеон Бекбулатович, родной племянник царицы Марии Темрюковны и недавний великий князь всея Руси. Исключение сделано только для ливонского короля Магнуса. Видимо,

¹⁸ *Беляков А.В.* Сибирские шерты XVI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 1: История. С. 125—131.

¹⁹ *Моисеев М.В.* Новые данные по истории взаимоотношений Московского государства и кавказских политических образований во времена Ивана Грозного // Комплексный подход в изучении Древней Руси... С. 136—137; *Моисеев М.В.* Дипломатические контакты с ханствами Средней Азии при Иване Грозном // Коммуникативная культура: история и современность. Материалы IX международной научно-практической конференции, 1 ноября 2019. Новосибирск, 2019. С. 217—222.

²⁰ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 165—166.

²¹ Там же, л. 162 об.—165.

²² Россия и греческий мир в XVI веке. Т. I. М., 2004.

²³ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 167—168.

²⁴ Россия и греческий мир... Т. I. С. 239—240.

²⁵ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 148—148 об.

²⁶ Россия и греческий мир... Т. I. С. 255.

²⁷ *Лебедев В.* Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. 1936. № 5(78). С. 187.

служилые Чингисиды — потомки ордынских царей — не рассматривались в Москве как политические контрагенты. На это указывают и образцы переписки с касимовским царём Шах-Али, сохранившиеся в ногайских посольских книгах²⁸. Проигнорировали составители и примеры так называемой женской дипломатии, когда вторая супруга Ивана Грозного царица Мария Темрюковна получала послания от своих родственниц из-за границы²⁹.

Анализируя сведения крымских посольских книг, М.В. Моисеев обнаружил интересный пример того, как в Посольском приказе XVI в., соблюдая в дипломатических посланиях все формальные признаки вежливости, могли при необходимости унижить адресата. После сожжения Москвы в 1571 г. войсками крымского хана Девлет-Гирея послания в Крым скреплялись черновосковой печатью, хотя полагалось красновосковой «кормленной»³⁰. Подтверждает эту информацию и Титулярник: «А после царева приходу к Москве с Севрюком с Клавшовым по государеву приказу ко царю, и ко царевичем, и ко царицам, и к мурзам печать была меньшая, на черном воску»³¹. Это ставило Девлет-Гирея в ряд с ногайскими мирзами («А к Урису мурзе и ко всем нагайским мурзам в началех грамоты писаны по тому ж в кратце, без государевых титулов. А печати у грамот рядовые, на чорном воску, без кустодеи») и крымской знатью («А ко князем и мурзам, и к уланом ко всем печать меньшая на черном воску, а подпись ко всем под печатью») ³².

Источник содержит ряд загадок. Формуляры посольских грамот рано начали унифицироваться. Тем заметнее оказываются особенности некоторых посланий. В феврале 1556 г. в ответ на посольство от английской королевы Марии Стюарт и её супруга Филиппа II, призванное сообщить об их восшествии на престол после смерти Эдуарда VI, из Москвы отправили ответное послание. Местами его стилистика разительно отличалась от утвердившихся норм: «Чеснейшему и высокославнейшему от милосерднаго Бога устроенному, превознесенному честию яко рогу инрога и закона своего, яко солнечных луч осиятелю, гамаюна, подражателю сирина песни в сладости словес, предобрейшему, также и земли своей оберегателю, адаманта стен крепчайшему, ведомья чести главе, всегда прибавителю царствия своего, государю приморскому, Филиппу, королю Аглинскому»³⁴. Схожие обороты встречаются в грамоте от самаркандского султана Саида бин Абу-Саида к Ивану IV: «Как солнце осияет светом вселенную, также и ты по странам славишься добронравым и справедливым, аки месяц во звездах, именуется в государех, и землями обладатель еси благотворных в частливых государех над величайшими превознесен еси, как звезда на небе»; «И подобен еси гамаюну: толкуется царь царем еси иже веселит и безпечалну быти»; «а в государех как солнце светел еси»³⁵. Однако самаркандская грамота была получена в Москве только в 1566/67 г. Возможно, это

²⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). Казань, 2006. С. 152—153.

²⁹ Моисеев М.В., Ерусалимский К.Ю. Женские голоса в дипломатической переписке Ивана Грозного // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2017. № 25. С. 120—141.

³⁰ Моисеев М.В. Исторические примеры посланий Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 285; РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 69.

³¹ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 69 об.

³² Там же, л. 93—93 об.

³³ Там же, л. 69 об.

³⁴ Там же, л. 138 об.—139.

³⁵ Там же, л. 71—75.

является косвенным указанием на существование более ранней грамоты, стилистически сходной с посланием из Самарканда. Столь необычное обращение к европейскому государю было вызвано титулом адресатов: «Филип и Мария, из воли милости Господа Бога всемогущего, король и королева Аглинские, Францыйский, Неаполитанский, Ерусалимский, Ирланский, оборонитель святые веры хрестьянские, князь Ишпанский и Сицylinderский, великий князь Аустрейский, князь Бургундский, Медиаламский и Брабанский, крабе Аустурского, Фляндрийский и Тыролийский»³⁶. Для короля Иерусалимского, «восточного» владельца, требовалось пышное обращение, свойственное государям Востока. Поэтому, похоже, для грамоты к Филиппу решили переработать имеющиеся послания от правителей Востока.

Общеизвестно, что в рассматриваемое время как в России, так в Европе и Азии большое внимание уделяли титулатуре. М. Агоштон отмечала, что титул германского императора оказал непосредственное влияние на складывание официальной титулатуры Ивана III³⁷. Титулярник наглядно показывает, что московская сторона оперативно реагировала на все изменения в имперских грамотах. Внесение новых позиций в титул императора тут же вызывало усложнение титула великого князя. Но при этом составители справочника посчитали излишним обратить внимание на упорную борьбу за признание официального титула русских государей польско-литовскими правителями; проигнорированы и подобные споры с Крымом. Говоря о заимствовании русской стороной тех или иных практик оформления грамот на Западе, отмечу, что возникшая во второй половине XVI в. традиция после даты составления документа указывать количество лет, прошедших от начала царствования и присоединения иных государств, похоже, была заимствована у имперского протокола: «Дана в городе нашем стольнем Ульме день 26 месяца декабря в лето нароженья 1488-го, а королевства нашего римского 48-го лета, государства 36-го, угорского истину 29-го»³⁸.

Данный справочник, по-видимому, был высоко востребован в Посольском приказе XVII в. вплоть до 1660-х гг. Он позволял легко навести справку о протоколах грамот и мог выполнять роль своеобразного пособия для подьячих, вновь взятых для работы во внешнеполитическом ведомстве. О рассматриваемом источнике можно говорить как о первом учебнике для подготовки профессиональных дипломатов. Титулярник 1577 г. явно послужил образцом для создания иных справочных материалов, таких как книги «о наместнических титулах, коими повелевалось именоваться послам и иным лицам»³⁹, а также для Титулярника 1670 г.⁴⁰, о котором стоит сказать отдельно.

Титулярник 1670 г. был известен на рубеже XVIII—XIX вв. под № 2. С середины XIX в. он хранится под № 15: «Титулярник, содержащий краткую выписку о титулах, писанных как к российским государям европейских и азиатских государей, так и от них к помянутым владельцам и к разным Российским подданным, с показанием краткого исторического известия о начале каждого государства, о происхождении, родословии, гербах, титулах и времени, с кото-

³⁶ Там же, л. 137.

³⁷ Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 152.

³⁸ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 4.

³⁹ Там же, д. 3—8.

⁴⁰ Там же, д. 15.

рого началась переписка с Россией»⁴¹. Составленный по образцу Титулярника 1577 г., он имеет принципиальные отличия. Изначально он охватывал дипломатические контакты с 1571 по 1659 г. В нём, как и в Титулярнике 1577 г., проигнорировали все свидетельства о дипломатических контактах, ставших неактуальными к последней трети XVII в. Поэтому здесь нет свидетельств о переписке с Сибирским ханством и Казахской Ордой. Этот сборник создавался как постоянно пополняемый, каждая страна составляла особый раздел. При этом между всеми разделами оставлялось большое количество пустых листов для записей о ещё не состоявшихся миссиях. Несколько лет после создания Титулярника эта работа действительно осуществлялась, но позднее была заброшена. Кроме того, в Титулярнике 1670 г., как видно из заглавия, содержалась краткая информация об истории отдельных государств и начале дипломатических контактов с ними.

Не менее интересно, что каждый раздел начинался с высокохудожественно выполненной золотом виньетки в виде трав размером на страницу. Их авторство следует приписать золотописцу Григорию Антонову Благушину, трудившемуся в приказе в 1646—1683 гг.⁴² Выделяется несколько групп изображений, отличающихся друг от друга объёмом золотого узора. Особняком стоит изображение, помещённое в начале турецкого раздела. Страница заполнена практически целиком, а не только по краям полей; в орнамент вплетены три медальона с помещёнными в них надписями. В Титулярнике 1577 г. имеется следующая запись в описании турецких грамот: «А в грамоте к салтану писано наперед Божье имя, а после великого князя имя, а после великого князя имени турского салтана имя, в трех кругах золотом. В первом кругу: Бог наш Троица, иже прежде веке сын и ныне есть Отец и Сын и Святой Дух; в другом кругу: Великий государь Василей, Божиею милостью един правы государь всеа Руси и иным многим землям восточным и северным государь, и великий князь Владимирский, Московский, Ноугородцкий, Псковский, Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных; в третьем кругу: Салим-шаг салтану, государю Костентинопольскому и Боломорскому, и Черноморскому, и Наталейскому, и Кримскому, и Караманскому, и Румскому и иных земель государю, брату и доброму приятелю». Подобное оформление имело место в 1512, 1514/15, 1541/42 гг.⁴³ По-видимому, это была устоявшаяся традиция, зафиксированная ещё С. Герберштейном⁴⁴. М. Агоштон ошибочно восприняла это как факт помещения на грамотах тугры — графического символа высшей власти в ряде мусульманских государств, по предназначению аналогичной тамге и нишану⁴⁵.

Столь пышное оформление русских грамот в Константинополь действительно могло быть реакцией на первоначальное помещение на султанских грамотах к московским государям тугры. Однако последняя включает в себя имя Бога, правителя, а также его титул, но не имя адресата. Хотя при желании три вертикальных знамени и три завитка знаменных хвостов на тугре можно соотносить с тремя медальонами русских грамот. Как минимум со времени Михаила Фёдоровича тугра имелась и у московских царей. При этом на них устойчиво

⁴¹ Там же.

⁴² *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017. С. 166—176.

⁴³ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 40 об., 44—45, 51.

⁴⁴ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 75.

⁴⁵ *Агоштон М.* Великокняжеская печать... С. 163—164.

помещалось пять вертикальных знамён и завитков⁴⁶. Также следует указать на то, что тугра московского государя помещена в Титулярнике 1670 г. только перед разделом, посвящённом Крыму: видимо, она ставилась на грамоты к крымским ханам.

Вероятно, художественное оформление грамот к иным государям, приведённое в Титулярнике 1670 г., можно с высокой степенью уверенности отнести и к значительно более раннему периоду. Беглый подъячий Посольского приказа Григорий Котошихин различал несколько типов оформления грамот золотом: 1) «травы золотом пишутца большие»; 2) «травы золотом пишут средние»; 3) «травы золотом наверху, над писмом, а по сторонам не бывает»; 4) «трав не пишут никаких, толко начальное слово золотом». Особняком стоит описание оформления грамот к турецкому султану: «К турецкому салтану пишется большою титлою не всею, толко по “повелителя”; а его титлу пишет против того, как он сам пишетца, на большой александрийской бумаге. Травы пишутся сверху до половины листа, и по краям болшие до низу, и внизу травы ж, а вверху среди трав в трех кругах царская и турецкого салтана титлы пишутца золотом все; а дело пишетца с половины листа»⁴⁷. Такая осведомленность Котошихина наталкивает на мысль о том, что до 1670 г. в Посольском приказе существовали некие образцы оформления золотом грамот. Возможно, они хранились в книжной форме.

По-видимому, возникновение основных принципов художественного оформления грамот к иным государям, приведённых в Титулярнике 1670 г., можно отнести к более раннему периоду. Поэтому в приказе должны были храниться некие утверждённые образцы. Помещение золотописных заставок / рамок в Титулярнике № 2 не связано с ростом числа золотописцев в приказе — это произошло позднее. 13 февраля 1661 г. в приказ был взят «для научения Григорием Благушиным шведский полоняник новокрещен Федор Лопов». В 1665/66 г. в золотописцы приняли также Матретья Андреева⁴⁸. В 1659 г., похоже, два вида справочников (Титулярник 1577 г. и образцы оформления грамот) решили объединить. Перед нами выстраивается картина подготовки почвы для создания знаменитого большого Титулярника 1672 г. («Книга, а в ней собрание, откуда произыде корень великих государей царей и великих князей российских, и как в прошлых годах великие государи цари и великие князи российские... писались в грамотах ко окрестным великим государем»). Это могло произойти только в результате постепенного создания в Посольском приказе ряда справочников, необходимых для быстрого поиска информации в повседневной работе и обучения премудростям дипломатического делопроизводства вновь поступающих в приказ подъячих. Картина возникновения подобных книг реконструируется так: Титулярник 1577 г. — «книги о наместнических титулах»⁴⁹ и предполагаемый справочник золотописцев для художественного оформления грамот — Титулярник 1670 г. — Титулярник 1672 г. Последний стал некоторым отклонением в сторону парадного издания, имевшего и утилитарные задачи, но всё же мало приспособленного для повседневной приказной работы.

⁴⁶ Фаизов С. Тугра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерг-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. М.; Бахчисарай, 2002.

⁴⁷ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 36—38.

⁴⁸ Беляков А.В. Служащие Посольского приказа... С. 168.

⁴⁹ Сохранилось несколько подобных «книг» второй половины XVII в. В их структуре и оформлении прослеживается поиск наиболее удобной для работы формы (РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 3, 4, 9).

Для этих целей в приказе начала XVIII в. создавались свои Титулярники, несколько отличные от устоявшихся норм XVI—XVII вв. Они, в частности, демонстрируют игнорирование интереса к истории бытования титулов; важнее было их применение в текущий момент. Однако и Титулярник 1577 г. не был забыт. В начале XVIII в. его отреставрировали — он получил нынешний кожаный переплет. О времени работ можно судить по вводным листам рукописи, бумага для которых, по-видимому, была изготовлена в 1701—1704 гг.

Впервые Титулярник 1577 г. упоминается на страницах исследований в середине XVIII в. В 1766 г. статский советник профессор Иоган Каспар Тауберт обратился к начальнику Главного Московского архива иностранных дел Г.Ф. Миллеру с вопросами: «1) кто из великих князей начал писаться осподарем всея России и в котором году; 2) великий князь Василий Иванович писался ли царем в публичных документах и с которого года?»⁵⁰. Ответить на запрос было поручено Н.Н. Бантышу-Каменскому. Сведения об этом записаны в книгу входящих и исходящих бумаг архива за 1766 г. на страницах 232 и 305. В результате этого в архиве появилось дело: «О том с которого времени в титулах русских государей начинают употребляться слова осподарь и царь. Сочинение Бантыш-Каменского». Оно состоит из краткого ответа на запрос и более обширных черновых выписок. Отсылка к Титулярнику даётся в связи с информацией о грамоте, адресованной к императору Священной Римской империи 1514 г.⁵¹ С этого момента источник получил своё название, закрепившееся за ним в дальнейшем. Впрочем, слово «титулярник» устойчиво вошло в русский дипломатический обиход несколько ранее: так с 1700 г. назывались подборки интитуляций и инскрипций дипломатических посланий Петра I⁵².

В задачу Бантыша-Каменского не входил подробный анализ источника. Но, работая над запросом Тауберга, он сделал наблюдения, которые позволяют нам говорить о том, что далеко не все составители Титулярника 1577 г. качественно подошли к возложенной на них работе. Архивист обнаружил несколько ранних примеров использования царского титула великими князьями московскими: 1) «1484/6992 года в Кафу к жидовину Захарье Скарье⁵³ грамоте с золотою печатью первым находится титул следующего содержания — Божию милостию великий осподарь Руские земли великий князь Иван Васильевич царь всея Руси»; 2) с царским титулом писались грамоты к магистру Ливонии, бургомистрам городов Любека, Нарвы и Ревеля (Таллин) и «к которым жившим в Крыму и Кафе князьям»; 3) в 1487/88 г. в грамоте к польскому и в 1519 г. к датскому королям⁵⁴. Эти факты частично подтверждаются архивными документами. В переписке с Данией царский титул упоминается ещё в XV в., а вот в переписке с Польско-Литовским государством он не встречается⁵⁵.

Возможно, в 1766 г. документ получил № 1. Доказательством тому служит бумажная бирка с таким номером, присутствующая на переплёте. Дав

⁵⁰ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁵¹ Там же, л. 3.

⁵² Там же, д. 18—23.

⁵³ Правитель Кафы и Тамани Захарий Скарье (Гуил Гурсис).

⁵⁴ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 2, л. 2—11 об.

⁵⁵ Лобин А.Н. Послания Василия III великому магистру Альбрехту 1515 г. из собрания исторического Кенигсбергского секретного архива // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1(11). С. 141—152; Сборник Русского исторического общества. Т. 41. С. 41; Т. 35; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГид). Ч. V. М., 1894. № 100; Аеоитон М. Великокняжеская печать... С. 146—167.

источнику название, Бантыш-Каменский не смог по достоинству его оценить. На это указывает тот факт, что в 1803 г. в «Историческом показании о Российско-императорском титуле» исследователь не пользовался сведениями Титулярника 1577 г., предпочитая обращаться к посольским книгам и подлинным грамотам на латинском языке. В последних Бантыш-Каменский обнаружил ещё два примера ранних упоминаний императорского титула по отношению к московскому государю, проигнорированные создателями рассматриваемого нами источника. Это послания прусского князя Альберта от 10 мая 1507 г. и шведского короля от 1561 г.⁵⁶

В историю документ вошёл как Титулярник № 3. Порядковый номер он поменял не позднее рубежа XVIII—XIX вв., попав в поле зрения А.Ф. Малиновского. Интересуясь историей Востока, он не мог пройти мимо таких сюжетов, как переписка Ивана IV с сибирским ханом Кучумом и самаркандским царём. Эти документы в выдержках он предоставил Н.М. Карамзину, поместившему их в приложение к «Истории государства Российского»⁵⁷. Очевидно, историограф не работал с самим Титулярником, поскольку не использовал иные уникальные свидетельства этого источника. Имеется ещё одно совпадение. В портфелях Малиновского содержатся многочисленные выписки из Титулярника, но отсутствуют копии документов по контактам с Сибирью⁵⁸. Переписку с Кучумом Малиновский опубликовал в Собраниях государственных грамот и договоров⁵⁹, редактором которых он являлся с 1814 г. Там же он разместил ещё один источник из Титулярника — текст краткого чина венчания на царство Ивана Васильевича⁶⁰.

Почему археограф не опубликовал другие документы из Титулярника, в том числе скопированные и сохранившиеся в его портфелях, остаётся загадкой. Возможно, материалы, собранные в портфелях Малиновского, послужили основой для публикации «Собрания государственных грамот и договоров» или даже специально были составлены в ходе подготовительных работ к изданию этого серийного издания. Однако при окончательном формировании сборника в него вошли далеко не все отобранные ранее документы. В портфелях Малиновского оказались сконцентрированы по разным причинам «отбракованные» источники. Принятые же к публикации документы покинули это собрание, причём дополнительных копий с них не делали. Таким образом, данную коллекцию исторических свидетельств нельзя рассматривать как личное собрание — это явно часть более масштабного проекта. Причина отказа от публикации подавляющего числа внешнеполитических документов из Титулярника

⁵⁶ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 1, л. 6—6 об.

⁵⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. III. М., 1988. Примечания к Т. IX. № 257, 258.

⁵⁸ РГАДА, ф. 197, оп. 1.

⁵⁹ СГГид. Ч. II. М., 1819. № 45. С. 63—65. О проблеме шерти Кучума и дипломатической переписке Сибирского ханства в современном сибиреведении см: Слугина В.А. Делопроизводственные источники в Сибирских летописях: вопросы датировки шертоприводной записи Ермака // Вестник Кlio: Сборник научных трудов Новосибирского государственного университета. Вып. 4. Новосибирск, 2014. С. 39—43; Зув А.С., Слугина В.А. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // Российская история. 2015. № 3. С. 30—44; Конев А.Ю. «Ясаку с них имати не велели...». Грамота царя Бориса Годунова из фондов Государственного архива Тюменской области // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1: История. С. 41—46; Беляков А.В. Сибирские шерты XVI века. С. 125—131.

⁶⁰ СГГид. Ч. II. № 33. С. 41—43.

кажется очевидной. На рубеже XVIII—XIX вв. российская историческая наука лишь начинала публиковать источники по истории Московского государства. В то время в архивохранилищах имелось огромное количество целых документов, в том числе в подлинниках, чтобы обращать внимание на дефектные (неполные) копии.

В труде Н.М. Карамзина и архивных выписках А.Ф. Малиновского этот источник устойчиво фигурирует как Титулярник № 3. Однако в конце XIX в. В.А. Ульяницкий его проиндексировал как № 1⁶¹. Это ещё больше запутало ситуацию для последующих исследователей. Дело в том, что в 1849 г. кн. М.А. Оболенский провёл очередную структурную реформу вверенного ему архива. Был создан фонд «Дела и сочинения о титулах», куда и попал Титулярник, но уже под № 14. Лист использования архивных дел показывает, что этот источник неоднократно просматривался исследователями, в том числе и в последние два десятилетия. Но они не находили в нём то, что искали. Их интересовали исключительно полные тексты грамот по тем или иным направлениям. Оценить же его значение для исторической науки они не смогли, ссылки на него в исследовательской литературе отсутствуют. Единственным исключением является его краткий разбор Ю.М. Эскиным⁶².

Титулярник 1577 г. — сложный и многоплановый источник. Он позволяет закрыть определённые лакуны в истории русской дипломатии XVI в., даёт новые возможности для исследования системы архивирования и хранения посольской документации. Содержащиеся в нём сведения важны для изучения становления дипломатического формуляра. История бытования этого источника ставит перед исследователями ещё одну задачу — изучение возникновения, развития и использования специальной справочной и учебной литературы в недрах Посольского приказа. На повестке дня стоит публикация Титулярника, что, безусловно, будет способствовать дальнейшему росту знаний об истории внешней политики Московского царства второй половины XVI в. и целого ряда государственных образований, чьи архивы оказались полностью утерянными.

⁶¹ *Ульяницкий В.А.* Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв. По документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889. Приложения. «Из Титулярника № 1, 6997 (1488), окт. — 7085 (1577) г.». С. 60—61.

⁶² *Эскин Ю.М.* Титулярник — тексты и иллюстрации.

Отдача студентов в солдаты в 1899—1901 гг.

Анатолий Иванов

Students' conscription to the Army (1899—1901)

Anatoliy Ivanov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012940-5

Летом 1899 г. русское общество с негодованием узнало о решимости верховной власти отдавать в солдаты студентов, исключённых из высших учебных заведений за участие в беспорядках. Негодовали и либеральная профессура, и оппозиционная общественность, и революционное подполье, получившее дополнительный импульс для своей пропаганды и борьбы с самодержавием.

Идея использовать военную службу для перевоспитания неблагонадёжных студентов, тесно связанная с представлениями николаевского времени, не раз обсуждалась в правящих кругах империи в 1860—1880-е гг. В 1861 г., после осенних волнений в столичном университете, петербургский генерал-губернатор П.Н. Игнатъев внёс в Государственный совет законопроект, предусматривавший отдачу бунтовщиков в войска. Однако его отклонили, а сам разработчик покинул свой пост¹. В 1880 г. главный начальник Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия гр. М.Т. Лорис-Меликов предложил учредить в отдалённых местностях империи «особые военные команды» для перевоспитания «лиц, подлежащих, вследствие своей политической неблагонадёжности, надзору полиции», включая и студентов. Однако военный министр гр. Д.А. Милютин признал неудобным и небезопасным создание подобных подразделений, бесполезных для армии и лишь способствующих сплочению «людей одинакового превратного образа мыслей». Поэтому 24 декабря 1880 г. император повелел, чтобы высланные в административном порядке под надзор полиции за участие в революционной пропаганде, среди которых имелось немало бывших студентов, несли воинскую повинность исключительно на общих основаниях, по жребию, но при поступлении на службу направлялись в отдалённые округа (наиболее скомпрометированные — в Туркестан) под бдительное наблюдение начальства. Голоса в пользу «ускоренного» отбывания воинской повинности теми, кто исключался из числа учащихся, во избежание их «праздного блуждания», раздавались и в Комиссии, созданной 25 мая 1881 г. под председательством И.Д. Делянова, и в Особых совещаниях и Комитете министров, разрабатывавших меры против беспорядков в высших учебных заведениях в 1882—1884 гг. Но всякий раз это встречало противодействие со стороны руководителей и представителей военного и морского ведомств (в том числе и великих князей)².

© 2020 г. А.Е. Иванов

¹ Орлов В.И. Студенческое движение в Московском университете в XIX столетии. М., 1934. С. 246.

² Георгиевский А.И. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 108—127.

С новой силой эти споры возобновились после волнений, вспыхнувших 8 февраля 1899 г. в Петербургском университете и переросших в Первую все-российскую студенческую забастовку³. 20 марта 1899 г. супруга московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича вел. кн. Елизавета Фёдоровна писала Николаю II: «Не издать ли тебе новые распоряжения, чтобы покончить с этим?... Почему бы не послать тех из них (студентов. — *А.И.*), кто действительно виновен, на военную службу? Год-другой муштры исправит их и научит уму-разуму, тем самым ты *спасёшь их души*, которые иначе погибнут»⁴. Следуя подобным советам, император поручил Комитету министров подготовить соответствующий законопроект и уже 29 июля 1899 г. утвердил «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков»⁵. Их разработка сопровождалась интригами, с одной стороны, министра финансов С.Ю. Витте, а с другой — противостоявших ему главы МВД И.Л. Горемыкина, министра народного просвещения Н.П. Боголепова и обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. 11 января 1901 г. Боголепов санкционировал отдачу в солдаты 210 студентов Киевского и Петербургского университетов, проявивших неповиновение властям. А уже 14 февраля он был тяжело ранен террористом П. Карповичем и 2 марта скончался.

В 1912 г. вдова министра Е.А. Боголепова опубликовала воспоминания о своём супруге, в которых фактически обвинила в его гибели Витте⁶. Мемуаристка утверждала, что, вопреки сложившемуся в обществе убеждению, Боголепов не только не являлся инициатором составления «Временных правил» 29 июля 1899 г., но и вовсе не одобрял их издание, предвидя, что они вызовут «отвращение и ужас». При этом солдатская служба казалась ему уже «далеко не суровой», поскольку времена, когда она отличалась «беспощадной строгостью», давно миновали. Воинскую повинность он не считал более жестоким наказанием, нежели исключение из высшего учебного заведения «без права обратного приёма»⁷.

Подлинным творцом «Временных правил» 29 июля 1899 г. Боголепова называла именно министра финансов, подавшего императору записку «О средствах оздоровления высших учебных заведений», в которой рекомендовалось отправлять исключённых студентов в войска, после чего они получали бы право вернуться в университет и по окончании курса поступить на государственную службу «обычным порядком». По мнению Боголеповой, Витте задумал «погубить мужа», но лишь «когда эту меру пришлось применять, муж стал догадываться, с какой целью инициатор предложил её государю». Министр народного просвещения полагал, что Витте стремился таким образом «загладить вину перед государем за своё крайнее либеральничанье во время бывших студенческих беспорядков». Тогда как «на Николая Павловича, применившего “временные правила”, и считавшегося их вдохновителем, должна была обрушиться зло-

³ Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой—весной 1899 года // *Российская история.* 2012. № 1.

⁴ Великая княгиня Елисавета Фёдоровна и император Николай II. Документы и материалы / Сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб., 2009. С. 457. Выделенные курсивом слова в оригинале подчёркнуты.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1899. № 96. Ст. 1289.

⁶ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. М., 1912 (далее — Записки Е.Б.).

⁷ Там же. С. 266.

ба и ненависть недовольных»⁸. Впоследствии и исследователи, как правило, называли их «боголеповскими»⁹. Со своей стороны, соперники Витте прямо указывали на его причастность к разработке непопулярных правил. Редактор «Нового времени» А.С. Суворин 24 февраля 1900 г. записал в дневнике: «Горемыкин утверждает, по словам Зелёного, что черновой проект закона об отдаче студентов в солдаты был написан рукою Витте»¹⁰.

Знали об этом и другие сановники. Военный министр А.Н. Куропаткин, которому император 20 июля 1899 г. дал «прочсть перед докладом записку или, вернее, проект правил (на случай повторения студенческих беспорядков) об отбывании исключёнными из высших учебных заведений принудительно воинской повинности», сразу же высказался против намеченного решения, указывал «на противоречие этой меры с основанием устава о воинской повинности» и настаивал на том, «что нельзя армию обращать в карательное заведение». Однако Николай II, ссылаясь на «сборник Георгиевского», заявил, что «вопрос уже был предрешён его покойным родителем в 1888 г.». Описывая в дневнике свой спор с императором, Куропаткин (возможно, несколько позднее) оставил помету: «Этот проект правительства составил С.Ю. Витте»¹¹. 22 сентября того же года глава военного ведомства отмечал в дневнике: «Министерство народного просвещения для запугивания на будущее студентов, по почину Витте, проводит временного характера закон о привлечении виновных в беспорядках к немедленному отбыванию воинской повинности»¹².

Сам Витте старался не афишировать свою роль в столь неблагоприятном деле¹³. На явно ехидный вопрос министра земледелия А.С. Ермолова об авторстве «Временных правил», Сергей Юльевич, не смущаясь, ответил: «Не знаю»¹⁴. И действительно, благодаря его бюрократической ловкости, формально правительство несло за одиозный закон коллективную ответственность. 24 июля министры сообща обсуждали его «у царя». «Я снова отстаивал непринятие этой меры или принятие в более мягкой форме, — записал в дневнике Куропаткин. — Мне указали, что другой меры придумать не могут, что надо помочь России, что армия студентов исправит. Я заявил, что применение такой меры, дабы ослабить вредное влияние, нужно сопроводить указаниями, что мера эта временная, что начинается пересмотр средней и высшей школы»¹⁵. Похоже, в военном ведомстве не верили в то, что студентов удастся устрасить солдатской службой.

В итоге, как полагал В.И. Орлов, Витте «убил сразу трёх зайцев: парализовал распространяемые Боголеповым сплетни о сочувствии министра финансов

⁸ Там же. С. 272, 338—339, 341.

⁹ В историографии звучало и другое, столь же неверное, предположение, будто «Временные правила» разработала комиссия генерала П.С. Ванновского, расследовавшая февральские беспорядки 1899 г. в Петербургском университете: *Юхнева П.В.* Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 г. // *Очерки истории Ленинградского университета*. Ч. 1. Л., 1962. С. 129—130.

¹⁰ Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Публ. Н.А. Роскиной, Д. Рейфилда, О.Е. Макаровой. Л.; М., 1999. С. 373. См. также: *Записки Е.Б.* С. 267.

¹¹ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1889, л. 17.

¹² Там же, л. 17 об.

¹³ Характерно, что и в своих мемуарах Витте ни словом не обмолвился о «Временных правилах» 29 июля 1899 г.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1—2; Т. 2 / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова. СПб., 2003.

¹⁴ *Записки Е.Б.* С. 267.

¹⁵ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1889, л. 17 об.

студенческому движению и его «преступном поведении» во время беспорядков, вызвал негодование среди прогрессивных слоёв общества против Боголепова и вооружил против последнего влиятельные при дворе круги»¹⁶. Однако едва ли опытный царедворец решал лишь эти задачи. Будучи чутким придворным флюгером, он предвидел сочувствие Николая II к своей инициативе, «потому что этого желал его отец»¹⁷. Кроме того, у него не было сомнений в том, что массовое студенческое движение представляет реальную угрозу для самодержавия.

«Временные правила» 29 июля 1899 г. были направлены прежде всего против студенческих «учинённых скопом беспорядков». Виновные в них подлежали исключению из высших учебных заведений и призывались к исполнению воинской повинности на срок от года до трёх лет, «хотя бы они имели льготы по семейному положению, либо по образованию, или не достигли возраста, или же не вынули по жребию номер, освобождающий от службы в войсках». Решение об этом принималось Особым совещанием из местных представителей учебного, военного, полицейского и судебного ведомств, которое учреждалось в случае необходимости при том или ином университете или институте. Допускалось также (ст. 9—10) сокращение срока службы за хорошее поведение и «ревностное исполнение служебного долга». Отслужившим предоставлялось право вновь попытаться получить высшее образование¹⁸.

Издав «Временные правила», власть не спешила их применять на практике. Лишь 28 марта 1900 г. император повелел опубликовать одобренное им ещё 1 марта «Положение о порядке передачи в распоряжение военного начальства воспитанников, уволенных из высших учебных заведений на основании высочайше утверждённых 29 июля 1899 г. правил»¹⁹. В нём предписывалось, чтобы в каждой роте или эскадроне служило не более одного или, в «крайнем случае», двух бывших студентов. Особо оговаривалось (ст. 11), что «зачисленные в войска воспитанники не могут быть назначаемы на следующие должности: полковых и батальонных писарей, хорных музыкантов, барабанщиков, трубачей, хлебопёков, кашеваров, в число безоружных и обозных и на другие подобные этим должности нестроевого характера»²⁰.

Впрочем, угроза солдатчиной не запугала учащуюся молодёжь. По свидетельству студента-москвича А. Титова, она «на деле явилась логически неизбежным стимулом протеста»²¹. Затишье, наступившее в университетах и институтах осенью 1899 г., оказалось кратковременным и обманчивым. Напряжение не ослабевало там ни на минуту, накапливаясь в землячествах, обществах вспомоществования недостаточным студентам и политических кружках. Всё шире распространялись антиправительственные воззвания к студенчеству, в различных местах всё чаще фиксировались то мелкие, то существенные нарушения. Так, 12 октября 1899 г. в МВД поступила информация о намерении студентов Харьковского университета учинить товарищеский суд над А. Шестолом, выразившим на страницах монархической газеты «Южный край» порицание зачинщикам намечавшейся забастовки²².

¹⁶ Орлов В.И. Указ. соч. С. 274.

¹⁷ Там же. С. 266—267.

¹⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1899. № 96. Ст. 1289.

¹⁹ В Собрании узаконений и распоряжений правительства оно появилось только 2 июня 1900 г. (№ 1302).

²⁰ ПСЗ-III. Т. 20. Отд. I. СПб., 1902. № 18214. С. 163.

²¹ Титов А.А. Из воспоминаний о студенческом движении 1901 г. М., 1906. С. 6.

²² РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 61, л. 63.

20 декабря 1899 г. Боголепов получил из МВД уведомление о том, что студенты Петербургского университета собирают подписи под адресами, в которых приветствуют уволенных профессоров. К примеру, обращаясь к М.И. Туган-Барановскому, студенты благодарили его «за нравственные поступки» 8 февраля 1899 г. и выражали «уверенность в том, что адресат и впредь будет высоко держать знамя свободы, терпимости и всего того, что так воодушевляет учащуюся молодёжь»²³. 8 февраля 1900 г. на годовичном акте в столичном университете вновь произошли масштабные беспорядки, напомнившие о прошлогодних событиях и заметно поколебавшие служебное положение Боголепова, который к тому времени лишился поддержки Горемыкина, оставившего свой пост²⁴.

Усилия Министерства народного просвещения стабилизировать положение высшей школы и нормализовать учебный процесс не давали результата. Попытка основать при столичных университетах студенческие общежития и собрать в их помещениях наиболее «благонамеренную» часть учащихся, способную дать отпор нарушителям дисциплины, вызвала возмущение из-за своей прозрачной полицейской подоплёки. В Московском университете во время благотворительной лекции, прочитанной профессором юридического факультета Л.А. Камаровским в пользу Общежития им. Николая II, распространялось воззвание, призывавшее студентов её бойкотировать и утверждавшее, будто в новых помещениях смогут проживать только студенты, способные платить за постой по 150 руб. в полугодие и не замеченные в причастности к беспорядкам. Согласно «возванию», там царила «обстановка сыска и беззакония», а «деньги, жертвуемые на общежитие, расходуются на устройство вечеров, танцклассов, тогда как в данный момент несколько сот товарищей подлежат увольнению за невзнос платы» за обучение. В то же время Боголепов опасался, что общежитие может превратиться в гнездо крамолы. Попечителю Московского учебного округа П.А. Некрасову приходилось успокаивать министра, заверяя его, что «агитация» не имеет успеха «вследствие консервативного состава студентов общежития», которые из-за этого даже «пользуются дурной славой у свободомыслящих»²⁵.

Работа научных и культуртрегерских кружков, создававшихся в виде опыта с согласия Боголепова, налаживалась медленно. Только 22 декабря 1901 г., уже при его преемнике генерале П.С. Ванновском, были введены «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения». Однако по данным, собранным министерством в 1904 г., в большинстве университетов подобные «вольные» институты начали складываться лишь с 1903 г. Исключение составлял Харьковский университет, где уже в 1900—1901 гг. легально действовали студенческие кружки «Для занятий по истории русской и западноевропейской литературы», «Для занятия экономическими науками», «Для занятий государственными науками» и «Богословский»²⁶.

21 апреля 1900 г. Боголепов указал попечителям учебных округов на необходимость усилить наблюдение за учащимися и борьбу с «не только противуакадемическим, но и открыто противуправительственным» движением среди

²³ Там же, л. 53—53 об.

²⁴ Орлов В.И. Указ. соч. С. 361.

²⁵ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 5151, л. 1, 120 об.

²⁶ РГИА, ф. 733, оп. 152, д. 150, л. 119—119 об.

них²⁷. Однако с мест ему сообщали, что не везде в этом имела необходимость. Так, попечитель Одесского учебного округа донёс министру, что проведённое им в мае совещание инспекции Новороссийского университета «констатировало отсутствие фактов наличия широкого агитационного движения» в студенческой среде, выявив лишь отдельные случаи такового. Поэтому в Одессе решили было отложить разработку «мер по возможному ограждению мирного течения учебных занятий»²⁸.

Тем не менее Боголепов постоянно жаловался в письмах к брату и в своей «памятной книжке» на то, что «приходится ежегодно выносить студенческие беспорядки, сталкиваться с бесшабашным общественным мнением, которое требует свободы и не гарантирует ничем злоупотреблений ею». Он признавался, что «когда коллеги подставляют ножки, тогда у меня является жажда освободиться от этого несносного министерского бремени и вздохнуть свободно». «Мне кажется, — делился он своим предчувствием, — что ведётся атака, которая должна кончиться моим уходом, потому что ведётся она слишком умелой рукой». Новый министр внутренних дел не вызывал у Боголепова доверия. «Сипягин, — писал Николай Павлович в “памятной книжке”, — уговаривал меня не колебаться, если придётся применять новый закон (“Временные правила” 29 июля 1899 г. — *А.И.*) ко многим лицам. На меня и на него, по его словам, могут нападать высокопоставленные лица и даже наши коллеги. “Я очень люблю, — говорил он, — Сергея Юльевича, но тем не менее опасаясь, что он будет вмешиваться. Нам надо стоять твёрдо и стараться поддерживать эту твёрдость в государе, который до сих пор высказывается в том смысле, что надо действовать твёрдо и не бояться применять новый закон”». Но это отнюдь не развеяло сомнений собеседника. «Я не могу разобраться, — признавался Боголепов, — искренен ли был Сипягин, или это какая-нибудь интрига по соглашению с Вите с целью подставить мне ножку»²⁹.

И всё же момент применения «Временных правил» 29 июля 1899 г. настал. Формально поводом к этому стали привычные уже беспорядки, вспыхнувшие в Киевском университете в ноябре—декабре 1900 г., после того как студенты юридического факультета отказались слушать лекции профессора О.О. Эйхельмана, назначенного вместо популярного профессора кн. Е.Н. Трубецкого³⁰. 11 января 1901 г. Министерство народного просвещения опубликовало «сообщение», в котором констатировалось: в течение полугодия в университете Св. Владимира не прекращались сходки, насчитывавшие от 250 до 700 человек, что «по отношению к общему числу учащихся в университете, превышающему 2 700 человек, составляет незначительное меньшинство, упорно мешающее остальным студентам вести правильные занятия». Тут же приводился текст телеграммы Боголепова, предписывавшей попечителю Киевского учебного округа применить «Временные правила» 29 июля 1899 г. к участникам сходки 7 декабря 1900 г. Созданное для исполнения данного распоряжения Особое совещание заседало с 11 до 31 декабря 1900 г. и постановило отправить в солдаты двух студентов —

²⁷ Там же, оп. 151, д. 61, л. 188 об.

²⁸ Там же, л. 244—244 об.

²⁹ Записки Е.Б. С. 339—340.

³⁰ РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 66, л. 244—244 об. Подробнее см.: *Заславский Д.О.* Предрассветное (Воспоминания об университете Св. Владимира) // Русское прошлое. Исторические сборники. Кн. 4. Пг.; М., 1923.

на три года, пятерых — на два, 385 — на год³¹. Утвердив по согласованию с Д.С. Сипягиным решение Особого совещания, министр народного просвещения сократил до 176 человек число подлежащих отправке в войска на год. Таким образом, солдатчина постигла 183 студентов-киевлян. Прочим же 209, изблещённым лишь в присутствии на сходке, объявлялся выговор, правда, с лишением всех академических льгот, включая различные формы материального вспомоществования³². Ставя свою подпись, Боголепов сетовал в «памятной книжке»: «Тяжёлая это задача не потому, что наказание сурово, но потому, что на мою голову посыплются проклятия всего общества, которое не знает дела и судит по шаблонам»³³.

Особое совещание по применению «Временных правил» 29 июля 1899 г. заработало и при Петербургском университете. Его возглавил попечитель столичного учебного округа Н.Я. Сонин, а членами были назначены военный судья генерал-майор П.Д. Никифоров, прокурор судебной палаты И.К. Максимович, представитель Департамента полиции А.К. Янкулио, профессора А.Х. Гольмстен, Н.Д. Дювернуа, С.Ф. Платонов, барон В.Р. Розен и В.Т. Шевяков (ректор университета и деканы юридического, историко-филологического, восточного и физико-математического факультетов)³⁴. В конце января на сходках было принято решение о забастовке, после чего 26—28 января последовали попытки сорвать занятия, не получившие поддержки у большинства учащихся. Тем не менее Совет счёл нужным отменить годичный акт. А 6 февраля 27 из 37 «обструкционистов», привлечённых к ответу, были отправлены в армию³⁵.

Как вспоминал один из «подсудимых» — Лев Соболев, это был «поистине шемякин суд», на котором свидетелями выступали помощники инспектора, суб-инспекторы и подчинённые им «педели» из отставных солдат, которые дружно не только «уличали» обвиняемых, но и лжесвидетельствовали против них. Председательствовавший академик Сонин признавал, что «здесь судят по впечатлению», и заявлял: «В нашей власти... отдать вас в солдаты, в нашей власти отпустить вас домой». По словам Соболева, «достаточно было иметь бороду и угрюмый вид, дерзко отвечать на заданные вопросы, чтобы получить крайний срок полагавшегося наказания — 3 года солдатской службы». Правда, «некоторым» студентам предлагалось «выразить раскаяние во всём содеянном» и рисовались «заманчивые перспективы возвращения домой». Однако в итоге «оправданы» были всего двое или трое; возможно, именно те, кто «раскалялись». Один «обструкционист», не получив своевременно повестки, явился к Сонину, когда заседания уже закончились, и потребовал, чтобы его судили

³¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1901. № 10.

³² ГА РФ, ф. 124, оп. 9, д. 265.

³³ Записки Е.Б. С. 342.

³⁴ Для профессоров это обернулось моральным отторжением со стороны не только студентов, но и части коллег. Профессор А.С. Фаминцын во всеуслышание заявил, что Сонин не достоин носить звание ординарного академика как организатор расправы над студентами. Шевякову и барону Розену пришлось покинуть свои посты в 1901 г., Гольмстену — в 1903 г. Репутация «консерватора» навсегда закрепилась за Платоновым. Подробнее см.: *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017. С. 492—493.

³⁵ *Ростовцев Е.А.* Столичный университет... С. 492—493; *Л.С. [Соболев Л.]* Воспоминания студента-солдата // Былое. 1906. № 5. С. 166. Среди них оказался и студент, по-видимому, перенесший инсульт и плохо владевший правой рукой и ногой. Он не мог не только держать ружьё, но и одеваться и раздеваться без посторонней помощи (*Л.С.* Указ соч. С. 177).

«одинаково со всеми товарищами», поскольку в «обструкции» он участвовал «совершенно сознательно». Но попечитель ему ответил: «Не собирать же снова ради Вас одного Особого совещания». В результате наказание его миновало³⁶.

Готовились к применению «Временных правил» 29 июля 1899 г. и в других университетах. По указанию министерства ректор Новороссийского университета 19 мая 1899 г. переслал в Петербург данные о студентах, исключённых без права повторного поступления и обязанных явиться в «подлежащие присутствия по воинской повинности»³⁷. Московский попечитель Некрасов подготовил для кандидатов в члены Особого совещания уведомление, в котором сообщалось, что их содействие, «по всей вероятности, в скором времени потребуется ввиду начавшихся среди студентов Московского университета беспорядков». В университетской канцелярии разработали бланки протоколов и постановлений Особого совещания, а также процедуру его заседаний. Некрасов также просил губернского тюремного инспектора оказывать «самое широкое содействие» при проведении «опроса задержанных студентов»³⁸.

Но дальше этих приготовлений дело не пошло. Возмущение интеллигентной общественности удержало верховную власть от дальнейшего применения «Временных правил» 29 июля 1899 г. На военную службу были направлены в общей сложности 210 участников студенческих беспорядков: 5 — на три года, 19 — на два, 186 — на год³⁹.

О том, как складывалась их солдатская «одиссея», можно судить по воспоминаниям Соболева. После допроса членами Особого совещания он провёл несколько дней дома в ожидании своей участи, а 6 февраля был доставлен околоточным надзирателем в полицейскую часть и помещён в «арестантскую» камеру, куда затем начали прибывать и другие «обструкционисты», исключённые из университета. Поначалу в занятых ими двух больших камерах было «шумно и весело», «публика из “общества”», не скупясь, передавала «приношения» — яблоки, конфеты, съестные припасы, происходили свидания с родными. Но «всё это надоедает и утомляет», уступая желанию «выяснить своё положение». Однако для того, чтобы узнать «приговор», а точнее, кто на какой срок отдан в солдаты, пришлось даже прибегнуть к голодовке. 11 февраля решение Особого совещания было оглашено воинским начальником, который «грубо по-солдатски» потребовал полного подчинения под угрозой «действовать силой, с помощью команды, которую он привёл с собой»⁴⁰.

Новобранцев разделили на две группы: четырёх человек, которым предстояло провести на службе три года, поместили в карету и увезли на Царско-сельский вокзал и далее — в Ямбург, большинство же рассадили в «пожарные сани». «Наши сани окружаются плотным кольцом казаков в 3 ряда, — писал Соболев, — гикает казачий офицер, и мы несёмся на Варшавский вокзал по безлюдным, пустынным улицам: их “очистили” к нашему проезду». На вокзале «в две шеренги стоят солдаты; между ними узкий проход, как дорожка», прямо до вагона. Причём «для студентов специально приготовлено 2 вагона

³⁶ Л.С. Указ соч. С. 165—167.

³⁷ Государственный архив Одесской области, ф. 42, оп. 35, д. 357.

³⁸ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 5292, л. 4, 16, 17, 22.

³⁹ Товарищ министра народного просвещения И.В. Мещанинов ошибочно утверждал, что в солдаты попал 231 студент (*Мещанинов И.В. Пётр Семёнович Ванновский, министр народного просвещения. СПб., 1908. С. 10—11.*)

⁴⁰ Л.С. Указ. соч. С. 167—168.

3-го класса», в обоих «отделения у дверей заняты конвоем», усиленным казачьим офицером⁴¹.

В вагоне сразу же появился Куропаткин, выступивший с «маленькой речью»: «Он говорит, что не будет касаться вопроса, за что нас сдали в солдаты, что хочет только познакомить нас, хотя бы бегло, с так называемой воинской дисциплиной» — «“Если вы ударите офицера, — говорит он, — вас расстреляют, если вы сделаете то-то — с вами сделают то-то”, говорит, что наше положение теперь не из завидных и советует вооружиться, во-первых, терпением, а, во-вторых, молиться Богу, чтобы Он помог нам благополучно закончить службу». Получив от бывших студентов обещание не устраивать по дороге демонстраций, Алексей Николаевич приказал «оставить по одному солдату у каждой дверцы и удалить остальной конвой». Одновременно он сообщил, что «распорядился приготовить для вас в Гатчине завтрак». В другом вагоне «Куропаткин сказал товарищам, что в особо экстраординарных случаях он разрешает обращаться письменно к нему как к военному министру»⁴².

Для первоначального обучения солдатскому делу бывших студентов направили во Псков, где распределили по трём полкам (по одному на роту). Соболев попал в полк, «славящийся невежеством офицеров, их башибузукскими замашками, особой военной выправкой и... командиром полка»⁴³. Этот «невежественный бурбон», который, по мнению мемуариста, «едва ли кончил гимназию», через неделю «устроил смотр студентам», заявив: «Вы теперь солдаты. Не думайте, что вы будете пользоваться у меня какими-нибудь льготами. Если вы думаете, что вам по образованию полагаются эти льготы — вы жестоко ошибаетесь. Я считаю вас недоучками. Большинство из вас первокурсники, значит, и речи не может быть об образовании... Да в моём полку и лица с высшим образованием никакими льготами не пользуются. Я буду требовать от вас больше, чем от простого солдата. По-моему — в месяц вы можете сделать то, для чего простому солдату нужен был бы год»⁴⁴.

Заданный полковником тон и стиль тут же подхватило офицерство, «развращённое до мозга костей беспрекословным повиновением». «Мне не раз приходилось быть свидетелем, — вспоминал Соболев, — как “господа офицеры” били по лицу солдат. Сначала меня стеснялись, а потом ничего — привыкли». Бывших студентов не били, но, как считал Соболев, в силу большей чувствительности к оскорблениям они «составили самый подходящий элемент для издевательств»: «С нами можно было обойтись и без рукоприкладства, тем паче, что воинский устав даёт такую широкую возможность глумиться над личностью и оправдывает решительно всё. Стоя на почве этого устава, можно довести человека до сумасшествия или “преступления” (с точки зрения этого же устава). И тогда уже нет пощады»⁴⁵. Неудивительно, что петербургский «обструкционист» Е.К. Проскуряков застрелился в Ямбурге⁴⁶. Другой товарищ Соболева ударил по лицу унтер-офицера и едва не угодил под трибунал и на

⁴¹ Там же. С. 168—169.

⁴² Там же. С. 169.

⁴³ В двух других полках, по словам Соболева, «несколько лучше был состав офицеров», и хотя «случаи грубого издеательства были, правда, и там, но их было гораздо меньше» (Там же. С. 177). А встретившись летом в лагерях «с товарищами-солдатами Киевского университета», Соболев констатировал, что «жилося им, в общем, лучше нашего» (Там же. С. 183).

⁴⁴ Там же. С. 170, 173—174.

⁴⁵ Там же. С. 173.

⁴⁶ Там же. С. 184.

каторгу⁴⁷. Видимо, только нежелание огласки заставило начальство ограничиться недельным «усиленным арестом» виновного.

Угнетала и окружавшая обстановка: «Каждый день в казарме похож один на другой... Скучно и монотонно тянется время. Муштровка, полуголодное существование и тяжёлый, тяжёлый сон, целая масса оскорблений, оскорблений, глубоко и сильно задевающих человеческую личность, и железная дисциплина с драконовскими законами, отнимающими всякую возможность самозащиты — вот серый, убийственный фон казармы»⁴⁸.

Но уже через месяц, после перевода в другой город и полк, Соболев столкнулся с совершенно иным отношением. Конечно, и там «высшее начальство, вроде батальонного командира и командира полка, обращалось с нами до крайности грубо». По мнению мемуариста, тем самым «оно хотело засвидетельствовать свои “верноподданнические чувства”, унижая “крамольников” и издеваясь над ними». Но уже капитан, командовавший ротой, относился к Соболеву «одинаково хорошо, деликатно, мягко и вежливо» и даже «просил заходить к нему, когда будет скучно». Вопреки инструкциям, он привлёк его к канцелярской работе и предложил «обучать грамоте безграмотных солдат», что «было, конечно, совершенно противозаконно». Да и «младшие офицеры роты оказались похожими на ротного командира. Это были ещё совсем юнцы, недавно слезшие со школьной скамьи и почему-то не утратившие ещё человеческого образа и подобия»⁴⁹. Более того, начальник дивизии во время инспекционного смотра приказал полковнику разместить Соболева отдельно от других солдат и заявил: «Господа офицеры! Помните, что это перед вами не солдат, а студент; его прислали сюда не для того, чтобы вы учили его муштровке: он просто отбывает административное наказание. Помните, господа офицеры, что он кончит службу и снова вернётся в университет». После таких слов Соболева звали уже «на чашку чаю», и ему «пришлось в конце концов идти и провести полчаса в офицерском обществе»⁵⁰.

Как бы то ни было, бывшие студенты остро ощущали свою чужеродность в строю. Так, во Пскове, как вспоминал Соболев, «с солдатами-сослуживцами мне мало удалось сойтись. Служба в -ском полку была слишком непродолжительна — всего месяц. Когда нас сдавали в солдаты, то предвидели возможность пропаганды в войсках, а потому предполагали переводить из одного полка в другой, чтобы не дать нам возможность близко познакомиться и сойтись с нижними чинами». Эти опасения были отнюдь не безосновательны. Тот же Соболев, для которого «солдаты — это тёмное, забитое стадо, несущее свой крест с удивительным смирением и покорностью», пытался в Пскове вести с ними беседы о том, «стали бы вы стрелять в народ, если бы вас заставили» и т.д. При этом он внушал им, «что народ борется за лучшую долю и счастье». Впрочем, особого успеха его пропаганда не имела: «Мне отвечали: “Начальство заставило бы, так и стрелять бы стали. Что же сделаешь”. И они, действительно, стреляли в том же году по обуховским рабочим. Мы в это время были уже в других полках»⁵¹.

⁴⁷ Там же. С. 177.

⁴⁸ Там же. С. 172—173.

⁴⁹ Там же. С. 179—180.

⁵⁰ Там же. С. 182.

⁵¹ Там же. С. 175—176.

Отдача студентов в солдаты вызвала общественное сочувствие к ним. Лишь правая пресса (прежде всего «Гражданин» и «Московские ведомости») безоговорочно поддержала действия Боголепова⁵². Одобряла его политику и консервативно настроенная часть профессорско-преподавательского корпуса. Так, приват-доцент римского права Петербургского университета Б.В. Никольский 31 января 1901 г. с удовлетворением писал в дневнике о работе Особого совещания: «Оказывается, теперь действительно заседает солдатская комиссия. Прекрасно. Если бы даром сошло, то это было бы возмутительно. Судя по всему, мы являемся зрителями последних беспорядков. Пора, пора». По его мнению, «это должно быть только началом серьёзных преобразований»⁵³.

Однако подобные голоса тонули в буре протеста против карательной акции министра народного просвещения. Наглым преступлением «обожравшихся властью прохвостов» против свободы личности назвал случившееся М. Горький⁵⁴. А тем временем в январе—апреле 1901 г. страну вновь охватила всероссийская студенческая забастовка, начавшаяся по инициативе Киевского союзного совета. В ней приняли участие около 30 тыс. студентов из 35 учебных заведений. В Петербурге, Харькове и Москве она сопровождалась впечатляющими уличными демонстрациями учащейся молодёжи, к которой впервые присоединились рабочие. В столице у Казанского собора произошло столкновение демонстрантов с полицией и казаками. Были задержаны 760 человек, в том числе 339 студентов, 377 слушательниц высших женских курсов и 44 посторонних⁵⁵.

В марте 1901 г. 99 представителей либеральной общественности направили Николаю II петицию с просьбой отменить «Временные правила» 29 июля 1899 г. В ней говорилось, что «эти правила явились новой угрозой, которая сама по себе не смогла не действовать раздражающим образом на учащуюся молодёжь. Эта молодёжь всегда подчиняется убеждению и чрезвычайно доступна нравственному влиянию лиц, которых она привыкла уважать, но она менее всего расположена склонить голову перед материальной силой. Усиление угроз может вызвать в ней, прежде всего, желание усилить сопротивление»⁵⁶. Ректор Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств В.А. Беклемишев докладывал её вице-президенту гр. И.И. Толстому, что применение такого наказания, как отдача в солдаты, «не достигает цели искоренения беспорядков, происходящих среди студентов, приносит вред»⁵⁷.

Весьма неблагоприятным оказался и международный резонанс, о чём свидетельствовали данные, собранные Департаментом полиции и МВД по донесениям российских дипломатов и материалам зарубежной прессы из Рима, Вены, Праги, Лондона и Парижа⁵⁸. Преподававший в Сорбонне физиолог Л. Лапик, оповестив французское академическое сообщество о судьбе студентов, исклю-

⁵² Гражданин. 1901. № 3; Московские ведомости. 1901. № 53.

⁵³ Никольский Б.В. Дневник. 1896—1918 / Публ. Д.Н. Шилова и Ю.А. Кузьмина. Т. 1. СПб., 2015. С. 469.

⁵⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Т. 28. М., 1954. С. 152.

⁵⁵ Правительственное сообщение // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. № 64. Мещанинов, ссылаясь на данные, опубликованные 16 марта 1901 г. в «Правительственном вестнике» (№ 51), писал про арестованных 1 004 человека, включая 410 студентов и 525 курсисток (Мещанинов И.В. Указ. соч. С. 10—11).

⁵⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 227, д. 1899, л. 18 об.

⁵⁷ РГИА, ф. 789, оп. 12, д. 3-3, л. 30; Сушко В.Т. Студенческое движение в Петербурге на рубеже XIX—XX веков (1899—1904). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. С. 91.

⁵⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 226, д. 3, ч. 125, т. 14—15; оп. 227, д. 1809, л. 18 об.

чённых из Киевского и Петербургского университетов, обратился к коллегам с предложением «изложить в нескольких строках» своё отношение к действиям царских властей. На призыв откликнулись 70 возмущённых профессоров и педагогов из Парижа, Тулузы, Бордо, Ренна, Монпелье, Пуатье, Лилля, Латузы. Среди них были социалисты и консерваторы, атеисты и ревностные христиане. «Киевские сообщения ужасны, — заявлял академик Э. Лавис, полагавший, что “наши двери не должны открываться для жандармов”. — У меня сжимается сердце при мысли об этих молодых людях, жизнь которых разбита, об их семьях, об их учителях... оскорблённых в своём профессиональном достоинстве и чувствах, питаемых ими к их духовным детям — студентам»⁵⁹.

В правительственных сферах «Временные правила» 29 июля 1899 г. также всё чаще вызывали критику. Вскоре после покушения Карповича на Боголепова Комитет министров, обсуждая способы умиротворения студенчества, единодушно констатировал, что «Временные правила» 29 июля 1899 г. лишь возбуждают протестное движение учащейся молодёжи, и их необходимо срочно отменить. Витте поддержал это заключение⁶⁰. Бывший военный министр генерал Ванновский, 24 февраля 1901 г. возглавивший учебное ведомство, по свидетельству его товарища И.В. Мещанинова, «немедленно испросил» у Николая II «разрешения на освобождение всех подпавших под действие этих правил» и приступил к поэтапному сужению их применения⁶¹.

Похоже, что император и сам начал искать «способ наиболее достойной для себя ликвидации неудачной затеи»⁶². В марте он поручил помощнику главного начальника военно-учебных заведений генерал-лейтенанту К.В. Рудановскому и полковнику Г.А. Бобринскому «ознакомиться с ходом дела передачи в распоряжение военного начальства назначенных в войска студентов»⁶³. В представленном отчёте они утверждали, что, согласно приказу Куропаткина, на местах прилагалось «полное старание» к смягчению казарменной жизни студентов-солдат. Несмотря на «тщательный надзор», им якобы по возможности выделялись отдельные комнаты, разрешалось посещать городские библиотеки, получать письма и книги от родных (после просмотра их ротным командиром), совершать под присмотром «учителей из нижних чинов» прогулки за пределами воинской части⁶⁴. Вместе с тем отмечалось, что «строптивая молодёжь... отличается безукоризненной исполнительностью, безропотно переносит свою участь». Более того, проверка будто бы установила, что «большинство молодых людей осознают пагубность своих прошлых ошибок», а некоторые из них желали бы и впредь остаться в строю⁶⁵. Но вряд ли столь идиллическая и даже фантастическая картинка ввела Николая II в заблуждение.

5 июня 1901 г. последовал указ об увольнении от солдатской службы студентов, пользовавшихся до призыва в армию льготами по семейному положению и по состоянию здоровья, «делающими их неспособными к службе в строю».

⁵⁹ Позор русскому правительству. СПб., 1901.

⁶⁰ Записки Е.Б. С. 341.

⁶¹ Мещанинов И.В. Указ. соч. С. 11. Ванновский и ранее настаивал на том, что недопустимо смешивать исполнение воинской повинности «как священной обязанности каждого русского подданного» с исправительными наказаниями.

⁶² Заславский Д.О. Указ. соч. С. 81.

⁶³ РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 65, л. 177 об.

⁶⁴ Там же, л. 178—178 об.

⁶⁵ Там же.

Остальным тогда же несколько сократили срок службы⁶⁶. Но уже в августе по случаю рождения в царской семье четвёртой дочери все они были полностью амнистированы: даже исключённые из университета без права на повторное зачисление были восстановлены в своём студенческом статусе с возвращением всех утраченных льгот, «коиими они пользовались прежде». При этом каждому из них предварительно предлагалось продолжить службу в качестве «вольноопределяющихся». Но всем хотелось поскорее вернуться к учёбе⁶⁷. Правда, для достижения этой заветной цели требовалось дать «честное слово» впредь не нарушать академического порядка. И, как отмечал Мещанинов, «можно указать целый ряд случаев, когда ходатайствующие о принятии вновь в число студентов отказывались дать это слово и, конечно, оставались без удовлетворения их ходатайств». Впрочем, и дававшие слово не всегда выполняли свои обещания⁶⁸. Возвращение к учёбе студентов-солдат протекало под пристальным наблюдением Департамента полиции, где строже всего следили за киевлянами, которых рекомендовалось особенно тщательно отсеивать «во избежание возбуждающего с их стороны влияния на местную молодёжь»⁶⁹.

Даже Победоносцев признал отдачу студентов в солдаты политической ошибкой. «Не всякая мера удобна во всякое время, — назидательно писал он Николаю II 8 апреля 1902 г. — Что можно было сделать в прежние эпохи, то не годится в другую пору — и в применении к движениям толпы (в коих и виновного не всегда возможно распознать) мера эта совсем не годилась, а применение в Киеве к целой массе было великою ошибкой и проведено было без должной твёрдости, с неуверенностью, без должного единства в мнении и действиях разных органов администрации. Вместо затишья последовало усиление волнений, принявших характер эпидемической истерии. Несчастный Боголепов пал жертвою»⁷⁰.

Больше самодержавная власть не отваживалась «перевоспитывать» студентов в солдатской казарме, хотя «Временные правила» 29 июля 1899 г. формально так и не были отменены. Испытание солдатчиной только укрепило в интеллигентной молодёжи протестные чувства. А громкая неудача с отдачей студентов в солдаты явилась одним из самых провальных актов внутренней политики самодержавной власти конца XIX — начала XX в.

⁶⁶ Правительственный вестник. 1901. № 120.

⁶⁷ Л.С. Указ. соч. С. 184.

⁶⁸ Мещанинов И.В. Указ. соч. С. 37.

⁶⁹ РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 290, л. 12—51.

⁷⁰ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. М., 1926. С. 336—337.

Г.М. Иванова. Советская школа в 1950—1960-е годы

История СССР середины XX в. активно изучается и отечественными, и зарубежными исследователями. Количество монографий исчисляется десятками, статей — сотнями, если не тысячами. В них в той или иной степени освещены все стороны жизни общества тех лет: политика, экономика, повседневность, религиозная жизнь, искусство... При этом особый интерес вызывают труды, посвящённые на первый взгляд хорошо известным сюжетам, но раскрывающие их с неожиданных сторон, расширяющие пространство наших знаний, заставляющие задуматься и даже пересмотреть привычные представления.

Такова новая книга авторитетного специалиста, доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института российской истории РАН Г.М. Ивановой — о начальной и средней школе 1950—1960-х гг.¹ Написанная на стыке политической и социальной истории, эта работа привлекает как объёмной источниковой базой, так и широким кругом рассматриваемых проблем. Книга отвечает на многие вопросы, другие — порою неожиданные — ставит, что, без сомнения, признак качественного исследования. Неудивительно, что она привлекает внимание коллег и читающей публики.

В обсуждении монографии приняли участие доктора исторических наук Т.Ю. Красовицкая, Т.М. Смирнова и В.В. Тихонов, кандидаты исторических наук Д.В. Кирилюк и В.Н. Круглов.

Материал подготовлен В.Н. Кругловым

Тамара Красовицкая: Книга о лучшем периоде деятельности школы

Tamara Krasovitskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): A book about the Soviet school's best years

DOI: 10.31857/S086956870012942-7

На мой взгляд, сфера отечественного образования, и в первую очередь школа, в результате революции и Гражданской войны понесла наиболее тяжкие потери в сравнении с другими сферами общественной деятельности. Последствия их не осмыслены ни историками, ни профессионалами (педагогами и специалистами из РАО) до наших дней. Сменилась власть, исчез партийный диктат и его идеология, скукожилось прежнее самосознание, но школа сохранила тоталитарную советскую природу. Коллизии, сопровождающие бесконечные дискуссии о различных аспектах школьных реформ, оценки работы системы среднего образования (в первую очередь, конечно, ЕГЭ) свидетельствуют о не преодоленном до сих пор расхождении в понимании корневой проблемы. Для кого работает школа? Для личности, ищущей в ней помощника на трудном пути становления и развития, или на государственную власть, навязывающую установки и задачи в своих политических целях? Последнее — большая про-

¹ *Иванова Г.М.* Советская школа в 1950—1960-е годы. М.: Фонд «Московское время», 2018. 432 с.

блема для историка: мы изучаем устремления власти через лицемерно написанные ею же источники, тем самым давая ей возможность скрытно сохранять влияние на наши оценки её работы.

После 1917 г. педагогическая элита была отодвинута от самостоятельной творческой, политической и профессиональной деятельности. Большинство её представителей оказались в эмиграции, в сложных условиях обучая детей в ряде европейских и восточных стран. Они не смогли противостоять новой для молодёжи задаче «врасти» в иную культурную среду, освоить её правила жизни и деятельности (конечно же, в стенах зарубежных учебных заведений). И родители, и эмигранты-педагоги горестно констатировали спад у подрастающего поколения стремления сохранить идентичность, наблюдая процесс его затухания уже к 1930-м гг.²

В Советской России большевики избрали школу плацдармом навязывания идеологического диктата культуре и науке. Эту линию неуклонно проводила главный реформатор в данной сфере Н.К. Крупская. Однако большевики не имели концепции культурной политики. Можно говорить лишь об общих целях и принципах партийной линии. У самой Крупской не хватило профессиональных знаний освоить высокий замысел классиков зарубежной и отечественной педагогики. Отечественных теоретиков она не любила, либеральных педагогов (особенно П.Ф. Каптерева) порицала, отдавая должное только тем, кто оставил след в революционном движении. В статье «Общественная сторона педагогических вопросов», написанной ещё в уфимской ссылке, она отмечала: «В нашей педагогике царит наивная вера во всемогущество педагогических идей». Рассматривая чью-то педагогическую работу, сетовала: «Кого тут только нет: Локк, Песталоцци, Амос Коменский, Ушинский, Пирогов, Новиков, Екатерина Великая, Бецкий. Читатель подавлен этим потоком педагогических имён. Сыпятся они, сыпятся на него, как мелкий осенний морозящий дождик, и на душе у него так же тоскливо и скучно, как пасмурный осенний день... Особенно утомляет отсутствие в книге какой бы то ни было руководящей идеи». Так, ещё до прихода к власти большевики начали отучать читателя от профессиональной литературы. Идя по следам мужа, Крупская выделяла, конечно же, А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, педагогами ни в теории, ни в практике не являвшихся, хотя несть числа советским диссертантам, доказывавшим их «вклад» в «прогрессивную» педагогику.

Выдающимся зарубежным педагогам XIX в. не повезло по-своему, хотя Крупская честно перечитала практически всю зарубежную классику. В РГАСПИ сохранилось 27 тетрадей её конспектов на трёх языках (к слову, не привлёкших до сих пор ничего внимания). В них она излишне длинно, страницами, цитировала тех или иных авторов. Создаётся впечатление, что в её представлении русский профессиональный читатель их не читал. Но в России прекрасно знали и Г. Кершенштейнера, и Д. Дьюи (изданного в 1915 г.), и А.В. Лая (1906), и Ф. Паульсена (1913), и Э. Клапареда (1911). Конечно, педагоги знали И.Ф. Гербарта, перевели и издали почти все сочинения П. Наторпа — виднейшего представителя социальной педагогики и, кстати, сторонника трудового метода обучения. Важнейшая его работа «Развитие народа и развитие лично-

² Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х годов. Сборник документов / Сост. В.А. Владыкина, Т.Ю. Красовицкая. М., 1995; Шевченко В.А. Русская школа в эмиграции. От Белграда до Харбина. М., 2017.

сти» вышла в Петербурге в 1912 г. Это цикл лекций, прочитанных в Германии в октябре 1910 г. Авторское предисловие к русскому изданию датировано декабрём того же года. Вот как быстро доходили до российских учителей новаторские идеи.

Нечего и говорить о знании работ великого Песталоцци, которого Крупская цитировала особенно длинно. Главное у него — педагогическое обоснование отказа от средневекового стиля, отвергавшего ребёнка как личность, поиск формул качественно новой педагогики. Его поиски позволили создать технологии трансформации средневекового человека в личность нового времени, сорвали с европейца феодальную маску, высвободили индивидуализм, который привёл к созданию демократии. Но Крупская ограничилась разбором опыта по обучению «производительному труду», что казалось ей полезным пролетариату — будущему гегемону общества.

С конца XIX в. специалисты в области педагогики играли видную роль в общественных дискуссиях о школьной политике. Они проблематизировали факт разнообразия теорий, присутствия в нём хронотопов, определяемых как модернность (современность) и архаика (традиционное общество), уточнили основные ресурсы новой трудовой школы. Общество начало понимать важность общественных механизмов развития, а школу рассматривать не только как «государственную» отрасль, но и как определяющую сферу общественной жизни, мощный фактор её обогащения, культивирования цивилизованного образа жизни.

Казалось бы, конспекты Крупской вполне подготовили её к осмыслению важности нормализовать дисциплинарное поле, разработать методологическое обоснование реформы. Школе предстояло формировать интеллектуальный ландшафт в свете новых вызовов. Однако РКП(б) взяла на вооружение псевдомарксистскую догматику. Последняя, будучи мессиански-футуристической по своему посылу, оказалась навязана всем сферам интеллектуальной деятельности, способствуя внедрению в практику малопрофессиональной большевистской эклектики. Догматика разрушала обескровленные и обессиленные школьные структуры, им предстояло стать идеологическим и политическим институтом.

И всё же историю школы периода Крупской скучной не назовёшь. Не была она и совсем бездарной. Разные методики и проекты предлагали Наркомпросу П.П. Блонский, М.М. Пистрак, С.Т. Шацкий, А.П. Пинкевич и даже А.С. Макаренко. Те, кто пришёл сотрудничать с большевиками, — фигуры трагические. Они с разной степенью успешности соединяли либеральные педагогические практики (преимущественно немецких классиков), пытались идеологизировать их, творя систему особой рациональности методами лабораторных проектов, Дальтон-плана, программ ГУСа с пресловутыми колонками и проч. Имели место псевдодемократические жесты (выборы учителей, оценка их работы, дискуссии по содержанию урока и т.п.). Власть, как из рога изобилия, сыпала новыми проектами (взамен зарплат) на головы голодного и лишённого прав учительства, которое, впрочем, в большинстве своём их практически не читало (по причине малой образованности). Что касается главного — содержания образования, — точные науки защищала их сложность (хотя реформаторы посягали и на них). Гуманитарные же ожидала печальная участь. Они не справились с последствиями удара до сих пор.

На рубеже 1920—1930-х гг., когда Сталин начал в массовом порядке закупать заводские линии и технологии, проверки ЦК ВКП(б) показали: для индустриализации нет соответствующих кадров. Работы учеников не читались из-за обилия ошибок, которые проверяющие отмечали красными чернилами. Крупскую и А.В. Луначарского отстранили от реформаторского руля. Их место заняли те, кто обратил внимание на дореволюционные достижения, особенно в части точных наук. С гуманитарными знаниями дело обстояло хуже: за школьными историческими знаниями наблюдал теперь сам «вождь»³.

В 1931 г. вышло постановление ЦК об отмене педагогических экспериментов 1920-х гг. Это обернулось духом казармы. Дискуссии об основах и целях образования прекратились, дело ученика — не вникать в материал, а зубрить его и с точностью повторить на экзамене («чтобы от зубов отскакивало»). Преследуя цель повысить ответственность, этот ход вполне отвечал духу 1930-х гг. Обсуждения, диалог, обмен мнениями заменила «линия партии». К концу Великой Отечественной войны в школы вернулись пятибалльная система оценок (отменённая в своё время как «нарушающая равенство»), сдача выпускных экзаменов, награждение отличившихся учеников золотыми и серебряными медалями. К 1949 г. ордена и медали получили свыше 100 тыс. учителей-передовиков. Вместе с тем Совнарком отменил показное, формальное соцсоревнование в учебной работе, механически перенесённое с производства. Не оправдала себя и попытка раздельного обучения мальчиков и девочек, отменённая в 1954 г. Однако сохранялся идеологический и политический диктат. Нашумели дело «врачей-вредителей», разгром кибернетики и генетики, «идеологических отступлений» в области литературы и философии. В системе образования оказались запрещены даже тесты — как «буржуазные». Под ту же формулировку попали широко практиковавшиеся в мире социологические опросы, опасные для «лучшего в мире строя».

Г.М. Иванова взялась проанализировать лучший (если в данном контексте уместно такое определение) период деятельности школы: 1950—1960-е гг. На эти динамичные годы пришлось дискуссии о «сталинском наследии» в образовании — принять его или отказаться? Антикультовые кампании гремели по всей стране. Ученицу верного соратника Крупской М.Н. Покровского, академика А.М. Панкратову, ленинградские учителя едва не согнали с трибуны во время выступления с критикой учебника истории о культе личности Сталина (с. 62—63). Казалось, теперь школе дадут спокойно работать. Но заявила о себе новая реформа, новая кампанейщина — поворот к политехнизму (в отсутствие материальной базы для него), к проблемам профессионализации учеников (при неспросчитываемом рынке труда).

Документы, извлечённые из РГАНИ (фонды Н.С. Хрущёва, отдела школ ЦК КПСС, Министерства просвещения и др.), показывают, что «оттепель» — действительно лучшие времена в истории Советского государства и его граждан — наступила и в школе. Она выпустила целое (правда, лишь одно) поколение молодёжи. Школьники тех лет стали рядом и вровень с представителями творческой интеллигенции — «шестидесятниками»: писателями, поэтами, бардами, собиравшими огромные аудитории честных, открытых, чистых помыслами молодых людей.

³ «Нужен большевистский Иловайский». Из стенограммы совещания наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова с историками о стабильном учебнике / Публ. Т.Ю. Красиовицкой (URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside>).

Известный спор физиков и лириков, начавшись в 1959 г. на страницах «Комсомольской правды» ответом И.Г. Эренбурга студентке, что важно, пединститута («Ответ на одно письмо»), казалось, возрождал поиски ответа на вопрос, поставленный в начале этого текста: на кого же работает школа? Однако именитый публицист ограничился сентенциями из общих мест, вроде необходимости гармоничного развития личности, эмоциональной бедности мира инженера и т.п. Это парафраз из Луначарского, Крупской, самого Ленина, других, возникших из сталинского забвения деятелей, всё та же риторика о миссии педагога «распознать, выявить, раскрыть, взлелеять, выпестовать в каждом ученике его неповторимо-индивидуальный талант... поднять личность на высокий уровень расцвета человеческого достоинства» (В.А. Сухомлинский и др.). И... важнейшая тема ушла в «боковые» рассуждения о значении науки и культуры в формировании сознания человека.

Школа тем временем переживала перемены — более десятка кардинальных, но непродуманных преобразований и кампаний, смену нескольких образовательных парадигм и целевых установок. Безусловно, в рассматриваемые годы резко возрос авторитет науки и образования, которым уделялось огромное внимание, выделялись большие средства. При сохранении множества жёстких, часто противоречивых инструкций ослабло прямое давление на педагогическую науку, появлялись свежие идеи, претворявшиеся в жизнь педагогами-новаторами в РСФСР и других республиках, которые заставили пересмотреть стереотипы и заведомо ошибочные позиции. Однако абсолютизация методов и средств, с помощью которых проводились преобразования, произвольное истолкование волюнтаристских проявлений, привносимых в политические действия, замалчивание крайних характеристик процессов снизили эффект «оттепели». Оставалось непреложным: новая власть не выпустила из-под своего контроля сферу культуры, миссию духовного лидерства.

В новых условиях острее выявились последствия многих лет жёсткого администрирования. Работа в один адрес — на государственную власть — превратила школу в закрытое учреждение. Интересы ребёнка и потребности общества всё так же находились за её порогом. Несмотря на успехи представителей СССР на международных олимпиадах, обучение не предполагало привития навыков саморазвития, поиска альтернатив, технологий открытия нового. Школа становилась источником дисбаланса, расширенного тиражирования ошибок и обострения общественных проблем. Формируемое ею общество жило и развивалось так, как училось, — хотя должно было учиться так, как хотело жить.

Остаётся напомнить опыт детей-эмигрантов 1920-х гг.: они в сложнейших обстоятельствах решили эту проблему, но с помощью чужой, не родной им школы. Сегодня Россия не ведёт статистику количества граждан, обучающихся за рубежом. Участники рынка образовательных услуг пользуются данными ЮНЕСКО. По последним опубликованным данным за 2015 г., за рубежом в вузах обучаются 56,3 тыс. россиян. Это неприглядная статистика для оценки работы отечественной школы.

Татьяна Смирнова: История общества сквозь призму истории школьной повседневности

Tatiana Smirnova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Soviet society through the prism of the school's everyday history

DOI: 10.31857/S086956870012944-9

В последние десятилетия XX в. как отечественные, так и зарубежные учёные не раз с сожалением отмечали, что в советской и постсоветской историографии дети и детство изучались мимоходом, преимущественно в рамках истории «детской» политики, а не в качестве самостоятельного предмета⁴. Сейчас ситуация кардинально изменилась. История детства оформилась как научное направление, в рамках которого ведутся оживлённые теоретические и методологические дискуссии. Различные вопросы истории материнства и детства, социальной работы и благотворительности попали в число приоритетных в исторических, социологических, культурологических и историко-педагогических исследованиях. Им посвящены сотни монографий, десятки тысяч диссертационных исследований⁵, не говоря уже о научных и научно-популярных статьях. Однако популярность и политическая востребованность имеет и оборотную сторону — «побочный эффект» в виде «скороспелых» работ, написанных, что называется, на злобу дня без предварительной работы с источниковой базой.

В сложившейся ситуации серьёзные, фундированные исследования нередко теряются в массе научной и околонучной литературы с завлекательными названиями. К счастью, эта участь не грозит новой монографии доктора исторических наук, одного из ведущих специалистов по социальной истории России XX в. Г.М. Ивановой. Она не останется незамеченной как специалистами, так и широкой аудиторией читателей, интересующихся отечественной историей. И дело не только в замечательном качестве полиграфии и прекрасных фотоиллюстрациях (что, впрочем, тоже немаловажно). Привлекает и тема, сформулированная предельно просто и лаконично — «Советская школа в 1950—1960-е годы». Такие, безусловно, значимые в научном плане проблемы, как «социокультурное конструирование детства», «социокультурный анализ делинквентности подростков в условиях социального транзита», «основные формы репрезентации феномена детства», «социокультурные смыслы детства» и т.п., вряд ли заинтересуют широкую аудиторию. Тема же советской школы близка и понятна каждому. Это книга о нас, о детстве наших родителей, бабушек и дедушек. Казалось бы, хронологическая близость и понятность исследуемых сюжетов облегчает задачу автора, но это мнимая простота, налагающая особую ответственность: через призму школьной жизни написать историю своего поколения и поколения своих родителей, но не опуститься при этом на популярный уровень, не соблазниться возможностью строить научные выводы и оценки на базе личных впечатлений и рассказов родных; не превратить

⁴ См., например: *Келли К.* Об изучении истории детства в России XIX—XX веков // Какорея. Из истории детства в России и других странах. Сборник статей и материалов. М.; Тверь, 2008. С. 17; *Кон И.С.* Социологическая психология. Избранные психологические труды. М.; Воронеж, 1999. С. 44; *Children in historical and comparative perspective. An international handbook and research guide* / Ed. by J.M. Hawes, N.R. Hiner. L., 1991. P. 471.

⁵ Поиск в электронной библиотеке диссертаций и авторефератов disserCat по запросу «советское детство» выявил почти 19 тыс. документов, по запросу «история детства» — 21 тыс., а по запросам «советская школа» и «история школьного образования в СССР» — около 126 тыс. и более 26 тыс. соответственно.

научное исследование в воспоминания и рассказ о «наболевшем» (что, к сожалению, встречается достаточно часто).

Как и все работы Ивановой, её история советской школы отличается высоким профессионализмом и скрупулёзным подходом к источниковой базе, тщательной проверкой каждого факта и каждой цифры. Для автора нет «любимых» и «нелюбимых» видов источников (данную, весьма далёкую от науки характеристику которых, тем не менее, не раз приходилось слышать в последние годы даже от профессионалов); она не делит их на заслуживающие и не заслуживающие доверия, при этом подвергая источниковедческой критике все их виды. Очевидные, на первый взгляд, принципы построения научного исследования, тем не менее заслуживают упоминания в связи с периодическими попытками их пересмотреть и подменить комплексный подход к формированию источниковой базы построением иерархии источников с точки зрения их большей или меньшей «предпочтительности».

Произошедшие в последнее десятилетие XX в. изменения исследовательских приоритетов, рост интереса к истории «снизу», к человеку в истории, а не к истории власти и властных институтов, повлекли за собой поиски новых исследовательских методов и адекватных им источников. Разочарование в институциональном подходе отразилось и на отношении к источникам, отложившимся в процессе деятельности государства. В результате не только законодательно-распорядительные материалы, но вся делопроизводственная документация попала в число «традиционных» (с негативной коннотацией), использовать которые стало «дурным тоном», свидетельством устаревших подходов, якобы ограничивающих изучение предмета взглядом на него «сверху». Некоторые пошли дальше, отнеся к «традиционным» все «архивные источники», не подразделяя их по видам⁶. В свою очередь источники личного происхождения, воспринимавшиеся ранее как вспомогательные, дополнительные, а то и откровенно второстепенные в силу своей субъективности, постепенно вышли на первый план. Однако вполне понятное в рамках антропологизации исторического знания увлечение недооценёнными ранее материалами, желание максимально ввести их в научный оборот нередко приводит к их переоценке, противопоставлению прочим видам в качестве более (а порой и единственно) достоверных, содержащих некую «историческую правду»⁷.

Монография наглядно демонстрирует, что комплексный подход к источникам не потерял актуальность и в условиях новой методологической ситуации.

⁶ В частности, историк и этнограф, доктор исторических наук Т.К. Щеглова убеждена, что все «архивные» источники весьма далеки от исторической правды: «В силу объективных и субъективных причин сформировавшиеся на протяжении нескольких столетий фонды государственных архивохранилищ оказались не готовы к новым запросам историков. Во-первых, они были укомплектованы преимущественно официальными документами, отражающими государственную жизнь, делопроизводственной документацией, статистической информацией по функционированию государства, больших социальных групп, экономическому развитию и т.п. В них отсутствовал “человеческий материал”, необходимый для полноценной реконструкции исторической жизни. Во-вторых, советские государственные архивы в условиях тоталитаризма, волюнтаризма, партийно-идеологической цензуры XX в. жёстко контролировались. Регламентировался доступ ко многим тематическим коллекциям документов, засекречивались дела и фонды» (*Щеглова Т.К.* Устная история: учебное пособие. Барнаул, 2011. С. 4, 12–14).

⁷ Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» России в 1917–1922 гг.: проблемы историографии, источников и методов исторического исследования // *Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии* / Отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб., 2018. С. 286–291.

Иванова умело совмещает изучение проблемы как «сверху», так и «снизу», благодаря чему система «власть—школа—дети—общество» рассматривается в неразрывном единстве и взаимодействии, равенности и равнозначности всех её составляющих. Школа представлена как неотъемлемая часть общества, а школьная повседневность — как важная часть жизни не только детей, но и страны в целом.

Исследование охватывает чрезвычайно широкий спектр проблем. Введение в научный оборот недавно рассекреченных документов позволило выявить малоизвестные темы, поднять новые вопросы, а также по-новому посмотреть на ряд изученных ранее сюжетов — таких как реорганизация отдельного обучения, введение всеобщего семилетнего образования, политехнизация школы, создание школ-интернатов, особенности образования детей спецпоселенцев, соотношение воспитания и обучения и др. При этом автор не пошла на поводу у стереотипов, работу отличает ярко выраженный собственный взгляд на изучаемые явления («В литературе достаточно широко распространено мнение, что выпускники средних школ, не поступившие в вузы, были вынуждены идти на заводы, фабрики, поля и фермы в качестве разнорабочих. Это далеко не так» (с. 148) и др.).

При анализе реформ в системе образования (гл. I, IV) большое внимание уделено их разработке и связанным с ними дискуссиям; отношению населения к школьной системе в целом и к различным изменениям в ней, а также социально-педагогическим последствиям преобразований, их влиянию на реальную ситуацию в разных регионах. На некоторых сюжетах хотелось бы остановиться подробнее. Среди них, в частности, раздел о раздельном обучении (с. 32—53). Детально реконструированы причины и ход его введения (а затем и отмены), «плюсы» и «минусы», отношение к нему представителей власти, педагогической науки и учителей, а также самих учащихся и их родителей.

В этом отношении большой интерес представляет анализ содержания пяти томов писем читателей «Литературной газеты» за 1950—1952 гг., приложенных к записке К.М. Симонова секретарю ЦК КПСС Н.А. Михайлову в феврале 1953 г. по вопросу об отмене раздельного обучения. Этот чрезвычайно интересный комплекс источников состоит из 518 писем сторонников совместного обучения, 64 писем их оппонентов и писем, написанных после завершения дискуссии и посвящённых обсуждению её практических результатов. Сопоставление аргументов за различные формы обучения привело автора к обоснованному выводу, что доводы сторонников ликвидации раздельного обучения хоть и «выглядели вполне убедительно», но «были в значительной мере надуманными и не имели под собой никаких реальных оснований» (с. 36). Составленные на базе архивных материалов статистические таблицы наглядно демонстрируют, что «совместное и раздельное обучение существовали в нашей стране одновременно, причём школы совместного обучения количественно преобладали» (с. 36, 43—44). Принципиально важным представляется также вывод об ошибочности представления, что «раздельное обучение базировалось на признании правового неравенства мужчин и женщин» и таким образом являлось «фактическим отступлением от “завоеваний Октября” в области равенства полов» (с. 36).

На большом фактическом материале показана недопустимость упрощённого подхода к оценке достигнутых к концу 1950-х гг. результатов перестройки школьной сети с целью введения семилетки («“Семилетний всеобуч” — успех

или провал?»), с. 91—108). Автор аргументированно доказывает, что на этот вопрос нет и не может быть однозначного ответа: «Если судить о достижениях всеобща не по единовременному конечному результату, а по динамике его развития, то справедливо будет говорить не о провале всеобщего семилетнего обучения, а о его успехе» (с. 107—108).

Беглый взгляд на структуру работы может создать ошибочное впечатление, что непосредственно людям, «истории снизу», «с человеческим лицом» посвящена лишь одна глава (гл. III «Ученик и учитель в школе и дома», с. 181—233), а вся остальная работа — история государственной политики в отношении школы. Это не так. Все рассматриваемые сюжеты в той или иной форме отражают общественные настроения, повседневную жизнь учащихся и учителей, их реакцию на планируемые и предпринимаемые реформы. В книге много подробностей, характеризующих повседневность не только школы, но и общества в целом: динамика цен на продукты, соотношение средней зарплаты с квартплатой и ценами на товары первой необходимости; бюджет рабочей семьи; морально-этические представления, досуг учащихся, их поведение в школе, применяемые к ним наказания, влияние реорганизаций на здоровье детей и т.п.

Нельзя не отметить большое количество цифр и таблиц, содержащих авторские расчёты на основе архивных материалов. Статистика, как известно, лукава, не зря её называют инструментом власти. Однако в данном случае все данные подвергнуты тщательной проверке и проанализированы в совокупности с другими источниками. При этом грамотное использование огромного количества цифр не утяжеляет текст, а делает выводы более весомыми.

Безусловное украшение работы — фотоприложение «Советская школа в семейном альбоме». Оно сознательно помещено перед заключением, а не в конце книги. Тем самым подчёркнута его не только иллюстративная, но и содержательная значимость. Фотографии расположены по хронологии и позволяют проследить изменения внешности типичного школьника эпохи с дифференциацией по регионам.

Как известно, нельзя объять необъятное. Избранная тема, даже в рамках одного десятилетия, именно такова. Велика вероятность, что заинтересованному читателю «не хватит» тех или иных сюжетов, пояснений, аргументов. В частности, нельзя не заметить, что историографический обзор слишком краток и, как явствует из текста, не отражает колоссальный объём исследований, использованный в работе над монографией (с. 7—9). В ряде случаев есть ощущение некоей недосказанности — факты и события упоминаются мимоходом, без достаточных пояснений. Так, упоминается о проведении в середине 1950-х гг. экспериментальных работ по изучению нервного утомления детей. Однако неясно, кто проводил эти работы, в чём они заключались, какие методики обследования применялись, какой контингент был в них вовлечён и какие сделаны выводы (с. 191). Упоминается анкетное обследование детей Ф.М. Туровской, но его методика и охваченный им контингент детей также остаются читателю неизвестны (с. 192). По материалам проверок школ выяснилось, что дети «постоянно жаловались на головные боли», вызванные переутомлением, высокими нагрузками, а также плохим освещением и отсутствием вентиляции. При этом не совсем ясно, была ли в этом отношении какая-либо разница между учащимися разных регионов, а также учащимися городских и сельских школ, обычных школ и школ-интернатов. Неоднократно поднимается вопрос о «массовом самоубийстве» детей и о самоубийствах конкретных

учащихся (с. 196—198, 201, 204), но развёрнутого анализа этой не только интересной, но и актуальной проблемы нет.

Анализируя письма школьников в «Пионерскую правду», автор отмечает, что «в отдельных случаях дети не столько жаловались, сколько, скорее, ябедничали» (с. 205). В качестве примера приводятся цитаты из писем, в которых школьники рассказывают, как учителя бьют их «лбом о классные доски», грубо разговаривают, обзывают, дают обидные прозвища. Несколько ранее проанализированы примеры коллективных и личных жалоб, описывающих аналогичные ситуации. Возникает вопрос: по каким критериям дифференцированы жалобы и ябедничество?

Не совсем понятно, как получилось, что в 1950-х гг., когда «школьная безработица стала острейшей социальной проблемой для советской системы образования» (с. 215), в школах оказались педагоги без соответствующего образования, а также лица с низким моральным уровнем, замеченные в грубом и даже жестоком обращении с учащимися. Казалось бы, избыток кадров давал возможность отбирать лучших из лучших. Однако на практике ситуация была иной: «Отсутствие согласованности в действиях органов народного образования приводило к нелепым ситуациям. Так, в 1954/55 учебном году насчитывалось 5 917 безработных выпускников педучилищ, а в это же время на работу в школы было принято 4 948 новых учителей без образования и звания “учитель начальной школы”. 400 выпускников факультетов иностранных языков не могли устроиться на работу по специальности, а 872 новых преподавателя иностранных языков без знаний и образования были приняты на работу в VIII—X классы средних школ Российской Федерации» (с. 218). Этот чрезвычайно интересный сюжет вызывает массу вопросов и заслуживает более глубокого изучения.

Можно перечислить ещё ряд сюжетов, упомянутых, но раскрытых недостаточно. Но надо ли? Монография, безусловно, не отвечает на все вопросы, не ставит точку в изучении проблемы. Напротив, она даёт мощный импульс для новых исследований, поднимает значимые вопросы, на которые нужно обратить внимание. Текст написан простым, понятным языком, но не переходит тонкую грань между научной литературой и публицистикой. Он будет интересен не только специалистам, но и широкой аудитории, что представляется особенно важным в условиях внимания к советскому детству в целом и советской школе в частности. А внимание это колоссально. О нём можно судить по многочисленным публикациям в СМИ и Интернете. Поискový запрос по фразе «советское детство» выдаёт 36 млн результатов, запросы «история советской школы и педагогики», «советское образование лучшее в мире», «школы в СССР» — соответственно 111, 150 и 143 млн результатов. Даже беглый просмотр названий полученных материалов («вся правда о советской школе», «миф о лучшем в мире советском образовании», «мифы о “счастливом советском детстве”», в которые вы верите», «мифы о советском образовании» и т.п.) свидетельствует о своеобразной борьбе «мифов». К сожалению, профессиональные исследователи также нередко идут по этому пути. Г.М. Иванова никого не клеймит, не разоблачает, ни с кем не борется и, как результат, не создаёт новые мифы. Это спокойный и несколько отстранённый, лишённый чрезмерно эмоциональных оценок взгляд на советскую школу 1950-х гг. — очень своевременный и высокопрофессиональный ответ на существующий в обществе и в исторической науке запрос.

Выход в свет очередной книги известного в России учёного — всегда большое событие. Во введении Г.М. Иванова подчёркивает, что главной задачей её труда является стремление познакомить читателя с реалиями советской школьной повседневности 1950—1960-х гг., рассказать об отношении образовательного сообщества к реформам в этой сфере, дать представление о механизме взаимодействия школы, общества и власти в условиях социальных преобразований избранного периода (с. 7). Как следствие, работа состоит из четырёх глав: «“Сталинское наследие” в образовании — принять или отказаться?», «“Всеобщее обучение” и новый образовательный запрос», «Ученик и учитель в школе и дома», «Школьная реформа 1958 г. — волонтаризм или осознанная необходимость?». Признавая важность данных вопросов, отмечу, что неясно, почему именно они наиболее точно отражают «реалии советской школьной повседневности». Почему, например, не рассматриваются многие стороны повседневной жизни самих учителей? Иванова ограничилась только проблемой жилья и повышения оплаты их труда (с. 214—215). Почему, за исключением отдельных эпизодических упоминаний (с. 96—97, 322), не проанализированы проблема детской беспризорности и преступности и меры по борьбе с ними? Читателю остаётся лишь довериться логике исследовательницы и обратиться к содержанию монографии.

Скрупулёзная работа в столичных архивах позволила выявить сведения, которые во многом завершают дискуссии о причинах массового закрытия в 1950-х гг. «малокомплектных» школ. До сих пор многими специалистами считалось, что главный мотив такого рода решений — отрицательное влияние «карликовых» школ на нормальное воспитание учащихся⁸. Иванова же считает основным фактором именно сокращение общего количества учащихся в стране в результате Великой Отечественной войны (с. 22—23).

С другой стороны, она никак не комментирует факт значительного падения в 1946—1953 гг. численности учеников 1—4 классов (на 45,5%) при незначительном (на 13,45%) уменьшении числа начальных школ в регионах РСФСР. Как видим, далеко не всегда отделы народного образования принимали решение о закрытии школ. В то же время, по моим данным, уменьшение числа малокомплектных школ продолжалось и в 1960-х, и даже в 1970-х гг.! Как быть с этим? Пожалуй, в данном случае следует говорить о комплексе причин, важнейшей из которых была финансовая, т.е. высокая затратность содержания удалённых, небольших школ и невозможность контролировать выполнение в них государственных задач в сфере образования и воспитания детей. Во всяком случае, именно этими причинами в середине 1960-х гг. мотивировалось закрытие отдельных школ на Обском Севере. Таким образом, демографические последствия войны лишь запустили процесс сокращения численности малых школ, который шёл под влиянием иных факторов — недостатка финансовых

⁸ *Аверин А.Н., Антропов Е.П.* Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. М., 1988. С. 34; *Гаврилова Н.Ю.* Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Тюмень, 2002. С. 164; *Молоков С.М.* Культура малочисленных народов Севера Сибири в условиях промышленного освоения территории. Тюмень, 2010. С. 20.

средств, урбанизации в стране и т.д. Не комментирует Иванова и серьёзные отрицательные последствия закрытия таких школ. Между тем, по словам бывшего директора департамента образования Сургута Н.Я. Стрельцовой, во многих населённых пунктах они являлись центром культурной жизни. Их закрытие нередко приводило к упадку поселений, жители которых переезжали или попросту «спивались»⁹.

Большим достоинством последующих параграфов является подробный анализ последствий принимавшихся Министерством просвещения РСФСР решений, сумбур и хаос при внедрении правительственных постановлений в регионах. Например, это в полной мере относится к введению отдельного обучения в период позднего сталинизма, а затем — привнесению в образовательный процесс идей критики культа личности. Справедливо показано, что единой государственной политики в отношении отдельного обучения фактически не получилось. Несмотря на то что инициатором данной идеи был лично И.В. Сталин, а само подобное обучение предполагалось только в крупных городах, где имелось 4—6 неполных средних и средних школ, на практике оно нередко вводилось стихийно, распространяясь даже на начальные школы (с. 41). Затем, в 1953—1954 гг., точно так же, стихийно, без разрешения вышестоящих органов, школы отдельного обучения, не имевшие необходимой материальной базы, стали ликвидироваться (с. 46). Данные факты ярко характеризуют значительное несоответствие намерений школьного руководства и положения дел в провинциальных школах, стремление выполнить и перевыполнить любые решения центра.

В третьем параграфе первой главы рассмотрен достаточно свежий для отечественной историографии вопрос о влиянии секретного доклада Н.С. Хрущёва о культе личности на повседневную работу школы. Удачно показана неравномерность, растянутость во времени и пространстве, хода ознакомления с докладом учителей. Вследствие этого, когда часть учащихся начала уничтожать портреты Сталина, многие педагоги ещё не знали, как на это реагировать. Более того, реакция учительства оказалась неоднозначной. Одни считали, что ознакомление населения с докладом является серьёзной ошибкой, другие спрашивали, как теперь преподавать курс истории СССР. Некоторые и вовсе предлагали отменить экзамен на аттестат зрелости по этому предмету, критиковали половинчатость критики культа, ставили неудобные вопросы о вине самой партии за нарушения законности (с. 53—59). В итоге всё закончилось исправлением и переработкой сталинских фильмов и изданий, либо рекомендациями учителям, какие страницы учебников не следует использовать в работе (с. 68—69).

Открытием автора в данном параграфе являются также сведения о том, что часть книг для советских школ, в том числе букварь, подготовленный коллективом авторов Академии педагогических наук СССР, тайно печаталась на полиграфической базе ГДР (с. 65). Это можно считать фактическим признанием отсутствия в стране в первой половине 1950-х гг. качественного типографского оборудования.

Исследовательница подтвердила выводы многих отечественных историков о крайне бедном материальном состоянии общеобразовательных школ¹⁰.

⁹ Полевой материал автора: интервью с Н.Я. Стрельцовой (записано 17.02.2016 г.).

¹⁰ Молоков Д.С. Тенденции развития советской общеобразовательной школы второй половины 60-х — первой половины 80-х годов. Ярославль, 2004. С. 40, 42; Чумаков Е.Г. Становление и развитие

В середине 1950-х гг. больше половины всех школьных зданий РСФСР располагались в приспособленных помещениях. Тысячи сельских школ ютились в обычных избах, арендованных у колхозников. Электрическое освещение имели не более 20% сельских школ, остальные освещались керосиновыми лампами. Не было электричества и во многих маленьких городках (с. 78—79). И даже в начале 1960-х гг. в России число школ, работавших в аварийных зданиях, оставалось выше, чем в среднем по стране.

Автор поднимает также проблему невыполнения планов школьного строительства. В середине 1950-х гг. эти планы в РСФСР выполнялись менее чем наполовину! Это вело к увеличению сменности занятий. Среди причин срыва планов — отсутствие стройматериалов, несвоевременное обеспечение проектно-сметной документацией, задержки с отводом участков под возведение новых зданий (с. 80—81). Увы, не сказано о ещё одной серьёзнейшей проблеме — отсутствии кадров квалифицированных строителей. В удалённой местности строить школы оказывалось попросту некому. В отдельных случаях их возводили сами учителя, поэтому в наиболее выгодном положении находились те, учебные заведения где в коллективе педагогов имелись мужчины¹¹.

Вторая глава монографии посвящена анализу государственной политики по организации всеобщего обучения детей школьного возраста. Справедливо отмечается, что планы введения семи- и восьмилетнего всеобуча регулярно срывались. Главной причиной этому была абсолютная бедность населения (с. 95, 105—107). Однако исследовательница склонна к отдельным преувеличениям. Так, она считает, что в 1954/55 учебном году у школьников страны появилась дополнительная обязанность — стоять в очередях за хлебом. Тут уж стало не до учёбы (с. 105). В реальности в некоторых регионах, например, Ханты-Мансийском национальном округе, хлеб в эти годы продавался нерегулярно, либо его не было вообще! Поэтому и в очередях детям стоять было незачем.

По мнению автора, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в реализации всеобуча оказались достигнуты большие успехи. Если в 1955 г. процент своевременно закончивших семь классов составлял 53,3%, то в 1963 г. достиг 84% (с. 107). Динамика реализации семилетнего всеобуча говорит не о провале, а об успехе (с. 108). Внешнеполитической подоплёкой стали опасения руководства страны, что готовившаяся Всесоюзная перепись населения (1959) могла показать слишком большое число неграмотных, что «не к лицу стране, начавшей освоение космоса». Результатом этого стало секретное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О ликвидации неграмотности среди населения», после чего началась интенсивная работа в данном направлении (с. 117). Однако даже в такой ситуации сведения о числе неграмотных оказались намеренно завышены, т.е. фактически сфальсифицированы (с. 119—120). Это подтверждает замечания многих исследователей о необходимости осторожного отношения к советской статистике и поиска других, более объективных показателей оценки состояния тех или иных сфер жизни.

Великолепные авторские находки ожидают читателя в середине книги. В четвёртом параграфе второй главы исчерпывающе рассказано о создании осо-

системы образования обско-угорских народов в Северо-Западной Сибири в 1920—1950-е гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2008. С. 14; *Молоков С.М.* Культура малочисленных народов Севера Сибири... С. 20; и др.

¹¹ Из воспоминаний Созонова Юрия Георгиевича // История школы в истории судеб. Сборник документов / Сост. Е.М. Брагина, Л.В. Набокова. Екатеринбург, 2004. С. 264.

бых школ-интернатов закрытого типа с углублённым изучением иностранных языков. Несмотря на то, что Хрущёв всегда выступал за социальное равенство, в августе 1953 г. идея организации подобных учебных заведений неожиданно была одобрена на высшем уровне и стала внедряться. По заявлениям лидера СССР, они должны были располагаться в новостройках, иметь полный комплект учебного оборудования и быть укомплектованы передовыми учителями, проводить занятия в одну смену, с учётом задач политехнического обучения, уделять серьёзное внимание трудовому воспитанию и т.д.

В каждой такой школе предполагалось лишь по 10 классов численностью не более 35 детей каждый, находящихся на полном государственном обеспечении (в основном дети матерей-одиночек). Хрущёв призывал не жалеть силы и средства на эти учреждения, так как они «окупятся сторицей». Тем самым, по мнению Ивановой, государство фактически признало, что в предыдущие годы на содержание детей в детдомах эти «силы и средства» оно жалело (с. 156—157). Однако вскоре выяснилось, что количество неполных семей значительно больше, чем предполагавшаяся сеть школ-интернатов (с. 160—163), что вызвало многочисленные жалобы родителей-одиночек на невозможность устроить в них детей.

В конце концов, вопрос об организации эффективной работы школ-интернатов вновь оказался неразрывно связан с проблемами финансово-материального обеспечения и отсутствия квалифицированных педагогических кадров. Деятельность этих учреждений всё дальше уходила от первоначальных замыслов. Вместо передовых школ фактически работали «дома призрения», где обучались плохо воспитанные дети и подростки с низким уровнем успеваемости (с. 168—175). Хрущёвская инициатива стала саботироваться местными советами, органами народного образования и даже парторганизациями, которые не желали тратить деньги на интернаты из-за острой нехватки общеобразовательных школ (с. 176). Эта история ярко демонстрирует неспособность руководства страны добиваться исполнения своих идей на местах в полной мере.

В третьей главе исследовательница обратилась к изучению условий учебы советских школьников и выявила множество проблем — перегруженность домашними заданиями, внеучебными мероприятиями, экзаменами, несоответствие парт росту, низкую освещённость, приводившие к большим проблемам со здоровьем и даже к самоубийствам (с. 182—183, 191—195). Поднята также очень серьёзная проблема грубости и насилия учителей над учащимися (с. 204—208). Однако автор, к сожалению, не связывает её с общей грубостью нравов того времени и считает, что таких учителей следовало признать профнепригодными (с. 209). Но в логике 1950-х гг. многие поступки учителей не воспринимались столь же негативно, как сегодня. Более того, учитывая «кадровый голод» во многих провинциальных школах, заменить подобных педагогов нередко было попросту нечем.

Кроме того, связав общее сокращение числа школ с демографическим кризисом, автор удивительным образом не сделала такого же вывода в отношении сети детских внешкольных учреждений РСФСР в 1941—1954 гг. Причинами снижения их числа названы только отсутствие в обществе запроса на повышение интеллектуального и эстетического развития детей и крайне ограниченный объём материальных ресурсов, направлявшихся на развитие социальной сферы (с. 185).

Ещё одна важная находка — ранее никем серьёзно не обсуждавшийся вопрос об учительской безработице в 1950-х гг. Резкое падение количества

учащихся привело к появлению излишка приблизительно в 200 тыс. ставок (с. 216). Автор показала отсутствие плановости и продуманности государственной политики в данной ситуации, следствием чего стали многочисленные нелепые факты, когда тысячи выпускников педучилищ не могли найти себе работу, в то время как во многие школы по-прежнему принимали учителей без образования (с. 218). Педагоги были вынуждены работать на неполную ставку, делиться нагрузкой с коллегами, что вело к ещё более бедственному материальному положению, снижая престиж учительского труда как такового. Ситуация начала улучшаться лишь во второй половине 1960-х гг. (с. 219—233).

Центральное место в монографии занимает вопрос о ходе подготовки, общественного обсуждения и последствиях разработки и реализации школьной реформы 1958 г. Автор обратилась к данному сюжету уже в конце первой главы и высказала интересную мысль, что одна из вероятных причин преобразования — невозможность обеспечения школ всем необходимым в процессе их перехода к всеобщему среднему образованию. Поэтому в 1957 г. восьмиклассное образование объявили «достаточным» (с. 89). Исследовательница считает главным инициатором и проводником реформы Хрущёва, который, движимый всё тем же чувством социальной справедливости, считал, что умственный и физический труд неоправданно противопоставлены. В результате «умные» учащиеся и дети влиятельных родителей шли в вузы, а молодые люди без способностей и из простых семей — на производство (с. 237). Ситуацию решили исправить, сделав обязательной подготовку молодёжи к физическому труду на фабриках, в колхозах и совхозах. Таким образом выделена ещё и социальная причина — стремление к созданию равных возможностей и обязанностей для всех. Третьим мотивом реформы стал рост активности молодёжных групп «политически вредного характера», подверженных в том числе и «буржуазному влиянию» (с. 242, 255—256). Такую молодёжь необходимо было отправить на завод, «сроднить с рабочей средой».

К сожалению, автор не обратилась к переписке Министерства просвещения РСФСР с руководством КПСС (1954). В ней отмечалось, что одной из основных проблем образования в 1949—1953 гг. стали стремительный рост количества учащихся средних школ (более чем в два раза) и медленное увеличение числа мест в высших учебных заведениях. Именно поэтому предполагалось «сито» в виде обязательного производственного стажа, которое отвлекло бы часть молодёжи от идеи получения высшего образования и обеспечило её «перетекание» в промышленность и сельское хозяйство¹². В свете этого можно утверждать, что Хрущёв не столько инициировал реформу, сколько скорректировал реализацию проекта Минпросвета специфическим видением этой проблемы.

Следует согласиться с Ивановой: говоря о необходимости школьных преобразований, Хрущёв нередко проявлял абсолютную некомпетентность (с. 239), а его пренебрежение к полному среднему и высшему образованию было связано с тем, что он сам никакого систематического образования не получил (с. 246—247). Исследовательница также убедительно показала, что коренная перестройка образования привела к многочисленным перегибам. В школах вместо обучения детей стали заводить сотни единиц кроликов, домашней птицы, занимая все свободные помещения, включая классные комнаты, а уча-

¹² ГА РФ, ф. А-2306, оп. 75, д. 163, л. 12—14.

щие вынуждены были заниматься уборкой школ и т.д. (с. 291—296). Не имея материальной базы, многие школы обучали детей специальностям, которые не требовали длительной подготовки и общеобразовательных знаний, или вовсе отправляли их на вредные и опасные производства (с. 311—312). В конечном счёте реформа привела к нехватке людей со средним образованием, в том числе в армии (с. 323). К числу неожиданных негативных последствий такой политики нужно отнести и рост числа беременностей старшеклассниц во время прохождения производственной практики (с. 314—316).

В целом нужно отметить, что книга удалась. Она позволяет читателю по-новому взглянуть на многие, казалось бы, общеизвестные эпизоды истории школы Советского Союза, раскрывает механизмы принятия решений в органах власти, их противоречия и неоднозначные последствия. Конечно же, в одной монографии невозможно раскрыть весь комплекс проблем изучаемой сферы. Например, остались за кадром вопросы реализации образования в национальных регионах и одна из главных бед системы образования — формализм и процентомания. Она в конечном счёте привела к девальвации уровня знаний, снижению эффекта от воспитательных мероприятий и скрытому протесту части учащихся. С другой стороны, нет предела совершенству, а монография, без всякого сомнения, поспособствует росту интереса исследователей к данной проблематике.

Виталий Тихонов: *Идущие вслед исследователи не смогут обойти эту книгу*

*Vitaly Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):
Future researchers will have to consider this book*

DOI: 10.31857/S086956870012947-2

Советская система школьного образования до сих пор вызывает множество споров. Одни смотрят на неё как на практически идеальную модель, позволившую стране стать сверхдержавой и вырваться вперёд в космической гонке, другие подчёркивают неповоротливость, авторитарность и т.д. До сих пор идут дискуссии о том, нужно ли возвращаться к традициям советского образования или стоит наконец-то от них окончательно отказаться. Думаю, что у многих читателей книги Г.М. Ивановой, получивших образование в то время, сложилось собственное, основанное на личном опыте восприятие. В этой ситуации подготовить исследование, содержание которого удовлетворило бы всех и не вызвало нареканий, невозможно. Тем интереснее обсудить результат.

В первую очередь следует указать, что перед нами первая обобщающая монография, построенная на внушительном комплексе источников, в том числе на ранее не введённых в научный оборот документах российских архивов: ГА РФ, РГАНИ и РГАСПИ. Таким образом, перед читателем фундированный текст, выводы которого базируются на значительной совокупности фактов. В то же время необходимо учитывать специфику мобилизованных автором материалов. Преимущественно это делопроизводство центральных органов власти, определявших государственную политику в области образования. Как следствие, исследователь вынужден смотреть на школу так, как смотрели на неё советские управленец или идеолог высшего уровня, получившие некий набор информации «снизу». Насколько этот взгляд адекватен реальной картине? С одной стороны, разнообразие материалов, в том числе и значительное коли-

чество «негативной» информации¹³, позволяет говорить, что власть старалась держать руку на пульсе, а не надевать «розовые очки».

Но, с другой стороны, говорить о достаточном, всестороннем характере отложившихся документов не приходится. В этой связи напрашивается вопрос: не уместнее ли было обозначить предмет исследования как государственную политику в области школьного образования? Во всяком случае, в книге (в которой тема «ученик и учитель» даже выведена в отдельную главу) много интересной статистики и данных отчётов (т.е. того, что традиционно является инструментом бюрократического упорядочения реальности), но почти не звучат голоса родителей и школьников. Отчасти это компенсируется подборками их обращений, подготовленными Общим отделом ЦК. Но они представляют собой специфический жанр «писем во власть» и отражают лишь отдельные стороны учёбы и взаимоотношения учеников и их родителей, с одной стороны, и школьной администрации и педагогического состава — с другой. Множество же неформальных сторон жизни (что, собственно, и составляет «нерв» социальной истории как научного направления) школьного социума, увы, оказывается вне поля зрения контролирующих органов (в том числе и потому, что просто их не интересовали). Исследование этой проблематики потребует поиска других типов и видов источников.

Несколько смущает авторская позиция «историографической венаемости». Заинтересованный читатель не найдёт в книге разбора подходов к изучению советской образовательной системы в целом и школы в частности. Между тем в исследовательском поле уже наметился концептуальный, понятийный и даже стилистический раскол между «классическими» историками и антропологами, работающими в русле «новой культурной истории»¹⁴. Подробное введение не только бы позволило отчётливее понять историографический контекст, но и яснее прописать методологическую позицию и авторский замысел. К сожалению, общих указаний на социальную историю здесь явно недостаточно.

Несмотря ни на что, фронтальное изучение фондов центральных органов позволяет понять логику принятия властных решений. И прежде всего окончательно опровергнуть концепцию бесконфликтности (которая всё ещё нередко всплывает на волнах ностальгии по советскому прошлому), показать, насколько непросто и противоречиво развивалось советское образование в 1950—1960-х гг. Книга демонстрирует, что «сталинская» модель школы (с её высокой предметной нагрузкой, платой и отдельным обучением) оказалась в серьёзном кризисе ещё в конце 1940-х гг. Но говорить о жёсткой унифицированной системе контроля не приходится даже применительно к тому времени. Например, вопрос о том, вводить или отменять отдельное обучение, нередко решался на местах, исходя из местных реалий и представлений руководства. В частности, в национальных республиках оно позволяло более полно охватить образованием девочек (с. 38). Смерть И.В. Сталина открыла путь реформам. Отдельное обучение отменили в 1954 г., а плату — в 1956 г. Всеобщее бесплатное образование стало значимым фактором успешного социально-экономического развития

¹³ Впрочем, приходится учитывать и ведомственный интерес в привлечении дополнительного финансирования на исправление недостатков.

¹⁴ Отчасти этот раскол отражает уже опубликованный отклик: *Майофис М.* Презумпция единообразия (Рец. на кн.: Иванова Г.М. Советская школа в 1950—1960-е годы. М., 2018) // Новое литературное обозрение. 2019. № 5. С. 365—370.

страны. Но, пожалуй, не менее важным шагом явилась идеологическая «десталинизация», чему посвящён специальный параграф.

Хрущёвские образовательные реформы вписываются в общий контекст социальной политики Советского государства со второй половины 1950-х гг., когда был взят курс на восстановление социальной справедливости, повышение доходов малообеспеченных слоёв населения (с. 107). Во многом они вызывались реальными проблемами. Так, всё ещё не была решена задача окончательной ликвидации неграмотности. В середине 1950-х гг. возникла ситуация, когда большинство выпускников старших классов не могли поступить в вузы (в предыдущие годы количество выпускников и мест в вузах почти совпадало). Тяжёлым оставалось материальное состояние школы, особенно сельской. Педагогическому сообществу пришлось столкнуться с таким явлением, как учительская безработица, когда, несмотря на систему распределения, не хватало вакансий или предлагалась неполная занятость.

В 1957 г. оказался запущен комплекс реформ, целью которых являлось исправление ситуации. По мнению Ивановой, реформы, носившие на себе печать импульсивной личности Н.С. Хрущёва, в целом оказались неудачными. Во многом из-за того, что власть подошла к ним не технократически, а преследуя цель предотвратить социальное расслоение, используя доступ к образованию в качестве регулятора. Правда, представленный материал всё же позволяет говорить о поступательном развитии советской образовательной системы. Но и здесь возникает вопрос: развивалась ли она преимущественно экстенсивно или была способна на качественные рывки? Думаю, что на этот вопрос можно ответить, только рассмотрев проблему в международном контексте.

Интересно взглянуть на историю школы 1950—1960-х гг. и в ракурсе дальнейшего развития общества. С одной стороны, мечты Хрущёва об эгалитаризме образовательной системы разбились о реальность. Знаменитый «железный закон олигархии» сработал и в советских условиях, приведя к тому, что дети советской партийной, государственной, научной и культурной элиты имели больше возможностей получить качественное среднее образование (в том числе в специализированных заведениях) и поступить в престижные вузы. Тем не менее школа стала одним из структурных элементов советской модели «государства всеобщего благосостояния»¹⁵. Одновременно, если отталкиваться от концепции А. Юрчака о перформативном повороте советского общества¹⁶, получается, что именно школа всё меньше справлялась со своей воспитательной (идеологической) функцией, формируя (невольнo, разумеется) поколение, для которого коммунистические ценности являлись по большей части фоном повседневной жизни. Впрочем, видимо, школа здесь лишь отражала общую эволюцию социума.

Как это часто происходит при появлении масштабного и высококачественного исследования, книга Г.М. Ивановой, решающая множество исследовательских проблем, позволяет поставить не меньше новых вопросов и стимулирует продолжить поиски. В любом случае идущие вслед исследователи не смогут обойти вниманием эту работу, обращаясь к её фактографическим и концептуальным ресурсам.

¹⁵ *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния»: социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов). М., 2011.

¹⁶ *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

Сфера образования — одна из тех институций советского общества, отношение к которым всегда оставалось преимущественно комплиментарным (даже в 1990-х гг. когда, казалось бы, существовал простор для тотальной критики недавнего прошлого). «Лучшее в мире» образование — столп ностальгии по «советской жизни» и регулярно подаётся в числе главных достижений СССР. «За возврат к лучшим традициям советской школы» выступают государственные чиновники¹⁷, а блогосфера полнится окрашенными в розовые тона воспоминаниями о любимых учителях и дружных классах. Создаётся впечатление, что образовательные учреждения являлись настоящими оазисами благополучия.

Парадокс, но при столь интенсивном общественном интересе в данной сфере относительно немного научных исследований. Внимание учёных фокусируется прежде всего на политике, экономике, культуре, тогда как жизнь и работа сферы образования по большей части рассматривается вскользь, в общем ряду преобразований. Это тем более странно, что она сохраняла важнейшее, «политическое» значение весь советский период, регулярно становилась объектом внимания власти и безусловно нуждается в самостоятельном изучении. В этой связи можно лишь приветствовать выход издания, освещающего один из самых драматичных этапов истории советской школы и затрагивающего массу сюжетов. Рассмотрены система начального и среднего образования в СССР, проблема «всеобщего обучения», усилия по ликвидации неграмотности и организации политехнического обучения, раздельного обучения и школ-интернатов, борьба с наследием «культы личности». Подробно изучены подготовка, ход и результаты знаменитой «хрущёвской» реформы 1958 г., пристальное внимание уделено повседневности педагогов и их подопечных.

Исследование проведено на основе широкого круга источников и насыщено самой разнообразной информацией, в особенности ранее не вводившейся в научный оборот. Документы-то и рисуют картину, которая в свете ностальгических реминисценций может озадачить, шокировать, возмутить. Ведь в них — явления, которые из-за распространённой в последние годы в общественном пространстве лакировки прошлого далеко не у всех ассоциируются не то что со школой, а вовсе с общественным строем тех лет: безработица учителей и учащихся, их «неуставные отношения», тяготы быта, морально-нравственные проблемы (правонарушения, самоубийства, конфликт поколений, «половой вопрос» и т.д.)... Пребывание в советской школе внезапно оказывается далёким от идиллии — ведь пропагандистский фасад скрывал весьма неприглядную повседневность. Хотя, конечно, автор не ставила перед собой задачи «сорвать покровы». Перед нами спокойное, обстоятельное и дотошное исследование, выполненное в лучших традициях отечественной исторической науки. Однако о реакции неподготовленного читателя остаётся только догадываться.

Прежде всего книга показывает всю «меру, степень, глубину» той роли, которая отводилась школе в рамках системы. В процессе чтения начинается ка-

¹⁷ *Савицкая Н.* Министр Ольга Васильева — за возврат к лучшим традициям советской школы // Независимая газета. 2017. 20 января (URL: https://www.ng.ru/ideas/2017-01-20/8_6908_ministr.html).

заться, что она служила институцией не столько образовательной, сколько выполняющей задачи агитационно-пропагандистского характера, прежде всего — максимально широкого распространения и упрочения влияния идеологии. Этим соображением — кстати, вовсе не тайным, заявлявшимся вполне открыто и «вождями», и рядовыми педагогами, — мотивировались все преобразования школьного обучения начиная с 1918 г. «Воспитание в коммунистическом духе» являлось главной целью работы школ, «программа партии» и решения её очередного «эпохального съезда» служили обоснованием любых инициатив. В этой связи интересно замечание о «преимущественно гуманитарном характере общего образования в советской школе до середины 1950-х годов» (с. 149). Предметы гуманитарного цикла в советский период являлись таковыми лишь формально. На деле их задачей было донесение до школьника идеологических установок и желаемой картины мира (не случайно в ходе «антикультовой» кампании звучали предложения вообще изъять из учебного процесса учебники истории и некоторых других предметов, настолько они пропитались политикой).

Более того, обучение во многом базировалось на цитатах очередного «вождя», превращаясь в воспитание беспрекословной лояльности и насаждение поклонения не только и, может быть, не столько даже системе как таковой, сколько конкретной личности, находящейся в данный момент «у руля». Жертвами такого подхода становились как учащиеся, так и учителя. Однако от подобного отношения к школе страдал и сам режим — ведь смена первого лица всегда сопровождалась «вскрытием недостатков», что естественным образом порождало массу вопросов к строю, в рамках которого оказывались возможными обличаемые «перегибы» и «извращения». Но отвечать на эти вопросы власть не желала (и, скорее всего, просто не могла, ибо не была «заточена» под диалог). Как следствие, «репутационный ущерб» оказывался колоссален: нарастали разочарование, отторжение (в том числе рост разного рода «антисоветских проявлений» учащихся), вера в идеологические постулаты получала всё новые и новые пробоины, режим гнил изнутри и в какой-то момент просто не выдержал очередной волны «исправления ошибок» прошлого.

Система образования в СССР была полностью огосударствлена ещё в первые послереволюционные годы. Это, казалось бы, создало простор для действий, беспрекословного претворения в жизнь «судьбоносных решений партии и правительства». Однако сам факт их принятия вовсе не гарантировал исполнения. Более того, нередко органы власти не обладали для принятия решений базовой информацией, в частности статистическими данными по тем или иным насущным вопросам. Причём не только из-за секретности (степень которой, особенно в последние годы жизни Сталина, поражает), но и из-за того, что по многим явлениям информация просто не собиралась. Неудивительно, что управленцы, в особенности на местах, оказывались вынуждены либо действовать вслепую, на свой страх и риск, либо выпускать указания самого общего характера, исполнять которые как будто даже и не предполагалось, либо брать на вооружение испытанные приёмы бюрократической волокиты в условиях полной финансовой и материально-технической необеспеченности указаний центра.

В этой связи книга указывает возможное и потенциально очень важное для понимания характера советской системы направление исследований — «пределы власти». А именно, какие факторы влияли на исполняемость управленческих решений, что могло способствовать их осуществлению, а что мешать или

вовсе сводить на нет. Те самые «механизмы торможения», о которых довольно много писали ещё в годы перестройки, принципы их действия и порождавшие их условия.

Одно из таких условий применительно к рассматриваемой теме — быт и существование учителей и школьников. Посвящённая им третья глава производит впечатление поистине удручающее. Нужда во всём, от помещений до инвентаря, перегруженность работой, тяжёлые условия жизни — вот повседневность послевоенных десятилетий. В свете этого печальны, но, к сожалению, не удивительны многочисленные свидетельства о потрясающей для «передовой державы» грубости нравов в школе, от психологического и физического насилия над учащимися до антиобщественного поведения и даже самоубийств последних. Звонкие словеса с высоких трибун о воспитании гармоничной личности («физически крепких, всесторонне развитых и хорошо образованных строителей новой жизни») не слишком успешно драпировали реальность, в которой ни учителя в массе своей не знали, как воспитывать в принципе, не любили своих подопечных, ни учащиеся не горели стремлением к знаниям, не уважали педагогов, воспринимали школу либо как тюрьму, либо как необходимый этап на пути к взрослой жизни, который просто надо пройти, перетерпеть (а если есть возможность, то и вовсе бросить).

И здесь возникает вопрос: был ли оправдан курс на «ликвидацию неграмотности», всеобщее образование, полный охват обучением? Так ли уж было необходимо подвергать всех детей (включая глухонемых и слепых!) испытанию советской школой? Конечно, с точки зрения тоталитарной идеологии сам вопрос абсурден — «формированию материалистического мировоззрения» подлежали все группы населения. К этому добавлялся репутационный эффект — «всеобщее равное образование» являлось отличным рекламным козырем при пропагандистской работе за рубежом. Однако практика, та самая жизнь, за которой столь пылко призывали следовать, раз за разом показывала пагубность подобного подхода. Сфера обучения оказалась полностью огосударствлена, однако государство не находило материальных ресурсов, финансовых средств, кадров для обеспечения избранного курса, а также, что немаловажно, не имело достаточного количества грамотных управленцев, умеющих «поставить дело». Не имелось «в верхах» и понимания того, необходимо ли учить всех, если да, то в каком объёме (семь лет, восемь, одиннадцать...), кто больше нужен стране — рабочие на производстве или массовые отряды специалистов с вузовской «корочкой». В результате всеобщее обучение профанировалось, превращалось в кампанейщину, создавало массу непредвиденных трудностей, ложилось бременем на бюджет, дезориентировало самих обучающихся.

Поневоле, впрочем, возникает ощущение, что всеобщее выступало в качестве не столько воспитания и образования, сколько очередного средства тотального контроля. Меры по регламентации жизни школьников, нагрузка (и перегрузка) занятиями, заданиями, общественной активностью — всё это выглядит как стремление поставить под надёжный надзор, не оставляя свободного времени, которое тратится по личному усмотрению, а значит бесконтрольно, с непонятными последствиями. И, конечно, создать постоянно действующее поле идеологического воздействия. О чём с одинаковой интенсивностью писали как в одиозные сталинские годы, так и в «вегетарианские» брежневские¹⁸.

¹⁸ Например: «Цель коммунизма — всестороннее и гармоническое развитие личности. Эта цель не может быть достигнута без активной регулирующей и организаторской деятельности го-

Однако мало установить контроль, необходимо его удержать. Особой утончённостью советский строй никогда не отличался, предпочитая действовать, казалось бы, эффективными методами силового давления и устрашения. Правда, в рассматриваемый период это уже были не бесхитростные сталинские «посадить и расстрелять». Ставка делалась на то, что можно назвать «невротизацией среды»: создание атмосферы постоянного психологического напряжения, цель которой — подавить индивидуальную и коллективную волю, не допустить даже гипотетической возможности как самостоятельных действий, так и внесистемной самоорганизации. Достигалась эта цель самыми разными способами.

Здесь и регулярно проводившиеся неожиданные, «как снег на голову», преобразования — никак серьёзно не обоснованные, нередко противоречивые, разнонаправленные, но, конечно, обязательные к исполнению в сжатые сроки. Эти действия можно сравнить с военными операциями на уже занятой, но ещё не вполне твёрдо контролируемой территории, призванными заставить врасплох, утратить или дезориентировать, принудить к повиновению. Вовсе не случайно, видимо, школьная реформа последовала за политическими потрясениями 1956—1957 гг. (как в СССР, так и в странах соцлагеря), которые привели к «разброду и шатаниям» даже среди лоялистов.

Здесь и создание обстановки нервозности вокруг самого факта пребывания в школе: риторическая накачка, требование высоких показателей при огромной нагрузке и тяжёлых условиях обучения, «экзаменационная лихорадка». Это было как по учителям, ответственным за успеваемость (при том, что едиобразные программы попросту не принимали в расчёт индивидуальные особенности и интересы школьников), так и по семьям, отношения в которых нередко оказывались непоправимо испорчены из-за тех или иных неудач ребёнка, что приводило и к трагическим развязкам.

Сюда же можно отнести и упомянутые конфликты учителей и обучаемых, приводившие к их фактическому противопоставлению. При этом дети видели, что учителя пользуются поддержкой структур власти и обуздывать их, таким образом, вряд ли получится даже в случае коллективных жалоб. Учителя же, несмотря на оказываемую поддержку, оказывались в уязвимой позиции, когда их в любой момент могли обоснованно обличить в прессе, а то и привлечь к взысканиям. Так создавался специфический морально-психологический климат, в котором ни одна из сторон не чувствовала себя уверенно, и требовалось присутствие «третьей силы», арбитра и судии — государства.

Набор приёмов невротизации широк и разнообразен. А в результате из школы должен был выходить человек несамостоятельный: приученный к беспрекословному подчинению, повиновению, зависимый от указаний и «заботы» сверху. «От ребёнка требовалось слушать и запоминать, а не создавать что-то своё. В школьных задачах всё было дано в условии, рассуждать просто не нужно»; «Правила экономики, политики, культуры, социальной сферы в СССР были чётко сформулированы и менялись очень медленно. Поэтому школа воспитывала инженерный тип мышления — дали тебе алгоритм, заучи и работай

сударства» (Известия. 1972. 15 января); «Использование свободного времени, поведение в быту, общественном месте — проблема не только отдельно взятой личности. Как уже не раз говорилось, это вопрос общегосударственный, требующий самого серьёзного внимания партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций» (Правда. 1975. 13 августа).

по нему»¹⁹. Правда, расцвет самых разных форм общественной активности молодёжи в конце 1950-х и в 1960-х гг. показывает, что эта цель оказалась достигнута далеко не полностью, — и это ещё одно указание на «пределы власти».

Особняком стоит раздел книги, посвящённый школам-интернатам. Предложение Хрущёва о государственном воспитании детей, кажущееся очередной экстравагантной идеей неугомонного «вождя», на самом деле, видимо, имело давнее хождение и даже некоторую популярность в среде «борцов за коммунизм». Чем иначе объяснить рассуждения, например, А.Н. Стругацкого, относящиеся ещё к концу 1940-х гг. и поразительно совпадающие с более поздними рассуждениями «дорогого Никиты Сергеевича»: «Воспитание ребёнка в семье — процесс недопустимо случайный, ведь семья может оказаться какой угодно: и образцовой, и преступной. Как направить человека по верному пути? Как выявить его главные склонности? Надо лет с пяти забирать детей от родителей, помещать в закрытые интернаты в прекрасных климатических условиях, например, в Крыму, и там замечательные педагоги пусть распределяют их на гуманитариев и технарей»²⁰. Без сомнения, подобного рода умозаключения восходят ещё к периоду Гражданской войны и коллективистским мечтаниям 1920-х гг. Но показательна их живучесть, а также упорство в желании непременно поставить такой опыт. Жизнь, впрочем, распорядилась по-своему.

Конечно, в монографии рассмотрены и даже затронуты далеко не все проблемы школьной жизни избранного периода. За рамками остались такие интереснейшие сюжеты, как духовное самосознание (и, в частности, влияние на школу антирелигиозной кампании хрущёвской поры), вообще мироощущение учащихся. Лишь по касательной затронут такой важный сюжет, как организация обучения в национальных районах. Между тем именно в данной сфере очень рано, уже к 1950-м гг., заявила о себе одна из главных слабостей режима — неудача в борьбе с традициями, культами и предрассудками (в том числе посредством обучения в школах), способствовавшая их консервации, фактическому обособлению целых народов от влияния идеологии и стоившая в конечном итоге СССР существования. В то же время понятно, что невозможно объять необъятное, и если бы все темы, попадающие в проблемное поле исследования, стали предметом рассмотрения, книга оказалась бы объёмнее минимум вдвое.

Замечаний к тексту немного. Вызывает сомнение оправданность использования термина «социальный контракт». Он давно уже пришёл в отечественные научные тексты из-за рубежа, однако его приложение к СССР не представляется правомерным. Потому что никакого «контракта» (сознательного и добровольного соглашения, предполагающего равноправность и обоюдные обязательства сторон) в рамках советской системы существовать попросту не могло. Даже в свои «вегетарианские» периоды власть не допускала ничего серьёзнее *видимости* диалога с обществом. Собственно, не признавалось даже то, что «власть» и «общество» — понятия самостоятельные, имеющие собственные интересы и устремления, вполне могущие не совпадать и потому требующие согласования. И любые попытки поставить вопрос в таком ключе безжалостно пресекались, ибо у народа не может быть противоречий с народной властью,

¹⁹ Черных А. «Советская школа не заботилась о личности отдельного ребёнка». Как началась образовательная реформа в позднем СССР и к чему она привела (URL: https://mel.fm/druzya_mela/1457980-last30).

²⁰ Скаландис А. Братья Стругацкие. М., 2008. С. 53.

а те, кто ставит так вопрос, — враги и агенты подрывного влияния. Собственно, «социальный контракт» нельзя даже заменить напрашивающимся (и также употребляемым в книге) термином «патернализм», потому что представленные материалы раз за разом показывают: взяв на вооружение «родительскую» риторику, власть вовсе не чувствовала себя обязанной воплощать «отеческую заботу» в жизнь (за исключением разве что «спецшкол для одарённых детей»). Эту позицию можно описывать, пожалуй, лишь в понятиях государственного лицемерия или идеологической обработки.

Несколько озадачивает заключительный абзац последней главы: «Из года в год повышался образовательный уровень учителей, улучшался их кадровый состав, что в конечном итоге вело к совершенствованию качества среднего образования, способствовало интеллектуальному развитию подрастающего поколения и ускоряло поступательное движение общеобразовательной школы» (с. 334). Конечно, обоснование этих положений потребовало бы, как минимум, дополнительного параграфа. Однако без прояснения, не будучи к тому же подкреплено материалами монографии, утверждение повисает в воздухе, производя впечатление обязательной, но, увы, не слишком убедительной оптимистической концовки.

Несмотря на замечания, можно без обиняков утверждать: с выходом книги Г.М. Ивановой историография пополнилась ценным, исключительно интересным и в очередной раз зовущим к осмыслению изучаемой эпохи трудом. Который может и даже должен стать отправной точкой для исследования школы второй половины 1960-х — 1980-х гг. — того периода, который ныне служит надёжным источником ностальгии по «лучшему в мире образованию». Хочется надеяться, что такое исследование, во-первых, появится, во-вторых, окажется выполнено на столь же высоком уровне и даст не меньше материала для размышлений.

Константин Ерусалимский, Сергей Полехов

Новое издание московско-литовских договоров середины XV — середины XVI в.: замысел и его реализация*

Konstantin Jerusalimsky

(Russian State University for the Humanities, Moscow),

Sergey Polekhov

(Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

Russian State University for the Humanities, Moscow)

New edition of the Moscow-Lithuanian treaties of the mid-15th — mid-16th centuries: concept and its implementation

DOI: 10.31857/S086956870012950-6

Издание государственных договоров Московского (Русского) государства с Великим княжеством Литовским с 1449 по 1556 г. выполнено в рамках серии «Документы внешней политики Литвы XIII—XVIII вв.». Первая книга этой серии — «Кревский акт 14 августа 1385 г.» — вышла в 2002 г. и вызвала широкий международный резонанс¹. После этого были изданы ещё два тома — первая часть соглашений Австрии, Пруссии и России о разделах Речи Посполитой (2008) и акты Городельской унии 1413 г. (2013). Значение этих изданий очевидно: межгосударственные договоры — источник первостепенной важности. К настоящему времени исследователи располагают образцовыми изданиями договоров Великого княжества Литовского с Польшей и Крымским ханством; сложнее ситуация с изданиями его договоров с Тевтонским орденом и Молдавией. Издание договоров с Московским, а затем Российским го-

сударством заполнило бы очевидную лакуну, тем более что Л.В. Черепнин поместил в своей публикации «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» московско-литовские договоры лишь до 1494 г.

Рецензируемый том, включающий 29 актов, подготовлен доктором Марюсом Сирутавичюсом из Университета Витовта Великого в Каунасе, а его научным редактором выступила известная исследовательница истории Великого княжества Литовского Юрате Кяупене. Ей принадлежит предисловие «Открывая новую страницу», в котором представлен замысел публикации, её место среди названных изданий, рецензированы новейшие российские исследования политики и дипломатии Московского государства второй половины XV — середины XVI в. (р. 11—18). М. Сирутавичюс во вводных разделах «Межгосударственные

* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės ir Maskvos valstybės sutartys. 1449—1556 metai. Šaltinių publikacija / Sudarė, parengė, vertė M. Sirutavičius. Kaunas; Vilnius: Vytauto Didžiojo universitetas, Versus aureus, 2016. 308 p. (Договоры Великого княжества Литовского и Московского государства. 1449—1556 гг. Публикация источников / Сост. М. Сирутавичюс. Каунас; Вильнюс, 2016).

Материал подготовлен при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00432.

договоры в практике дипломатических отношений Литвы и Москвы в конце XV — 60-е годы XVI в.» (р. 19—43) и «Принципы подготовки публикации» (р. 44—50) характеризует динамику литовско-московских взаимоотношений в указанный период, особенности процедуры заключения договоров, значение её элементов, отмечает изменения в терминологии и титулах («великий князь», «царь всея Руси», «брат», «любовь», «правда», «докончание»). Отмечена степень сохранности оригиналов и копий договоров в древлехранилищах России и Польши и в общих чертах — особенности предыдущих их научных публикаций. По словам составителя, его задача заключалась в публикации литовско-московских договоров прежде всего по оригиналам, если таковые сохранились, поскольку ранее они, за исключением грамоты Ивана IV 1556 г. (№ 22), издавались по спискам в Литовской метрике и московских посольских книгах (р. 45—46). При этом составитель признаёт, что публикация была подготовлена по цифровым копиям (р. 49), что, как будет показано ниже, сказалось на реализации его замысла.

В издание вошли тексты соглашения между двумя государствами, начиная с «вечного» мирного договора между великим князем московским Василием II Васильевичем (и удельными московскими князьями) и королем польским и великим князем литовским Казимиром Ягеллоном от 31 августа 1449 г. (№ 1). Последнее в подборке — перемирие царя Ивана IV с королем польским и великим князем литовским Сигизмундом Августом от 7 февраля 1556 г. (№ 22—23). Нижняя дата объясняется значением договора 1449 г.: он зафиксировал определённый баланс сил и раздел сфер влияния в Восточной Европе между двумя Великими княжествами — Московским

и Литовским, а также положил начало выработке процедуры заключения договоров между этими государствами, которая окончательно сложилась в первой половине XVI в. Верхняя хронологическая граница во вводных статьях не обосновывается, но, вероятно, объясняется тем, что спустя два года после заключения очередного перемирия начался масштабный конфликт, известный в науке как Ливонская война. Значительную часть этого периода между государствами шли войны, во время которых Великое княжество Литовское утрачивало регион за регионом и которые лишь дважды прерывались «вечным миром», быстро сменявшимся новой войной, — в 1494 и 1508 гг.

Понятие *оригинала* заставляет сказать о «противнях» — экземплярах сторон. Их количество определялось процедурой заключения соглашения в соответствии с прецедентом 1449 г. На этом настаивала московская сторона, поскольку это позволяло ей удерживать инициативу при выработке формулировок договора. Великий князь московский выдавал послам великого князя литовского грамоту от своего имени, а они ему — от имени своего господаря с припиской, содержащей обязательство будущей ратификации договора литовским правителем. На неё отправлялись московские послы, захватив с собой грамоту литовских послов, чтобы проконтролировать идентичность текстов — предварительного (посольского) и ратифицируемого, а также соблюдение всех церемониальных моментов. Таким образом, в идеале в каждом случае первоначально существовали три оригинала: один — московской стороны, два (посольский и великокняжеский) — литовской стороны. Из них до наших дней дошли далеко не все. Хуже всего сохранились договоры Казимира Ягеллона с Василием II

(1449 г., № 1) и Александра Ягеллона с Иваном III (1494 г. — № 2 и 3; 1503 г. — № 4 и 5): в оригинале — лишь литовская грамота (послов) от 26—27 марта 1503 г. При этом не сохранилась литовская ратификация перемирия 1503 г., о существовании которой известно из московской посольской книги². Это стоило отметить в издании, тем более что в 1494 г. такого документа не было, поскольку соответствующую процедуру ещё не выработали (р. 30). Из договоров, заключённых Василием III с Сигизмундом Старым, сохранились в оригиналах в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, ф. 79, оп. 3) литовские предварительные договоры и их ратификации 1508—1509, 1522—1523 и 1526—1527 гг. (№ 7, 7А, 9, 9А, 11, 11А). Ратификационные акты не переизданы, но отмечены под дополнительными номерами и охарактеризованы в кратких легендах.

За период правления Ивана IV сохранились оригинальные экземпляры договоров не только московской, но и литовской стороны — в варшавском Главном архиве древних актов (Archiwum Główne Akt Dawnych — AGAD) и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). Для первого из таких договоров (1537) опубликованы «противни» (№ 14, 15), а литовская ратификация лишь отмечена в издании (№ 15А) и описана в легенде. Из документов соглашения 1542 г. (№ 16, 17, 17А) лучшая сохранность — у литовского акта ратификации, который и издан под № 17А. Следующие три подборки также составляют комплексы соглашений 1549 (№ 18, 19, 19А), 1553 (№ 20, 21) и 1556 (№ 22, 23) гг. Во всех этих случаях до нас дошли не только списки, но и оригиналы актов, а в последних двух случаях ратификационные документы отсутствуют.

Уже из этого перечисления видно, что архивная судьба публикуемых и

отмеченных в издании документов. Оригиналы грамот литовской стороны (с 1503 г.) сохранились в РГАДА, московской (с 1537 г.) — в AGAD и Отделе рукописей РНБ, куда договор 1556 г. (№ 22) перекочевал из архива Радзивиллов, позаимствовавших на хранение государственный архив Великого княжества Литовского³. Таким образом, все договоры за этот период остались у тех сторон, которым были предназначены соответствующие экземпляры. Поскольку ряд договоров не сохранился в оригиналах, имело смысл проследить их архивную судьбу, обратившись к описям архивов — царского 1570-х гг., Посольского приказа 1614, 1626—1627 и 1673 гг. — и сопоставив регесты договоров в них с дорсальными записями, которые Сирутавичюс воспроизвёл лишь отчасти.

В передаче текстов составитель следует правилам, принятым в Литве при издании Литовской метрики, в которых сочетаются критические и дипломатические методы. От первых — облегчённая графика при передаче кириллических текстов (не сохраняется даже «ѣ»), от вторых — раскрытие сокращений при помощи круглых скобок и обозначение выносных букв курсивом. Реконструированные фрагменты текста вносятся в публикацию в квадратных скобках. Впрочем, различия по спискам не приводятся, и далеко не всегда ясно, откуда позаимствованы или на каком основании приняты чтения в квадратных скобках.

Мы провели выборочную сверку нескольких договоров, сохранившихся в оригиналах, — литовских экземпляров соглашений 1503, 1522, 1526, 1549, 1553 и 1556 гг., хранящихся в РГАДА (№ 5, 9, 11, 19, 21, 23), и московского акта перемирия 1549 г. из собрания AGAD (№ 18). Эта сверка выявила многочисленные неточности, ошибки и опечатки⁴. От них составителя не спасла даже замена вышедших

из употребления кириллических букв на современные: сплошь и рядом выносные буквы не отмечены курсивом, а там, где он имеется, не всегда в действительности читается выносная буква. Довольно часто путаются буквы, похожие по написанию и практике употребления («ы» — «и», «ь» — «ъ», «а» — «юс малый» или «аз йотированный»). В ряде случаев в публикации допущены существенные искажения топонимов: так, вместо «Белика» читаем «Велика» (№ 5, р. 92), вместо «Телешович» — «Телелешович» (№ 9, р. 139), вместо «Яловца» — «Аловца», что составитель исправляет на «Еловца» (№ 19, р. 233). Эти примеры можно умножить. Иногда составитель не оговаривает эмендации, отмечая их так же, как и утраты (о них речь впереди), — квадратными скобками. В результате читатель не узнает, если не обратится к оригиналам, что в договоре 1522 г. (№ 9) читается не «[О]ръши», а «Ръши», а в договоре 1549 г. (№ 19) не «се[д]мое», а «се-мое» — обычные для текстов XVI в. формы, которые не требуют никаких эмендаций. Иногда же, напротив, в издании появляются лишние буквы, которых нет в оригиналах.

Сверка издания с оригиналами показала, что составитель злоупотребил квадратными скобками для передачи нечитаемых мест: многие из них на самом деле читаются, если варьировать освещение или просто разглядеть листы пергамента, хранящиеся в сложенном состоянии (если же вооружиться лупой и ультрафиолетовой лампой, то результат будет ещё более впечатляющим). Здесь и дала о себе знать подготовка публикации по цифровым копиям без обращения к оригиналам. К примеру, в перемирных грамотах 1526 и 1549 г. (№ 11, 19) читаются практически все слова, заключенные в издании в квадратные скобки, за исключением нескольких

мест в конце второго договора, где пергамен повреждён или загрязнён. Хорошо в оригинале читается и текст договора 1556 г., особенно если осветить его ультрафиолетовой лампой (№ 23). В издании он подготовлен по списку в московской посольской книге.

Во всех спорных и ошибочных прочтениях недостаёт палеографических комментариев публикатора. Из просмотренных нами оригиналов самая сложная, но всё-таки не безнадёжная ситуация с договором 1553 г. (№ 21): он написан на листе толстого пергамента довольно убористым почерком и хранится в сложенном виде, так что его непросто развернуть. Больше всего пострадала левая часть листа, где верхний слой пергамента повреждён. И всё же тщательное изучение этой части, её сравнение со списком в московской посольской книге позволило бы реконструировать текст точнее, чем при простом его воспроизведении по списку. Остаётся лишь сожалеть, что издатели документов польско-литовской внешней политики уже не в первый раз сталкиваются с отказом архива выдать оригиналы публикуемых документов или хотя бы изготовить их копию, только на этот раз такая история приключилась не в московском⁵, а в варшавском архиве, где хранится московский экземпляр договора 1553 г. (№ 20, см. р. 46, 243), так что его текст пришлось готовить по списку.

Нередко вызывают возражения разбивка на слова, расстановка знаков препинания и использование прописных и строчных букв. Разумеется, многое из этого определяется выбором издателя (например, выбор прописной или строчной буквы в элементах объектной части монаршего титула), но всё-таки некоторые решения представляются неприемлемыми — например, частица «не» пишется с глаголами то раздельно, по

правилам современных восточнославянских языков, то слитно («невоевати»), как в литовском языке. Напротив, для словосочетания «которые ни буди» напрашивается раздельное написание. Различение форм «государь» и «господарь» при раскрытии титла (в круглых скобках) в текстах соответственно Москвы и Вильно является не только надуманным, но и ошибочным. В Москве на всем протяжении периода, охваченного изданием, звучала только форма «господарь» (р. 49)⁶. Кроме того, в отдельных случаях Сирутавичюс без всяких пояснений применяет в публикации одного документа обе эти формы, распространяя титул «государь» на великого князя московского, а «господарь» — на великого князя литовского (р. 140). По меньшей мере в одном месте кириллическая дата от Сотворения мира передана как «695 седмое» вместо «6950 седмое» (р. 56).

В издании ощущается неполнота привлечённых списков договоров и отсутствие текстологического анализа. Так, московская грамота «вечного мира» 1494 г. (№ 2) издана по московской посольской книге, отмечен и список Литовской метрики. Между тем можно отметить ещё один список этого договора, сохранившийся в Вильнюсе, в конволюте Библиотеки им. Врублевских Академии наук Литвы⁷. Текст договора переписан на бумажном листе размером 42,6 x 59,2 см скорописью, характерной для Великого княжества Литовского примерно 1570—1590-х гг. (филигрань неясна, а подпись господарского писаря внизу листа повреждена). В правом верхнем углу имеется пометка: «Привилеи московьский», на обороте — польские пометки. Чтения этого списка, как правило, менее исправны, чем в московской посольской книге, и опять-таки указывают на то, что он возник поздно, когда

реалии и даже язык договора 1494 г. были уже не очень хорошо понятны. Однако его значение всё же не следует недооценивать: он свидетельствует о том, что и в это время сохранялся определённый интерес к относительно раннему договору.

Московские и литовские экземпляры договоров публикуются по оригиналу или одному основному списку, при этом списки привлекаются лишь для реконструкции мест, которые издатель не смог прочесть по цифровым копиям оригиналов. Текстуальные расхождения между оригиналом и списком, как и между посольской грамотой и её господарской ратификацией, не отмечаются. Стоило отметить и расхождения между московским и литовским оригинальными экземплярами одного и того же договора, такие как пропуск фразы «города Мосалска с волостми» в перечне мест, куда запрещалось «вступаться» Сигизмунду Старому по перемирию 1537 г.: в московском экземпляре её нет (№ 14, р. 180)⁸, а в литовском — есть (№ 15, р. 190; ср. подобные примеры в договоре 1542 г.: р. 34—35). В издании отмечены, но никак не охарактеризованы «архивные копии» литовских экземпляров из РГАДА, подготовленные во второй половине XVIII в. Н.Н. Бантыш-Каменским и его сотрудниками.

Из-за того, что тексты договоров готовились по цифровым копиям, в издании остались неописанными внешние признаки документов — не отмечены их размеры, пропущены некоторые пометки (а если они всё-таки приведены, то и здесь не обошлось без неточностей). Без репродукций, за исключением нижней части одной грамоты, помещённой на обложку книги (приписка с обязательством ратификации — № 5), трудно оценить высокий уровень художественного оформления договоров, который был

призван производить впечатление на современников, подчёркивая важность содержания грамоты и статус её юридического автора.

Некоторые соглашения не имеют точных дат, и издателю пришлось устанавливать их по записям о процедурах утверждения договоров в посольской документации. Ряд таких датировок вызывает сомнения. Так, договор, утверждённый сторонами в Можайске в ноябре 1526 г., почему-то в обеих версиях датирован по-разному. Московская версия — «[4] ноября 1526 г., Можайск» (№ 10, р. 149), литовская — «[14 ноября 1526 г., Можайск]» (№ 11, р. 159).

Все публикуемые тексты документов сопровождаются литовскими переводами, что, по замыслу публикатора, должно помочь литовскому читателю⁹, а также английским резюме (р. 285—289). Но тексты эти однотипны и объёмны, и сориентироваться среди них можно было бы при помощи более содержательных колонтитулов с указанием не только номеров, но и дат документов. А ориентацию внутри текста того или иного соглашения облегчила бы не только разбивка на статьи (сами они получились бы довольно объёмными), но и нумерация строк.

Примечания, именной и особенно географический указатели к изданию (р. 290—307) получились малоинформативными. Идентифицированы лишь крупные населённые пункты, да и то не все. «За бортом» специального издания остались идентификации многочисленных сёл, волостей, речек и монастырей, которым посвятили много внимания исследователи от М.К. Любавского до В.Н. Темушева.

После всего сказанного остаётся неясным: коль скоро в издании столько неточностей, ошибок и недочётов, то зачем оно было нужно? Просто чтобы собрать тексты московско-

литовских договоров середины XV — середины XVI в. под одной обложкой? Но для этого хватило бы аннотированного перечня, регестов с указанием шифров оригиналов и списков, выходных данных, номеров документов и страниц изданий (и сводку этих данных надо признать сильной стороной публикации). Специалисты-историки, скорее всего, обратятся к предшествующим изданиям или к рукописям, а филологи — сразу к рукописям (если, конечно, в архиве не откажутся их выдать или скопировать). Издание будет полезно литовским студентам, для которых чтение кириллицы и понимание написанных ею текстов, возможно, составляет проблему. Что же касается «членов неакадемического сообщества» (р. 308, аннотация), то они, — если их действительно интересуют литовско-московские отношения, — рано или поздно обратятся к соответствующим изданиям источников и специальным трудам. Стоит отдать должное М. Сирутавичюсу и Ю. Кяупене: они поставили задачу подготовки современного научного издания московско-литовских договоров, но её решение по-прежнему остаётся делом будущего.

Примечания

¹ 1385 m. rugpjūčio 14 d. Krėvos aktas. Vilnius, 2002.

² Александр Ягеллон целовал крест 27 августа 1503 г. (Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. М., 1882. С. 439). Кстати, во введении рукопись посольской книги 1501—1505 гг. названа списком (р. 47), тогда как в действительности это оригинал книги (*Мошкова Л.В.* Русские посольские книги: начало формирования // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 232—250).

³ См. специальное исследование: *Латушкин А.М.* Акт перамір'я паміж Расійскай дзяржавай і Вялікім Княствам Літоўскім 1556 г.

з Российской национальной библиотеки: питання правленіццї // Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права. Витебск, 2017. С. 160—163.

⁴ Они встречаются и в сопроводительных текстах: так, в археографическом предисловии (р. 46, примеч. 89) в номерах пергаменных грамот AGAD допущен сбой на одну единицу, а во введении Василий II ошибочно назван Василием III (р. 28).

⁵ В Архиве внешней политики Российской империи Рамуне Шмигельските-Стукене отказались допустить к оригиналам документов первого раздела Речи Посполитой, ссылаясь на то, что они и так уже изданы (Lenkijos-Lietuvos valstybės padalijimų dokumentai. 1 dalis: Sankt Peterburgo konvencijos. Vilnius, 2008. P. 10).

⁶ Бачинский А.А., Ерусалимский К.Ю., Кочекоская Н.А., Моисеев М.В. Дипломатиче-

ская переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования // Российская история. 2018. № 2. С. 111—112; Авдеев А.Г. «Государь» или «господарь»? Об одном элементе титулатуры правителей Московской Руси // Российская история. 2018. № 5. С. 9—16.

⁷ Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius. F 16—24. L. 134. За помощь в работе с этим источником благодарим А.И. Грушу (Минск).

⁸ Впрочем, в указателе на с. 299 Мосальск указан на этой странице.

⁹ Некоторые замечания относительно точности этих переводов см.: Gudmantas K. «Gyventi man su juo meilėje pagal šį raštą...»: keli pastebėjimai apie naująjį LDK ir Maskvos valstybės sutarčių leidimą // Senoji Lietuvos literatūra. Kn. 45. Vilnius, 2018. P. 234—235.

Ирина Пушкарёва

Рец. на: В.П. Козлов. «Убрать в историю...»: Крестьянский род и поселение Тульского края в XVI—XX веках. Ч. 1. Конец XVI в. — 1917 г. М.: Издательство РГГУ, 2019. 705 с.

Irina Pushkareva

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: V.P. Kozlov. «Ubrat' v istoriyu...»: Krest'yanskiy rod i poseleniye Tul'skogo kraja v XVI—XX vekah. Ch. 1. Konets XVI v. — 1917 g. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870012951-7

При обращении к новой монографии исследователя-архивиста В.П. Козлова вспоминается огромный пласт публикаций по истории русского крестьянства. Своим объёмным исследованием Козлов внёс особый вклад в крестьяноведение России. При создании труда автор явно стремился вписать в контекст огромного полотна аграрной истории страны судьбу представителей крестьянского рода, прошлое которого сохранили архивные документы небольшого сельца (поначалу деревни) Горки в Епифанском уезде Тульской губ. Деревня была известна с конца XVI в. и просуществовала более трёх столетий.

В научный оборот введены «три класса» источников: документальные; официальные, в том числе статистические; «неофициальные», среди которых имеются эго-документы — мемуары, дневники, эпистолярное наследие. Особое внимание автора привлекли материалы Государственного архива Тульской области (ГА ТО), созвучные тем, что сохранены центральными архивохранилищами (РГАДА, ГА РФ, РГАЭ, РГВИА, РГИА). ГА ТО хранит недостаточно использованные источники поместно-вотчинных архивов XVIII — начала XX в. — землевладельцев и душевладельцев князей Голицыных, Юсуповых, графов

Орловых, Орловых-Давыдовых, Бобринских, Оболенских, Олсуфьевых (с. 16—24). В большинстве случаев все они, указывает автор, — «осколки» официальной документации правительственных учреждений. Но при недостатке информации Козлов блестяще применяет метод субституции — использования материалов, более подробно зафиксировавших историю соседних с деревней Горки поселений со сходными социально-экономическими условиями жизни. Автор продолжил свои теоретические разработки, связанные с «классификацией документальной памяти» (с. 25—26). Так, в книге появился новый методологический посыл, смысл которого — определение ступеней прогресса маленькой деревни Тульского края на протяжении столетий. Итоги такого определения малоутешительны: значимость деревни не возрастала, но... важен сам подход, сама постановка проблемы (с. 29—30).

Следуя подходам, использованным ещё В.И. Семевским (речь идёт о манере анализа, подаче фактов), и приняв в расчёт труды И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова, многочисленные статьи тульских краеведов, Козлов продолжил изучение узколокального материала, детально и многопланово представив сложность мира русской деревни.

Повествование, разделённое на шесть хронологических отрезков, автор ведёт с истории сельца Епифань конца XVI в. до реформы 1861 г. включительно, анализируя при этом последовательную смену землевладельцев и земледельцев, душевладельцев и крепостных. Задача автора проста в своей утилитарности — поиск первых предков жизнестойкого крестьянского рода Козловых в поселении (деревне) Горки. Земля здесь была закреплена за владельцами при получении жалованных грамот от царей и в итоге

перешла в собственность клана помещиков Протопоповых (с. 359—373).

На основе принципа от общего к частному исследование выполнено по схеме: губерния — уезд — стан (волость) — поселение — община — крестьянский двор — человек. Последние звенья схемы периода преддверия XX в. освещены автором более детально по мере увеличения обнаруженных им источников. Прежде всего это касается «болевых точек» жизни деревни: повинности (барщина, оброк); разделение крестьянских семей; рекрутские наборы; браки; отходничество; землепользование. Детально рассмотрены понятие «тягло», тяговая система русской деревни в центре страны, показана роль этой системы в сохранении крестьянских родов, а также в повседневной жизни крестьян со всеми её противоречиями и усилением барских повинностей (с. 376—377).

Книга как широкая панорама истории русской деревни в родовом измерении — крестьянском и дворянском, подтверждая выводы предшествовавших исследователей, существенно дополняет важными фактами российское крестьяноведение. Особенно ценны те пассажи, где читатель найдёт детальный разбор внутренней организации полу- и крепостнической жизни, взаимоотношений крестьянской общины и помещиков, а также их взаимодействия с государством. При этом автор указывает не только на противоречия, но и на некие совпадающие интересы, особенно в отношении налогов или рекрутских наборов.

Убедительно показано, как и почему с 40-х гг. XIX в. помещичья власть в русской деревне начала «смягчаться» на фоне усиления роли общины. Поэтапно представлено, как аграрный вопрос в России (так и не решённый до 1917 г.) с середины XVIII в. либо сознательно отклады-

вался властью, либо попытки решить его встречали сопротивление со стороны дворянства. В итоге «обмотанный в кокон общины» данный вопрос стал тормозом программы преобразования деревни. В связи с этим Козлов рассмотрел несколько сквозных сюжетов, связанных с процессами перераспределения земли — главной ценности дореволюционной России. В красках показан бурный рост дворянского землевладения, сложные формы его перераспределения среди дворян с конца XVI в., непростые отношения общины и помещиков в XIX столетии. Автор показал, как шёл медленный, но неизбежный после реформы 1861 г. процесс перехода к представителям других сословий земли дворян — через её продажу частным лицам и общинам. Обременительные для крестьян выкупные платежи, констатирует Козлов, породили массовое сопротивление их выплатам и стали одной из причин радикализации крестьянских настроений рубежа XIX—XX вв.

Начавшийся в первые десятилетия XIX в. процесс крестьянского обезземеливания, усилившегося после реформы 1861 г., по мнению автора, был компенсирован во второй половине XIX — начале XX в. различными формами арендных отношений, которые развивались на фоне «возбуждения деревни» при каждом неурожае и прочих бедах, обрушивавшихся на неё весьма часто.

В начале XX в. Горки входили в состав крупного зерноводческого центра русского Черноземья, и очевидно, что сохранение общинного землепользования затормозило в регионе столыпинскую реформу. Автор объясняет причины и истоки этого процесса (с. 608—613), показывая именно общину (при всей её консервативности) организатором крестьянских выступлений на рубеже веков, органом

«крестьянской демократии» и рупором идей «справедливости». Безусловно, эта тульская община стояла на защите традиционных экономических устоев, равно как и политических — монархии и власти.

Экономические сюжеты истории крестьянской деревни в книге органично сплетены с политическими, включая войны и их последствия. Отечественная война 1812 года с её ополчениями явно не была для тульской деревни «праздничным парадом». Следствием войны стал перманентный кризис при каждом «недороде», равно как и усиление тягловых повинностей (с. 201—208). Новым тяжёлым бременем для местных крестьян явилась Крымская война 1853—1856 гг., которая сопровождалась новыми развёрстками и голодом (с. 212—214). Между войнами деревню терзали обычные напасти — холера, падёж скота.

Для крестьян Горок на протяжении столетий оставалось неизменным (вплоть до XX в.) уважительное отношение к государственной власти, являвшейся для них «то грозным, то милостивым регулятором жизненных процессов, последним пристанищем справедливости». «Апелляция к государственной власти была» для крестьян «и реально, и символически последней надеждой найти правду и защитить справедливость». Но царская бюрократия, полагает Козлов, «несмотря на внешнюю и реальную силу, будь то она общероссийского или провинциального ранга, за небольшим исключением являлась самым беспринципным и трусливым слоем российского социума, пекущимся не о государственном благе, а о прибытке» (с. 695).

Лишь в начале XX в. масштабное участие крестьян в неудачных для России военных кампаниях перешло в крестьянское недовольство. Оно,

в свою очередь, повлекло за собой в 1905 г. консолидацию класса малоземельных крестьян, нередко готовых пустить «красного петуха» на помещичьи, казённые, удельные и прочие частновладельческие земли (с. 598—599).

Книга обогащает историографию персонификацией нескольких дворянских и крестьянских родов начиная с конца XVIII в. До середины 60-х гг. XIX в. — это история дворянского мира, связанная с именами декабристов из Епифанского уезда. Впечатляет цифра: из «тех мест» — 27 участников движения, подвергшихся преследованиям и гонениям властей. Запоминаются зарисовки представителей землевладельческого сословия, образы епифанского дворянства — князей Г.Е. Львова, М.В. и В.М. Голицыных, Писаревых, Раевских, Оболенских, Волконских, генерала Измайлова. Они сменяются образами представителей местного крестьянства: кулака Богачёва — стяжателя, безжалостного к судьбе своих сыновей; солдата-отставника Кочеткова, ищущего справедливость в крепостной деревне. И все эти годы рядом с ними в разные периоды жили представители крестьянского клана Козловых, «ожившие» благодаря архивным источникам XVIII—XX вв., выявленным автором, потомки которого живут в тех самых Горках до сих пор.

От устной общинной традиции XVIII в. фамилия «Козлов» перешла в метрические книги (с. 79—87) и передавалась от поколения к поколению, каждое из которых жило с ощущением «домоклова меча» — опасности быть переселёнными или проданными в другие владения. Но судьба хранила этот крестьянский клан (с. 360—373). Его история представлена в книге не как генеалогическое древо, а как сложная система, испы-

тывавшая на себе воздействие многочисленных социально-экономических факторов (барщинной или оброчной систем эксплуатации, крестьянского двора как экономической категории). Немалую роль в сохранении клана Козловых сыграли тягловая система как «системообразующий фактор формирования и поддержания крестьянского рода» (с. 376), соотношение мужского и женского состава двора, особенности характера брачных связей (внутриобщинных, межобщинных, межпоселенческих). По мнению автора, эти показатели со временем почти не менялись, демонстрируя застойные явления в русской деревне, несмотря на развитие отходничества и рост числа крестьян, освобождённых от зависимости после 1861 г.

Клан крестьян Козловых имел минимальный земельный надел, оптимальное число мужских и женских рук. Глава рода, по статусу середняк, видел своё предназначение в труде как гарантию продолжения рода. На грань вымирания его поставил голод 1891 г. Однако клан всё-таки выжил, имея к началу XX в. семь поколений предков. Секреты его жизнестойкости в крепостной России объясняются многим. По меркам любого времени в роду Козловых из Епифани оказывались добропорядочные люди без стяжательских и честолюбивых желаний. Род разросся и утвердился в первое десятилетие XX в. благодаря огромным усилиям прадеда автора книги — Емельяна. В его власти оказались и внутренняя жизнь двора и то, что связано с общинными делами — расчётами наделов земли, оброчными и другими повинностями (с. 373—377, 295—299). С начала XX в. некоторые отходники Козловы стали обосновываться в Москве.

Книга, к сожалению, не имеет указателей, хотя и содержит около 100 таблиц, что явно избыточно. Ко-

личественные данные (представленные с нарушением правил издания — без ссылок на источники) рассеивают внимание читателя дробностью, чередуясь в книге с «экспертными оценками» по десяти признакам уровня жизни крестьян. Понятно, что автор попытался уйти от стандартных характеристик (улучшалась или ухудшалась жизнь крестьян), но на основании приведённых таблиц сделать какие-либо обоснованные выводы тем более невозможно.

Приведённые в книге экспертные заключения слишком отвлечённые (с. 690), хотя общее выражение идей и мыслей автора достаточно ясны и прозрачны. Его увлечённость историей своего рода радует читателей и исследователей. Книга с необычным для научного издания названием («Убрать в историю...») содержит немало ярких сравнений, рождённых жизнью деревни, будь то рассказ о «главном помощнике русского крестьянина» — лошади или жаворонке («недоступной и загадочной птице»), «словно наконецником копья пронзающем голубое небо... сопровождавший веками труд русского крестьянина, своеобразный символ беды или надежды на урожай». Поэтические ноты в восприятии собственной истории, как и во всём повествовании — то, что автор получил

вместе со своим крестьянским происхождением.

Отец автора — крестьянин-колхозник П.И. Козлов, вернувшись с фронта в деревню Горки, с 1950 г. вёл дневник о происходивших там событиях, дополняя его по мере сил вырезками из различных изданий и календарей и раскладывая их по темам. Затем завёртывал в газету и перевязывал верёвочкой получившиеся из вырезок стопки, каждую из которых нумеровал собственноручно и тщательно хранил. Он называл это «убрать в историю», что и определило название книги.

В архивы России вот уже не одно десятилетие идут запросы от тех, кто ищет именитых предков среди дворян, купцов, князей и графов. Крестьянскому роду Козловых повезло, что в одном из его поколений появился талантливый учёный, составивший аналитический портрет клана, семьи, «рисунок» собственного детства, отрочества, юности; описавший всё, что бережно хранится до сегодняшнего дня. Книга В.П. Козлова — пример истинной любви к Родине. Автор гордится своими крестьянскими корнями, демонстрирует глубокое уважение к сельскому труду, высказывает сострадание к людям, на чью долю выпали нелёгкие испытания.

Игорь Богомолов

Рец. на: В.Б. Аксёнов. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914—1918). М.: НЛО, 2020. 992 с.

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: V.B. Aksenov. Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voiny i revolyutsii (1914—1918). Moscow, 2020

DOI: 10.31857/S086956870012953-9

Тема рассматриваемой книги давно оформилась как направление исторических исследований. Советская историография традиционно обращалась к революционным настроениям «масс», противопоставляя их «реакционным» действиям буржуазии и «несознательных» элементов пролетариата и крестьянства. В последние десятилетия заявило о себе «патриотическое» крыло, фокусирующееся на примерах сознательности населения России, готовности людей к жертвам для защиты родины в годы Первой мировой войны¹. Но означал ли «патриотизм» безоговорочную поддержку правительства? Носили ли действия Думы накануне революции патриотический характер? Где вообще проходит грань между патриотизмом и революционностью? Поиск ответов на эти и многие другие вопросы неизбежно приводит к дискуссиям о неизбежности революции 1917 г. и её характере. Пытаясь выйти из этого замкнутого круга, современные историки рассматривают революционную эпоху с новых сторон, привлекают новый методологический инструментарий и неизвестные до сих пор источники. Настроения человеческих сообществ прошлого всё чаще рассматриваются в контексте социальной психологии², большое внимание уделяется образам и слухам как реакциям человека на окружающую действительность³. Рас-

ширяются рамки самой революции за счёт включения в неё Первой мировой войны⁴.

Указанным тенденциям следует кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН В.Б. Аксёнов. В центре внимания его монографии — слухи, образы и эмоции российского общества времён Первой мировой войны. Слухи способствуют формированию «искажённых образов», отличающихся от образов, навязываемых пропагандой. В периоды социально-политических потрясений слухи и образы (внешнего и внутреннего врага, власти, армии) становятся горячим материалом, разжигающим общественное недовольство. Последнее наиболее ярко выражается в эмоциональных всплесках и аффективных действиях, зачастую не подчинённых логике и здравому смыслу. Именно поэтому эмоциональная составляющая революционной эпохи привлекла особое внимание исследователя.

Монография состоит из семи разделов, каждый из которых повествует об «определённой форме массовых настроений» (с. 9). Так, первый раздел — «Идея» — посвящён идейным основаниям массовых настроений накануне и в начале войны. Основное внимание уделено концепции «отложенной революции» и феномену «патриотического настроения 1914 года».

Основываясь на теории М. Вебера об аффективно-эмоциональном социальном действии, автор указывает на общую природу революционных (стачки, крестьянские волнения) и патриотических действий того времени. Их мотивировали разные политические идеи, но почти всегда в их основе лежали идентичные эмоции — «факторы архаичного бунтарства» (с. 65). Автор настаивает, что противопоставление революционности и патриотизма некорректно, так как в ходе войны и по мере нарастания кризиса формальные границы между этими понятиями стирались. Февральская революция в этом смысле — идеальный пример, так как она «была для многих патриотической революцией: власть свергли ради спасения России» (с. 22).

Говоря о патриотизме лета 1914 г., Аксёнов указывает на его «дуалистически-амбивалентную природу» (с. 55). Даже искреннее воодушевление нельзя однозначно отнести к провластным настроениям. Скорее, это было «восторженно-чувственное восприятие действительности», подменявшее собой рациональное мышление и прикрывавшее страхи. Кроме того, воодушевление и эйфория спокойно соседствовали с ненавистью. На первый взгляд, речь шла только о германофобии, однако формы проявления этих «патриотических чувств» уже в 1914 г. несли в себе опасность для власти. Разгром германского посольства в Петербурге — самое известное, но далеко не единственное проявление «бунтарства» среди, казалось бы, лояльного населения.

Во втором разделе — «Действо» — на примерах мобилизации и манифестаций первых дней войны показана противоречивость общественных настроений. Критике подвергается «патриотическая» историография, опирающаяся в своих выводах на количественные данные (численность ма-

нифестаций по случаю войны, число мобилизованных, собранные пожертвования), а также материалы печати и официальные сообщения правительства. Приведённые источники свидетельствуют, что за этими цифрами скрывалась довольно пёстрая и неоднозначная картина событий. Манифестации чаще всего организовывались при содействии властей и правомонархических организаций, а потому не были массовыми, особенно в провинции. Не слишком благополучно проходила и мобилизация, сопровождавшаяся конфликтами с полицией, драками и погромами винных лавок.

До последнего времени на периферии исследований оставалось отношение к начавшейся войне разных слоёв населения. Автор обратил внимание не только на призывников, но и на их жён и матерей, а также на студенчество и детей. Так, мобилизация привела к росту женского протестного потенциала, сыгравшего заметную роль в дни Февраля. Патриотизм студентов не следует путать с верноподданничеством, скорее наоборот — война воспринималась многими как шаг России к «свободе». Психологическая травма, которую наносила детям военная пропаганда, оказала огромное влияние на поколение, подросток которого в то время революции и Гражданской войны.

Третий раздел — «Слово» — посвящён массовому сознанию крестьянства. Его рассмотрение, по признанию Аксёнова, — задача непростая, так как до сих пор не приходится говорить о «комплексном изучении массового сознания крестьян как многоуровневой структуры» (с. 192). В этой структуре присутствовали как рациональные, так и иррациональные элементы, доминировали архетипическо-мифологический и прагматический уровни, определявшие отношение крестьян к важнейшим вопросам — о войне, земле, Боге, власти.

Непонимание и неприятие войны, вызванные ею тяготы и лишения усиливали эсхатологические ожидания, недовольство властью. Значительное внимание уделено десакрализации образа самодержавия. Однако автор справедливо указывает, что не следует характеризовать крестьянские настроения как «антимонархические» или «республиканские». Напротив, идеальный образ царя изменился мало, так как «патернализм оставался главной характеристикой представлений крестьян о власти» (с. 193). Вообще теоретический уровень сознания сельского населения был развит слабо, и этот момент нередко игнорируется исследователями.

В четвёртом разделе — «Текст» — повествуется о городской письменной культуре в революционную эпоху. При этом имеется в виду именно текст письменный, имеющий «более строгую упорядоченную структуру» и меньшую вариативность интерпретаций, чем устный или визуальный текст-нарратив (с. 251). На этой основе анализируются такие вопросы, как настроения городских обывателей, их отношение к войне и революции. Особое внимание вновь уделено патриотизму в целом и российскому обществу в частности. Аксёнов критикует представление о патриотизме как исключительно положительной эмоции. Известно, что для сплочения общества необходима не только любовь к родине, но и понятный каждому образ врага. Всякий патриотизм основан на «взаимосвязанных положительных и отрицательных эмоциях» (с. 254). Как и в других воюющих государствах, в России образ внешнего врага дополнялся образом врага «внутреннего», что являлось предвестником гражданского конфликта.

Особенностью российского общества был ограниченный ареал распространения письменного текста, его слабое влияние на умы подавляющего

большинства населения. Нужно отметить, что в историографии «текст» часто противопоставляется «слову», которое через слухи и визуализацию якобы искажало «реальную» картину событий. Автор настаивает на более тесной их взаимосвязи. Слухи стирали границы между городом и деревней, сближая тематику, лексику, понятийный аппарат. В городах «фиксировались процессы десакрализации власти в формах, близких крестьянскому сознанию» (с. 317). Отмечался рост мистицизма и психических заболеваний, усиливавших «иррациональные пласты массового сознания» (с. 351). Эти тенденции, как справедливо отмечает Аксёнов, имели серьёзные политические последствия: стихийный бунт мог опереться на общепонятную идею и стать полноценным политическим протестом.

Пятый раздел — «Образ» — посвящён визуальному пространству Первой мировой войны. Автор считает его важнейшим направлением исследования общественных настроений, так как невербальная коммуникация отражает целый пласт эмоций. При этом Аксёнов значительно углубляет анализ и интерпретацию образов, проводя их сразу на нескольких уровнях — иконографическом, иконологическом, семиотическом. Образ суть тот же текст, имеющий свою структуру, внутренние и внешние связи. Понимание его как текста важно с практической точки зрения: до сих пор интерпретация образов тех лет отличается вольностью и зависит почти исключительно от впечатлений и умозаключений исследователя. Это приводит к поверхностному анализу, лишённому теоретической базы, визуальные документы часто остаются «не более чем иллюстрацией авторской мысли» (с. 361).

Выделены два основных источника визуализации революционной эпохи — «высокая живопись» и «мас-

совые жанры» (лубок, открытка, плакат). Однако эта граница достаточно условна: для «высокой» живописи также характерно обращение к народным традициям. Это проявилось и в стилизации под лубок, и в обращении к популярным в народе миллиариетским сюжетам. Попытки реалистичного изображения войны, за редким исключением, потерпели неудачу. Новые направления с новым прочтением эпохи, такие как супрематизм, не приняла критика. Сцены фронтовой повседневности редко удавались даже признанным мастерам, не находили отклика в обществе. Отсутствие ярких, запоминающихся образов, наряду с военными поражениями, стало одной из причин падения интереса к лубочной продукции и вообще «патриотической» тематике. Пресса больше внимания уделяла «внутреннему врагу», под которым понимались уже не только немецкие бароны, но и русские торговцы, чиновники. Как и в случае с текстами, в области визуализации цензура оказалась не в состоянии остановить процесс десакрализации власти.

В шестом разделе — «Символ» — речь идёт о восприятии обществом устоявшихся ещё до войны символов и практик репрезентации власти. В первую очередь это триада «православие, самодержавие, народность». После 1905 г. она утратила значение, но власть не смогла предложить что-то принципиально новое. Пал авторитет православной Церкви, которая всё меньше подходила на роль «национального фундамента» (с. 691). Аксёнов рассматривает кризис репрезентации самодержавной власти с новых сторон и в более широком контексте. Так, «запечатлённый фотографией образ императора в автомобиле противоречил патерналистским представлениям о самодержце на белом коне» (с. 536). Здесь вступали в конфликт

традиционное и модерное восприятие мира.

Таким же просчётом явился конфликт Думы и правительства, которое само начало «приписывать Думе несвойственную для большинства её депутатов революционность» (с. 691). Здесь парадоксальным образом сошлись взгляды общества и власти: Дума к 1917 г. превратилась в консолидирующий символ оппозиционных сил. При этом попытка оппозиции опереться на армию не вполне удалась: её героизация диссонировала с распространёнными отрицательными образами солдата, офицера, сестры милосердия. Автор приходит к важному заключению, что сама концепция противостояния «власти» и «общества» упрощала задачу оппозиции, но не отражала реальных основ назревавшего гражданского конфликта.

Седьмой раздел — «Эмоция» — посвящён «психологическому измерению» 1917 г., слухам и образам, наполнявшим в то время российское общество. Роль слухов по мере приближения революции только нарастала, в 1917 г. они стали важной частью политического процесса. Отмечено их влияние не только на массовые настроения, но и на принятие политических решений. Они не имели границ, проникая и в крестьянские избы, и в квартиры городских обывателей, и в стены Таврического дворца. В дни Февраля слухи исполнили важнейшую функцию «самоисполняющихся пророчеств»: не только общество, но и власть действовала под впечатлением от них, что лишь усиливало напряжение и усложняло задачу подавления беспорядков. Очевидно неправдоподобные, они принимались на веру не только городскими и сельскими жителями, но и полицией, жандармами, министрами. Автор указывает на несколько самых распространённых сюжетов революционной эпохи,

например «чёрный автомобиль» и пулемёты на крышах. Многие слухи оказались весьма устойчивыми, пережив не только 1917 г., но и весь советский период.

После «медового месяца» революции у многих современников наступило опустошение и разочарование. Вслед за деревней в городе распространились эсхатологические настроения, усилившиеся после убийства царской семьи в июле 1918 г. Отмечался рост числа психических заболеваний и нервных расстройств. Ломка повседневности и структуры общества «оборачивалась депрофессионализацией, потерей социального статуса» (с. 815). Наступала новая эпоха, знаменовавшая собой не только смену власти, но и новое измерение времени (переход на григорианский календарь), новый лексикон и алфавит (реформа русской орфографии 1918 г.), новые социальные отношения.

Весьма объёмная и информативная, монография значительно расширяет представления о Великой российской революции, раскрывает её с новых сторон, вводит в оборот огромный пласт источников. Вместе с тем работа не свободна от упущений. Так, недостает чёткого определения понятия «пропаганда», хотя автор использует его неоднократно и в самых разных контекстах: «патриотическая пропаганда», «военная пропаганда», «официальная пропаганда», «охранительная пропаганда», «сентиментальная пропаганда». Если пропагандой в России времён Первой мировой войны занимались, то кто именно, какие органы власти, какими средствами? В тексте приведены лишь несколько примеров с брошюрами о «немецких зверствах», но общей картины работы пропагандистской машины они не показывают.

Встречаются и другие, не вполне обоснованные обобщения и упроще-

ния. Так, печать в тексте часто называется «либеральной», «центристской», «левой», «правой», «консервативной», «патриотической», но какие газеты и журналы входили в эти категории — почти нигде не указано. Если существовала «патриотическая» пресса, то значит ли это, что была и непатриотическая? Относима ли к «патриотам» кадетская газета «Речь» — последовательный критик правительства и в то же время сторонник войны до победного конца? Центристской или либеральной газетой было «Русское слово», а «Новое время» — правой или консервативной? Из повествования складывается ощущение, что эти различия имели формальный характер, но это лишь на первый взгляд. Яркий пример — освещение в печати «немецких зверств» и «немецкого засилья», в котором особенно преуспело «Новое время». Его давние противники, «Речь» и «Русские ведомости», сомневались в массовых «зверствах», критиковали кампанию по борьбе с «засильем», защищали от нападок немецкую культуру⁵.

Ещё одно последствие этих обобщений и упрощений — не всегда обоснованные интерпретации. Так, Аксёнов утверждает, что пресса не писала о случаях массовых самоубийств подростков «из патриотических соображений» (с. 120). При этом упускается из виду фактор цензуры, которую автор упоминает неоднократно. В архивных документах нет недостатка примеров, когда военная цензура вычёркивала предложения и даже целые статьи с описанием ужасов войны и вообще всего, что могло вызвать у читающей публики тягостные чувства. При этом она имела на эти действия полное право по ст. 31 «Временного положения о военной цензуре»⁶ и дополнительным циркулярам⁷.

В другом месте Аксёнов пишет: «Официальная печать игнорировала

реалии военного времени, по законам которого и немцы, и русские демонстрировали одинаковую жестокость к мирному населению, и продолжала пропагандировать образы немца-варвара и русского святого воина» (с. 608). Опуская вопрос, какие издания автор считает «официальными», отмечу, что далеко не всё печатаемое в газете того времени было собственным материалом. Значительную часть телеграмм даже в столичных изданиях (не говоря уже о провинциальных) предоставляло официальное Петроградское телеграфное агентство. При этом содержание сообщений даже таких близких к власти газет, как «Новое время», могло с его телеграммами расходиться. Сведения о положении на фронте и в стане врага регулярно предоставляло Главное управление Генерального штаба, причём строго запрещая указывать себя в качестве источника. Эти «неофициальные сведения» ежедневно публиковали и официозное «Новое время», и оппозиционная «Речь». В качестве телеграмм «из Петрограда» они попадали в московскую и провинциальную печать. Сам образ врагов, отношение печати к войне претерпевали эволюцию, которая видна только при внимательном анализе материалов каждой конкретной газеты и журнала, с учётом документов редакций, военной цензуры, Ставки, Генштаба.

Из мелких недочётов нельзя отметить непоследовательность автора в цитировании источников: в одних случаях обценная лексика приводится с купюрами, в других — полностью.

Указанные недостатки, конечно, не перекрывают всех достоинств монографии. Автору удался труд, подробным образом описывающий одну из самых драматичных эпох в истории Российского государства.

Примечания

¹ *Борищукова Е.Д.* Общественное мнение населения Российской империи о Первой мировой войне и защите Отечества (1914—1917). М., 2012.

² *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017.

³ *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

⁴ Эпоха войн и революций. 1914—1922. Международный colloquium (Санкт-Петербург, 9—11 июня 2016 г.): научные доклады. СПб., 2016.

⁵ См., например: *Немецкая философия и немецкий национализм // Речь.* 1915. 17 апреля; *Виноват ли Кант? // Русские ведомости.* 1915. 11 февраля.

⁶ Временное положение о военной цензуре, принятое в связи с действующим Уставом о цензуре и печати. Одесса, 1914. С. 12.

⁷ К примеру, инструкция московским военным цензорам запрещала допускать к печати сведения, «могущие угнетающе действовать на читателей». См.: РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 14, л. 10.

Иманутдин Сулаев

Рец. на: Деникинская «автономия» в Дагестане. 1919—1920 гг. Исследования и материалы / Сост. и авт. коммент.: Х.М. Доного; авт. коллектив: М. Гусейнов, Р. Гичибеква, С. Гасанбекова, З. Доного, М. Магомедова. Махачкала: Лотос, 2018. 556 с., ил.

Imanutdin Sulaev

(Dagestan State University, Makhachkala, Russia)

Rec. ad op.: Denikinskaya «avtonomiya» v Dagestane. 1919—1920 gg. Issledovaniya i materialy. Makhachkala, 2018

DOI: 10.31857/S086956870012954-0

Проблеме Гражданской войны и «антиденикинскому движению» в Дагестане посвящено немало монографий и статей¹. В рецензируемом сборнике сделан акцент «на деникинском пребывании» в регионе, «ставшем южным форпостом территории, подконтрольной Вооружённым силам Юга России [ВСЮР] — оперативного-стратегическому объединению белых войск в 1919—1920 годах» (с. 5).

В трёх частях сборника — 375 документов. Их значительную часть авторы выявили в ведущих архивах — отечественных (ГА РФ, РГАСПИ, РГВИА, Центральном государственном архиве Республики Дагестан, Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия — Алания) и зарубежных (Государственном архиве Азербайджанской Республики, Архиве Министерства иностранных дел Франции и др.). Были использованы документы и мемуары из личных фондов современников и участников описываемых событий, материалы периодических изданий 1918—1920 гг.

Сборник восполняет многие пробелы у исследователей темы проблемы, связанные с взаимоотношениями командования Добровольческой армии с правительствами республик: Азербайджанской Демократической, Грузинской, Армянской, Горской

(1918—1920). Кроме того, издание содержит документы и материалы, посвящённые политике стран Антанты (прежде всего Англии) и Османской империи на Кавказе в годы Гражданской войны.

Добровольческая армия как оперативно-стратегическое объединение Белой армии на Юге России формировалась в конце 1917 — начале 1918 г. на Дону генералом от инфантерии М.В. Алексеевым. Она являлась мощной вооружённой силой, боровшейся против советской власти. После смерти командующего армией генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова в апреле 1918 г. его сменил генерал-лейтенант А.И. Деникин (с октября 1918 г. главнокомандующий Добровольческой армией, с января 1919 г. главнокомандующий ВСЮР). Генерал боролся за «единую и неделимую Россию» и, соответственно, отказался признать объявившие суверенитет кавказские республики, в том числе Горскую.

В феврале 1919 г. армия Деникина заняла территорию Северного Кавказа, и её командованию пришлось решать сложные вопросы: подавления сопротивления как пробольшевистских, так и национальных политических и вооружённых сил; наведения порядка с учётом местных национально-религиозных особенностей;

обеспечения относительной безопасности для своих коммуникаций² и в некоторой степени и русскоязычного населения, в условиях анархии и безвластия подвергнувшегося грабежам и насилию со стороны бандитских групп местного населения³.

Материалы сборника сгруппированы в хронологической последовательности, в отдельных случаях некоторые документы и опубликованные позднее статьи из периодических изданий расположены не по времени их создания, а по последовательности отражённых в них событий. В структуру издания вошли предисловие; аналитические статьи, помещённые в начале каждого раздела, текстуальные примечания; комментарии; список сокращений, перечень опубликованных источников; приложение; именные и географический указатели.

В первой части «Горская Республика, Британия и Добровольческая армия. 1 января — 23 мая 1919 г.» (с. 9—153) представлены материалы, посвящённые договору в Мудросе и его последствиям, политике англичан в отношении горского правительства, «победам» Добровольческой армии, двойной политике английского командования, покушению на самоопределение горских народов Кавказа. В целом — 90 различных по содержанию и объёму архивных документов и материалов. Это письма, доклады, донесения, интервью, приказы, телеграммы, в том числе военачальников Добровольческой армии; выступления, сообщения, политические резолюции, заявления, обращения, письма членов горского правительства к командованию армии Деникина и договор, заключённый между правительствами республик — горским и закавказскими (Азербайджанской, Грузинской и Армянской); донесения и письма дипломатических представителей правительства Азербайджанской Республики при правительстве

Горской Республики, и наоборот (с. 9—138).

Вторая часть сборника «Временный правитель Дагестана. 24 мая — после 24 августа 1919 г.» (с. 155—266) знакомит читателя с 115 разнохарактерными документами и материалами (с. 160—262). Они относятся к периоду ввода частей армии Деникина в Дагестанскую обл. (управление ею было поручено кадровому офицеру, генерал-майору М.М. Халилову) и вспыхнувших стихийно в июне—августе 1919 г. двух антиденикинских восстаний.

В третью часть «От Союзного меджлиса к Совету Обороны. 28 августа 1919 г. — 16 апреля 1920 г.» (с. 268—490) вошли 170 источников, которые дополняет приложение, содержащее подробные сведения о Халилове (с. 491—515).

В то же время авторы проигнорировали некоторые опубликованные в других сборниках документы. В частности, во вступительной статье к первой части «Добровольческая армия и Горская Республика в Британской политике на Кавказе» к месту упоминается письмо командующего войсками Добровольческой армии на Кавказе генерала П.Н. Шатилова на имя председателя горского правительства П.Т. Коцева от 16 февраля 1919 г. (с. 16). В письме белогвардейский генерал уведомляет Коцева о том, что «все горские народы Северного Кавказа добровольно подчинились Добровольческой армии». Однако этот документ не вошёл не только в настоящий сборник, но и в другой, на который ссылаются авторы⁴. Они же признают, что десятки различных источников по теме опубликованы в других сборниках и монографиях (с. 5), но в данном тексте нет на них ни одной ссылки.

Часть уникальных документов ранее публиковалась, в частности письмо начальника Даргинского округа

Османа Османова шейх-уль-исламу Али-Хаджи Акушинскому после 24 августа 1919 г.⁵ (с. 261—262), доклад генерал-майора В.Я. Пиковского главноначальствующему на Северном Кавказе генералу от кавалерии И.Г. Эрдели от 20 января 1920 г.⁶ (с. 434—436), другая часть проигнорирована авторами настоящего сборника⁷.

Следует отметить, что издание содержит технические ошибки, связанные с выходными данными некоторых научных работ и сведениями в именном указателе. Например, относительно Д. Дахадаева вместо 350 указана 352 страница (с. 542), о Шамхалове вместо 189, 192, 463 — 190, 193, 465 страницы (с. 547). В вводной статье ко второй части при перечислении осуществлённых временным правителем Дагестанской обл. Халиловым преобразований в разных структурах власти указано «назначение новых руководителей министерств» (с. 155), хотя последних не было в губернских и областных институтах власти в до- и послереволюционный период. Также имеются небольшие разночтения в правописании имён самых известных дагестанских деятелей революции и Гражданской войны.

Однако технические неточности не умаляют ценности данного сборника — введения в научный оборот ранее неизвестных и малоизвестных документов и материалов, что позволит переосмыслить некоторые страницы гражданского противостояния в Дагестане и на Северном Кавказе в целом.

Примечания

¹ В частности, см.: *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 107—121; *Разгон И., Мельчин А.* Борьба за власть Советов в Дагестане. Махачкала, 1945. С. 63—94; *Аликберов Г.А.* Победа социалистической революции в Дагестане. Махачкала, 1968. С. 209—239; *Кашкаев Б.О.* Гражданская война в Дагестане. 1918—1920 гг. М., 1976. С. 195—266;

Гаджиев А.С. Особенности, характер и движущие силы антиденикинского восстания в Дагестане в 1919—1920 гг. // Гражданская война на Северном Кавказе. Материалы региональной научной сессии 23—24 декабря 1980. Махачкала, 1982. С. 51—57; *Сулаев И.Х.* Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество. Махачкала, 2004. С. 60—131; *Доного Х.М.* Вступление Добровольческой армии в Дагестан. 1919 г. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2017. № 3. С. 11—17; и др.

² *Кузнецов Б.М.* 1918 год в Дагестане (URL: <http://www.dk1868.ru/history/DAGESTAN.htm>; дата обращения: 22.03.2018); *Союз Объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.)*, Горская республика (1918—1920 гг.) (Документы и материалы). Изд. 2, испр. и доп. / Сост. Г.И. Какагасанов, Л.Г. Каймаразова. Махачкала, 2013. С. 112—113.

³ *Магомедов Ш.М.* Октябрь на Тереке и в Дагестане. Махачкала, 1965. С. 116; *Дибиров М.-К.* История революции и гражданской войны в Дагестане. Махачкала, 1997. С. 53.

⁴ См.: *Союз Объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.)*, Горская республика (1918—1920 гг.) (Документы и материалы). Махачкала, 1994. С. 11.

⁵ *Али-Хаджи Акушинский — шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец* (Документы и материалы) / Сост. Г.-К.И. Какагасанов, А.-Г.С. Гаджиев. Махачкала, 1998. С. 117.

⁶ См.: *Сулаев И.Х.* «Шариатских судов в Дагестане в чистом виде не существовало». Доклад командующему Белой армии Северного Кавказа генералу И.Г. Эрдели от 20 января 1920 г. о необходимости учитывать особенности мусульманского судопроизводства // Исторический архив. 2016. № 5. С. 107—113.

⁷ «Сводка разведывательного отделения штаба Волжско-Каспийской флотилии о количестве и составе военных сил Деникина на Каспийском море, о действиях красных партизан в Дагестане и на Северном Кавказе. 1 ноября 1919 г.»; «Сообщение в газете «Азербайджан» о боях между повстанцами и деникинскими отрядами в районе Дербента и Темир-Хан-Шуры. 10 декабря 1919 г.» (Борьба за установление Советской власти в Дагестане, 1917—1921 гг. Сборник документов и материалов / Отв. ред. Г.-А.Д. Даниялов. М., 1958. С. 324—325, 336—337); «Обращение дипломатического представителя Совета Оборона Северного Кавказа А. Тахо-Годи Министру иностранных дел Азербайджанской Республики о необходимости разоружения добровольческих частей, прибывающих в город Баку. Не ранее 1920 г.»; «Заявление служивших в рядах Добровольческой армии Деникина группы горцев Северного Кавказа дипломатическому представителю Совета Оборона при правительстве Азербайджанской Республики А. Тахо-Годи с просьбой о возвращении их на Родину. г. Баку. Гости-

ница «Метрополь». 7 февраля 1920 г.»; «Сообщение дипломатического представителя Совета Оборона Северного Кавказа при правительстве Азербайджанской Республики А. Тахо-Годи о прибытии отряда Добровольческой армии в г. Баку. Город Баку. 22 февраля 1920 г.»; «Записка дипломатического представителя Совета

Обороны при правительствах Армении и Грузии Гайдара Бамматова о политическом положении в Закавказье и на Северном Кавказе. Февраль 1920 г.» (Сулаев И.Х. Совет Оборона Северного Кавказа и Дагестана: неизвестные страницы истории. Махачкала, 2004. С. 33—43); и др.

Владислав Голдин

Критическая история одного проекта о Гражданской войне*

Vladislav Goldin

(Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia)

A critical history of a project about the Civil war

DOI: 10.31857/S086956870012955-1

Рецензируемое документальное издание посвящено истории создания многотомной «Истории Гражданской войны», а именно — процессу подготовки первого её тома в период с 1929 по 1936 г. и последующей судьбе этого проекта. Отсюда и подзаголовок рецензируемого сборника. Он вышел в серии «История сталинизма. Документы» и определён составителями как памятник исторической и политической мысли, что вполне справедливо.

Структура сборника состоит из предисловия, текста тома с пометками И.В. Сталина, сделанными на его макете в 1935 г., двух документальных приложений (в них опубликовано в целом более 40 материалов), заключения, библиографии, аннотированного именного справочника инициаторов, авторов и редакторов книги и указателя имён. Составителями сборника выступили доктор исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории М.В. Зеленов и американский исследователь Д. Бранденбергер. В основу сборника легли документы РГАСПИ, прежде всего

огромного архива проекта «История Гражданской войны» (ИГВ), а также материалы Российского государственного архива новейшей истории.

В содержательном предисловии сборника, подготовленном Зеленовым, подробно рассказано о многотомном проекте ИГВ, инициированном М. Горьким в 1929 г., замысел которого поддержал Сталин, рассмотрены формирование Главной редакции, Секретариата и коллектива авторов, работа над текстом и публикация тома в 1936 г. Наиболее интересен анализ изменений концепции, характера, содержания и предназначения издания. Заинтересованный читатель может проследить всё это и по документам, публикуемым в приложениях рецензируемого сборника. По замыслу Горького планировалось осуществить выпуск ИГВ в 4—6 томах объёмом 120—150 п.л. Указывалось, что «это издание должно быть массовым и содержать исторический материал в литературной обработке крупнейших современных писателей» (с. 495).

Обосновывая необходимость подготовки и издания ИГВ в письме Сталину, Горький, в частности, подчёр-

* «История гражданской войны в СССР» (1935 г.): история текста и текст истории / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 606 с.

кивал, что это нужно «для дела политического, т.е. социалистического воспитания крестьянства» (с. 6, 493). Он видел в книге две главные личности: «Пролетарий, который боролся за социализм, и зажиточный мужичок, который дрался за своё хозяйство и всё ещё продолжает драться за священную частную собственность» (с. 496). Излагая свой замысел, Горький связывал предмет исследования с современностью. В диалоге с историком М.Н. Покровским он подчёркивал, что «мы всё ещё живём в состоянии гражданской войны», и издание надо довести «вплоть до наших дней», ибо «гражданская война переносится в ту “мирную” действительность, в которой мы существуем сегодня» (с. 496—497).

Сам Сталин полагал реализацию этого проекта необходимой, ибо историческая правда о войне «вносит дифференциацию и раскол даже в самые замкнутые учреждения и организации» (с. 5). Тем более что она, судя по всему, ассоциировалась им с переживаемой эпохой великих трансформаций (индустриализация, коллективизация и др.) и резким обострением «классовой борьбы».

В плане издания, разработанном в августе 1930 г. в ГИЗе, речь шла уже о семи томах (с указанием намеченных кандидатур их военных редакторов), а её хронологические рамки определялись следующим образом: «Считать Октябрьские дни 1917 г. началом периода Гражданской войны... концом этого периода считать 1922 г.» (с. 498—500). 25 августа Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об издании ИГВ и утвердило её редколлегию в составе шести человек, включая Горького и наркомов К.Е. Ворошилова и А.С. Бубнова. Секретариату ЦК поручалось пополнить редколлегию двумя молодыми историками-марксистами и рассмотреть план издания

(с. 500). Вслед за этим Горький в письме членам редколлегии подробно обосновал цель, замысел и основные идеи издания (с. 501—502). 26 февраля 1931 г. план издания уже в 10 томах объёмом 150 п.л. и тиражом 500 тыс. экз. одобрили Оргбюро и Секретариат ЦК. Анализ содержания томов позволяет охарактеризовать проект как преимущественно военно-политический. Его планировалось осуществить с 1 октября 1932 г. в течение 6—8 месяцев (с. 502—509). На деле всё растянулось на годы и десятилетия.

Следующий и качественно новый этап в реализации проекта обозначили два постановления Политбюро об издании ИГВ в июле 1931 г. Была создана Главная редколлегия в составе семи человек, включая Горького и четырёх членов Политбюро. Изменилась хронология — 1917—1921 гг., «История» должна была состоять из 10—15 томов в виде сборников научно-исторических статей и литературно-художественных произведений. Создавались три редакции: главная, историческая и художественная (с. 8, 9, 509, 510). Причём в составе исторической редакции не было серьёзных историков, в неё входили в основном политики. В связи с этим можно согласиться с замечаниями Зеленова, что она просто получила название исторической и что историческое исследование впервые стало объектом политики, а ИГВ как таковая стала самой политикой (с. 9). В состав художественной редакции вошли видные советские писатели во главе с Горьким.

Следующим «переломным моментом» явилось образование решением Главной редакции от 16 ноября 1931 г. её Секретариата в составе пяти человек, отвечавших за различные части издания: общая и художественная, партийно-политическая, военная, историческая и экономическая (с. 9—10, 515—516). Это решение

могло сделать издание более разноплановым, но главное, что члены Секретариата становились своего рода «рабочими лошадками» в реализации проекта. Причём отвечавшие за экономическую часть Б.М. Таль и историческую И.И. Минц освобождались от всех других обязанностей и, как свидетельствуют материалы сборника, именно последний сыграл особо важную роль в издании первого тома ИГВ.

Публикуемые материалы демонстрируют сложности в работе над изданием, которое в 1932 г. фигурирует уже как 16-томное. Название заключительного тома — «Партия в гражданской войне». Первый том, «Октябрь. Введение. На путях к Октябрю», должен был начинаться с Февральской революции, империалистической войны и назревания революционного кризиса в России (с. 517—526). Наличие разных взглядов на реализацию проекта побудило Зеленова дать одному из подразделов предисловия название «Дискуссия о типе издания. История между литературой, наукой и политикой». Читатели могут глубже понять суть происходившего, знакомясь с документами сборника.

Первоначально Горький выступил с идеей, что основой издания могут стать воспоминания и мемуары участников войны, проверенные и обработанные военными историками и историками-марксистами и отшлифованные литераторами и художниками. Было опубликовано обращение Горького о сборе материалов устной истории, рукописей воспоминаний и мемуаров, и подготовлена соответствующая инструкция. Но в итоге писатель понял, что ошибался, и в письме в Главную редакцию ИГВ в мае 1932 г. указал, что рукописи участников войны не могут быть использованы даже как сырьё, но их наиболее ценная и яркая часть должна быть организова-

на в сборники — 16 серий сборников по числу томов (с. 12, 528).

27 марта 1932 г. по инициативе Сталина был утвержден новый план ИГВ, где, в отличие от старого, Гражданская война должна была рассматриваться не только как военное явление, но в целом — с характеристикой экономики и политики партии и советской власти. В каждом томе добавлялись главы «Враги о нас» и «Итоги и уроки борьбы». В дальнейшем предполагалось дополнить это издание материалами по внешней политике и международной деятельности. В предисловии справедливо отмечено, что сменился основной адресат издания: им стало уже не только крестьянство, а всё советское общество, а в конечном варианте ИГВ транслировалась и на зарубежную аудиторию (с. 13). 22 мая того же года Главная редакция утвердила план издания. Параллельно планировалось издавать отдельные «Сборники материалов по истории гражданской войны» — по периодам, областям, фронтам в виде приложений к основным томам. К делу их редактирования следовало привлечь художественно-литературные силы, а при обкомах, крайкомах и республиканских ЦК создать комиссии содействия ИГВ, работающие по планам Главной редакции. Всё издание (16 томов) планировалось завершить в 4—5 лет (с. 529—531). В начале февраля 1933 г. Главредация утвердила список авторов и редакторов томов. Все они были участниками Гражданской войны и в большинстве занимали высокие государственные и партийные посты. Из 21 автора только четверо являлись историками, а шестеро — экономистами. Это позволило Зеленову утверждать, что ИГВ «готовилась как политический, а не исторический текст». «И объект исследования (Гражданская война), и авторы (политики), и процесс создания текста (технология работы Секре-

тариата) включались в политическую сферу» (с. 14—15).

В дальнейшем работа сосредоточилась главным образом над первым томом. 2 августа 1934 г. он был сдан в редакцию, а 12 ноября (после корректуры) отправлен Сталину, который читал его несколько раз, внося поправки. 11 апреля 1935 г. на заседании Главной редакции этот том, ввиду большого объёма, разделили на два. Первый назывался «На путях к пролетарской революции», второй — «Великая пролетарская революция». Это меняло всю концепцию, ибо ранее считалось, что революция (Гражданская война) начинается с февраля 1917 г. и с мировой войны, которые отныне именовались преддверием и подготовкой. Кроме того, если ранее К.Б. Радеку поручалось написать главу о внешней политике, то сейчас она изымалась по решению Сталина, хотя он и указывал, что «мы пишем историю не столько для себя, сколько для мирового пролетариата», а книгу предполагалось перевести на английский, французский и немецкий языки (с. 18—19). Добавлю, что изъятая глава Радека опубликована в сборнике. 4 ноября того же года первый том был вновь направлен Сталину, а после внесения его правок передан в печать. Публикация завершилась 23 апреля 1936 г., и, таким образом, на свет появилась сталинская политическая версия подготовки Октябрьской революции.

В сборнике опубликован текст первого тома, который можно сравнить с текстом корректуры (ноября 1934 г.) и сталинскими замечаниями из макета ноября 1935 г. Много любопытного можно извлечь, внимательно читая материалы документальных приложений. Особый интерес представляет, например, статья Минца, посвящённая выходу в свет первого тома, где отдельно сказано о поправках Сталина. Всего в текст книги

оказалось внесено около 700 правок и вставок (с. 559).

Заключение сборника (28 с.) написано Бранденбергером, в нём выделены две части. В первой дан экскурс в судьбу многотомника и издание последующих томов. Несмотря на четыре вёрстки второго тома, направленных Минцем Сталину, издание затянулось по ряду причин. Среди них и смерть Горького в 1936 г., и острая идейно-политическая борьба, и репрессии, в результате которых погибли как многие активные участники революции и Гражданской войны, так и часть авторов ИГВ. И лишь в 1942 г., к 25-летию Октября, второй том вышел в свет под названием «Великая пролетарская революция (Октябрь—ноябрь 1917 г.)», но тиражом всего 10 тыс. экз. Второй тираж этой книги (100 тыс. экз.) появился в 1943 г. В дальнейшем Минц пытался возобновить работу над серией, но сложная послевоенная обстановка и политико-идеологическая ситуация не позволили издать третий том, а планируемая серия сократилась с 16 до 7 томов. В 1949 г. Минц был смещён с поста секретаря Главной редакции ИГВ, но его преемник С.Ф. Найда ещё долго не мог выпустить ничего. Лишь в 1957—1960 гг. вышли в свет три заключительных тома и серия, таким образом, свелась к пяти изданиям.

Вторая часть заключения посвящена анализу историографии 1917 г. эпохи сталинизма. Выделены и охарактеризованы четыре периода: 1) от начала 1920-х гг. до 1931 г.; 2) начало 1930-х гг.; 3) 1935 г.: История гражданской войны (публикация первого тома ИГВ); 4) 1937—1942 гг. — работа над вторым томом ИГВ и его завершение.

Таким образом, читателю представлено содержательное издание. Замечу, что в одной из документальных статей, опубликованных в 1996 г. и

посвящённых серии ИГВ, указывалось, что этот своеобразный артефакт советской исторической науки ждёт своего исследования¹. И вот сейчас такое исследование вышло в свет. Оно позволяет неизмеримо глубже и полнее понять драматическую и противоречивую обстановку, в которой рождался замысел и реализовался проект «Истории гражданской войны» и прежде всего её первого тома. Осмысление опыта его реализации будет полезно современным исследователям — прежде всего тем, кто занимается се-

годня подготовкой XI и XII томов 20-томной академической «Истории России», охватывающих период с 1914 по 1922 г. и посвящённых эпохе Первой мировой войны, революционному процессу и Гражданской войне в России.

Примечание

¹ «Наша история есть история драки». Несостоявшаяся серия книг о гражданской войне / Публ. Н. Сидорова // Источник. 1996. № 2. С. 67—82.

Галина Ульянова

Рец. на: Т.М. Смирнова. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1940 гг. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с., ил. (Historia Russica)

Galina Ulianova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: T.M. Smirnova. Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoi politiki k realiyam povsednevnoi zhizni. 1917—1940 gg. Moscow; Saint Petersburg, 2015

DOI: 10.31857/S086956870012956-2

Книга доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института российской истории РАН Т.М. Смирновой уже заняла заслуженное место в историографии сразу двух больших областей исследований — истории советского общества и истории детства.

Сразу следует сказать о достоинствах книги. Во-первых, она рассматривает большой хронологический период — от революции и фактически до начала Великой Отечественной войны (что потребовало раскрытия темы на фоне различных, порой резких, институциональных изменений и политических направлений). Во-вторых, географически охватывает

всю страну, таким образом приобретая обобщающий характер и подводя итог многочисленным региональным исследованиям последних 30 лет¹. В-третьих, для написания труда был поднят громадный архивный материал (особенно в ГА РФ и РГАСПИ), который ранее либо не использовался либо привлекался для раскрытия отдельных сюжетов (например, о борьбе с беспризорностью). В-четвёртых, использованы разнообразные типы источников, от законодательных актов до периодики (21 название) и беллетристики, что позволило осветить различные аспекты темы на всех уровнях государственного, общественного и частного преломления.

Книга имеет разветвлённую, но при этом стройную и логичную структуру. Она состоит из пяти глав, каждая из которых соответствует определённым хронологическим периодам и выделенным внутри каждого периода приоритетам политики в отношении детей. В первой главе раскрыты историко-юридические основы формирования государственной политики и государственного управления в данной сфере. Вторая глава посвящена отклику общества на призывы государства и проводимую политику. В третьей главе раскрыта трагическая история борьбы с голодом начала 1920-х гг. и спасения детей от физического вымирания. Глава четвёртая рассказывает о жизни детей, воспитывавшихся в системе государственных детских домов. В пятой главе идёт речь о повороте к системе семейного воспитания и попытках устройства патронатной системы.

Во Введении автор справедливо отметила большой интерес к избранной теме в публицистике и общественном сознании в контексте осмысления позитивных и негативных черт советского прошлого: «Столь противоречивое отношение к советскому детству, неугасающий интерес к нему со стороны широких слоёв населения свидетельствуют о необходимости его глубокого всестороннего исследования, свободного от идеологической предвзятости!» (с. 16).

В этом русле представлен тщательно написанный историографический раздел, в котором выделены три периода изучения советского детства: 1) советская историография; 2) историография конца 1980-х — 1990-х гг. (по мнению автора, «невзирая на ряд грубых исторических ошибок и чрезмерное увлечение пафосом разоблачительства, работы этого периода имеют огромное общественно-историческое значение», прежде всего по-

тому, что был «собран и обобщён статистический материал», данные опросов и обследований); 3) историография последнего двадцатилетия, охарактеризованная как «поиски новых подходов». По подсчётам автора она включает десятки тысяч наименований, которые представляют собой неоднородный конгломерат сочинений: «Общее состояние историографии таково, что имеются разрозненные исследования, нацеленные преимущественно на ликвидацию тех или иных “лакун” в изучении истории российского/советского детства: детально разрабатываются те или иные аспекты этой многогранной темы; изучается региональная специфика проблемы; реконструируется внутренний мир детей различных половозрастных групп и т.д.» (с. 31)².

В первой главе «“Забота о ребёнке — прямая забота государства”»: Особенности формирования советской системы защиты детства (1917 — начало 1920-х гг.)» (с. 47—82) показано, что после катаклизмов революции и Гражданской войны забота о ребёнке была объявлена государственной задачей. Дети были провозглашены «цветами жизни», «надеждой государства» (с. 47). Среди первоочередных мер — создание Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, издание отдельных постановлений о помощи детям, составление государственных планов в отношении беспризорных, например, Трёхлетнего плана борьбы с детской беспризорностью (1927).

Но, как отмечает Смирнова, для историка при работе с источниками всегда встаёт важнейший вопрос — насколько государственные декларации совпадали с жизнью? Поэтому на протяжении всего исследования идёт сопоставление задач, практики и полученных результатов. Автор даёт оценку законодательной базы помощи детям в изучаемый период, отме-

чая институциональную хаотичность в этой сфере. Так, «практическое осуществление задач охраны жизни и здоровья детей после октября 1917 г. было возложено на несколько государственных органов: Наркомсобес РСФСР, Наркомпрос РСФСР, Наркомздрав РСФСР, а с февраля 1919 г. к ним добавился Совет защиты детей... Чёткого разделения функций между ними не было ни на практике, ни в теории. Действовали они несогласованно, зачастую не столько помогая, сколько мешая друг другу» (с. 50).

Смирнова пишет: «Относительный порядок существовал лишь в вопросах охраны материнства и младенчества. В декабре 1917 г. по решению коллегии Народного комиссариата государственного призрения был создан Отдел охраны материнства и младенчества (позже передан в Наркомат здравоохранения)» (с. 50). Здесь, конечно, следует отметить, что в России существовали богатые дореволюционные традиции в этой области, венцом которых стало создание в 1913 г. всероссийского Попечительства по охране материнства и младенчества (которое находилось под покровительством императрицы Александры Фёдоровны и развивало систему женских консультаций, молочных кухонь, медицинского обеспечения родовспоможения и др.)³. Очевидно, что упомянутый относительный порядок объяснялся именно тем, что новые советские институты унаследовали не только дореволюционное название, но и восприняли принципы действия в этой сфере⁴.

Автор прибегла к весьма интересному сопоставлению выпускавшихся научными и административными институтами инструкций с документами ГА РФ о реальном состоянии детских учреждений, где не было отопления, иногда воды, дети были плохо

одеты, но при этом «санитарно-гигиенические инструкции и правила тех лет рекомендовали детям “не укутываться слишком тепло” на ночь (в то время как в детских спальнях по ночам температура опускалась до минус 4°С, а в углах комнат лежали снежные сугробы), “за столом чрезмерно не наедаться”... проверять чистоту белья и чулок, которых у большинства просто не было» (с. 59—60).

Поэтому, отмечая отдельные достижения, как, например, в деле борьбы с безграмотностью, в поддержании системы всеобщего начального образования, профилактики детских заболеваний, в увеличении декретного отпуска с двух недель до 16, автор констатирует, что в целом положение детей послереволюционной России было катастрофическим из-за разрухи и дефицита еды, вплоть до возникновения в 1920 г. в некоторых губерниях реальной угрозы вымирания детей в возрасте до трёх лет.

Представляет интерес рассмотрение на материалах ГА РФ вопроса о работе Чрезвычайной Комиссии по улучшению жизни детей (Деткомиссии), организованной в феврале 1921 г. при ВЦИК, которая выдвинула программу обследования детских учреждений, чтобы получить представление о реальной ситуации с помещениями, питанием, снабжением одеждой, бельём, обувью, о санитарно-гигиенических условиях. Автор пишет, что «проверки Деткомиссии сыграли крайне важную роль в налаживании планового снабжения и организации работы детских учреждений в 1920—1930-е гг.» (с. 65). Опираясь на данные проведённого обследования, комиссия попыталась развернуть широкомасштабную деятельность по многим направлениям: обеспечение детей одеждой и продовольствием (государственные пайки, лечебно-питательные поезда и т.п.);

организация работы органов системы народного образования, расширение сети детских учреждений. Рассматривая лозунги, под которыми действовала комиссия, Смирнова отмечает, что главной целью стало «спасение жизни ребёнка».

Например, в книге показано, что по специальному циркуляру Деткомиссии всем губернским продкомам от 21 марта 1921 г. «из общего распределения» изымались следующие продукты: сухофрукты, молочная мука «Нестле», овсяная крупа «Геркулес», шоколад, все фруктовые консервы, яйца и яичный порошок «Эгго», сгущённое молоко, мёд, клюква и клюквенный экстракт, желатин, какао, рис, манная крупа, картофельная мука, домашняя птица и дичь. Продукты следовало перенаправлять исключительно для детского и больничного питания, снабжения губерний детскими продовольственными пайками.

Однако, как показал проведённый автором анализ большого комплекса документов, «к сожалению, положенный по норме суточный паёк на практике выдавали лишь в некоторых “показательных” детских учреждениях (например, в “Опытном доме” Государственного психоневрологического института Наркомпроса, в который принимали в основном “детей коммунистов и коммунисток”, причём 25 мест было зарезервировано специально для “детей Коминтерна”» (с. 69).

В разделе «Организация работы по охране материнства и детства на местах» на основе материалов, часто впервые вводимых в научный оборот, показаны действия местной власти и общественных сил после перевода детских учреждений на финансирование местных бюджетов. Ситуация в разных регионах сильно различалась. Например, в Томской, Воронежской, Ярославской, Владимирской губерни-

ях сотрудникам детских учреждений удалось организовать мытьё детей, снабжение их одеждой даже в условиях экономического кризиса. В других губерниях, включая Московскую и Петербургскую, положение было хуже.

Первая глава ярко показывает расхождение между идеологическим и практическим — конференции работников государственных и общественных институций, ответственных за работу с детьми, стремились поддерживать бодрый тон, рапортовать о «заботе» («красивые слова и громкие обещания»), на практике же, в условиях деморализации части населения, детские учреждения едва выживали.

Во второй главе «“Дети — наше будущее”»: Власть и общество в решении проблем детства. 1917—1930-е годы» (с. 85—140) взаимоотношения государства и общества в детском вопросе охарактеризованы как «сотрудничество и противостояние». Автор показывает, что после запрещения усыновления в 1918 г. возникла идея социального воспитания. Но экономика Советского государства на этом этапе была маломощной, провозглашённые идеи не имели финансового и материального подкрепления и поэтому «руководство государственной системы охраны материнства и детства стремилось максимально использовать в своей работе общественность», но на основе плановой и организованной работы. Например, коллективы крупных предприятий, профсоюзы, отряды милиции «брали на своё обеспечение целые детские дома или отдельные группы воспитанников» (приведены примеры в Иркутске). Но и это шло с переменным успехом, поскольку материальных ресурсов всё же не хватало. В 1922 г. данное направление работы оказалось возведено в ранг официальной политики, когда Деткомиссия ВЦИК

разработала «Инструкцию о плановом прикреплении детских учреждений к советским учреждениям, профессиональным организациям, войсковым частям, промышленным и торговым предприятиям и т.п.». С 1923 г. под эгидой Деткомиссии стали возникать группы «Друзья детей», объединявшие добровольных помощников и осуществлявшие патронат детских садов, яслей и т.д. Государство также поощряло так называемую систему самообслуживания (самопомощи), когда родительские комитеты организовывали летний отдых детей в городах и сельской местности.

Обобщение и анализ большого архивного материала по разным регионам позволило Смирновой прийти к аргументированному выводу о том, что «стимулирование общественной инициативы в области охраны детства в середине 1920-х гг. становится неотъемлемой частью государственной “детской” политики» (с. 96). Автору удалось реконструировать картину действий государства и отклика общества, а также показать, что эта переключка происходила на фоне существующих и возникающих проблем в области охраны детства — как материальных, так и морально-нравственных, педагогических и медицинских.

В третьей главе «“Забота о голодных детях — впереди всего”»: Борьба Советского правительства за спасение детей от голода. 1921—1923 гг.» (с. 144—206) рассмотрен вопрос о физическом выживании детей в один из самых тяжёлых периодов в истории России, когда после семи лет товарного дефицита (1915—1921), гибели людей (прежде всего, мужчин-кормильцев семей) на фронтах в годы Первой мировой войны и последующей Гражданской войны оказались разорены и доведены до нищенского состояния сотни тысяч семей. В 1920 г. — вновь неурожай и в 1921 г. засуха, которые

сделали потери населения от голода и болезней, вызванных недоеданием, необратимыми. В многочисленных дневниках и мемуарах, опубликованных уже в 1990-х гг., после снятия цензуры советского времени (например, писателей М. Пришвина и К. Чуковского), ярко описано, что еды в городах, да и в деревнях, не имелось и купить было негде.

Смирнова исследует проблему голода в политическом и экономическом ракурсах. Пожалуй, впервые в историографии трагические страницы эпохи представлены через многочисленные архивные документы, среди которых хранящиеся в ГА РФ сводки о снабжении детских домов продуктовыми пайками, которых было в несколько раз меньше, чем требовалось, и даже это число сокращалось в течение зимы 1921/22 г. и весь последующий год. Посылаемые из центра на места скудные съестные припасы нередко расхищались по дороге мародерами или недобросовестными чиновниками. Показано, что резко возросшее количество подкидышей, брошенных детей и сирот дало гигантскую нагрузку на детские дома, которые едва справлялись с обеспечением детей питанием и одеждой. Детей было нечем кормить и их вначале принимали в детские учреждения, а потом стали отчислять, отправляя «на попечение родственников», а фактически выбрасывая на улицу.

Новаторской является четвёртая глава, в которой представлены экономические, медицинские и педагогические аспекты существования детей-сирот в системе закрытых учреждений — детских домов, коммун, колоний и проч., где дети находились постоянно в отсутствие семьи (с. 207—286). Дан микроисторический анализ жизни детей в детских домах, приведены систематизированные цифры о питании.

Ставя проблему «государственных детей» (т.е. детей-сирот, взятых на государственное попечение), автор стремилась осмыслить более широкую историографию раннего советского периода. Эти рассуждения представляют несомненный интерес для специалистов и широкого круга читателей. Смирнова пишет, что если рассматривать «советский режим» не только как государственный строй и метод правления, а шире — как «определённый распорядок жизни, совокупность правил, норм, ценностей, мероприятий, формирующих некую социальную реальность», создаваемый не только «господствующей коммунистической идеологией и социально-экономической конъюнктурой», но также историческими традициями и сложившимися социально-культурными практиками, то он не кажется «столь единым, унифицированным» (с. 209). К таким выводам пришли, в частности, авторы ряда опубликованных в последние годы трудов о советской повседневности, о причудливом симбиозе экономических и социальных характеристик исторических процессов и явлений советского периода⁵. Поэтому при рассмотрении режима воспитания детей Смирнова на основе архивных документов ГА РФ и РГАСПИ рассматривает совокупность разных его сторон — таких как финансирование, быт, медицинская помощь и др.

Ставя задачу понять, в какой степени режим воспитания зависел от Центра (Наркомпрос, Наркомздрав, в случае детей до трёх лет и проч.) и в какой формировался «усилиями местных властей, наиболее активных представителей общественности, руководства и сотрудников, а также самих воспитанников детских учреждений», автор рассматривает и последующие вопросы: «Был этот режим гибким

или жёстким?», «Контролировался Центром и/или общественностью?».

В этой главе представлен малоизученный и запутанный вопрос о финансировании закрытых детских учреждений. Например, показано, что нормативы на содержание ребёнка, разработанные в Наркомате просвещения, приходили в противоречие с нормативами Наркомата финансов, предлагавшего их уменьшение в полтора-два раза.

Автор представила архивные общероссийские и погубернские сведения о суточных нормах питания детей, сгруппированные в таблицах и ценном приложении «Статистические данные по губерниям о численности детдомовцев и их обеспеченности продовольствием, медицинским обслуживанием и предметами повседневного пользования» (с. 350—363). Эти материалы за 1921 и 1923 гг., собранные Деткомиссией ВЦИК, иллюстрируют на примерах с мест трагическую картину заболеваемости (дизентерия, педикулёз, туберкулёз, цинга), недоедания (например, из Вологодской губ. сообщали, что «рыба, мясо и овощи отсутствуют; в ассортименте только овсяный хлеб, картофель, крупа; продукты часто «недоброкачественные», приготовлены «плохо», хлеб не пропечённый), острой нехватки мебели, постельного белья, одежды и обуви (ходили босые). Детей редко мыли (1—3 раза в месяц), не имелось индивидуальных полотенец, в домах проживания отсутствовали уборные. В условиях послевоенной разрухи эти проблемы зачастую были нерешаемыми, а переполненность детских домов достигала 400%.

Хотя в 1930-х гг. положение улучшилось, местные исполнительные органы снижали финансирование и снабжение детских учреждений. Об этом сигнализировал (в секретных докладных записках на имя председа-

теля ВЦИК М.И. Калинина) председатель Деткомиссии Н.А. Семашко: «Несмотря на то что СНК РСФСР утверждён специальный бюджет для детдомов», он не выполняется, и «в результате дети остаются голодными, грязными, оборванными и наблюдаются массовое бегство ребят из детских домов и пополнение улиц беспризорными». Надо отметить, что этот введённый в научный оборот источник (секретные докладные записки) содержит интереснейшие сведения.

Но виноваты были не только местные органы, не дававшие достаточно денег. Выявлялись факты, когда работники некоторых детских домов равнодушно относились к несчастным детям — при наличии на складах одежды и постельного белья держали их в старой ветхой одежде, доводили бытовое содержание до ужасающего уровня. В ходе проверок 1930-х гг. обнаруживалось, что персонал воровал одежду, еду, занимался приписками (в случае, если дети умирали, смерть фиксировали не сразу, чтобы присвоить выделяемый паёк). Показаны конфликты, которые возникали в заведениях для трудновоспитуемых, где моральные качества воспитателей и воспитанников могли быть низкими с обеих сторон.

Анализ документации привёл автора к выводу, что в 1920-х гг. «в целом по Республике положение воспитанников детдомов оставалось крайне тяжёлым». Но и в этой ситуации часть детских домов смогла наладить хозяйство и за счёт самоотверженной работы педагогов создать вполне приличные условия (приведены примеры Кардымовского, Людиновского, Демидовского дошкольного, Гжатского дошкольного детских домов, а также еврейского детдома в Смоленске). Дети из этих воспитательных учреждений в дальнейшем выросли достойными людьми, многие смогли

получить высшее образование и профессии.

Глава пятая «Дети-сироты — “дети народа”»: Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в советской послереволюционной России» (с. 287—343) посвящена такому актуальному в последние годы аспекту помощи детям, как семейный патронат, который ранее существовал в 1920—1930-х гг., а также до 1917 г. в системе Воспитательных домов. С одной стороны, в 1918 г. на законодательном уровне оказалось запрещено усыновление (по объяснениям агитационно-пропагандистской литературы это якобы делалось с целью пресечения эксплуатации в крестьянских семьях, что вызывает большие сомнения, поскольку до 1917 г. существовала отлаженная система усыновления детей-питомцев из Воспитательного дома с последующим надзором за приёмными родителями со стороны полиции и сельских сходов, исключавшая притеснение детей, находившихся на патронате в семье). С другой — в 1926 г. институт усыновления был восстановлен.

Смирнова показывает, как на уровне лозунгов и пропаганды происходило столкновение принципов «государственной ответственности за будущие поколения» и обеспечения семейного попечения. В начале 1920-х гг. при закрытии существовавших до революции отделений воспитательных домов и детских приютов многие воспитанники насильно помещались в крестьянские семьи. Этот опыт оказался крайне неудачным. Анализ архивных материалов показал, что в тяжёлой экономической обстановке только 10—15% крестьян были согласны брать детей, которые попадали к ним без нормальной одежды, без всякого денежного и продуктового пособия от государства: «Крестьяне, едва сводившие концы с концами, в

подавляющем большинстве не хотели обременять себя лишним едоком. Но, поскольку в государственных детских учреждениях мест катастрофически не хватало, детей расселяли в крестьянских семьях, не спрашивая их желания» (с. 305). Из-за проявляемой к ним жестокости, голодного существования дети убегали из семей и нищенствовали. Приведены статистика и анализ причин беспризорности по материалам контролирующих органов, что вносит новую информацию в исследование этих социальных девиаций в 1920-е гг.

Показано, что попытки восстановления «ценностей семейного воспитания» посредством системы семейного патроната оказались успешными в тех регионах, где приёмные семьи поддерживались из местного бюджета. Например, «власти Самарской губернии стремились соблюдать принцип добровольности и своевременно выплачивать денежное пособие (25 руб. в месяц на подростка)», в результате, при фактическом воспроизведении дореволюционной системы кормиличного промысла, случаи отказа от детей или их бегства резко упали до 1,5—2% (с. 324). В целом, передача детей на патронат обеспечивала помощь численно незначительному количеству детей, но сам факт обращения советской власти к дореволюционному опыту представляется весьма интересным, это новая постановка вопроса в исследовательском плане.

В последние 20—25 лет тема истоков репрессивного характера советского режима не раз становилась предметом спекуляции журналистов и псевдоисториков. Отдельные факты, вырванные из контекста и не всегда достоверные, будоражили воображение массового читателя, создавая зачастую только информационный шум без осмысления содержания и логики

исторического процесса. До сих пор история двух послереволюционных десятилетий является болевой точкой общественных дискуссий. Поэтому взвешенный взгляд на события с оценкой позитивных и негативных социальных практик необходим.

Работа Т.М. Смирновой важна для формирования академического взгляда на трагические события 1920-х и 1930-х гг. Книга несомненно вносит большой вклад в разработку истории детства и советской истории, пользуется большим интересом и будет привлекать внимание профессионального и массового читателя в будущем.

Примечания

¹ См.: *Рябина Н.В.* Социальная политика государства по охране материнства и детства в период НЭПа (по материалам губерний Верхнего Поволжья). Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998; *Гедько М.И.* Государственная социальная политика в отношении детей: опыт и уроки 1920-х гг. (на материалах Москвы и Московской области). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Реутова А.Д.* Ликвидация массовой детской беспризорности в 1921—1935 годах: На материалах Верхневолжья. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004; *Лаврова И.А.* Борьба с беспризорностью на Урале в 1929—1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009.

² См.: *Водопьянова З.К.* Источники о политике советской власти в области охраны детства 1917—1920 гг. // Советские архивы. 1978. № 3. С. 75—79; *Жукова Л.А.* Ликвидация детской беспризорности в СССР // Советское здравоохранение. 1985. № 7. С. 61—64; *Нечаева А.М.* Охрана детства в СССР. М., 1987; *Красовицкая Т.Ю.* Идеи Н.К. Крупской и их роль в истории большевистского эксперимента // Новый исторический вестник. 2002. № 1. С. 4—29; *Журавлёв С.В., Соколов А.К.* «Счастливое детство» // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 159—204; *Щербинин П.П.* «Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года. Тамбов, 2018.

³ ПСЗ-III. Т. 33. Отд. II. Пг., 1916. № 39446.

⁴ См.: *Колганова Е.В.* Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX — начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012; *Ульянова Г.Н.* Призрение, благотворительность и социальное обеспечение в 1917—1918 гг. в политике Временного правительства и Совнаркома // Великая Российская революция 1917 года: 100 лет изучения. Мате-

риалы международной научной конференции (9—11 октября 2017 года). М., 2017. С. 487—496.

⁵ См., например: *Кондратьева Т.С.* Введение // Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. М., 2009. С. 10—22; *Журавлёв С.В.* Режимность в эпоху смены режимов (на примере ОАО «АвтоВАЗ») // Режимные люди в СССР. С. 184—214; *Кон-*

дратьева Т.С. Материально ответственные лица при режиме социалистической собственности // Режимные люди в СССР. С. 128—144; *Иванова Г.М.* О люди, люди с номерами, вы были люди, не рабы // Режимные люди в СССР. С. 165—183; *Костырченко Г.В.* Дамоклов меч «пятого пункта» // Режимные люди в СССР. С. 217—242.

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2020 г.

Мнение историка

В.П. Булдаков. **Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды.** № 2.

Соловьёв К.А. — Политик рубежа столетий: в поисках самоидентификации. № 2.

Зверев В.В. — Ленин: социализм, народники и мировая революция. № 2.

Измозик В.С. (Санкт-Петербург) — «Но долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново». № 2.

Логинов В.Т. — Забвение исторической реальности связано с избыточной политизацией прошлого. № 2.

Волобуев О.В. — В.И. Ленин в оценках современников — участников революционного движения: 1924 год. № 2.

Диалог о книге

Государев двор Михаила Фёдоровича Романова: политическая элита Московского государства в отражении просопографии. № 4.

Аракчеев В.А. — Образцовое просопографическое исследование истории сотен родов, воссоздавших Российское государство

Беляков А.В. — «Восточный след» в Государеве дворе первой половины XVII в.

Виноградов А.В. — Думные и комнатные люди царя Михаила Романова в дипломатических «ссылках» Российского государства с Крымским ханством

Акишин М.О. (Санкт-Петербург) — Фундаментальное исследование, открывающее новые аспекты познания взаимоотношений самодержца с думными и комнатными людьми

Седов П.В. (Санкт-Петербург) — Научный труд, способный породить новые книги

Лисейцев Д.В. — Долгожданный подарок специалистам по истории России XVII в.

С.С. Войтиков. **Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва. 1898—1964 гг.** № 5.

Куреньшев А.А. — О Ленине, партии и её «несокрушимом единстве»

Зеленов М.В. — Война и мир Сергея Войтикова

Моруков М.Ю. — Новые «Опыты» по истории коммунистического движения в России и СССР

Круглов В.Н. — Узкие места «широкой картины»

Капчинский О.И. — Большевистское руководство 1917—1920-х гг. в новой книге С.С. Войтикова

Г.М. Иванова. **Советская школа в 1950—1960-е годы.** № 6.

Красовицкая Т.Ю. — Книга о лучшем периоде деятельности школы

Смирнова Т.М. — История общества сквозь призму истории школьной повседневности

Кириллюк Д.В. (Сургут) — Советская школа в фокусе повседневной истории

Тихонов В.В. — Идущие вслед исследователи не смогут обойти эту книгу

Круглов В.Н. — Испытание школой

Статьи

Айбабина Е.А., Ломакин Д.А. (Симферополь) — О возможности существования раннесредневековой базилики на городище Чуфут-Кале: историографический аспект. № 1.

Алмазов М.Г. — Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве. № 1.

Амброзьяк Т. (Екатеринбург) — Характер Люблинской унии и польско-литовской Речи Посполитой в оценке Ивана Ивановича Лаппо. № 4.

Андреев Д.А. — «Дело» П.Д. Ахлестышева и борьба в правительственных верхах в начале царствования Николая II. № 1.

Анисимов М.Ю. — Роль России в европейской системе международных отношений при Елизавете Петровне. № 6.

Аракчеев В.А. — Земцы: эволюция социального статуса и отношений собственности в XV—XVI вв. № 4.

- Беглов А.Л.** — Реформа духовного образования 1808 г. и закрепощение православных приходов в Российской империи. № 2.
- Беляев Л.А.** — Северо-Восточная Русь в середине XIII — второй половине XIV в.: археологические данные. № 4.
- Беляков А.В.** — «Потерянный» источник: Титулярник 1577 г. № 6.
- Берман А.Г.** (Чебоксары) — Антицерковная кампания в начале 1960-х гг. в Чувашии. № 3.
- Боровой В.С.** (Дублин, Ирландия) — Деятельность треста «Арктикуголь» на Шпицбергене в условиях краткосрочного планирования и экстремального климата, 1934—1941 гг. № 5.
- Бочарова З.С., Корнеева Д.С.** — Деятельность Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике в 1920-х гг. № 1.
- Будницкий О.В.** — Московское народное ополчение: причины и особенности создания. № 3.
- Быстрова И.В.** — «Моя поездка в Россию»: визит Клементины Черчилль в СССР весной 1945 г. № 3.
- Вандалковская М.Г.** — История исторической науки в творчестве А.И. Клибанова. № 4.
- Вершинин А.А.** — У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б.М. Симонова во Франции (1932—1933 гг.). № 3.
- Воейков Е.В.** (Пенза) — Руководящие кадры лесной промышленности в период предвоенной индустриализации. № 5.
- Гайда Ф.А.** — «Кабинет» князя Н.Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916—1917 гг. № 1.
- Голиков К.А.** — К истории становления научной ботанической школы Московского университета (1804—1863). № 1.
- Горская Н.И.** (Смоленск) — Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830—1850-х гг. в Смоленской губернии. № 1.
- Горский А.А.** — Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского. № 4.
- Гурьев Е.П.** (Санкт-Петербург) — Организация взаимодействия с союзниками в рамках северных конвоев в годы Второй мировой войны. № 3.
- Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М.** — Русско-турецкая война 1686—1700 гг. № 6.
- Друзин М.В.** (Санкт-Петербург) — Е.В. Богданович: общественный деятель пореформенного времени. № 1.
- Ерусалимский К.Ю.** — Польско-литовская демократия глазами московской шляхты XVI — середины XVII в. № 4.
- Жуков Ю.Н.** — Переход от «военного коммунизма» к нэпу — ради крестьян или рабочих? № 2.
- Зезина М.Р., Кознова И.Е.** (Москва), **Рыженко В.Г.** (Омск) — К столетию Валерии Михайловны Селунской (1920—2020). № 5.
- Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И.** — Профессионализация советского спорта в условиях холодной войны (1946—1959). № 1.
- Иванов А.Е.** — Отдача студентов в солдаты в 1899—1901 гг. № 6.
- Кан Г.С.** — «Народная воля» в историографии последних лет. № 2.
- Керов В.В.** — Старообрядчество и Учредительное собрание в 1917—1918 гг. № 2.
- Колесникова Е.А., Талина Г.В.** — Российская государственность: территория и власть в XVII в.: современные историографические и источниковедческие аспекты. № 1.
- Колосовская Т.А.** (Ставрополь) — «Изучая край с точки зрения военной»: российские офицеры и интеллектуальное освоение Северного Кавказа времён Кавказской войны. № 3.
- Комзолова А.А.** — Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае. № 2.
- Кондрашин В.В.** — О телеграммах В.И. Ленина в Пензу в связи с крестьянским восстанием в селе Кучки. № 2.
- Кондрашин В.В.** — Памяти Николая Алексеевича Ивницкого — летописца трагедии советской деревни. № 5.
- Копелев Д.Н.** (Санкт-Петербург) — Проекты организации первой русской антарктической экспедиции 1819—1821 гг. № 6.
- Кортаев В.И.** — Документы РГВА об акциях сопротивления «восточных рабочих» в Третьем рейхе. № 3.
- Кострюков А.А.** — Предоставление автокефалии Православной Церкви в Аме-

- рике и московско-константинопольские отношения. № 3.
- Котов А.Э.** (Санкт-Петербург) — «Ненадёжный друг»: А.С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в. № 1.
- Кривопапов А.А.** — Полковник Г.С. Иссерсон и его записка «О причинах и закономерностях военных событий июня 1941 года». № 3.
- Кучкин В.А.** — Завоевание Руси Батыем. № 4.
- Лисейцев Д.В.** — Почему Земский собор — не парламент? № 4.
- Лукин П.В.** — «Весь Новгород»: к вопросу о происхождении и содержании понятия. № 4.
- Мазырин А.В.** — Кризис взаимоотношений Русской и Константинопольской церквей в середине 1920-х гг. и советская внешняя политика. № 3.
- Мамонов А.В.** — Граф М.Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей. № 1.
- Мамонов А.В.** — Вторая профессия. № 5.
- Манин В.А.** (Сургут) — Реформа горнозаводской промышленности Российской империи в начале XIX в.: особенности правового оформления и институционального обеспечения. № 5.
- Медоваров М.В.** (Нижний Новгород) — Экономическое развитие России на рубеже 1880—1890-х гг. в освещении журнала «Русское обозрение». № 5.
- Микуленок А.А.** (Краснодар) — Деятельность Союза русских военных инвалидов в Чехословацкой Республике в 1920-х гг. № 1.
- Морозов К.Н.** — «Я имел связь с группой террористов»: проблема причастности Б.В. Савинкова к покушению на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. № 2.
- Морозова А.Ю.** — Философская полемика В.И. Ленина и А.А. Богданова в контексте внутрипартийной борьбы в РСДРП. № 2.
- Муханов В.М.** — Н.С. Киняпина — исследователь и педагог (к 100-летию со дня рождения). № 6.
- Мухин М.Ю.** — Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? № 5.
- Николаев М.Г.** — Госбанк СССР в 1927—1929 гг.: курс на «оздоровление» кадров накануне полномасштабной «чистки» советского госаппарата. № 5.
- Панькина М.А.** — Как искали Сергея Дегаева. № 2.
- Петров И.В.** (Санкт-Петербург) — Духовенство, верующие и власть на освобождённой от нацистов территории СССР в 1944—1946 гг. № 3.
- Петрова М.А.** — Дипломатическая миссия России при Постоянном рейхстаге в Регенсбурге в царствование Екатерины II. № 6.
- Петрова Н.А.** (Санкт-Петербург) — К вопросу о датировке Болотовского договора. № 4.
- Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В.** — «Штатов — изобилье, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. № 3.
- Плех О.А.** — Численность провинциальных служащих в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии). № 1.
- Подолинский В.А.** (Минск, Беларусь) — «И выступил с речью довольно искренней и горестной»: индивидуальное измерение Люблинского сейма 1569 г. № 4.
- Прищепа А.И.** (Сургут) — Формирование промышленной базы строительства в Ханты-Мансийском национальном округе в 1960-х гг. № 5.
- Пученков А.С.** (Санкт-Петербург) — Саммит в Рейкьявике 1986 г.: прорыв или провал? № 6.
- Рублев Д.И.** — Анархисты о политической деятельности В.И. Ленина в эпоху Великой российской революции. № 2.
- Рыбачёнок И.С.** — Реформирование российского МИД в 1802—1914 гг.: основные этапы, тенденции и результаты. № 6.
- Самыловская Е.А.** (Санкт-Петербург) — Рижские католики и протестанты в середине XVIII в. № 4.
- Селин А.А., Яблокова И.В.** (Санкт-Петербург) — Местное судопроизводство и правоприменение в Новгороде Великом конца XVI — начала XVII в. № 4.
- Слесорюнас Г.** (Вильнюс, Литва) — Проблемные вопросы современных исследований Люблинской унии и её последствий с точки зрения литовской историографии. № 4.
- Согрин В.В.** — «Публичная история» и профессиональная историография. № 2.
- Старков А.В.** — Советская юстиция в период Великой Отечественной войны: историография вопроса. № 3.

- Степанов В.Л.** — Правительственные меры по возрождению бакинских нефтепромыслов в 1905—1907 гг. № 5.
- Токарева Е.С.** — Эдмунд Уолш, планы Ватикана и российская действительность 1922—1923 гг. № 4.
- Томилин А.Р.** — Русские военные агенты в Лондоне и методы их работы в 1875—1885 гг. № 6.
- Фельдман М.А.** (Екатеринбург) — «Прения должны быть гильотинированы»: съезды советов госпланов СССР и проблема выбора пути развития. № 5.
- Феофанов А.М.** — Крупные помещики Российской империи второй половины XVIII в. № 5.
- Хлевнюк О.В.** — Финансируя войну. Формирование государственного бюджета СССР в 1941—1945 гг. № 3.
- Хормач И.А.** — Формирование внешней политики Советского государства в 1917—1939 гг. № 6.
- Христофоров И.А.** — С.В. Тютюкин и журнал «Отечественная история». № 5.
- Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю.** — К 200-летию археологического исследования Старой Рязани. № 4.
- Черниловский А.А.** (Карачев) — Потенциальные противники и союзники России на страницах журнала «Разведчик» на рубеже XIX—XX вв. № 3.
- Шумкин Г.Н.** (Екатеринбург) — Государственное горнозаводское хозяйство Урала середины 1850-х — начала 1870-х гг.: динамика производства и причины приватизации. № 5.
- Шурыгина О.С.** — Сталинские премии архитектора И.В. Жолтовского (1940—1953). № 1.
- Обзоры и рецензии**
- Андреев Д.А.** — Д.Н. Любимов как мемуарист и историк. № 4.
- Белоусова О.В.** — Великокняжеское детство: воспитание и образование царских сыновей в XIX в. № 4.
- Бирюкова Ю.А., Тер-Аракельянц В.А.** (Ростов-на-Дону) — Церковная жизнь на среднем Дону в 1917—1930 гг. № 3.
- Благодер Ю.Г.** (Краснодар) — «Известия Восточного института» (начало XX века): из фондов библиотек Владивостока. Библиографический указатель. № 2.
- Богомолов И.К.** — В.Б. Аксёнов. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914—1918). № 6.
- Воронин В.Е.** — Дневники великого князя Константина Николаевича 1858—1864 гг. № 2.
- Гайда Ф.А.** — В.Н. Шаховской. Так проходит мирская слава. 1893—1917. № 5.
- Глазьев В.Н.** (Воронеж) — А.П. Синелобов. Персональный состав городских приказчиков и губных старост Московского государства XVI—XVII вв. № 4.
- Голдин В.И.** (Архангельск) — Критическая история одного проекта о Гражданской войне. № 6.
- Давидсон А.Б.** — Кто такие миллениалы, чем они отличаются от предыдущих поколений. № 3.
- Дурновцев В.И.** — Э.Г. Истомина. Леса России: экологическая и социально-экономическая история (XVIII — начало XX в.). № 5.
- Ерусалимский К.Ю., Полевых С.В.** — Новое издание московско-литовских договоров середины XV — середины XVI в.: замысел и его реализация. № 6.
- Запальский Г.М.** — Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917—1918 г. Сборник документов. № 3.
- Иванова А.Н.** — Молодые годы Михаила Каткова. № 2.
- Кабирова А.Ш.** (Казань), **Храмкова Е.Л.** (Самара) — М.С. Зинич. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. № 3.
- Кириянов И.К.** (Пермь) — Дуэль в парламентской истории позднеимперской России. № 4.
- Киселева Е.Л.** — От осмысления системы к реконструкции отдельной судьбы: о книге Р. Отто и Р. Келлера «Советские военнопленные в системе концлагерей». № 3.
- Ковалёв М.В., Тихонов В.В.** — «Вы являетесь редким украшением мира академиком». № 1.
- Котов А.Э.** (Санкт-Петербург) — На какой почве Катков стал «московским громовержцем»? № 2.
- Кузьминых А.Л.** (Вологда) — Заметки о войне на уничтожение. Восточный

- фронт 1941—1942 гг. в записях генерала Хейнрици. № 3.
- Куренков Г.А.** — Новая книга по истории Московского комсомола. № 2.
- Леонов С.В.** — Конфессиональная политика Временного правительства России. № 3.
- Леонтьев Я.В.** — Войной и революцией «взвихрённая Русь». № 1.
- Маслюженко Д.Н.** (Курган) — А.В. Беляков. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. № 1.
- Матасова Т.А.** — Становление и развитие итальянской русистики в XX в. как научная проблема. № 2.
- Мауль В.Я.** (Тюмень) — Новая книга о том, как в середине XVII в. Московское царство сделалось самодержавием. № 4.
- Мелентьев Ф.И.** — Политическое воспитание Александра III. № 2.
- Минаков А.С.** — «Вы знаете по почерку, кто Вам пишет» (об издании писем кн. В.П. Мещерского к Александру III). № 2.
- Мининков Н.А.** (Ростов-на-Дону) — В.Н. Глазьев. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI — XVII вв. № 4.
- Морохин А.В.** (Нижний Новгород) — Арзамасский уезд в XVII в. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи: сборник документов. В 2 ч. № 4.
- Николаев Д.А.** (Нижний Новгород) — «По обстоятельствам военного времени...» (Нижегородская губерния в 1914 — начале 1918 г.): сборник документов. В 2 ч. № 1.
- Никонов С.А.** (Мурманск) — М.М. Дадыкина, А.В. Крайковский, Ю.А. Лайус. Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII — нач. XIX в. Исследования. Документы. № 5.
- Петров И.В.** (Санкт-Петербург) — Точка или многоточие? Новая книга о судьбе епископа Прибалтики митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского). № 3.
- Подрепный Е.И.** (Нижний Новгород) — М.Ю. Мухин. Поколение «0». Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области реактивной авиации в СССР в годы Великой Отечественной войны. № 5.
- Пученков А.С.** (Санкт-Петербург) — Палачи из польских Травников. № 3.
- Пушкарёва И.М.** — В.П. Козлов. «Убрать в историю...»: Крестьянский род и поселение Тульского края в XVI—XX веках». Ч. 1. Конец XVI в. — 1917 г. № 6.
- Репников А.В.** — Гражданская война в России в фотографиях и кинохронике. 1917—1922: альбом. № 1.
- Ростовцев Е.А.** (Санкт-Петербург) — Д.Д. Гримм. Воспоминания. Из жизни Государственного совета 1907—1917 гг. № 1.
- Сперанский А.В.** (Екатеринбург) — Горнозаводской Урал в преддверии российских революций начала XX в. № 5.
- Сулаев И.Х.** (Махачкала) — Деникинская «автономия» в Дагестане. 1919—1920 гг. Исследования и материалы. № 6.
- Тихонов В.В.** — «В великую книгу об истории нашей родины Б.Д. Греков вписал немало ярких страниц». № 4.
- Ульянова Г.Н.** — Т.М. Смирнова. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1940 гг. № 6.
- Хатанзейская Е.В.** (Архангельск) — Освобождение Северной Норвегии. № 3.
- Хисамутдинова Р.Р.** (Оренбург) — Восстановление сельского хозяйства Беларуси: 1943—1945: документы и материалы. № 3.
- Черноперов В.Л., Усманов С.М.** (Иваново) — Утраченное наследие российской аграрной науки. № 5.
- Чжуан Шици** (Пекин, КНР) — С. Miller. The struggle to save the Soviet economy: Mikhail Gorbachev and the collapse of the USSR. № 5.
- Шевырёв А.П.** — Многогранный талант историка: Памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина. № 2.
- Штырбул А.А.** (Омск) — Новейшее исследование о российском анархизме. № 3.
- Pro memoria**
С.В. Тютюкин (1935—2019). № 1.

Наши авторы

Анисимов Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Беляков Андрей Васильевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск)

Гуськов Андрей Геннадьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Ерусалимский Константин Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета

Иванов Анатолий Евгеньевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Кириллок Денис Валериевич, кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета

Копелев Дмитрий Николаевич, доктор исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Кочегаров Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Красовицкая Тамара Юсуфовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Круглов Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Муханов Вадим Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Московского государственного института международных отношений МИД России

Петрова Мария Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Полехов Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Пушкарёва Ирина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Института российской истории РАН

Рыбачёнок Ирина Сергеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Смирнова Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Сулаев Иманутдин Хабибович, доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного университета (Махачкала)

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Томилин Александр Русланович, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ульянова Галина Николаевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Хормач Ирина Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Шамин Степан Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории внешней политики Советского Союза

<i>И.А. Хормач</i> Формирование внешней политики Советского государства в 1917—1939 гг.	3
<i>А.С. Пученков</i> Саммит в Рейкьявике 1986 г.: прорыв или провал?	17

Россия и мир

<i>А.Г. Гуськов, К.А. Кочегаров, С.М. Шамин</i> Русско-турецкая война 1686—1700 гг.	30
<i>М.Ю. Анисимов</i> Роль России в европейской системе международных отношений при Елизавете Петровне	50
<i>М.А. Петрова</i> Дипломатическая миссия России при Постоянном рейхстаге в Регенсбурге в царствование Екатерины II	63
<i>Д.Н. Копелев</i> Проекты организации первой русской антарктической экспедиции 1819—1821 гг.	77

Институты и общности

<i>И.С. Рыбачёнок</i> Реформирование российского МИД в 1802—1914 гг.: основные этапы, тенденции и результаты	90
<i>А.Р. Томилин</i> Русские военные агенты в Лондоне и методы их работы в 1875—1885 гг.	111

Профессия и сообщество

<i>В.М. Муханов</i> Н.С. Киняпина — исследователь и педагог (к 100-летию со дня рождения)	121
--	-----

Историк и источник

<i>А.В. Беляков</i> «Потерянный» источник: Титулярник 1577 г.	131
--	-----

История власти

<i>А.Е. Иванов</i> Отдача студентов в солдаты в 1899—1901 гг.	143
--	-----

Диалог о книге

Г.М. Иванова. Советская школа в 1950—1960-е годы	156
<i>Т.Ю. Красовицкая: Книга о лучшем периоде деятельности школы</i>	156
<i>Т.М. Смирнова: История общества сквозь призму истории школьной повседневности</i>	161
<i>Д.В. Кирилюк: Советская школа в фокусе повседневной истории</i>	166
<i>В.В. Тихонов: Идущие вслед исследователи не смогут обойти эту книгу</i>	171
<i>В.Н. Круглов: Испытание школой</i>	174

Обзоры и рецензии

<i>К.Ю. Ерусалимский, С.В. Полехов</i> — Новое издание московско-литовских договоров середины XV — середины XVI в.: замысел и его реализация	180
<i>И.М. Пушкарёва</i> — В.П. Козлов. «Убратъ в историю...»: Крестьянский род и поселение Тульского края в XVI—XX веках. Ч. 1. Конец XVI в. — 1917 г.	186
<i>И.К. Богомолов</i> — В.Б. Аксёнов. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914—1918)	191
<i>И.Х. Сулаев</i> — Деникинская «автономия» в Дагестане. 1919—1920 гг. Исследования и материалы	197
<i>В.И. Голдин</i> — Критическая история одного проекта о Гражданской войне	200
<i>Г.Н. Ульянова</i> — Т.М. Смирнова. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1940 гг.	204
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2020 г.	213
Наши авторы	218

CONTENTS

History of the Soviet Union's foreign policy

- I.A. Khormach (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Development of the foreign policy of the Soviet state 1917—1939 3
- A.S. Puchenkov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)*
The Reykjavik summit: success or failure? 17

Russia and the world

- A.G. Guskov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow),
K.A. Kochegarov (Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow),
S.M. Shamin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Russian-Turkish War 1686—1700 30
- M.Yu. Anisimov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Role of Russia in the European system of the international relations during Elizabeth
Petrovna's reign 50
- M.A. Petrova (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The Russian diplomatic mission at the Perpetual Diet in Regensburg during the reign
of Catherine II 63
- D.N. Kopelev (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)*
Projects of the first Russian Antarctic expedition of 1819—1821 77

Institutes and communities

- I.S. Rybachenok (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Reforms of the Russian Ministry of Foreign Affairs (1802—1914): milestones, trends
and results 90
- A.R. Tomilin (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
Russian military agents in London and their working methods (1875—1885) 111

Professional community

- V.M. Mukhanov (Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Russia)*
N.S. Kinyapina — the researcher and the teacher (to the 100th anniversary of the birth). 121

Source studies

- A.V. Belyakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The «Lost» source: Titular book of 1577 131

History of power

- A.E. Ivanov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Students' conscription to the Army (1899—1901) 143

Discussing recent books

G.M. Ivanova. Soviet school in the 1950s—1960s	156
<i>T.Yu. Krasovitskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): A book about the Soviet school's best years</i>	156
<i>T.M. Smirnova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Soviet society through the prism of the school's everyday history</i>	161
<i>D.V. Kirilyuk (Surgut State University, Russia): Focusing on everyday history of the Soviet school</i>	166
<i>V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Future researchers will have to consider this book</i>	171
<i>V.N. Kruglov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Expe- rience of Soviet school</i>	174

Reviews

<i>K.Yu. Jerusalimsky (Russian State University for the Humanities, Moscow), S.V. Polekhov (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Russian State University for the Humanities, Moscow)</i> New edition of the Moscow-Lithuanian treaties of the mid-15 th — mid-16 th centuries: concept and its implementation	180
<i>I.M. Pushkareva (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Rec. ad op.: V.P. Kozlov. «Ubrat' v istoriyu...»: Krest'yanskiy rod i poseleniye Tul'skogo kraja v XVI—XX vekah. Ch. 1. Konets XVI v. — 1917 g.	186
<i>I.K. Bogomolov (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Rec. ad op.: V.B. Aksenov. Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914—1918)	191
<i>I.Kh. Sulaev (Dagestan State University, Makhachkala, Russia)</i> Rec. ad op.: Denikinskaya «avtonomiya» v Dagestane. 1919—1920 gg. Issledovaniya i materialy	197
<i>V.I. Goldin (Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia)</i> A critical history of a project about the Civil war	200
<i>G.N. Ulianova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Rec. ad op.: T.M. Smirnova. Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoi politiki k realiyam povsednevnoi zhizni. 1917—1940 gg.	204
Index of materials published in the journal in 2020	213
Contributors to this issue	218

РЕДАКЦИЯ

Добычина Е.В., к.и.н.	
Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор
Мац А.Г.	— Младший редактор

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей
в журналы Российской академии наук
воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье, а также оставить комментарий редактору;
- 3) статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.



КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации



ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА



СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА



По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru



БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология



МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций



АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН



ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.



ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.



МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.



УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.



СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).